

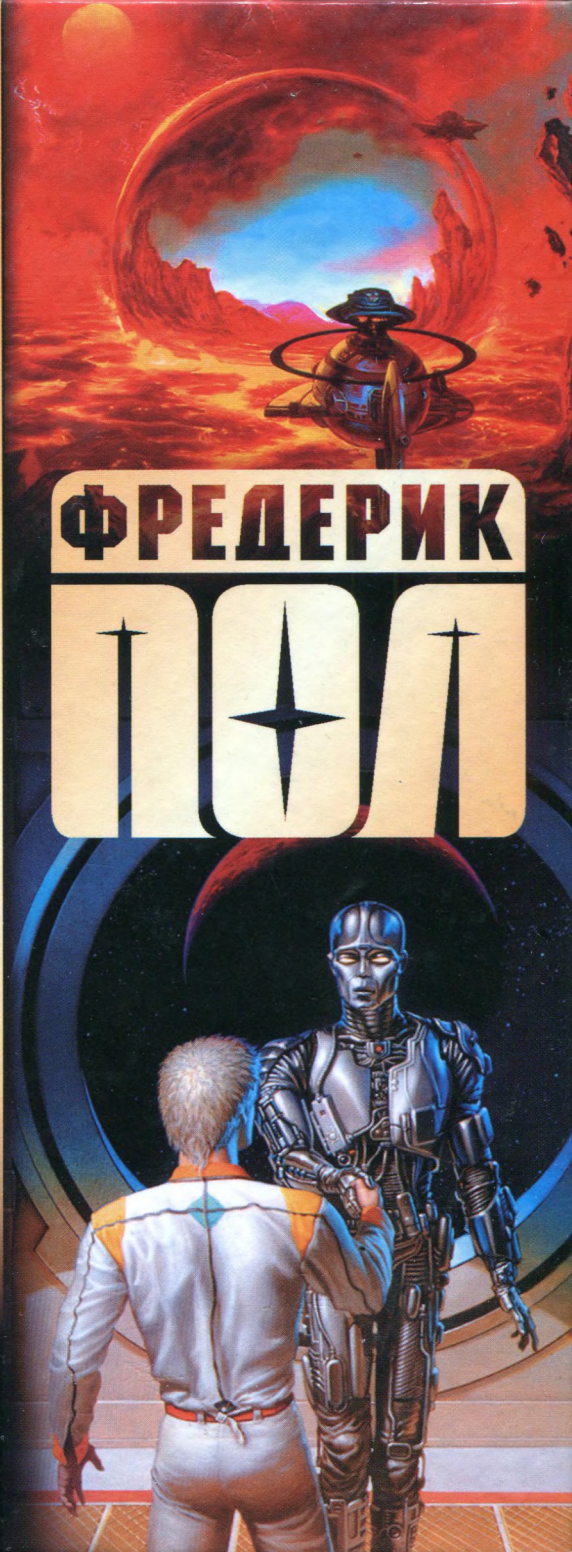
**ЧЕЛОВЕК ПЛЮС
МАРС ПЛЮС**

**ФРЕДЕРИК
ПОЛ**



**ЧЕЛОВЕК ПЛЮС
МАРС ПЛЮС**

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ



**ФРЕДЕРИК
ПОЛ**

**ЗОЛОТАЯ
БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ**

FREDERIK
POHL

MAN PLUS
MARS PLUS

ФРЕДЕРИК
ПОЛ

ЧЕЛОВЕК ПЛЮС
МАРС ПЛЮС

ас+
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2003

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Coe)-44
П49

Серия основана в 1999 году

Frederik Pohl
MAN PLUS
1976

Frederik Pohl
Thomas T. Thomas
MARS PLUS
1994

*Перевод с английского С. Самуйлова («Человек Плюс»),
Н. Данюшиной и С. Самуйлова («Марс Плюс»)*

Серийное оформление А. Кудрявцева

Печатается с разрешения литературных агентств
Curtis Brown Ltd. и Synopsis («Человек Плюс»)
и издательства Baen Books и литературного агентства
Александра Корженевского («Марс Плюс»).

Подписано в печать 21.02.2003. Формат 84×108 1/32.
Усл. печ. л. 31,92. Тираж 9000 экз. Заказ № 462.

Пол Ф.

П49 Человек Плюс. Марс Плюс: Романы: Пер. с англ. / Ф. Пол. —
М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 603, [5] с. — (Золотая
библиотека фантастики).

ISBN 5-17-018224-4

Перед вами — знаменитая дилогия Фредерика Пола «Человек Плюс.
Марс Плюс», первый роман которой был удостоен премии «Небьюла».

История колонизации Марса, выполняемой при помощи
«киборгизации» добровольцев — потому что таков единственный способ
«приспособить» новых обитателей Марса под условия жизни на «красной
планете».

История тех, кто обязаны ОСТАВАТЬСЯ ЛЮДЬМИ — даже если по
сути ЛЮДЬМИ уже не являются!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Coe)-44

© Frederik Pohl, 1976
© Frederik Pohl, Thomas T. Thomas, 1994
© Перевод С. Самуйлов, 2003
© Перевод Н. Данюшина, С. Самуйлов, 2003
© ООО «Издательство АСТ», 2003

Фредерик Пол
ЧЕЛОВЕК ПЛЮС

Глава 1

АСТРОНАВТ И ЕГО МИР

Без рассказа о Роджере Торвее не обойтись. Конечно, когда на планете насчитывается восемь миллиардов человеческих существ, один человек, как может показаться, не так уж и важен. Не более важен, к примеру, чем какой-нибудь микрочип в памяти компьютера. Но и один-единственный микрочип может приобрести определяющее значение, если содержит жизненно важную информацию. Именно в таком смысле был важен и Торвей.

Это был симпатичный по человеческим меркам мужчина. К тому же знаменитый. Был... Когда-то...

Однажды Роджер Торвей вместе с пятью другими астронавтами на протяжении двух месяцев и трех недель провисел в небе. К концу этого срока все стали раздражительными, всем все надоело, и все мечтали хотя бы о душе. Но прославился он не тогда. Тогда они просто попали в новости, удостоились двух фраз в вечернем выпуске, когда и рассказать-то было больше не о чем.

И все же он прославился. Его имя узнали в Бечуаленде, Белуджистане и Буффало. «Тайм» поместил его на обложку. Правда, славу он разделил с остальными членами экипажа орбитальной станции, потому что

именно им выпала удача спасти русских, вернувшихся на Землю без маневровых двигателей.

Они стали знаменитостями за одну ночь. Когда это произошло, Торвею было двадцать восемь лет, и он только что женился на зеленоглазой, черноволосой преподавательнице, обучавшей желающих керамической скульптуре. Дорри, оставшаяся на Земле, — вот чего ему так не хватало на орбите. А вот сама Дорри прославилась как раз благодаря тому, что ее муж летал на станции. Ей это очень понравилось. То есть понравилось быть в центре внимания.

Для того чтобы жена астронавта удостоилась чести попасть в новости, ей нужно быть особенной, чем-то выделяться. Жен астронавтов было так много. И все они так походили одна на другую. Телевизионщики даже считали, что НАСА отбирает подруг для астронавтов из числа участниц конкурса на звание Мисс Джорджия.

У всех был такой вид, будто, сменив купальные костюмы на более привычные, они тут же начнут демонстрировать вам умение размахивать дирижерской палочкой или декламировать стихи. На этом общем фоне Дорри Торвей слегка выделялась интеллектуальным выражением лица, хотя, конечно, это ничуть не умаляло ее внешней привлекательности. Из всех жен астронавтов лишь она попала в «Домашний журнал леди» («Двенадцать Рождественских Подарков, Которые Можно Испечь Дома») и «Миссис» («Дети Испортили Бы Мой Брак»).

Роджер не возражал против отсутствия детей. Он вообще поддерживал свою жену во всем, потому что был от нее без ума.

В этом отношении Роджер немного отличался от коллег, которые с легкостью и выгодой для себя пользовались своим особым статусом для завоевания внимания прекрасного пола. В других отношениях он был таким же. Умный, здоровый, красивый, общительный, хорошо подготовленный в техническом плане.

Какое-то время телевизионщики полагали даже, что астронавтов собирают на некоем засекреченном конвейере. Модели варьировались: одни были пониже, другие выше ростом, но разница не превышала двадцати сантиметров. Одни были постарше, другие помоложе, но крайние показатели отличались не более чем на десяток лет. Имелись четыре цветовые гаммы — от молочно-шоколадных красавцев до белокурых викингс. В перечень их увлечений входили шахматы, плавание, охота, авиаспорт, прыжки с парашютом, рыбалка и гольф. Они легко общались с сенаторами и послами и мало чем отличались от них. Уходя в отставку, астронавты без труда находили работу в аэрокосмических компаниях или становились лицом тех фирм, которым срочно требовался новый публичный имидж. За это им очень хорошо платили. Астронавты — дорогой продукт. Их ценили не только средства массовой информации. Мы тоже ставили их очень высоко.

Астронавты воплощали собой мечту. Ту мечту, которая бесценна для «человека с улицы», особенно если это грязная, вонючая улица где-нибудь в Калькутте, где целые семьи спят на тротуарах, а проснувшись на рассвете, спешат занять очередь за бесплатной чашкой похлебки. Жестокому, суровому и мрачному миру космос добавлял немного красоты и приятного волнения. Немного, но все же лучше, чем ничего.

Жили астронавты небольшим сообществом в окрестностях городка Тонки, что в Оклахоме, и напоминали бейсбольные семьи. После первого полета мужчина переходил в более высокую лигу. С этого момента его окружали соперники и товарищи по команде. Они соперничали друг с другом и поучали друг друга. Такая двойственность характерна для профессионального атлета. Как спортсмен, попавший на скамейку запасных, но не желающий признавать, что его время прошло, с сердитой завистью и неприязнью наблюдает за удачливой мальчишкой, заняв-

шим его место, так и дублер, оставшийся на Земле, смотрит на Первого, с улыбкой влетающего в скафандр, чтобы отправиться на далекую планету.

Родж и Дорри прекрасно вписались в это сообщество и легко нашли себе друзей. Пусть они и отличались чем-то от других, привлекая внимание своей неординарностью, но при этом отличались не настолько, чтобы вызывать беспокойство у соседей.

Если Дорри не хотела детей, то это никак не мешало ей быть милой с детьми других жен. Когда Вик Самуэльсон оказался по ту сторону Солнца и на пять дней потерял радиоконтакт, а у его супруги начались преждевременные схватки, Дорри взяла их троих малышей к себе домой. Самому старшему не было и пяти, а двое еще не вылезли из подгузников. Тем не менее Дорри заботилась о них и не жаловалась, зная, что другие женщины заботятся о доме Верны и о ней самой. На рождественских вечеринках Родж и Дорри никогда не были самыми пьяными и никогда не уходили первыми. Они считались прекрасной парой.

Они жили в прекрасном мире. В этом им повезло. Остальной мир не был таким прекрасным. Мелкие войны то и дело вспыхивали то в Азии, то в Африке, то в Латинской Америке. Западную Европу иногда поражали забастовки, там часто чего-то не хватало, а с приходом зимы многие обычно мерзли. Люди голодали, многих переполняла злость, и лишь в нескольких больших городах граждане отваживались на ночную прогулку. Но в Тонке астронавты чувствовали себя в безопасности. Они (а также космонавты и синонавты) летали на Меркурий и Марс, на Луну, проплывали в шлейфе комет и висели на орбите газовых гигантов.

Сам Торвей совершил пять крупных экспедиций. Сначала он посетил на шаттле только что размороженную после длительной консервации космическую лаборато-

рию. Потом провел восемьдесят один день на космической станции второго поколения. Именно тогда он достиг зенита славы и попал на обложку «Тайм». Русские отправили пилотируемый корабль на Меркурий. Он долетел, опустился и взлетел, чтобы вернуться на Землю. До этого момента все шло хорошо. Но потом все пошло наперекосяк. У русских всегда возникали проблемы со стабилизаторами — будучи не в состоянии остановить вращение, космонавты порой заблеивали всю кабину.

На этот раз история повторилась, и им пришлось пустить в ход резервные двигатели корректировки положения. Русским удалось выйти на эллиптическую орбиту вокруг Земли, но возможности покинуть ее у них уже не было. Как, впрочем, и уверенности в способности остаться на этой орбите. Почти не контролируя движение корабля, они неизбежно вошли бы в плотные слои атмосферы и почти наверняка заживо сгорели бы.

К счастью, на орбите находился корабль с Роджером и еще пятью астронавтами на борту. У них имелся достаточный запас горючего и все необходимое для выполнения функции буксира. Операция не из легких, но они справились: подстроились под скорость «Авроры Два», пристыковались и взяли космонавтов к себе на борт. Зрелище получилось потрясающее, с неуклюжими объятиями в невесомости и колючими поцелуями небритых мужчин! Там же, на борту буксира, устроили торжество — пили смородиновый сок, ели паштет, заменявший чизбургеры. «Аврора» совершила еще два оборота вокруг Земли и сошла с орбиты, метеором вспыхнув на глазах спасателей и спасенных.

— Мелькнула, как огненный выдох, — прокомментировал Юлий Бронин, один из космонавтов, приехавший в Оксфорд и еще раз расцеловавший своих спасителей.

Вернувшись на Землю, они все стали героями. Их обожали. Ими восхищались. Даже Дорри... Но то было давно.

Затем Роджер Торвей совершил два полета к Луне, во время которых оставался в корабле на орбите, тогда как специалисты по радиотелескопам проводили свои научные опыты с новым стокилометровым радиозеркалом на обратной стороне спутника. И наконец, он слетал на Марс. Полет оказался тяжелым, но им снова повезло, и все благополучно вернулись на Землю. Однако шуму было куда меньше, как соответственно и славы. Ну неудача, ну технические трудности. Ну и что? Ничего драматического.

После этого Роджер работал в основном, скажем так, в дипломатической области. Играл в гольф с сенаторами из Комитета по космосу и посещал отделения Еврокосмоса в Цюрихе, Мюнхене и Триесте. Написал пользовавшиеся скромным успехом мемуары. Работал с несколькими экспедициями, передавая им свой опыт. По мере того как космическая программа быстро переходила из разряда национальных приоритетов в сферу второстепенных проектов, важных дел становилось все меньше и меньше.

И все же он принимал участие в разработке новой программы, хотя и не упоминал о ней, когда добивался политической поддержки деятельности агентства.

Новая программа, ждавшая своего одобрения, состояла в отправке очередного пилотируемого корабля и проходила под грифом «Совершенно секретно».

Мы многого ждали от Роджера Торвея, хотя он мало чем отличался от других астронавтов: немного перетренированных, почти ни чем не занятых, недовольных сложившимся положением и собственной невосребованностью, но не желающих менять свою работу на какую-либо другую, пока еще оставался какой-то шанс снова стать в ряд великих. Все они были одинаковы в этом отношении. Даже тот, кто стал монстром.

Глава 2

ЧЕГО ХОТЕЛ ПРЕЗИДЕНТ

Торвей много думал о человеке, ставшем монстром. На то у него был особый интерес. Роджер сидел на месте второго пилота на высоте двадцать четыре тысячи метров над Канзасом, наблюдая за перемещающейся по экрану радара светящейся точкой.

— Дерьмо, — сказал пилот.

Точка была не чем иным, как советским самолетом «Конкордский III», и их СВ-5 следовал за ним с тех самых пор, как нарушителя обнаружили над водохранилищем Гаррисона.

Торвей усмехнулся — «Конкордский» набирал скорость.

— Уйдет от нас, — мрачно заметил пилот. — Как думаете, куда эти ребята направляются? Может быть, в Венесуэлу?

— Да уж лучше бы так, — ответил Торвей, — учитывая, сколько горючего вы оба сжигаете.

— Да, это уж точно, — согласился пилот, несколько не смущенный тем фактом, что он намного превысил установленный международным соглашением предел в 1,5 М. — А что вообще происходит в Талсе? Обычно, когда на борту такая важная шишка, как вы, нам дают прямой коридор.

— Возможно, там сейчас садится шишка поважнее, — сказал Роджер.

Он, конечно, мог бы объяснить, кто эта «шишка», но не стал. Ведь речь шла о президенте США.

— У вас хорошо получается, — похвалил его пилот. — Хотите совершить посадку? Я имею в виду, когда разрешат.

— Спасибо, нет. Лучше пойду и соберу вещи.

Но Торвей остался в кресле, поглядывая вниз. Самолет уже начал снижаться, под ними лежал слой кучевых

облаков; их то и дело подбрасывало на воздушных «ухабах». Торвей убрал руки с панели управления, передавая контроль над самолетом пилоту. Еще немного — и появится Тонка. Там, правее. Интересно, как дела у монстра?

Пилот, похоже, был настроен благодушно.

— Вы-то, наверное, летаете уже нечасто?

— Только тогда, когда кто-то вроде вас дает такую возможность.

— Какие проблемы! А вообще чем вы занимаетесь? Ну, помимо всяких там важных дел? Если, конечно, не секрет.

На такой вопрос у Торвея всегда был готов ответ.

— Административной работой.

Он всегда отвечал именно так, когда об этом спрашивали. Иногда задававшие вопросы люди имели право знать подробности в силу своего служебного положения, а некоторым он доверял сам, опираясь на мнение того личного радара, который находился в его голове. «Делаю монстров», говорил он в таких случаях, и если собеседник показывал, что понимает, о чем речь, то добавлял еще пару предложений.

В «экзаменационном проекте» не было ничего секретного. Все знали, что в Тонке астронавты проходят подготовку к жизни на Марсе. Секретом было то, как проходила эта подготовка. Они делали монстра. Скажи Торвей слишком много, он поставил бы под угрозу и свою свободу, и свою работу. А свою работу Роджер любил. Она позволяла поддерживать его милую жену и ее мастерскую. Давала ему возможность испытывать чувство гордости человека, делающего то, что запомнится людям, и бывать в интересных местах. Будучи активным участником космических программ, Роджер, правда, бывал даже в более интересных местах, но они находились в космосе, и там ему не хватало общения. Торвею больше нравились те места, куда он прилетал на частных самолетах, где встречался со щедрыми на комплименты дипломатами и красивыми женщинами, развлека-

кавшими его на вечеринках с коктейлями. Приходилось, конечно, думать и о монстре, но он особенно по этому поводу не беспокоился.

— Спасибо, — сказал Роджер пилоту и пошел забирать вещи из VIP отсека.

Прежде чем вернуться в Оклахому, ему довелось побывать в Бейруте, Риме, Севилье и Саскатуне. И везде было жарко. Ввиду того, что им предстояло участвовать во встрече с президентом, Дорри ждала мужа в мотеле аэропорта.

Роджер быстро переоделся в привезенную ею одежду. Приятно вернуться домой, к привычной работе, монстрам и жене. Выходя из душа, он испытал сильный, но быстро прошедший эротический импульс. Часы в голове, позволявшие Роджеру точно планировать свои действия, подсказали, что время еще есть. Если они немного опоздают, ничего страшного не случится. Но кресло, в котором оставалась Дорри, пустовало, хотя телевизор был включен, а в пепельнице еще дымилась ее сигарета. Завернувшись в полотенце, он сел на кровать и сидел до тех пор, пока те же внутренние часы не сказали, что времени больше нет. Роджер начал одеваться. Он завязывал галстук, когда в дверь постучала Дорри. Роджер открыл.

— Извини, — сказала она. — Никак не могла найти автомат с колой. Это тебе, а это мне.

Дорри была почти одного роста с мужем, брюнеткой по собственному выбору и имела дарованные природой зеленые глаза. Достав из сумки щетку, она смахнула с его спины и рукавов невидимую пыль, чокнулась с Роджером банкой и выпила.

— Нам надо ехать. Ты выглядишь потрясающе.

— А ты соблазнительно.

Он положил руку ей на плечо.

— Я уже накрасила губы. — Она отвернулась, подставив для поцелуя щеку. — Но все же приятно, что у тебя еще остались силы после знойных сеньорит.

Роджер добродушно усмехнулся; это была их общая старая шутка, суть которой сводилась к тому, что он спал с кем-то в каждом городе. Ему шутка нравилась. Может быть, потому что не соответствовала действительности. Несколько экспериментов в этом направлении оказались неудачными, доставив больше неприятностей, чем удовольствия, но ему нравилось считать себя мужчиной, жене которого приходится беспокоиться из-за повышенного внимания женщин к ее мужу.

— Давай не будем заставлять президента ждать, — сказал он.

— Я выпишусь, а ты подгони машину.

Они не заставили президента ждать себя: прошло более двух часов, прежде чем он появился перед ними.

Роджеру был хорошо знаком процесс проверки, так как такое с ним случалось и прежде. Чрезвычайные меры безопасности касались не только президента США. Однажды Торвея целый день готовили к аудиенции у Папы Римского, но и после тщательного досмотра на протяжении всей встречи с понтификом рядом с гостем стоял швейцарский гвардеец с «береттой» наготове. Угрозы террористов воспринимались всерьез всеми видными политическими и общественными деятелями.

На брифинг пригласили половину верхушки лаборатории. Комнату для отдыха вымыли, вычистили и отполировали по такому случаю, так что она выглядела совсем не похожей на себя. Убрали даже доски и бумажные салфетки, которыми их вытирали. По углам расставили раздвижные экраны, жалюзи на ближайших окнах опустили.

Роджер знал, что каждого подвергнут физическому досмотру. Потом приглашенных отправят на беседу с психиатрами. Если все пройдут, если в чьей-нибудь заколке не обнаружится игла со смертоносным ядом, а в

какой-нибудь голове мания убийства, то к ним выйдет президент.

Мужчинами занимались четверо сотрудников секретных служб, но лишь двое непосредственно. Они обыскивали, обшаривали, ощупывали, проводили идентификацию и снимали магнитометрические показания. Двое других стояли чуть поодаль, вероятно, готовые при необходимости достать оружие и открыть огонь.

Женщины — тоже сотрудницы секретных служб, хотя их и называли секретаршами, — обыскивали жен и Кэтлин Доути. По лицу Дорри, стоявшей за невысокой, до плеча, ширмой, Роджер видел, что процесс не доставляет ей никакого удовольствия. Дорри не любила, когда до нее дотрагивались незнакомые люди. Иногда она вообще не выносила прикосновений, но особенно со стороны чужих.

Холодная злость, застывшая в глазах жены, стала понятнее, когда очередь дошла до самого Роджера. Обыск проводился с особой дотошностью. Обследовали подмышки. Попросили расстегнуть ремень и раздвинуть ягодицы. Прощупали мошонку. Изучили содержимое карманов; развернули и потрясли носовой платок, который затем с извинением возвратили в скверном виде. Брючный ремень и ремешок часов изучили через лупу.

Такому же обращению подвергли всех, включая директора, который с добродушной усмешкой окидывал взглядом зал, пока ловкие пальцы агента блуждали в зарослях у него под мышками. Единственное исключение составил Дон Кэйман, который по случаю надел сутану — его после приглушенных дискуссий препроводили в соседнюю комнату.

— Извините, святой отец, — сказал агент, — но вы сами понимаете...

Дон пожал плечами, проследовал в соседнее помещение и через некоторое время вернулся с раздраженным выражением на лице. Роджер и сам с трудом сдер-

живал досаду. Понимая разумность и необходимость проверки, он все же считал, что целесообразнее было бы отправлять человека к психиатрам, чтобы не терять зря времени. Но сотрудники спецслужб придерживались, по-видимому, какой-то собственной системы. Лишь тогда, когда все были обысканы, первую группу из троих участников встречи провели в комнату машинисток, где их ждало интервью.

«Психом» Роджера оказался чернокожий. Если быть более точным, цвет кожи у него был кофейно-кремовый. Они сидели друг против друга, лицом к лицу, на неудобных стульях с прямыми спинками, и их колени разделяло не более восемнадцати дюймов.

— Постараюсь, чтобы все прошло как можно быстрее и безболезненнее, — сказал психиатр. — Ваши родители живы?

— Нет, они оба умерли. Отец два года назад, а мать — когда я учился в колледже.

— Чем занимался ваш отец?

— Сдавал в аренду рыбацкие лодки во Флориде. — Роджер рассеянно описал лодочную станцию отца в Ки-Ларго, думая о том, как он выглядит со стороны. Не проявляет ли излишней раздражительности? Достаточно ли расслаблен? Не слишком ли?

— Я видел вашу жену, — сказал психиатр. — Очень сексуальная особа. Вы не против, что я так говорю?

— Вовсе нет, — сердито ответил Роджер.

— Некоторым белым не нравится, когда они слышат это от меня. А вы? Как вы себя чувствуете?

— Я знаю, что она выглядит сексуально, — бросил Роджер. — Поэтому я на ней и женился.

— Вы не станете возражать, если я пойду чуть дальше и спрошу, как у вас с ней в интимном плане?

— Конечно, нет... черт! Да, мне не нравится этот вопрос, — резко ответил он. — Полагаю, у нас все как у других. Мы женаты уже несколько лет...

Психиатр откинулся на спинку и задумчиво посмотрел на Роджера. Помолчав, он сказал:

— В вашем случае, доктор Торвей, это интересно — простая формальность. Последние семь лет вы ежеквартально проходите обследование и каждый раз укладываетесь в норму. Никаких намеков на нестабильность или склонность к насилию. Разрешите спросить, вас не беспокоит встреча с президентом?

— Ну, такое случается не каждый день... немного волнуюсь.

— Это вполне естественно. Вы голосовали за Дэша?

— Конечно... минутку, черт возьми! Это не ваше дело!

— Правильно, доктор Торвей. Возвращайтесь в зал.

Однако вернуться в зал Роджеру не позволили, а отвели в одну из комнат поменьше. Почти сразу же к нему присоединилась Кэтлин Доути. Они работали вместе два с половиной года, но она все еще держалась официально.

— Похоже, мы прошли, мистер Торвей, — не выпуская изо рта сигареты и глядя куда-то поверх его плеча, заметила Кэтлин. — А, вот и выпивка.

Она протянула руку и взяла бокал.

Официант — нет, не официант, а агент секретной службы, напомнил себе Роджер, — повернулся к нему. Роджер взял с подноса виски с содовой. Протезист сделала выбор в пользу сухого шерри.

— Пейте до дна, — шепнула она, наклонившись к самому его уху. — Думаю, они что-то кладут в выпивку.

— Что?

— Что-то успокаивающее. Если не выпьете, к вам приставят вооруженного охранника.

Чтобы подыграть ей, Роджер залпом выпил виски, удивляясь тому, как человек с такими бредовыми мыслями и страхами смог пройти психиатрическую проверку. Пять минут наедине с «психом» настроили его на самонаблюдение, и сейчас он занимался анализом. Поче-

му он не чувствует покоя в присутствии этой женщины? Не из-за того же, что она такая дерганая. Не только. Не в том ли проблема, что Кэтлин слишком откровенно восхищается его смелостью? Роджер пытался объяснить, что астронавту не нужно быть смелым, что полет в космос не более опасен, чем путешествие на самолете, и, наверное, безопаснее поездки на автомобиле. Конечно, для него, дублера Человека Плюс, опасность носила весьма реальный характер. Но лишь в том случае, если другие дублеры, стоящие перед ним, по каким-то причинам выйдут из строя. Так что причин для беспокойства не много. Тем не менее Кэтлин продолжала относиться к нему с тем болезненным интересом, который мог бы сойти и за восхищение, и за жалость.

Все эти размышления, как обычно, занимали лишь часть его мозга. Другая была настроена на жену. Когда Дорри наконец появилась, она выглядела сердитой и расстроенной. Волосы, на укладку которых ушло не менее часа, были распущены. Нет, они не висели, а ниспадали густой черной волной, доставая до талии, от чего Дорри напоминала Алису с рисунка Теннела, если бы Теннел работал в свое время на «Плейбой».

Роджер поспешил успокоить жену, и это настолько отвлекло его, что он не сразу понял, в чем дело, когда все вдруг зашевелились и кто-то негромко объявил:

— Леди и джентльмены, президент Соединенных Штатов.

Фицджеральд Дэшатайн вошел, улыбаясь и кивая собравшимся. Он был точно таким, каким его видели телезрители, только немного ниже ростом. Работники лаборатории, не дожидаясь подсказки, образовали полукруг, и президент обошел их, пожимая руку каждому, кого представлял ему руководитель проекта.

Подготовили Дэшатайна отлично. Как и подобает политику, он легко запоминал имена и находил для каж-

дого подходящую реплику. Кэтлин Доути он сказал: «Рад, что в этой комнате есть ирландцы, доктор Доути». Роджеру: «Мы уже встречались однажды, полковник Торвей. Вы отлично сработали тогда, спасая русских. Это было, должно быть, лет семь назад, и я занимал тогда пост председателя сенатского комитета. Если помните».

Конечно, Роджер помнил и был польщен тем, что об этом помнил и президент. Дорри: «Боже, миссис Торвей, такая очаровательная девушка и связала жизнь с этим скучным парнем, ничего не видящим, кроме науки». Услышав это, Роджер немного напрягся. Не из-за того, что президент так пренебрежительно отозвался о нем, а потому что Дорри презирала пустые, ничего не значащие комплименты. Но на этот раз получилось иначе. Ее глаза заблестели.

— Какой красивый мужчина, — прошептала она, следя за президентом восхищенным взглядом.

Закончив обход, Дэшатайн легко вспрыгнул на небольшую платформу.

— Что ж, друзья, я приехал сюда слушать и смотреть, но не говорить. Но хочу поблагодарить всех вас за терпение, с которым вы выдержали всю эту чушь, через которую вас заставили пройти. Прошу извинить меня за это. Идея не моя. Мне лишь сказали, что так нужно, что без этого не обойтись, потому что вокруг много всяких сумасшедших. Враги свободного мира таковы, каковы они есть, а мы все те же, открытые и доверчивые.

Он улыбнулся и обратился непосредственно к Дорри:

— Скажите, вас заставили намочить ногти, прежде чем впустили?

Дорри звонко рассмеялась, чем немало удивила мужа. Перед этим она со злостью жаловалась на то, что ей испортили лак.

— Конечно, господин президент. Так поступает и моя маникюрша.

— Извините. Говорят, это нужно для того, чтобы вы не отравили меня, поцарапав во время рукопожатия ногтями, покрытыми каким-то неизвестным ядом. Что ж, полагаю, делать надо то, что говорят. Конечно, милым дамам все это не очень приятно... — Президент усмехнулся. — Но вы бы посмотрели, как достается моему коту. В последний раз он оцарапал троих ребят из секретной службы, мою племянницу и двух ее котят. Им повезло, что у него не было яда на когтях.

Президент рассмеялся, и Роджер, опять-таки с удивлением, обнаружил, что тоже смеется вместе с Дорри и остальными.

— В любом случае, переходя к делу, — продолжал Дэшатайн, — я благодарен вам за любезность. Но еще больше благодарен за то, как вы продвигаете проект «Человек Плюс». Не мне говорить вам, что он значит для свободного мира. Марс — это единственное место, достойное того, чтобы за него бороться, не считая, разумеется, планеты, на которой мы с вами живем. К концу нынешнего десятилетия он попадет в чьи-то руки. Есть только два варианта. Марс будет принадлежать им или он будет принадлежать нам. Я хочу, чтобы он был нашим. Вы, работающие здесь, сделаете так, чтобы он был нашим, потому что вы дадите нам Человека Плюс, который сможет жить на Марсе. Хочу искренне поблагодарить вас от всего сердца, от имени всех живущих в свободном мире за то, что вы воплощаете эту мечту в реальность.

А теперь, — он поднял руку, останавливая раздавшиеся было аплодисменты, — пришло время мне помолчать и послушать. Я хочу знать, что с нашим Человеком Плюс. Генерал Сканион, прошу вас.

— Хорошо, господин президент.

Верн Сканион был директором лаборатории Института космической медицины имени Гриссома. Он был также отставным двухзвездным генералом и вел себя со-

ответственно. Взглянув на часы, генерал посмотрел на своего ассистента и, увидев его кивок, сказал:

— У нас есть несколько минут до того, как командер Хартнет закончит разминку. Полагаю, мы взглянем на него, а потом я попробую рассказать, что нас ждет сегодня.

В комнате потемнело.

За платформой засветился экран. Один из «официантов» пододвинул президенту стул. Тот что-то пробормотал. Стул убрали на место, президент кивнул и поднял голову.

На экране появился человек.

Впрочем, на человека он не был похож. Его звали Уилл Хартнет. Демократ, методист, муж, отец, любитель игры на тампане, отличный танцор, но, глядя на него, никто бы этого не сказал. Глядя на него, каждый сказал бы, что это чудовище, монстр.

Он совсем не походил на человека. Круглые фасеточные глаза отливали красным. Широкие ноздри, выступавшие над складками плоти, делали его похожим на крота. Кожа была искусственной; на вид она имела цвет сильного загара, но структурой напоминала шкуру носорога. Глядя на Хартнета, никто не нашел бы того, что досталось ему от рождения. Глаза, уши, легкие, нос, рот, система кровообращения, центры восприятия, сердце, кожа — все было заменено или увеличено. Видимые изменения являлись лишь вершиной айсберга. Куда более сложными и более важными были изменения внутри. Его перекраивали, имея в виду одну-единственную цель: приспособить к жизни на Марсе. К самостоятельному, без каких-либо дополнительных искусственных приспособлений существованию на поверхности красной планеты.

Это был киборг — кибернетический организм. Частично человек, частично машина. Эти две в корне различные системы спаялись в нем так, что даже сам Уилл Хартнет, глядя на себя в зеркало, когда ему предостав-

ляли такую возможность, не знал, что в нем — он сам, а что было добавлено.

Хотя почти все собравшиеся в комнате принимали участие в создании киборга, хотя все много раз видели его фотографии, телевизионные изображения и его лично, приглушенный вздох нарушил воцарившуюся было напряженную тишину. Камера показала Хартнета в тот момент, когда он делал казавшиеся бесконечными отжимания. Объектив находился примерно в метре от необычной формы головы, и когда Хартнет поднимался, глаза оказывались на одном уровне с объективом, и все видели эти поблескивающие фасеты глаз, позволявшие ему вести детальное сканирование местности.

Он выглядел очень странно. Роджер, помнивший старые фильмы, которые так любил смотреть в детстве по телевизору, подумал, что его приятель выглядит куда чуднее, чем ожившая на экране морковка или увеличенный жук. Хартнет родился в Данбери, что в Коннектикуте. Все искусственные его части были произведены в Калифорнии, Оклахоме, Алабаме или Нью-Йорке. Но ни одна из этих частей не выглядела ни земной, ни даже внеземной.

Хартнет выглядел как марсианин. В том смысле, что форма подчиняется функции, он и был марсианином. Его приспособляли для Марса. В некотором смысле он уже находился там. В лабораториях Института имелись лучшие в мире симуляционные танки, точь-в-точь воспроизводившие марсианские условия, так что отжимался Хартнет на красноватом песке при давлении на глаза в 10 миллибар, что составляло только 1 процент того давления, которое существовало за стенами из двойного стекла. Температура в разреженной атмосфере танка поддерживалась на уровне сорока пяти градусов ниже нуля по Цельсию. Ультрафиолетовые лампы воспроизводили освещение, характерное для марсианского зимнего дня. И хотя то место, где находился Хартнет, не

было настоящим Марсом, оно весьма близко напоминало его и могло обмануть даже марсианина — если бы марсиане существовали. Так что, если бы какой-нибудь Рас Тавас или уэллсовский моллюск очнулся бы от сна и огляделся, то решил бы, что он и в самом деле на Марсе, где-то в средних широтах, после восхода солнца.

Имелось лишь одно отличие.

Всего одно, и с ним ничего нельзя было поделать. Хартнет испытывал стандартное земное притяжение. Инженеры, участвовавшие в разработке проекта, рассчитали стоимость затрат на симуляцию марсианской гравитации. Для этого танк с Хартнетом должен был двигаться по параболической орбите, выходя на заданный режим на определенном ее участке. Период сохранения марсианской гравитации измерялся бы 10—20 минутами на каждый оборот. После длительных обсуждений, взвешиваний всех «за» и «против» план был отвергнут, в первую очередь по причине его дороговизны.

Единственное, чего никто не боялся, так это слабости нового тела Хартнета в условиях предстоящих испытаний. Он уже поднимал вес в пятьсот фунтов. Высадившись на Марсе, он смог бы поднимать полтонны.

В некотором смысле на Земле Хартнет выглядел ужаснее, чем выглядел бы на Марсе, потому что его телеметрическое оборудование смотрелось так же чудовищно, как и он сам. Сенсорные датчики, измерявшие пульс, температуру и сопротивление кожи, крепились к плечам и голове. Под крепкой искусственной кожей находились зонды, фиксирующие внутреннее состояние тела. Из-за спины торчала антенна передатчика. Все происходившее в его системе постоянно измерялось, кодировалось и передавалось на записывающую аппаратуру.

Президент шелнул что-то генералу. Роджер Торвей невольно подался немного вперед и успел ухватить конец вопроса:

— ...слышит, что мы здесь говорим?

— Нет. Для этого я должен подключить его к коммуникационной сети, — ответил Сканион.

— Ага, — задумчиво сказал президент, но так и не произнес того, что собирался.

Роджер понял чувства высокого гостя. Ему и самому приходилось постоянно держать под контролем свою речь. То, что можно было сказать при отключенной связи, не всегда хотелось повторить при включенной. Почему? Просто есть что-то неправильное в том, чтобы человек, который пил пиво и был отцом ребенка, оказался таким вот чудовищем. Мало ли какие слова могли сорваться с языка.

Киборг, похоже, был не прочь до конца дня заниматься отжиманиями, но кто-то, ведущий счет — «раз и два, раз и два...», — остановился, и Хартнет остановился тоже. Он поднялся, довольно медленно и расчетливо, словно осваивал новое танцевальное движение. Потом рефлексивно — смысла в этом действии уже не было — вытер гладкий безбровый лоб тыльной стороной грубой руки.

Пользуясь темнотой, Роджер Торвей слегка сдвинулся в сторону, чтобы видеть не только знаменитый резкий профиль Дэшатайна. Похоже, президент хмурился. Роджер положил руку на талию жены и подумал о том, каково это, быть президентом трехсот миллионов американцев в этом жестоком, вероломном мире. Власть стоящего перед ним человека была такова, что пожелай он того, и через девяносто минут водородная бомба могла бы упасть в самом далеком уголке планеты. Власть и сила. Сила войны, сила наказания, сила денег.

Именно власть и сила президента дали жизнь проекту «Человек Плюс». Конгресс никогда не обсуждал этот вопрос, лишь в общих чертах зная о происходящем, а закон, разрешавший тратить деньги на эти цели, имел весьма общее название.

— Господин президент, — сказал Сканион, — командер Хартнет будет рад показать вам кое-какие воз-

возможности его протезов. Поднятие тяжестей, прыжки в высоту. Что пожелаете.

— О, он уже и так потрудился, — улыбнулся президент.

— Хорошо. Тогда пойдем дальше, сэр. — Сканион сказал что-то в микрофон и повернулся спиной к президенту. — Сегодняшний тест — разборка и ремонт коммуникационного устройства в полевых условиях. Мы даем ему семь минут. Наши специалисты, работая в мастерской, тратят на это около пяти минут, так что, если командер Хартнет уложится в оптимальное время, это будет хорошим свидетельством его моторного контроля.

— Да, это я посмотрю, — сказал президент. — Что он делает сейчас?

— Просто ждет, сэр. Мы подняли давление до ста пятидесяти миллибар, так что теперь ему легче слышать и говорить.

Президент повернулся к генералу:

— Мне казалось, у вас есть оборудование для связи в полном вакууме.

— Э-э... да, сэр, есть. Но у нас с ним небольшая проблема. Сейчас связь осуществляется в основном визуальным способом, но, надеюсь, скоро заработает и звуковая система.

— Я тоже надеюсь, — сказал президент.

Находившийся на уровне симуляционного танка — то есть на глубине тридцати метров под залом, где собрались гости, — ассистент открыл вентиль трубы. Равноценный по составу марсианскому газ начал поступать в танк из специального хранилища. Давление росло. Впрочем, на Хартнете это никак не сказалось. Его модифицированное тело не обращало внимания на изменения во внешней среде. Оно одинаково хорошо переносило ветра, полный вакуум, сырость и жару экватора. Ему везде было одинаково комфортно. Или одинаково

некомфортно, потому что Хартнет жаловался, что новое тело болит, зудит, ноет.

Наконец шипение прекратилось, и они услышали голос киборга, пронзительный, как у куклы:

— Ссспасибо. Пусссть будетт такк.

Низкое давление сказывалось на его дикции, тем более что от трахеи и гортани почти ничего не осталось. После месячного пребывания, так сказать, в шкуре киборга Хартнет стал отвыкать от речи, как и от привычки дышать.

Стоявший за спиной Роджера эксперт по системам зрения мрачно заметил:

— Они знают, что эти глаза не приспособлены к резкой перемене давления. Вот лопнет, тогда будет хлопот.

Роджер невольно моргнул, представив, как лопаются в фасеточном глазу сосуды.

Дорри рассмеялась.

— Садись, — сказала она, отпуская руку мужа.

Торвей посторонился, не спуская глаз с экрана. Тот же голос, который вел счет при отжиманиях, произнес:

— Приготовиться. Пять. Четыре. Три. Два. Один. Начали.

Киборг неуклюже присел перед черным металлическим ящиком, без видимой спешки вставил тонкую отвертку в почти незаметное углубление, повернул ровно на четверть оборота, повторил эту операцию в другом месте и снял крышку. Толстые пальцы осторожно рассортировали многоцветные спагетти проводков, нашли обгоревший участок на одной из тонких нитей, вырезали его, сняли поврежденную изоляцию. Больше всего времени, минута с лишним, ушло на ожидание, пока нагреется паяльник. Потом все повторилось в обратном порядке.

Киборг встал.

— Шесть минут одиннадцать и двести пятнадцать тысячных секунды, — доложил голос.

Руководитель проекта заплодировал. Его поддержали. Потом он поднялся и произнес короткую речь. Ска-

зал, что цель проекта — так модифицировать человеческое тело, чтобы человек чувствовал себя на Марсе столь же комфортно, как и на пшеничном поле где-нибудь в Канзасе. Он вспомнил основные вехи исследований Марса. Перечислил основные характеристики этой планеты: площадь суши намного больше, чем на Земле, несмотря на меньший диаметр, что объясняется отсутствием воды. Разброс температур, подходящий для жизни, — специально, конечно, подготовленной для этого. Потенциальные богатства, неисчислимы.

Президент слушал внимательно, хотя, конечно, и так знал все это.

— Спасибо, генерал Сканион. Позвольте мне кое-что добавить.

Он снова забрался на платформу и, задумчиво оглядев собравшихся ученых, улыбнулся.

— Когда я был ребенком, мир был проще. Самая большая проблема состояла в том, как помочь появляющимся на Земле свободным народам вступить в сообщество цивилизованных стран. То были времена железного занавеса. Они находились там, по ту сторону, в карантине. Под замком. Все наши были на этой стороне.

Он вздохнул и продолжил:

— Что ж, теперь не так. Свободный мир переживает трудные дни. Что мы имеем за пределами Североамериканского континента? Куда ни посмотришь — везде коллективистские диктатуры, если не считать одного или двух плацдармов вроде Швеции и Израиля. Я не собираюсь рыться в древней истории. Что сделано, то сделано, и винить кого-либо нет смысла. Всем известно, кто потерял Китай или отдал противнику Кубу. Мы знаем, какая администрация допустила падение Англии и Пакистана. Говорить об этом не нужно. Мы просто смотрим в будущее.

И вот что я скажу вам, леди и джентльмены. Будущее свободной человеческой расы зависит от вас. Пусть

здесь, на нашей планете, у нас были неудачи и отступления. С этим покончено. Мы смотрим в космос. Смотрим — и что мы видим? Другую Землю. Планету Марс. Как сказал директор вашего проекта генерал Сканион, эта планета больше той, на которой мы родились. Она важна для нас. И она будет нашей.

Там будущее свободы, и вы должны дать ее нам. Я в это верю. И я рассчитываю на каждого из вас.

Он задумчиво оглядел собравшихся. Старина Дэш умел разговаривать с людьми. Его харизму чувствовал каждый. Потом вдруг улыбнулся:

— Спасибо.

И ушел, прикрытый охранниками.

Глава 3

ЧЕЛОВЕК СТАНОВИТСЯ МАРСИАНИНОМ

Когда-то на Марс смотрели, как на еще одну Землю. Астроном Скиапарелли, разглядывавший планету в свой миланский телескоп в 1877 году, увидел то, что назвал каналами. Другие астрономы тут же повернули телескопы в том же направлении и открыли еще больше каналов.

Каналы? Но кто-то же проложил их ради какой-то невидимой цели. Какой цели? Каналы — это вода, другого объяснения не было. Логика этого силлогизма казалась несокрушимой, и к началу следующего века сомневающимся уже почти не оставалось. Как данность принималось положение о том, что на Марсе существует культура более древняя, более мудрая, чем наша собственная. Вот бы поговорить с марсианами, какие тайны мы узнали бы!

Первый способ общения придумал Персиваль Лоуэлл. Начертайте в пустыне Сахара геометрические фигуры, сказал он. Заполните их нефтью по периметру и подожгите. Выбрав для этого безлунную ночь, когда Марс стоит высоко в небе. Марсиане, которые, по его представлениям, только и делают, что неотрывно смотрят в телескопы, увидят огонь. Различат квадраты и треугольники. Поймут, что это попытка установить связь, и, будучи мудрым народом, найдут способ ответить.

Но не все обладали твердой и непоколебимой уверенностью Лоуэлла. Некоторые указывали, что Марс слишком мал, что там слишком холодно и никакая развитая разумная раса существовать на нем не может. Каналы? Но ведь их могут выкопать обычные крестьяне, для такой работы не нужны особые умения. Умиравшая от жажды раса способна на отчаянное усилие, чтобы остаться в живых. Но высокоразвитая культура вряд ли. Слишком суровы внешние условия. Марсиане скорее похожи на эскимосов, застывших навечно на пороге цивилизации, потому что окружающий мир чересчур враждебен, чтобы дать им возможность предаваться абстрактным рассуждениям.

Несомненно, когда наши телескопы станут помощнее, чтобы различать лица отдельных марсиан, мы увидим всего лишь грубую маску, нечто бесчувственное, близкое к животному, способное только копать землю и собирать урожай, но не воспарять к жизни разума.

Но какими бы ни были марсиане, мудрыми или грубыми и неразвитыми, они были, существовали — так полагало общественное мнение того времени.

Потом появились лучшие телескопы и лучшие способы понимать увиденное. К линзам и зеркалу добавились спектроскоп и камера. Марс стал ближе. Он становился яснее и понятнее. И с каждым шагом, по мере того как образ самой планеты приобретал все большую яс-

ность и четкость, образ ее предполагаемых обитателей становился все туманнее, расплывчатее и нереальнее.

Слишком мало воздуха. Слишком мало воды. Слишком холодно. При большем разрешении каналы рассыпались на точки и пятна. Никаких городов.

Ко времени полета первого «Маринера» марсианская раса, жившая только в воображении человеческих существ, безвозвратно умерла.

Люди все еще верили, что жизнь на Марсе все же существует, хотя бы в виде низших растений или примитивных амфибий. Но о подобии человека не говорил уже никто. Существо, подобное человеку, дышащее воздухом и основанное на воде, на Марсе не прожило бы и четверти часа.

Прежде всего его убил бы недостаток воздуха. Смерть последовала бы не просто от удушья. До этого ему не удалось бы дожить. При давлении в 10 миллибар кровь вскипела бы, и он умер бы в агонии, как при кессонной болезни. Пережив каким-то образом кессонную болезнь, он бы погиб уже от нехватки воздуха. Но даже если бы ему удалось справиться с этим, взяв с собой резервуар и надев маску, чтобы дышать смесью газов, не содержащих азот, он все равно бы умер. От солнечной радиации. От перепадов марсианской температуры: в лучшем случае это что-то, похожее на теплый весенний денек, в худшем — арктическая ночь. Но даже если каким-то чудом человек преодолеет и эти непроходимые трудности, он медленно, но верно умрет от голода, потому что на Марсе нет ничего, что можно съесть.

Но есть еще один аргумент, вступающий в противоречие с выводами, сделанными на основе объективных фактов. Человек не считает себя связанным объективными фактами. Если они не устраивают его, он обходит их или меняет.

Человек не может выжить на Марсе. Однако он не может выжить и в Антарктиде. Но выживает.

Человек выживает там, где должен умереть, ибо приносит с собой более подходящую для себя среду. Он приносит с собой все, что ему нужно. Во-первых, одежду, во-вторых, запасы пищи вроде сушеного мяса. В-третьих, огонь. В последнее время этот список изобретений пополнили различные приспособления и системы, позволяющие опускаться на дно морей и выходить в космос.

Первой планетой, не считая, разумеется, Земли, на которую ступил человек, была Луна. Во многих отношениях она даже враждебнее Марса. То, что на Марсе присутствует в очень незначительном объеме — воздух, вода и пища, — на Луне отсутствует вовсе. Тем не менее, начиная с 1960-х, люди стали бывать на Луне, привозя с собой воздух, воду и все остальное, что необходимо для систем жизнеобеспечения, которыми оснащены скафандры и посадочные модули. Основываясь на этом, можно было создавать более крупные системы. Конечно, задача нелегкая, но прогресс очевиден — на Луне появились полупостоянные и почти самообеспечиваемые колонии закрытого цикла. Первая проблема — чисто снабженческая. Каждый человек нуждается в тоннах всевозможных запасов; каждый фунт груза, отправленный в космос, обходится в миллион долларов. Но сделать это можно.

С Марсом дело обстоит несколько иначе. Он намного дальше от Земли, чем Луна. Наш естественный спутник вращается вокруг Земли на расстоянии всего в четверть миллиона миль. До Марса, даже в редкие случаи наибольшего сближения — несколько раз в столетие, — в сотню раз дальше. Марс не только далек от Земли, он к тому же дальше, чем Земля, от Солнца и получает вдвое меньше энергии.

Ракету с Земли на Луну можно отправить в любой день и час. Но Марс и Земля не обращаются друг вокруг

друга, они обращаются вокруг Солнца и делают это с различной скоростью. Иногда эти планеты сближаются. Период наибольшего сближения случается один раз в два года и длится один месяц и несколько недель. Именно этот период наиболее подходит для запуска корабля с одной планеты на другую.

Есть и другие факторы, затрудняющие создание и сохранение колонии на Марсе. Он больше Луны, и его сила гравитации ближе к земной. В связи с этим для высадки на Марс и взлета требуется гораздо больше топлива.

Если говорить коротко, то суть в следующем: Земля может обеспечить существование колонии на Луне, но не на Марсе. По крайней мере колонию, население которой составляют люди.

А если модифицировать людей?

Взять человека за основу и переделать кое-что. На Марсе нечем дышать. Так давайте уберем легкие и заменим их микроминиатюрной системой регенерации кислорода. Ей потребуется энергия, но ее можно получить от далекого солнца.

Кровь в стандартном человеческом теле закипит — ладно. Давайте уберем кровь, по крайней мере из конечностей и поверхностных участков. Создадим руки и ноги, приводимые в действие не мышцами, а моторами, и сохраним часть крови только для обеспечения деятельности теплого, надежно защищенного мозга. Обычному человеческому телу нужна пища, но потребность в ней значительно уменьшится, если большая часть мускулатуры заменена машинами. Питание необходимо только мозгу, питание постоянное, ежеминутное, каждодневное, но, к счастью, из всех человеческих аксессуаров мозг наименее энергозатратен. На день ему хватит и небольшого тоста.

Вода? Она больше не нужна, если не считать того ее количества, которое идет на возмещение технических затрат, — так мы добавляем гидравлическую жидкость в тормозную систему автомобиля через каждые несколько

тысяч миль. После того как тело стало замкнутой системой, круговорот воды — поглощение, циркуляция, удаление — уже не действует. Радиация? Временами на Солнце случаются вспышки, которые невозможно предсказать, и даже на Марсе солнечное излучение может стать опасным для здоровья — следовательно, мы одеваем тело в искусственную кожу. В остальное время планета принимает обычное и ультрафиолетовое излучение. Его слишком мало для поддержания тепла и даже для хорошего освещения, поэтому возникает необходимость в наличии большей поверхности для сбора энергии — отсюда огромные, как у летучей мыши, уши-рецепторы и заменяющие глаза механические устройства.

После всех этих дополнений и изменений то, что осталось, уже не является в полном смысле человеческим существом. Это человек плюс большой набор приспособлений.

Человек превратился в кибернетический организм — киборг.

Первым человеком, ставшим киборгом, был, вероятно, Уилл Хартнет. Почему вероятно? Сомнения основывались на упорных слухах об одном эксперименте, поначалу удачном, но закончившемся полным провалом. Как бы там ни было, можно утверждать, что в данный момент Хартнет являлся по крайней мере единственным живым. Он родился как все люди и на протяжении тридцати семи лет оставался обычным человеком. Изменения начались восемнадцать месяцев назад.

Поначалу они носили незначительный и временный характер. Сердце не трогали. Его лишь заменяли иногда изготовленным из мягкого пластика импеллером, который Хартнет носил на плече в течение примерно недели.

Глаза тоже остались на месте... тогда. Их закрыли клейкой лентой, дав Хартнету возможность попрактиковаться в умении различать смутные, неясные образы

окружающего мира с помощью надоедливо гудящей электронной камеры, хирургическим путем соединенной с оптическим нервом.

Отдельные системы, которые в будущем должны были превратить Хартнета в марсианина, проверялись по одной. И лишь после того как каждый элемент доказал свою надежность и эффективность, начались постоянные изменения.

Вообще-то их не называли постоянными. Хартнету дали обещание, за которое он цеплялся как за соломинку. Хирурги довели его до сведения подопытного, а он — до сведения своей жены. Потом все изменения будут устранены. Когда миссия закончится и Хартнет вернется на Землю, его вернут в исходное состояние, заменив всю кибернетику человеческой тканью.

Конечно, Хартнет понимал, что прежним уже не станет. Врачи не смогут сохранить его органы и ткани. Их придется заменить. Трансплантаты и пластическая хирургия сделают все возможное, чтобы восстановить его прежний вид, но рассчитывать на то, чтобы когда-нибудь путешествовать со старым паспортом, уже не приходилось.

Он в общем-то не очень и возражал. Хартнет никогда не считал себя красавцем. Ему было достаточно знать, что у него снова будут человеческие глаза, пусть и не свои собственные. Но врачи обещали, что найдут голубые, что ресницы и веки снова будут закрывать их и что, если повезет, он снова сможет плакать. (От радости, разумеется.) Сердце опять станет мышцей размером с кулак. Оно вновь будет прокачивать красную кровь по сосудам, наполняя ею все его конечности. Легкие будут втягивать воздух, альвеолы впитывать кислород и высвобождать CO_2 . Громадные уши-фоторецепторы (создавшие столько проблем, потому что они создавались в расчете на марсианскую, а не земную гравитацию, и их приходилось постоянно отсоединять и возвращать в мастерскую) будут сняты навсегда. Искусственную кожу, созданную с

превеликим трудом и пересаженную ему с немалыми муками, с такими же муками сдерут с его тела и заменят настоящей, пропускающей пот, с растущими на ней волосками. Собственная кожа Хартнета все еще оставалась на нем, под искусственной, но он и не надеялся, что она переживет эксперимент. Вряд ли за столь долгое время она сохранит способность выполнять привычные функции, а потому ее почти наверняка придется заменить.

Жена Хартнета добилась от него одного обещания. Она заставила его поклясться, что до тех пор, пока уродливая маска киборга, делающая ее мужа похожим на персонажа фильма про Хэллоуин, остается на его лице, он не покажется на глаза их детям. К счастью, дети были еще малы, и учителям, друзьям и родителям их школьных приятелей удавалось убеждать его сына и дочь в том, что их отец болен. Конечно, истории о болезни возбуждали детское любопытство, но все же срабатывали, так что никто не требовал, чтобы отец Терри пришел на собрание или муж Брэнды составил ей компанию на планируемый пикник.

Сама Брэнда Хартнет пыталась заставить себя не посещать супруга, но в конце концов любопытство превысило страх. Она пришла в лабораторию, когда Уилли проходил тест на координацию движений и раскатывал по красноватым пескам на велосипеде с установленной на руле чашкой с водой. Дон Кэйман, ожидавший, что женщина упадет в обморок, завизжит или, быть может, не сдержит рвотного рефлекса, остался с ней, чтобы прийти на помощь при необходимости.

Однако ничего такого — к удивлению как священника, так и самой Брэнды — с ней не случилось. Киборг выглядел как герой японского фильма «ужасов», что мешало принимать его всерьез. Только к вечеру она стала соотносить лопоухое и большеглазое существо на велосипеде с отцом своих детей. На следующий день Брэнда пришла к директору медицинского отдела проекта и сказала,

что Уилли, должно быть, сходит с ума от сексуального воздержания (она выразилась гораздо проще и точнее), и предложила свои услуги. Доктору пришлось объяснить то, что не сумел объяснить Уилли: учитывая состояние подопытного, некоторые функции были сочтены излишними и, так сказать, отключены. Временно.

Тем временем киборг продолжал свои бесконечные тесты и ожидал очередного болезненного изменения. Его мир состоял из трех частей. Первая представляла собой апартаменты, давление в которых соответствовало существующему на высоте семи с половиной тысяч футов, так что участникам проекта пребывание там не доставляло особенных неудобств. Здесь он спал, когда мог, и ел то небольшое, что ему давали. Он всегда был голоден. Всегда. Бороться с этим и подобными ощущениями оказалось бесполезно.

Второй частью был симуляционный танк, в котором киборг выполнял тесты и всевозможные упражнения, так что создатели его нового тела могли видеть свое творение в деле. И наконец, третьей частью мира Хартнета стала камера низкого давления, поставленная на колеса. В ней он мог совершать выезды на, так сказать, арену публичных демонстраций или куда-либо еще, что случалось очень редко.

«Марсианский», как его называли, танк напоминал клетку в зоопарке, открытую для постоянного наблюдения. В камере на колесах заниматься было вообще нечем, кроме как ожидать, куда еще его поведут.

Какое-то подобие комфорта давали только апартаменты, состоявшие из двух небольших комнат, официально считавшихся его домом. Там у Хартнета были телевизор, стереосистема, телефон, книги. Иногда к нему приходили гости, кто-то из штата участников проекта или знакомый-астронавт, и тогда они играли в шахматы или пытались разговаривать. Высота в семь с половиной тысяч футов

затрудняла дыхание, и гостям приходилось нелегко.

Киборг ждал этих посещений и всегда старался про-длить их. Когда он оставался один, то держался за счет собственных ресурсов. Время от времени читал. Иногда сидел перед телевизором, не обращая внимания на то, что идет. Чаще всего «отдыхал». Именно так он характеризовал то свое состояние, когда сидел или лежал, переводя зрительную систему в режим готовности. Примерно то же, что сидеть или лежать с закрытыми глазами, но не спать. Органы чувств регистрировали довольно яркий свет, проникающий, как известно, и через веки спящего человека. Любой звук сразу же фиксировался слуховой системой.

В такие периоды «отдыха» в его мозгу проносились самые разные картины — секс, пища, дети, — вызывавшие самые разные чувства — злость, ревность, ностальгию. Измученный «отдыхом», он молил дать ему какое-нибудь облегчение, и в конце концов Хартнета обучили приемам самогипноза, позволявшим «очищать» мозг от мыслей. После этого в режиме «отдыха» он повисал на самой границе сознания, не делая вообще ничего. Только нервная система продолжала готовиться к очередной болезненной операции, когда мозг автоматически отсчитывал секунды до окончания миссии, до того момента, когда все будет позади и ему возвратят нормальное человеческое тело.

Таких секунд было много. Иногда, даже часто, он занимался тем, что подсчитывал их. Семь месяцев туда. Семь месяцев обратно. Несколько недель здесь и там на подготовку к запуску и затем отчет определенной работе. Операции тоже займут несколько месяцев. Плюс послеоперационный период.

По его прикидкам выходило около сорока пяти миллионов секунд. Плюс-минус десять миллионов. Каждая из них приходила, задерживалась и нехотя уходила в прошлое.

Психологи всячески старались избежать всего этого, а потому планировали каждый миг. Хартнет не желал принимать их планы. Пытаясь понять его, они проводили хитроумные тесты и системное сканирование. Он не мешал им, но выстроил в своей душе цитадель уединения, куда не пропускал посторонних. Хартнет никогда не считал себя интровертом: он знал, что широк, но не глубок, что не любит копаться в себе. Ему так нравилось. Но теперь, когда у него не осталось ничего, кроме мирка собственных мыслей и фантазий, он охранял это свое с особой тщательностью.

Иногда Хартнет сожалел, что так и не научился анализировать свою жизнь. Сожалел о том, что не может понять причины, побудившей его сделать то, что он сделал.

Почему он согласился? Он пытался вспомнить, но в конце концов решил, что и сам не знает ответа. Потому ли, что свободному миру необходимо марсианское жизненное пространство? Потому ли, что ему хотелось славы первого марсианина? Из-за денег? Из-за стипендий и всех прочих благ, обещанных его детям? Может быть, для того, чтобы Брэнда полюбила его? Наверное, мотив крылся где-то среди этих причин, но он не помнил. А может быть, никогда этого и не осознавал.

В любом случае колесо закрутилось. В чем Хартнет был уверен, так это в том, что соскочить на ходу уже нельзя. Пусть делают что хотят. Пусть терзают его тело, подвергают его жестоким и садистским мучениям. Он взойдет на борт корабля, который унесет его к Марсу. Он выдержит семь бесконечных месяцев на орбите. Он спустится на поверхность, исследует ее, застолбит за теми, кто его послал, возьмет образцы, сфотографирует и все такое. Потом снова поднимется на борт и как-нибудь переживет еще семь месяцев обратного пути. Он отдаст им всю полученную информацию, все, что им будет нужно. Примет медали, заслушает аплодисмен-

ты, прочитает лекции, ответит на вопросы журналистов и подпишет контракты на книги.

А потом отдастся в руки хирургов, чтобы стать тем, кем они его сделают.

Он настроился на все это и не сомневался, что выполнит все пункты.

И лишь один вопрос не нашел пока ответа. Непредвиденные обстоятельства. Когда Хартнет согласился на участие в проекте, ему честно и откровенно сказали, что медицинские проблемы сложны и не вполне понятны. Решение некоторых придется искать уже по ходу дела. Возможно, не всё удастся. Возможны ошибки. Возможно, возвращение в прежнее состояние окажется не таким простым. Так ему сказали в самом начале. Очень ясно. И больше не повторяли.

Но он помнил. Нерешенная проблема заключалась в том, что делать, если по каким-то причинам по окончании миссии его не смогут собрать заново. Хартнет никак не мог решить, что лучше: просто убить себя или убить при этом еще и как можно больше друзей, начальников и коллег.

Глава 4

ГРУППА ВОЗМОЖНЫХ СОИСКАТЕЛЕЙ СЛАВЫ

Роджер Торвей, полковник ВВС США в отставке, бакалавр гуманитарных наук, магистр искусств, доктор наук (почетный).

Когда он проснулся, ночная смена только что закончила стендовую проверку фоторецепторов киборга. При последнем испытании мониторы зафиксировали непонят-

ное падение напряжения, но тестирование ничего не дало. Фоторецепторы сняли, проверили на стенде, но тоже ничего не обнаружили и сочли вполне пригодными.

Роджер спал плохо. Ужасная ответственность быть хранителем последней надежды человечества на свободу. Именно с этой мыслью он и проснулся. Лет девять назад в нем появилось некое раздвоение: принимая слова президента за чистую монету, выполняя функции дипломата и главы миссии, путешествуя по миру, ведя переговоры в различных столицах, Роджер по-настоящему не признавал существования «свободного мира».

Размышляя о возможности и путях разрешения раздвоения, он оделся. Предположим, Дэш прав и оккупация Марса означает спасение человечества. Можем ли мы это сделать? Он подумал об Уилле Хартнете. Симпатичный (по крайней мере был до того, как попал в руки инженеров). Общительный. Ловкий. Но, пожалуй, немного легковат, если присмотреться непредвзято. Из тех, кто может хватить лишнего в клубе субботним вечером. Такого не оставишь на кухне со своей женой.

С какой меркой ни подойди, героем его не назовешь. Но есть ли они, герои? Мысленно Торвей пробежал список дублеров киборга.

Номер один: Вик Фрайбарт, в данное время сопровождает отправившегося в официальное турне вице-президента и временно исключен из списка исследователей. Номер два: Карл Маццини, в отпуске по болезни. Сломал ногу, катаясь на лыжах. Номер три: он сам.

Ни один из них не обладал качествами героя. Он приготовил завтрак, не будя для этого Дорри, вывел из гаража машину, взял утреннюю газету и закрыл за собой дверь.

По пути его окликнул сосед:

— Смотрел новости? Дэш был вчера в городе. Наверное, какое-то секретное совещание.

— Нет, я сегодня не включал телевизор, — автоматически ответил Роджер.

«Но я действительно видел Дэша, — подумал он, — и мог бы поумерить тебе оптимизма». Невозможность высказать это вслух раздражала его. Окружавшая проект секретность вообще создавала массу неудобств.

Торвей был уверен, что по меньшей мере половина его нынешних проблем с Дорри объясняется тем, что она, разговаривая с женами других астронавтов, не может сказать даже половину правды и вынуждена объяснять, что ее муж покончил с активной деятельностью в общей для всех области и сосредоточился на административной работе.

Прикрывать приходилось даже поездки за рубеж — «его нет в городе», «деловое свидание». А ведь могла бы с гордостью заявить: «На этой неделе мой муж встречается с начальниками штабов ВВС Басутоленда». Ей это не нравилось, и она нередко жаловалась Роджеру на неестественность такого положения. И все же, насколько ему было известно, Дорри держала язык за зубами. Он бы узнал, если бы она нарушила требование безопасности, потому что сведения о трех женах, сболтнувших лишнего, уже поступили в распоряжение офицера службы охраны.

Сев в машину, Торвей вспомнил, что, уходя, не поцеловал Дорри.

Он сказал себе, что это не важно. Она не проснулась, а следовательно, и не знает о его упущении, а если бы проснулась, то пожаловалась бы на то, что он ее разбудил. И все же нарушение установившегося ритуала не доставило удовольствия. Раздумывая об этом, Торвей все же перевел машину в режим автопилота, набрал код нужной программы и, вздохнув, включил телевизор, чтобы посмотреть утреннее шоу.

* * *

Фр. Даннелли С. Кэйман, бакалавр гуманитарных наук, магистр гуманитарных наук, доктор философии, член Общества Иисуса.

Когда он начал служение в церкви Святого Иуды, расположенной в трех милях от лаборатории на другой стороне города, киборг с жадностью поглощал завтрак, зная, что это единственный за весь день прием пищи. Из-за недостатка практики пережевывание пищи стало превращаться в нелегкое занятие — болели десны, слюна выделялась не так обильно, как следовало бы. Но киборга это не смущало, и он ел, совсем не думая о сегодняшней программе, а когда закончил, то с грустью посмотрел на пустую тарелку.

Дон Кэйман, которому исполнился тридцать один год, считался самым авторитетным в мире ареологом (то есть специалистом по планете Марс), по крайней мере в свободном мире. (Кэйман признавал, что старик Парнов из института Шкловского в Новосибирске тоже знает кое-что по этому вопросу.) Еще он был священником, для которого ареология — работа. Бережно и с радостью в сердце он поднял чашу, выпил вино, произнес заключительное «во искупление», бросил взгляд на часы и присвистнул. Он опаздывал.

Сбросив сутану, Кэйман наградил подзатыльником ухмыляющегося мальчишку-служку, который заулыбался еще шире и открыл ему дверь. Они симпатизировали друг другу; Кэйман даже надеялся, что когда-нибудь паренек тоже станет священником и ученым.

Переодевшись в слаксы и спортивную рубашку, он прыгнул в машину с откидным верхом. Автомобиль у Кэймана был классический, на колесах, а не на воздушной подушке, а потому ездить на нем можно было не только по скоростным шоссе на автоматике. Но где тут найти другие дороги? Кэйман набрал код программы, включил

двигатель и открыл газету. Оставленная без внимания машина устремилась вперед, нашла лазейку в потоке других автомобилей, заняла свободное место и помчалась к лаборатории со скоростью восемьдесят миль в час.

Новости, как обычно, не радовали.

Трудности на мирных переговорах в Париже по Чан-дригару. Израиль отказался оставить Каир и Дамаск. В Нью-Йорке, несмотря на действующее уже пятнадцать месяцев военное положение, совершено нападение на конвой 10-й горно-альпийской дивизии, пытавшийся прошмыгнуть через мост из Бронкса в Уайтстоун на помощь гарнизону в Ши Стедиум; пятнадцать солдат убиты, конвой вынужден вернуться в Бронкс.

Кэйман с грустью отложил газету. Потом убрал зеркало заднего вида, поднял боковые окна, чтобы защититься от ветра, и начал расчесывать длинные, до плеч, волосы. По двадцать пять раз на каждую сторону, это уже давно стало чем-то вроде ритуала. Позже он расчесает их заново, потому что ему предстоит ленч с сестрой Клотильдой. Женщина уже наполовину убедила себя, что хочет обратиться за разрешением снять некоторые обеты, и ему хотелось поскорее возобновить с ней дискуссию на эту тему.

Ехать до лаборатории Кэйману было ближе, а потому и прибыл он туда сразу после Роджера Торвея. Они вместе вышли из машин, отправили свои автомобили на стоянку и поднялись в комнату для совещаний в одной кабине лифта.

Заместитель директора Г. Гэмбл де Белл.

Пока он готовился к утреннему инструктажу, киборг лежал всего в тридцати метрах от него, распластавшись лицом вниз и голый. На Марсе ему предстояло питаться только очищенной пищей, да и то в небольших количествах. На Земле сочли необходимым поддерживать сис-

тему выделения в минимально функциональном состоянии, несмотря на трудности, вызванные изменениями в кожном покрове и обмене веществ. Хартнет радовался пище, но ненавидел клизмы.

Руководитель проекта был генералом. Главный научный руководитель — известным биофизиком, работавшим с Уилкинсом и Полингом. Двадцать лет назад он перестал заниматься наукой и перешел на административную работу, где труд ценился выше. К тому, что делалось в лабораториях, он не имел почти никакого отношения, поддерживая связь между теми, кто воплощал приказы в жизнь, и некими не вполне ясными фигурами, распоряжавшимися деньгами.

Вся повседневная рутина ложилась на плечи заместителя руководителя. Хотя утро только началось, перед ним уже лежала стопка рапортов и докладных записок, и он успел их все прочитать.

— Закодируйте картинку, — сказал он, не поднимая головы.

На расположенном под ним мониторе гротескный профиль Уилли Хартнета распался на отдельные линии, рассыпался «снегом» и перестроился в должном порядке. Теперь на мониторе была лишь голова. Сидевшие в комнате для совещаний уже не видели обнаженного Уилли, хотя большинство из них хорошо знали, в каком состоянии он находится. Картинка стала черно-белой и не столь резкой. Но теперь меры безопасности были соблюдены (на случай, если какой-то шпион подключился к закрытому каналу), а качество изображения в общем-то никак не отразилось на точности передачи состояния Хартнета.

— Так вот, — резко сказал заместитель директора. — Вы все слышали, что сказал вчера Дэш. Он приезжал сюда не за голосами. Ему нужны дела. Мне тоже. И хватит потчевать меня всей этой чушью насчет фоторецепторов.

Он перевернул страницу.

Утренний отчет. Хартнет функционирует хорошо во всех системах с тремя исключениями. Первое — искусственное сердце плохо реагирует на продолжительные нагрузки при низких температурах. Второе — зрительная система слабо действует на частотах выше средне-синего.

— Я огорчен, Брэд, — вставил он, переводя взгляд на Александра Брэдли, эксперта по воспринимающим системам глаза. — Вы знаете, что мы завязаны здесь с возможностью восприятия ультрафиолетовых лучей. Третье — коммуникационные звенья. Вчера вечером пришлось признать это перед президентом. Ему это не понравилось, и мне тоже. Микрофон в горле не работает. У нас нет эффективной голосовой связи при марсианском давлении, и если решение не будет найдено, придется вернуться к обычным визуальным системам. Восемнадцать месяцев — в трубу.

Он обвел взглядом аудиторию и остановился на ответственном за сердце.

— Ладно. Что с циркуляцией?

— Все дело в тепловой перегрузке, — обиженно заявил Файнмен. — Сердце функционирует превосходно. Хотите, чтобы я переделал его для каких-то смехотворных условий? Могу, но оно будет восемь футов в высоту. Отрегулируйте термальный баланс. При низких температурах кожа закрывается и не работает. Естественно, уровень кислорода в крови падает, и естественно, скорость сокращений возрастает. Так и должно быть. Чего вы хотите? Иначе он упадет в обморок, возможно кратковременное прекращение подачи мозгу O_2 . И что тогда вы получите?

С экрана монитора на стене на собравшихся смотрело бесстрастное лицо киборга. Он изменил позу (очищение организма закончилось, «утку» убрали, и теперь Хартнет сидел).

Роджер Торвей, не проявлявший интереса к дискуссии, которая ни в малейшей степени не затрагивала его специальность, задумчиво смотрел на киборга. Интересно, что думает старина Уилли, слыша, что о нем говорят. Любопытство в этом вопросе уже подтолкнуло его к изучению материалов наблюдений за психологическим состоянием Хартнета, но никакой ценной информации он из них не извлек. Роджер знал почему. За время работы над проектом их всех тестировали столько раз, что они научились отвечать на вопросы так, как этого хотелось проверяющим. Теперь уже все в лаборатории освоили не столь уж хитрую науку ставить «галочку» в нужном месте или говорить требуемые слова.

Отличные получились бы игроки в покер, подумал Торвей и улыбнулся, вспомнив, как играл в покер Уилли. Убедившись, что никто на него не смотрит, он подмигнул киборгу и поднял большой палец. Хартнет не отреагировал. По его рубиновым фасеточным глазам было невозможно определить, что он видит.

— Мы не можем еще раз менять кожу, — доказывал специалист по наружным покровам. — Если поставить больше сенсорных активаторов, он будет чувствовать себя так, как будто постоянно носит мокрый костюм.

Из монитора донесся удививший всех хрип. Это заговорил киборг:

— А как вы, черт возьми, думаете, я чувствую себя сейчас?

На несколько секунд в комнате повисла тишина — все вспомнили, что речь идет о живом человеке. Затем специалист по коже продолжил:

— Тем более. Мы хотим избавиться от лишнего веса, стремимся к простоте, а не к усложнению.

Заместитель директора поднял руку.

— Вы работаете вместе. — Он посмотрел на обоих оппонентов. — И не говорите мне о том, что вы не мо-

жете сделать. Я говорю вам, что мы должны сделать. Теперь вы, Брэд. Что там с отключением зрения?

Алекс Брэдли весело улыбнулся.

— Все под контролем. Я с этим справлюсь. Но послушай, Уилл, мне очень жаль, придется вживлять еще один имплантат. Я понимаю, в чем проблема. Сетчатка, она фильтрует верхние частоты. Сама система в порядке, но...

— Так сделайте, чтобы она работала. — Заместитель директора взглянул на часы. — Что с помехами в голосовой связи?

— Надо еще немного воздуха, — ответил специалист по электронике.

— Чуть посильнее выдох. Электронная система работает, но нет носителя. Дайте Хартнету побольше воздуха, и он заговорит.

— Невозможно! — воскликнул специалист по легким. — У нас осталось всего пятьсот квадратных сантиметров пространства. Этого хватает на десять минут. Я проверял с ним около сотни упражнений на сохранение...

— И он не может даже шептать?

Специалист по голосовой связи начал что-то объяснять, но заместитель директора остановил его:

— Сделайте, чтобы он говорил, ладно? У всех остальных, похоже, порядок. Но не расслабляйтесь. — Он положил бумажки в папку и передал ее ассистенту. — Ну вот. Теперь разрешите перейти к основному вопросу.

Заместитель директора подождал, пока все успокоится.

— Президент побывал у нас вчера не просто так. Наверху все решено. Друзья, время пришло.

— Когда? — крикнул кто-то.

— Нам нужно завершить работу — под этим я понимаю закончить ее полностью, довести Хартнета до оптимального функционального состояния, чтобы он действительно мог жить на Марсе. Время запуска — 8.00 двенадцатого ноября. У нас с вами 43 дня 22 часа и несколько минут. Не больше.

Последовала секундная пауза, и тут же заговорили все. Даже выражение на лице киборга изменилось, хотя никто не смог бы сказать, в какую сторону.

Выждав немного, заместитель директора продолжил:

— Это лишь часть вопроса. Дата установлена, изменить ее нельзя, но я скажу вам почему. Свет, пожалуйста.

Свет стал гаснуть, и заместитель директора, не дождавшись никакого сигнала, нажал кнопку проектора. На дальней стене комнаты, там, где все, даже киборг, могли его видеть, появилось изображение какого-то документа с черной диагональной полосой и продольной краской. Вверху стояли оранжевые буквы: «Совершенно секретно. Только для прочтения».

— Разрешите мне объяснить, что это, — сказал заместитель директора. — Черная полоса — это сводный показатель двадцати двух пунктов, включающих, например, состояние международного кредитного баланса и количество преследований американских туристов со стороны зарубежных правительственных чиновников. Показатель вероятности войны. Красная полоса помечена буквами НБД. Начало боевых действий, как все вы знаете. Разумеется, это еще не война, но, согласно выводам статистиков, мы к ней приближаемся. Когда верхний предел будет достигнут, вероятность развязывания войны в течение шести часов составит 0,9. Как видите, мы приближаемся к этому пределу.

Шум в зале стих. Все замерли. Наконец тишину нарушил чей-то голос:

— А временная шкала?

— Тридцать пять лет, — сказал заместитель директора.

В комнате послышались вздохи облегчения. По крайней мере белое пространство на графике позволяло надеяться, что в запасе еще недели и даже месяцы, а не минуты.

Руку подняла Кэтлин Доути.

— Здесь есть данные о том, с кем мы вступим в войну?

Заместитель директора заколебался, затем, осторожно подбирая слова, сказал:

— В графике этого нет, но, полагаю, догадаться не так уж трудно. Я не стану возражать, если вы выскажете свои предположения. Те, кто читает газеты, знают, что китайские коммунисты уже давно твердят о резком увеличении производства продовольствия, которого они могут достичь, перенеся свой опыт на малоосвоенные районы Австралии. В Канберре немало предателей, готовых согласиться на это, но я уверен, что нынешняя администрация не допустит вторжения. По крайней мере Дэш не пойдет на такой шаг, не рискуя потерять мой голос. — Помолчав, он добавил: — Я выскажу свое личное мнение, которое попрошу не вносить в протокол. У меня нет никакого официального ответа, а если бы и был, я не сообщил бы его никому. Мне известно столько же, сколько теперь известно вам. Прогнозы не обещают ничего хорошего. Есть тенденция наращивания ядерных вооружений. И, согласно графику, кривая вероятности войны достигнет пункта 0,9 менее чем за семь лет.

А это значит, что если к тому времени у нас не будет прочной колонии на Марсе, то, возможно, ее не будет уже никогда.

Александр Брэдли, бакалавр естественных наук, доктор медицинских наук, доктор естественных наук, подполковник в отставке.

Пока Брэдли выходил из конференц-зала, меня озабоченное выражение лица, приберегаемое именно для таких случаев, на более привычное и естественное (перед миром он представлял веселым и открытым парнем), киборг переместился в симуляционный танк. Мониторы зафиксировали некоторые изменения в его состоянии. Разумеется, они не могли прочесть выражения лица Хартнета, но, судя по пульсу, дыханию и другим жиз-

ненно важным показателям, он находился в несколько возбужденном состоянии. На предложение повременить с очередным тестом киборг ответил сердитым отказом.

— Вы что, не знаете, что уже почти война? — пронзительным голосом заявил он и впал в молчание, явно не желая больше разговаривать.

Было решено продолжать тестирование, а по окончании проверить еще раз психический профиль.

Когда Александру Брэдли было десять лет, он потерял отца и левый глаз. В воскресенье после Дня Благодарения вся семья возвращалась домой из церкви. Холодало. Утренняя роса замерзла, превратившись в тонкую и скользкую пленку на дороге. Отец Брэда ехал очень осторожно, но повсюду — сзади, спереди, на другой стороне двухполосной дороги — были машины; он попытался держать скорость и, когда к нему обращались с каким-то вопросом, отвечал коротко, односложно.

Он был сосредоточен, но, как оказалось, все же недостаточно. Когда пришла беда, человек за рулем не смог избежать ее. Брэд, сидевший рядом с отцом на переднем сиденье, вдруг увидел, как идущий им навстречу трейлер начал медленно и осторожно поворачивать влево. Но никакого поворота не было. Отец Брэда вдавил педаль тормоза. Машина замедлила ход, но не остановилась, продолжая скользить. Несколько секунд мальчик смотрел на приближающийся к ним трейлер. Обе машины медленно, но неотвратно шли навстречу друг другу. Никто не сказал ни слова. Ни Брэд, ни его отец, ни мать на заднем сиденье. Никто ничего не сделал, они застыли в напряженных позах, словно актеры в немой сцене. Отец сидел молча, вцепившись в руль и сосредоточенно глядя на трейлер. Водитель трейлера смотрел на них широко раскрытыми глазами, в которых застыл вопрос. Никто не пошевельнулся до самого столкновения. Тормоза делали свое дело даже на льду, замедляя их скорость сближения, со-

ставлявшую в момент удара не более двадцати пяти миль в час. Но и этого оказалось достаточно. Оба водителя погибли — отца Брэда раздавило, водителю трейлера снесло голову. Брэд и его мать, хотя ремни безопасности и были пристегнуты, получили переломы, порезы, синяки и внутренние повреждения. Женщина навсегда потеряла способность шевелить левой кистью, а ее сын также навсегда лишился глаза.

Прошло двадцать три года, но Брэд все еще представлял случившееся тогда с такой ясностью, будто все было только вчера. Кошмар влиял в его сны, и тогда он просыпался мокрый от пота, плачущий и задыхающийся.

Но не все было так плохо. Брэд узнал, что, лишившись глаза, обрел немалые преимущества. Во-первых, существовала страховка, в которой предусматривались смерть его отца и увечья прочих членов семьи. Во-вторых, его не взяли в армию, но разрешили вступить в морскую пехоту, где он занял сугубо гражданскую должность. В-третьих, у него появился уважительный повод не рисковать и уклоняться от других утомительных обязательств юности. Ему не приходилось доказывать свою храбрость, занимаясь каким-либо жестоким видом спорта, и его всегда освобождали от занятий в спортзале, которые он очень не любил.

Но самое главное — потеря глаза дала ему образование. Благодаря программе помощи детям с физическими недостатками, действовавшей в штате, Брэду оплатили пребывание в школе, колледже и университете. Он получил четыре степени и стал одним из ведущих экспертов по перцептивным системам глаза. В целом сделка оказалась выгодной. Даже с учетом того, что его мать в последние десять лет страдала от боли и стала очень раздражительной.

К проекту «Человек Плюс» его привлекли потому, что никого лучше не оказалось. Брэд остался в морской

пехоте, потому что где еще найдешь столько возможностей для экспериментов, как в полевых госпиталях Танзании, Борнео и Цейлона. Его работу отметили наверху. Брэда не приняли, его рекрутировали.

Он только не был уверен, что проект «Человек Плюс» это лучшее из всего, что можно получить. Других космическая программа привлекала возможностью блеснуть или исполнить долг. С Бредом все было не так. Едва поняв, на что намекает человек из Вашингтона, он сразу же увидел перспективы, возможности и нежелательные последствия. Перед ним открывалась новая дорога. Ступив на нее, нужно отказаться от одних планов и отложить другие.

Но Бред заглядывал дальше. Хорошо, предположим, у него уйдет три года на создание оптических систем для киборга. Это принесет мировую известность. Потом можно выйти из программы и заняться частной практикой, сулящей небывалые возможности. У ста восьми из ста тысяч американцев наблюдается полная утрата функции одного или обоих глаз. Получается триста тысяч потенциальных клиентов, каждый из которых стремится лечиться у лучшего в этой области специалиста.

Работа по программе «Человек Плюс» сделает его лучшим. Он получит сертификат высшего качества. Еще до сорока лет можно будет завести собственную клинику. Небольшую. Таковую, где он лично сможет контролировать любую мелочь. Таковую, где штат специалистов будет работать под его управлением. Принимать в год пятьсот—шестьсот пациентов — это менее 1 процента от числа возможных. Половина из них будут богатыми и готовыми платить. И конечно, программа милосердия. По меньшей мере сто человек в год получают все бесплатно, включая телефон на прикроватной тумбочке. Но зато остальные несколько сотен расплатятся по

полной программе. Клиника Брэдли станет образцом и примером для всех медицинских учреждений в мире и принесет ему кучу денег.

Не Брэдли был виноват в том, что три года растянулись в пять. Задержки происходили не по его вине. По крайней мере большинство. Так или иначе, он еще не считал себя стариком. После окончания проекта у него будет еще добрых тридцать лет карьеры, если он не предпочтет уйти на покой раньше, сохранив за собой пост консультанта или место управляющего акциями клиники Брэдли.

Участие в космической программе давало и другие преимущества — многие из его коллег были женаты на очень красивых женщинах. Брэдли не собирался жениться, но чужие жены его интересовали.

Вернувшись в лабораторию, Брэд задал жару своим подчиненным и, лишь убедившись в том, что они делают все возможное, чтобы новый имплантат был готов в течение недели, посмотрел на часы.

Еще не было одиннадцати. Он набрал номер Роджера Торвея по интеркому и вскоре услышал его голос.

— Как насчет ленча, Родж? Хочу поговорить с тобой по поводу этого нового имплантата.

— Извини, Брэд, но я вряд ли смогу. Мне еще как минимум три часа надо быть в модуле с Хартнетом. Может быть, завтра.

— Ладно, пусть будет завтра, — весело ответил Брэд и повесил трубку.

Сообщение Торвея его не удивило — он уже проверил график Роджера. Но настроение стало лучше. Сказав секретарше, что уезжает на конференцию, а потом задержится на ленч и вернется только после двух, Брэд вызвал свою машину. Потом ввел в программу координаты дома, где жил Роджер Торвей.

И где жила Дорри Торвей.

Глава 5

МОНСТР СНОВА СТАНОВИТСЯ СМЕРТНЫМ

Посвистывая, Брэд отправился в путь. Радио передавало новости. Десятая горно-альпийская дивизия отступила в укрепленный район на Ривердейл. Тайфун погубил урожай риса в Юго-Восточной Азии. Президент Дэшатайн распорядился, чтобы делегация США покинула проходящие в ООН переговоры по проблеме раздела ограниченных ресурсов.

Было много и таких новостей, которые не прозвучали по радио, потому что журналисты либо не знали о них, либо не сочли их важными. Например, никто и словом не упомянул о миссии двух китайских джентльменов в Австралии, о результатах некоего секретного опроса общественного мнения, запертых в сейфе президента, или о тестах, которым подвергли Уилли Хартнета. Поэтому Брэд ничего и не услышал об этих событиях. А если бы услышал и смог понять их значимость, то, возможно, задумался бы. Он не был беспечным. Как не был и дурным, злым или плохим. Он просто был не очень хорошим.

Иногда этот вопрос вставал, например, когда настало время расстаться с подружкой или бросить друга, помогавшего подняться наверх. Иногда этому сопутствовали обвинения. Тогда Брэд улыбался, пожимал плечами и указывал на то, что мир вообще несправедлив. Ланселот не победил на всех турнирах. Иногда его сшибал на землю нехороший черный рыцарь. Бобби Фишер не был самым любимым в мире шахматистом, а всего лишь лучшим. И так далее.

Так что Брэд и сам признавал, что не является образцовым человеком по общественным стандартам. Он и в самом деле не был таковым. Что-то пошло не так в дет-

стве. Шишка эго у него на голове разрослась настолько, что Брэд смотрел на весь мир только с точки зрения того, что тот может дать ему. Война с Китаем? Что ж, посмотрим, прикидывал он, наверняка будет много раненых; возможно, меня назначат начальником госпиталя. Мировая депрессия? Ну, его-то денежки вложены в сельскохозяйственные земли; а люди всегда будут хотеть есть.

Да, им не приходилось восхищаться. Но он был лучшим, кто мог сделать киборгу то, что требовалось: снабдить Уилли Хартнета связующим звеном между раздражителем и толкованием. Другими словами, между внешним предметом, видимым киборгу, и теми выводами, к которым приходил его мозг, должна находиться некая ступень для отсеивания ненужной информации. Иначе киборг просто сошел бы с ума. Для понимания этого давайте посмотрим на лягушку. Представим лягушку как функциональную машину, предназначенную для производства лягушат. Такова точка зрения дарвинистов, и в этом суть эволюции. Чтобы выполнить свою задачу, лягушка должна прожить достаточно долго, чтобы вырасти и либо забеременеть, либо оплодотворить самку. А значит, она должна делать две вещи. Она должна есть. И она должна избегать того, чтобы быть съеденной.

В ряду позвоночных лягушка довольно примитивное и не очень развитое существо. У нее есть мозг, но небольшой и не очень сложный. Способности мозга лягушки ограничены, так что ей не до пустяков. Эволюция всегда экономна. Лягушки-самцы не пишут стихов и не мучают себя мыслями о том, что подруга может быть неверна. Не забивают голову мыслями о том, что не имеет прямого отношения к первостепенной задаче — остаться в живых.

Глаз у лягушки тоже прост. В человеческом глазу есть сложности, о которых лягушка и не догадывается. Предположим, человек входит в комнату, где находится стол

с бифштексом и картофелем по-французски. Даже если он не слышит, не чувствует запаха и вкуса, его все равно влечет к еде. Его глаза обращаются к бифштексу. В глазу есть точка, которая называется «фовеа», часть глаза, видящая лучше всего, и именно эта точка направляется на цель. У лягушки такой точки нет, все части ее глаза видят одинаково хорошо. Или одинаково плохо. Пища для лягушки это то, что ведет себя как пища. Например, паук. Расставьте вокруг лягушки тарелочки с питательным паштетом из насекомых. Она умрет от голода, если рядом не пролетит божья коровка.

Такое странное поведение обретает смысл, если подумать о том, как лягушка ест. Она занимает вполне определенную экологическую нишу. Лягушка ест насекомых, поэтому насекомые это то, что она видит. Если в поле зрения появляется нечто подходящего размера, нечто, напоминающее насекомое, лягушка не раздумывает о том, голодна она или нет, вкусно это насекомое или нет. Она съедает его. А потом ждет появления другого.

В лаборатории лягушку можно обмануть кусочком ткани, дерева на ниточке, чем угодно, что движется нужным образом и попадает под определенные размеры. Лягушка съест и одно, и другое и останется голодной. Но в природе таких трюков никто не устраивает. В природе только жуки летают, как жуки, и каждый жук — это обед для лягушки.

Принцип понять нетрудно. Расскажите какому-нибудь наивному приятелю, и он воскликнет: «О да, понимаю! Лягушка просто не обращает внимания на все, что не похоже на жука». Неверно! Ничего подобного лягушка не делает. Она не игнорирует другие объекты. Прежде всего она их не видит. Подсоединитесь к зрительному нерву лягушки и протащите перед ней блестящий камешек — большой камешек и очень медленно, — и никакой инструмент не зафиксирует нервный импульс.

Его нет. Глаз не удосуживается видеть то, что не интересует лягушку. Но помашите перед ней мертвой мухой, и стрелка на вашем приборе сдвинется с места, нерв передаст сигнал, и язык схватит добычу.

Перейдем теперь к киборгу. Брэдли создал промежуточную ступень между глазами и мозгом Уилли Хартнета, которая фильтровала, интерпретировала и как бы расфасовывала всю визуальную информацию киборга. «Глаз» видел все, в том числе в ультрафиолетовой и инфракрасной части спектра. Мозг не справился бы с таким потоком информации, и промежуточная ступень Брэдли отфильтровывала ненужное.

Эту ступень можно было назвать триумфом дизайна, потому что Брэдли очень хорошо делал то, в чем был хорош. Но при установке имплантата он не присутствовал. Вот так и случилось, что из-за того, что Брэдли отправился на свидание, президент США пошел в ванную, а двум китайцам, Синю и Суну, захотелось отведать пиццы, история мира изменилась.

Медленным и кропотливым процессом установки визуальных систем киборга руководил главный ассистент Брэда Джерри Вайднер. Работа была нудная и тягучая. Как почти все, что делали с Уилли Хартнетом, она доставляла киборгу максимум дискомфорта. Чувствительные нервы века уже давно были отсечены; в противном случае киборг день и ночь был бы от боли. Но он чувствовал, что происходит, чувствовал не боль, а скорее психическое беспокойство от того, что кто-то вторгнулся в очень нежную часть его организма. Его настоящее зрение перевели в режим готовности, поэтому «видел» Хартнет только неясные движущиеся тени. Но и этого хватало.

В нем кипела ненависть. Он лежал уже час или больше, пока Вайднер и другие тыкали в него своими инструментами, меняя потенциалы, считывая показатели и

переговариваясь между собой на языке, понятном только техникам. Когда же они, удовлетворенные силой поля его потенциальной системы, позволили ему встать, Хартнет покачнулся и едва не упал.

— Черт, — бросил он. — Все кружится.

— Ладно, проверим вестибулярную систему, — беспокойно сказал Вайднер.

Еще тридцать минут ушло на проверку рефлексов. В конце концов киборг взорвался.

— Боже, хватит же. Следующие двадцать часов я могу простоять на одной ноге, но что это доказывает?

Тем не менее его еще подержали на одной ноге, проверяя координацию движений.

Наконец группа, занимавшаяся вестибулярной системой, заявила, что все в порядке. И все же Джерри Вайднер остался недоволен. Головокружение случалось у киборга и раньше, но причины его так и остались невыясненными, так что можно было только гадать, связано ли оно каким-то образом с встроенным механическим горизонтом или с косточками в ухе киборга. Возможно, что-то было не так с новым имплантатом, которым занимался сам Вайднер. Он пребывал в тревоге и нерешительности и хотел только одного: чтобы Брэд поскорее вернулся со своего затянувшегося ленча.

А в это время на другой половине мира жили-были два китайца, которых звали Синь и Сун. Нет, это не персонажи грязного анекдота. Их действительно так звали. Прадед Синя погиб от рук русских, которые привязали его к жерлу пушки и выстрелили. Так закончилось восстание, ставившее целью изгнание белых дьяволов из Китая. Отец Синя умер во время Великого похода, не дожив до рождения сына, в бою против солдат сторонника Чан Кайши.

Самому Синю было около девяноста лет. Он помогал руку Председателю Мао, работал на Желтой реке во

времена преемников кормчего, а теперь руководил осуществлением крупнейшего инженерного проекта своей жизни в австралийском городке Фицрой-Кроссинг. Это был его первый длительный выезд за пределы территории Новой Народной Азии.

Синь поставил перед собой три цели: посмотреть неурезанный порнофильм, выпить бутылку скотча, сделанного в Шотландии, а не в провинции Хонсю, и попробовать пиццу. Вместе с коллегой Сунем он уже начал со скотча, выяснил, где можно посмотреть фильм, и теперь желал отведать пиццы.

Сун был намного моложе — он еще не достиг сорока — и, несмотря ни на что, страдал от уважения к возрасту своего спутника. Кроме того, он стоял намного ниже в социальном отношении, хотя и достиг немалого в том крыле партии, которое называло себя техноиндустриальным. Сун только что вернулся после годичной экспедиции по Большой песчаной пустыне, где занимался картографической работой. В пустыне был не только песок, но и плодородная, богатая почва. Не хватало только воды и кое-каких микроэлементов. Сун составил химическую карту территории в несколько миллионов квадратных миль. Карта Суна и громадный акведук Синя, работающий на четырнадцать ядерных батареях, могли дать совсем другую жизнь этой пустыне. Химическое обеспечение плюс очищенная вода с дальнего побережья дали бы десять урожаев в год, которые могли бы прокормить сто миллионов этнических китайцев, ставших новыми австралийцами.

Проект готовили очень тщательно, и в нем был лишь один недостаток. Старые австралийцы не хотели, чтобы новые австралийцы пришли на их землю. Они хотели оставить ее себе. Когда Сун и Синь вошли в пиццерию Дэнни на главной улице Фицрой-Кроссинга, два старых австралийца, Кошенко и Граденек,

как раз выходили из бара и узнали Синя по фотографии в газете. Обмен словами. В результате старик познакомился лишь с запахом несвежего пива. Китайцы все же попытались пройти, но Кощенко и Граденек вытолкали их на улицу. Воинственность обеих сторон резко возросла, и девяностолетний Синь раскроил череп, ударившись о забор.

Тогда Сун вытащил пистолет, носить который он не имел права, и застрелил обоих обидчиков.

Всего лишь пьяная заварушка. Полиция Фицрой-Кроссинга имела дело с сотнями куда более драматических преступлений и легко справилась бы и с этим, уладив недоразумение, если бы ей это разрешили. Но этим не кончилось. Одна из официанток была новой австралийкой. Она узнала Суна, выяснила, кто такой Синь, и позвонила в ближайший корпункт китайского агентства новостей, сообщив о жестоком убийстве одного из самых знаменитых китайских ученых.

Уже через десять минут спутниковая сеть разнесла по всему миру не очень верную с фактической стороны дела, но весьма живописную историю по всему миру.

Не прошло и часа, как представитель миссии Новой Народной Азии в Канберре потребовал встречи с министром иностранных дел для заявления протеста. В крупнейших городах ННА — Шанхае, Сайгоне, Хиросиме и других — прошли стихийные демонстрации, и с полдюжины спутников наблюдения, сойдя со своих привычных орбит, прошли над северо-западной Австралией и островами Сумба. В двух милях от гавани Мельбурна из воды выросла громадная серая штуковина, не отвечавшая ни на какие сигналы в течение двадцати минут. Затем было объявлено, что это атомная субмарина «Красный Восток», пришедшая с дружественным дипломатическим визитом. Новость подоспела вовремя, предотвра-

тив авиационный удар по неизвестному нарушителю, приказ о котором уже был отдан.

Президента США, находившегося под Пуэбло, что в штате Колорадо, и мирно почивавшего после ленча, спешно разбудили. Он сидел на краю кровати, с отвращением прихлебывая черный кофе, когда дежурный офицер доложил ему об объявлении готовности номер один, что вполне соответствовало программе НАДКОМа. Президент уже получил информацию со спутников, знал о появлении подлодки «Красный Восток», но еще не знал о том, что удар по ней отложен.

Подводя итог, офицер сказал президенту:

— Сэр, либо «да», либо «нет». НАДКОМ рекомендует объявить состояние повышенной боевой готовности.

Президент фыркнул:

— Мне что-то нехорошо. Что, черт возьми, положили в эту бурду?

Президенту не хотелось думать о Китае; его мысли были заняты результатами проведенного опроса общественного мнения, показавшего снижение популярности руководителя страны до семнадцати процентов, тогда как «неудовлетворительной» и «очень плохой» деятельность администрации назвал шестьдесят один процент избирателей. И это был не сон. Об этом президенту доложили утром.

Отодвинув чашку, он мрачно обдумывал решение, принятие которого диктовали обстоятельства. Запуск ракет в направлении крупных городов Новой Народной Азии в теории еще не означал войну. Ракеты можно было бы отклонить от целей, направить в море. Но как получится на практике? Посты противоракетной обороны обнаружат запуск, и кто знает, какова будет реакция этих сумасшедших китайцев. Он поморщился, чувствуя, как раздувает живот. словно у женщины в последние минуты беременности.

Первый секретарь укоризненно произнес:

— Доктор Стассен советовал вам, сэр, не есть больше капусты. Может быть, дать распоряжение поварам не готовить этот суп?

Президент раздраженно тряхнул головой.

— Мне не нужны сейчас ваши лекции. Ладно, посмотрим. Сохраняйте состояние готовности и ждите приказа. Никаких пусков. Никаких ответных шагов. Понятно?

— Да, сэр, — с грустью ответил офицер. — Сэр, есть еще несколько запросов. Из НАДКОМА, от руководителя проекта «Человек Плюс», от адмирала...

— Вы слышали, что я сказал? Никаких ответных мер. Все остальное пусть идет как и шло.

Первый секретарь кивнул и уточнил тревожащий его вопрос:

— Наша официальная позиция состоит в том, что случай в Австралии — это сугубо внутреннее дело, не затрагивающее интересы США. Наше состояние готовности не меняется. Так, господин президент?

— Верно, — буркнул Дэшатайн. — А теперь обойдитесь без меня десять минут. Мне надо кое-куда сходить.

Брэд думал, что надо позвонить, узнать, как идет перекалибровка, но ему так нравилось принимать душ с женщиной, которая только что стонала в его объятиях. Душ давал новое удовольствие — натирать друг друга мылом, баловаться теплой струей воды, вытираться чудесными пушистыми полотенцами. В общем, было уже три часа, когда он решил, что пора возвращаться на работу.

Он опоздал — к этому времени все закончилось. Вайднер пытался получить у заместителя директора разрешение отложить тест. Тот не мог взять на себя такую ответственность и обратился в Вашингтон, откуда его переназначили в офис президента.

Ответ был такой:

— Нет, нельзя. Определенно нельзя. Повторяю — нет. Никаких изменений в графике.

Человек, говоривший это, первый секретарь президента, смотрел на другой график, висевший в кабинете Дэшатайна. На его глазах широкая черная линия подбиралась к красной полосе.

Ничего не оставалось, как продолжить тест. Вайднер поджал губы и скорчил гримасу. Все шло относительно хорошо, пока не пошло вдруг совсем плохо. Мысли Роджера Торвея унеслись далеко из лаборатории, когда он услышал, что его зовет киборг. Он перевел взгляд на Хартнета и поднялся с бурого песка, направляя дыхательную маску.

— В чем дело, Уилли?

Огромные рубиновые глаза уставились на него.

— Я... я не вижу тебя, Роджжер! — пронзительно крикнул киборг. — Я... я...

И тут он покачнулся и упал. Все произошло в одно мгновение. Роджер даже не успел шагнуть к нему, и его подтолкнула струя воздуха, ворвавшаяся в модуль.

В камеру вбежал Дон Кэйман. Он даже не дождался, пока откроются двери, — он сам распахнул их. Дон Кэйман уже не был ученым. Он был священником.

Священник опустил на колени перед неуклюжим телом того, кто был Уилли Хартнетом.

Роджер осторожно наблюдал за тем, как Дон прикасается к рубиновым глазам, чертит крест на синтетической плоти, шепчет что-то. Роджер не слышал слов и не хотел их слышать. Он знал, что происходит.

Первый кандидат в киборги отправился на тот свет.

Второй дублер, Карл Маццини, вычеркнут из-за перелома ноги.

Третьим, перепрыгнувшим теперь через две ступеньки, был он, Роджер Торвей.

Глава 6

СМЕРТНЫЙ В СМЕРТЕЛЬНОМ СТРАХЕ

Не так-то легко человеку, живому существу из плоти и крови, смириться с тем, что часть его плоти будет безжалостно содрана и заменена сталью, медью, серебром, пластиком, алюминием и стеклом.

Мы видели, что Торвей повел себя не очень рационально. Поспешно и в то же время как-то неуверенно, словно выполняя некое важное поручение, он вышел из симуляционного модуля и оказался в холле. Никакого поручения у него не было, ему лишь хотелось уйти. Холл казался Торвею ловушкой. Больше всего Роджеру не хотелось натолкнуться на кого-то, кто пожалел бы беднягу Уилли Хартнета или каким-то образом признал бы новый статус Торвея.

Проходя мимо мужского туалета, он остановился, огляделся — никого — и вошел в комнату. Две-три минуты Торвей стоял у писсуара, тупо глядя в блестящую хромированную стену. Когда дверь открылась, он с преувеличенным спокойствием застегнул «молнию», дернул ручку снова и, повернув голову, увидел мальчишку из машинописного отдела, который равнодушно взглянул на него и направился к кабинке.

В коридоре его поймал заместитель директора.

— Паршиво. Полагаю, вы уже знаете.

— Знаю.

Торвей остался доволен тем, как спокойно прозвучал его голос.

— Нам нужно очень быстро выяснить, что произошло. Через девяносто минут совещание в моем кабинете. К этому времени будут первые результаты вскрытия. Вам нужно присутствовать.

Роджер кивнул, взглянул на часы и зашагал дальше. Главное, думал он, идти с таким видом, чтобы все думали, что ты чем-то очень занят. К сожалению, он так и не смог придумать, чем мог бы быть занят. Лишь бы не приставали с разговорами. Нет, не с разговорами. Сделав несколько шагов, Торвей понял, что хочет уйти отсюда, побыть один. Ему не было страшно. Он не злился на судьбу. Просто он не успел подготовиться к тому, что означала смерть Уилли Хартнета лично для него. Сейчас...

Он поднял голову, услышав свое имя.

Джон Фрилинг, ассистент Брэда, специалист по хирургии.

— Где Брэд?

— Брэд? — Торвей был рад поговорить на тему, не связанную со смертью Уилли Хартнета и его собственным будущим. — Понятия не имею, где он. Думаю, отправился на ленч.

— Два часа назад. Ему крепко прищемят хвост, если я не найду его до совещания. Не уверен, что смогу ответить на все вопросы, и искать его у меня нет времени, сейчас в лабораторию принесут киборга, и...

— Я найду его, — торопливо сказал Торвей. — Позвоню Брэду домой.

— Уже звонили. Никто не отвечает. И он не оставил номера, по которому его можно найти.

Торвей кивнул. Ему стало вдруг легче — появилось конкретное занятие.

— Вы же знаете Брэда — тот еще гуляка. Я его найду.

Спустившись на лифте на административный этаж, он обогнул два угла и постучал в дверь с табличкой «Статистический отдел».

Люди, находившиеся за этой дверью, не имели никакого отношения к статистике. Дверь открыли не сразу — сначала через глазок на него посмотрел чей-то голубой глаз.

— Я полковник Торвей. У меня срочное дело.

— Минуточку, — произнес женский голос.

Послышался скрежет, щелчок открываемого замка, и лишь затем Торвея впустили в комнату. Помимо открывшей ему девушки, здесь было еще четыре человека, все в гражданской одежде и все какие-то неприметные, какими им и полагалось быть. Перед каждым стоял старомодный письменный стол-бюро с откидывающейся крышкой, присутствие которых в офисе космического агентства выглядело несколько неуместным. Крышки можно было опустить в любой момент, чтобы скрыть то, что лежало на столе. Сейчас они были опущены.

— Доктор Александр Брэдли, — сказал Роджер. — Через час ему необходимо быть на месте, а найти его не могут. Коммандер Хартнет умер, и поэтому...

Девушка кивнула.

— Мы знаем о том, что случилось с коммандером Хартнетом. Вы хотите, чтобы мы нашли доктора Брэдли?

— Нет, я сам это сделаю. Но надеюсь, что вы подскажете мне, откуда начать поиски. Я знаю, что вы следите за всеми нашими передвижениями.

Он хотел даже подмигнуть ей, но обошелся без этого.

Некоторое время девушка молча смотрела на него.

— Возможно, доктор Брэдли сейчас...

— Стоп, — остановил ее мужчина, сидевший за соседним столом.

Голос его прозвучал неожиданно сердито.

Девушка не оглянулась и лишь покачала головой.

— Начните с мотеля «Черо-Стрип Ховер». Обычно он пользуется именем Беквит. Предлагаю вам позвонить. Может быть, мне лучше самой это сделать, и...

— О нет. — Торвей улыбнулся, твердо вознамерившись справиться с этой задачей самостоятельно. — Мне необходимо поговорить с ним самому.

Молодой человек не сдавался.

— Доктор Торвей, я настоятельно рекомендую вам позволить нам заняться...

Но Роджер уже отступал к двери, кивал и ничего не слушал. Он решил, что звонить не станет, а поедет сразу в мотель. Хорошая причина уйти из лаборатории и собраться с мыслями.

Если внутри лаборатории поддерживалась приятная прохлада, то за ее стенами становилось все жарче. Солнце проникало даже за тонированные стекла, и кондиционер не справлялся с духотой. Торвей вел машину сам, и это получалось у него плохо, повороты выходили неуклюжими. Мотель, пятнадцатизэтажное сооружение из прочного стекла, казалось, притягивал к себе солнечные лучи, как вражеский корабль притягивал отблеск щитов воинов Архимеда, защищавших Сиракузы. Торвей с удовольствием вышел из машины, въехав на подземную стоянку, и сразу же направился к лестнице, ведущей в фойе.

Фойе было таким же высоким, как и само здание, совершенно замкнутое, с комнатами со всех сторон, галереями и мостиками над головой. Портье заявил, что не слышал ни о каком докторе Александре Брэдли.

— Пусть будет Беквит, — сказал Торвей, протягивая банкноту. — Он не всегда помнит свое имя.

Но и это не помогло, портье либо не помнил Брэда, либо не хотел вспоминать. Выехав из подземного гаража, Торвей остановился на солнцепеке, раздумывая, что делать дальше. Может быть, позвонить Брэду домой? Тогда это нужно было сделать из фойе мотеля. Но теперь поворачивать и ехать обратно не хотелось. Или позвонить из машины — больше гарантий, что разговор не услышат. Можно поехать домой и позвонить оттуда, до дома всего пять минут езды.

В этот момент ему впервые пришло в голову, что о случившемся надо рассказать жене.

Надо. Но эта обязанность его не радовала. Сказать Дорри означало сказать себе самому. Но Роджер знал, что неизбежное все равно произойдет, даже если это что-то неприятное, а потому, переключив мозг в нейтральный режим, повернул машину к дому.

К несчастью, Дорри дома не оказалось.

Он окликнул ее, войдя в прихожую, заглянул в столовую, прошел к бассейну, проверил обе ванны. Дорри не было, наверное, отправилась за покупками. Неприятно, но ничего не поделаешь. Торвей уже собирался оставить записку, когда, обдумывая подходящие слова, посмотрел в окно и увидел подъезжающий к дому двухместный автомобиль жены.

Прежде чем она поднялась по ступенькам, он уже успел открыть ей дверь.

Роджер думал, что она удивится. Но он не ожидал, что она просто остановится, глядя на него широко раскрытыми глазами, подняв свои чудные брови, замерев на полушаге. Дорри застыла, как на фотографии.

— Я хотел поговорить с тобой кое о чем, — сказал он. — Только что приехал из «Черо-Стрип»... Брэда это тоже касается, но...

Она ожила и вежливо заметила:

— Позволь мне войти и сесть.

На ее лице по-прежнему отсутствовало какое-либо выражение, когда она, задержавшись в прихожей, посмотрела на себя в зеркало. Смахнула что-то со щеки, взбила волосы, прошла в гостиную и села, не снимая шляпку.

— Сегодня ужасно жарко, да?

Роджер тоже сел, пытаясь собраться с мыслями. Важно было не напугать Дорри. Однажды он видел по телевизору передачу о том, как сообщать плохую новость. Выступал какой-то психолог, которому явно хотелось привлечь побольше пациентов, но не хотелось заработать обвинение в неэтичности. Никогда не выкладывайте все сразу, поучал он. Дайте человеку возможность под-

готовиться. Разбейте ваше сообщение на части. В тот момент Роджеру это показалось комичным. Он вспомнил, как рассказывал потом об этом Дорри.

«Милая, у тебя есть кредитная карточка?.. Она понадобится для покупки черного платья... Черного платья для похорон... Нам придется пойти на похороны, и тебе надо выглядеть прилично... В конце концов, она была уже немолода. И, знаешь, водила машину не очень хорошо. Полисмен сказал, что она не мучилась. Твой отец держится молодцом».

Тогда они оба посмеялись.

— Пожалуйста, продолжай, — попросила Дорри, беря сигарету из ящичка на кофейном столике.

Когда она прикурила, Роджер с удивлением заметил, что пламя дрожит, и с опозданием осознал, что это дрожит ее рука. Ему даже стало немного приятно — очевидно, Дорри готовилась выслушать плохую новость. Она всегда была такая восприимчивая, с восхищением подумал он и сделал второй шаг.

— Это касается Уилли Хартнета, дорогая. Сегодня утром кое-что случилось, и...

Он сделал паузу, ожидая, что она спросит, что именно. Но его слова не столько обеспокоили Дорри, сколько вызвали у нее недоумение.

— Хартнет умер, — сказал Торвей и замолчал, давая ей возможность осознать услышанное.

Она задумчиво кивнула. Не дошло, с грустью подумал Роджер. Не поняла. Ей нравился Уилли, но она не плакала, не кричала, не проявляла вообще никаких эмоций.

Уже не заботясь о такте, он закончил мысль:

— И это означает, что я следующий. Другие, если помнишь, вышли из игры. Я уже говорил. Так что теперь к миссии на Марс... э-э-э... будут готовить меня.

Выражение ее лица озадачило его. Ему показалось, что она ожидала чего-то худшего и все еще не была уверена, что худшее не последует.

— Ты понимаешь, о чем я говорю, дорогая? — нетерпеливо сказал Роджер.

— Что? Да! Просто... это непросто принять. — Он кивнул, вполне удовлетворенный ее ответом, и Дорри продолжала: — Но я что-то не поняла. Ты говорил о Брэде и «Черо-Стрип»?

— О, извини. Знаю, я тут свалил на тебя все сразу. Да. Я сказал, что был в мотеле, искал Брэда. Видишь ли, похоже, что-то случилось с перцептивной системой. Из-за этого и погиб Уилли. А перцептивной системой занимается Брэд. И надо так совпасть, что именно сегодня он ушел на ленч и задержался... Ну, ты знаешь Брэда. Наверное, балуется с какой-нибудь девчонкой. Но если он не явится на совещание, дело плохо... — Торвей посмотрел на часы. — Черт, мне и самому надо возвращаться. Но я хотел сам сообщить тебе об этом.

— Спасибо, милый, — с отсутствующим видом сказала Дорри, думая о чем-то своем. — А не лучше ли было позвонить ему?

— Кому?

— Брэду, конечно.

— О да, конечно, но разговор немного приватный. Я не хотел, чтобы кто-то слышал. И к тому же он бы все равно не ответил. Портье даже не признался, что Брэд был там. Мне пришлось идти в отдел безопасности, чтобы узнать, где он может быть.

Он вскинул голову. Дорри нравился Брэд; может быть, она расстроена его нечистоплотностью. Мысль пришла и ушла, а Роджер улыбнулся.

— Милая, должен сказать, что ты отлично все восприняла. Большинство женщин уже бились бы в истерике.

Она пожала плечами.

— Что толку? Мы оба знали, что это может случиться. Еще один шаг.

— Я буду не очень хорошо выглядеть, — осторожно сказал Торвей. — И, наверное, физическая часть нашего брака... о ней придется забыть на какое-то время. Кроме того, меня ведь не будет целых полтора года.

Она помолчала, вздохнула, потом посмотрела на него и улыбнулась.

— Я буду гордиться тобой. — Дорри подошла к нему сзади и положила руки ему на плечи. — А когда ты вернешься, у нас впереди еще будет долгая, долгая жизнь. — Он повернулся, чтобы поцеловать ее, но она отступила и покачала головой. — Не надо, тебе пора возвращаться. Что ты будешь делать с Брэдом?

— Ну, может быть, заеду в мотель...

Дорри покачала головой.

— Нет, Роджер. Пусть сам о себе побеспокоится. Если он во что-то вляпался, это его проблема. Я хочу, чтобы ты вернулся на совещание и... О, вот что! Я собиралась кое-куда съездить. Буду проезжать мимо мотеля, и если увижу машину Брэда на стоянке, то оставлю ему записку.

— Мне это и в голову не пришло, — с восхищением сказал он.

— Так что не беспокойся. Я не хочу, чтобы ты думал о Брэде. Учитывая все, что ждет нас впереди, нам надо думать о тебе!

Джонатан Фрилинг, доктор медицины.

Джонни Фрилинг занимался космической медицинской достаточно долго, чтобы успеть утратить навык обращения с мертвыми телами. А резать тела друзей ему вообще не приходилось. Астронавты, умирая, не оставляют своих тел. Погибая при исполнении обязанностей, они остаются в космосе или превращаются в газ в пламени кислорода и водорода. В любом случае до вскрытия дело не доходит, потому что положить на стол уже нечего.

Ему было нелегко осознать, что предмет вскрытия — то, что предстояло разрезать, — это Уилли Хартнет. То, что делал Фрилинг, напоминало не аутопсию, а скорее разборку карабина. Когда-то он сам помогал собирать эти части — платиновые электроды, микроминиатюрные чипы в черной коробочке; теперь пришло время разбирать их. Только вот кровь... Несмотря на все, что с ним проделали, Уилли умер человеком, и крови было немало.

— Заморозить и разрезать, — сказал он, кладя кусок плоти на стеклянную пластинку.

Ассистирующая ему сестра, Клара Блай, молча кивнула. Ее симпатичное черное лицо выражало печаль, хотя, размышляя Фрилинг, извлекая металлическую нить, являвшуюся частью визуального контура, трудно было сказать, опечалена она смертью киборга или тем, что пришлось прервать вечеринку. На следующий день Клара выходила замуж, и в палате для выздоравливающих, за дверью, еще висели гирлянды и бумажные цветы. Она спросила у Фрилинга, нужно ли там все убрать, но, разумеется, никакой нужды в этом не было; выздоравливать стало некому.

Он посмотрел на ассистентку, стоявшую там, где при нормальной операции стоял бы анестезиолог, и рявкнул:

— Что слышно о Брэде?

— Он в здании.

Так почему бы ему не притащить свою задницу сюда, подумал Фрилинг, но ничего не сказал, а только кивнул. Что ж, по крайней мере вернулся. Чем бы все ни закончилось, Джонни не собирался принимать всю ответственность на себя одного.

Но чем больше он копался в теле погибшего киборга, тем в большее недоумение приходил. Что убило Хартнета? Электронные компоненты были в порядке; каждую электронную деталь сразу же отправляли на проверку в мастерскую. И ничего. Никаких повреждений. Мозг тоже не давал объяснений случившемуся.

Выходит, киборг умер просто так? Беспочинно?

Фрилинг выпрямился, привычно ожидая, что расторопная сестра тут же вытрет вспотевший лоб, но вспомнил, что никакой сестры нет, и вытер пот собственным рукавом. Потом снова наклонился над серой массой мозга, осторожно отделяя и извлекая зрительный нерв, точнее, то, что от него осталось: большую часть уже извлекли раньше вместе с глазом и заменили электроникой.

И вот тут он кое-что увидел.

Сначала кровь под *corpus callosum*.

Потом серо-белую оболочку артерии с потемневшим разрывом.

Кровоизлияние.

Фрилинг не стал ничего трогать. Остальное можно будет сделать потом. Или никогда. А сейчас лучше оставить все как есть. Кроме того, надо идти на совещание.

Совещания проходили в больничной библиотеке, а потому вся исследовательская деятельность на время прекращалась. На мягких стульях вдоль длинного стола разместились четырнадцать человек, а остальным пришлось воспользоваться складными стульями и втискиваться куда только можно.

Два места остались незанятыми, их зарезервировали за Бредом и Джоном Фрилингом, которые задержались в лаборатории, изучая последние результаты вскрытия, как было объявлено. На самом же деле Фрилинг вводил босса в курс того, что случилось во время его затянувшегося «ленча». Все прочие присутствовали: Дон Кэйман и Вик Самуэльсон (ставший теперь дублером Роджера и, похоже, не очень довольный этим повышением), Телли Рамес, главный психиатр, все члены команды, занимавшейся сердечно-сосудистой системой, административное руководство и две звезды.

Первой звездой был Роджер Торвей, сидевший довольно неловко во главе стола и с застывшей улыбкой слушав-

ший то, что говорили другие. Другой был Джек Гриффин, человек президента. Хотя он и числился всего лишь главным административным помощником президента, относились к нему с нескрываемым почтением, а заместитель директора обхаживал его как Папу Римского.

— Можно начинать, мистер Гриффин, — с нажимом сказал заместитель директора.

Лицо Гриффина передернулось, выжало улыбку.

— Нет. — Он покачал головой. — Мы подождем остальных.

Разговоры прекратились, словно присутствующие заткнули рты, когда в комнату вошли Брэд и Фрилинг.

— *Теперь* можно начинать, — бросил Джек Гриффин, и беспокойство, явно прозвучавшее в его голосе, не удивило никого.

Чувства помощника президента разделяли все. Гриффин, впрочем, и не собирался делать тайны из своих проблем и тащить их в одиночку.

— Вы даже не знаете, насколько близок весь проект к тому, чтобы его закрыли. Не на год. Не на месяц. Насовсем.

Роджер Торвей отвел взгляд от Брэда и зафиксировал его на Гриффине.

— Да, насовсем, — повторил Гриффин. — Полностью.

Роджеру показалось, что ему доставляет удовольствие произносить это.

— И спасло нас только вот это. — Он постучал по столу свернутыми в трубочку листами. — Американский народ желает, чтобы проект продолжался.

Торвей почувствовал, как что-то сжало его сердце, и лишь теперь понял, что ждал другого. Ждал и надеялся.

Заместитель директора откашлялся.

— Насколько я понял, предыдущие опросы демонстрировали значительную... э-э-э... апатию населения... равнодушие к тому, что мы делаем.

— Да, предварительные результаты указывали именно на это, — согласился Гриффин. — Но когда все данные были собраны и пропущены через компьютер, то оказалось, что проект пользуется сильной и широкой поддержкой. Она достаточно реальна. Народ хочет, чтобы американец жил на Марсе.

Однако, — продолжил он, — так было до нынешнего фиаско. Только Богу известно, что случилось бы, если бы публика узнала об этом. Администрации не нужен тупик, нечто, за что необходимо извиняться. Нам нужен успех. Не могу даже сказать, сколь многое от него зависит.

Заместитель директора повернулся к Фрилингу:

— Доктор Фрилинг?

Джонни поднялся.

— Уилли Хартнет умер от кровоизлияния в мозг. Полный отчет о вскрытии сейчас печатается, но причина уже ясна и коротко она звучит именно так. Никаких указаний на систематический износ не отмечено. Да его и нельзя ожидать в таком возрасте и состоянии. Значит — травма. Слишком большая нагрузка на сосуды мозга. — Он задумчиво посмотрел на кончики своих пальцев. — Дальше — сложнее, поэтому я ограничусь пока этим. Мне нужно проконсультироваться с Рипплингером из Йеля и Энфордом...

— Черта с два, — бросил Гриффин.

— Извините? — удивился Фрилинг.

— Никаких консультаций до тех пор, пока не будет проведена полная проверка. Дело первостепенной срочности, доктор.

— О... Ну... что ж, тогда я возьму ответственность на себя. Причина травмы — слишком большой поток информации. Произошла перегрузка. Хартнет не справился.

— Никогда не слышал, чтобы это послужило причиной кровоизлияния, — пожаловался Гриффин.

— Для этого нужен немалый стресс. Но такое случается. А здесь у нас стресс нового вида, мистер Гриф-

фин. Это как... Позвольте провести аналогию. Возьмем ребенка, родившегося с катарактами. Вы ведете его к врачу, и врач устраняет их. Но это нужно сделать до того, как ребенок достиг возраста полового созревания, до того, как он перестанет расти — как внешне, так и внутренне. Если вы не сделали этого вовремя, то лучше оставить ребенка слепым. У детей, которым катаракты были удалены после тринадцати или четырнадцати лет, наблюдается интересный феномен. До достижения двадцати лет они часто совершают самоубийство.

Торвей пытался следить за ходом разговора, но получалось плохо, а потому он облегченно вздохнул, когда в объяснения Фрилинга вмешался заместитель директора:

— Что-то я не понимаю, какое отношение это имеет к Уиллу.

— В данном случае мы тоже сталкиваемся с проблемой переизбытка информации. Когда ребенку удаляют катаракту, он попадает в состояние дезориентации. Загрузка мозга возрастает, а системы, которые должны были справляться с новыми данными, отсутствуют. Они не развились. Если зрение присутствует с рождения, то мозг создает соответствующие системы для обработки, передачи и интерпретации. Если зрение появляется с опозданием, то времени на развитие таких систем уже нет.

На мой взгляд, проблема Уилли заключалась в том, что мы перегрузили его мозг, а подходящего механизма для обращения с резко увеличившимся объемом данных у него не было. Перегрузка создала напряжение, произошел разрыв сосуда. — Он перевел дыхание. — И если мы сделаем то же самое с Роджером, его ждет схожий конец.

Гриффин оценивающе посмотрел на Торвея. Роджер откашлялся, но ничего не сказал. А что ему было сказать?

— Что вы предлагаете, Фрилинг?

Доктор покачал головой.

— Ничего. Я лишь указываю на причину. Как ее устранить — это дело кое-кого другого. Не думаю, что *вы*

сможете это сделать. Я хочу сказать, что это не медицинская проблема. У нас есть мозг... мозг Уилли или Роджера. Всю жизнь он работал как радиоприемник. А теперь его заставили быть телевизором. Но мозг не привык работать с картинкой.

Все это время Брэд что-то писал, время от времени поднимая голову. Потом он снова начинал писать, задумчиво кивая. Внимание всех присутствующих обратилось на него.

Наконец заместитель директора не выдержал.

— Брэд? Похоже, мяч на вашей половине.

Брэдли кивнул и улыбнулся.

— Я над этим работаю.

— Вы согласны с доктором Фрилингом?

— Несомненно. Он прав. Нельзя загружать нервную систему данными, если у нее нет приспособления для их обработки. В мозгу такие механизмы отсутствуют. В любом мозгу. Мы можем лишь взять ребенка еще при рождении и целенаправленно создавать их с тем, чтобы мозг воспользовался ими при необходимости.

— Предлагаете подождать, пока подрастет новое поколение астронавтов? — скептически спросил Гриффин.

— Нет. Я предлагаю встроить промежуточные контуры. Не просто сенсорные входы. Фильтры, трансляторы... то есть то, что будет интерпретировать входящую информацию — оценивать длину волн спектров, кинетическое восприятие новых мышц. Все. — Он сделал паузу. — Позвольте я немного отвлекусь. Все слышали о Маккалохе, Леттвине и глазе лягушки? — Брэд оглядел собравшихся. — Конечно, Джонни, вы слышали. Кое-кто еще тоже в курсе. Но я все же повторю. Перцептивная система лягушки — не только глаз, но и все ее зрительные части, — отфильтровывает ненужное. Если перед глазом пролетает жук, глаз его воспринимает, нерв передает информацию, мозг реагирует, и лягушка съедает

жука. Если перед лягушкой падает лист, она его не ест. Животное *не решает* не есть. Оно *не видит* листа. Конечно, образ листа фиксируется глазом, но информация о нем не доходит до мозга. Мозг так и не узнает о том, что видел глаз, потому что ему это не нужно. Лягушке просто не важно знать, существует этот лист или нет.

Роджер с большим интересом следил за объяснением, но не вполне понимал то, что говорил Брэд.

— Минутку. Я не лягушка... то есть человек устроен сложнее. Кто может решить, что мне не надо видеть?

— Прежде всего надо определить, что необходимо для выживания. У нас много данных, полученных от Уилли. Думаю, нам удастся кое-что сделать.

— Спасибо. Мне бы хотелось побольше уверенности.

— Я уверен, — усмехнулся Брэд. — Для меня случившееся не стало сюрпризом.

Торвей почувствовал, как сжало горло.

— Хочешь сказать, ты просто смотрел, как Уилли...

— Нет, Роджер! Перестань. Уилли был и моим другом. Я считал, что фактор надежности все же позволит ему остаться в живых. Я просчитался, и мне горько так же, как тебе, Роджер. Но мы все знали, что существует риск отказа систем.

— Однако, — перебил его Гриффин, — в ваших отчетах это никак не отразилось. — Заместитель директора хотел было что-то сказать, но Гриффин покачал головой. — Об этом поговорим в другой раз. Что теперь, Брэдли? Вы собираетесь отфильтровывать часть информации?

— Не совсем так. Не отфильтровывать. Перерабатывать на промежуточной системе. Переводить на привычный для Роджера язык.

— А как насчет замечания Торвея, что человек устроен куда более сложно, чем лягушка? Вы уже делали нечто подобное с людьми?

Удивительно, но Брэд улыбнулся; он был готов к такому вопросу.

— Вообще-то да. Около шести лет назад, до того, как прийти сюда... Мы взяли четырех добровольцев и отрабатывали опыт Павлова. Им светили в глаза ярким лучом, и в то же время звенел электрический звонок с частотой тридцать ударов в секунду. Когда вам в глаза направляют яркий свет, зрачок, естественно, сужается. Это происходит без участия сознания. Здесь ничего не поделаешь. Реакция на свет, эволюционная способность защищать глаз.

Такого рода реакцию выработать у людей очень трудно. Но нам это удалось. Потом она закрепляется очень прочно. Нам потребовалось около трехсот попыток. Включаешь звонок — зрачок подопытного сужается. Вы следите?

— Я помню все это еще со времен колледжа, — заметил Гриффин. — Обычный прием.

— Так вот, следующий наш шаг уже не был обычным приемом. Мы подключились к слуховому нерву и смогли измерять поступающий в мозг сигнал — тридцать ударов в секунду. Это было видно на осциллооскопе. Потом мы кое-что изменили. Установили сигнал по двадцать четыре удара в секунду. И знаете, что случилось?

Никто не ответил, и Брэд усмехнулся.

— Прибор по-прежнему показывал тридцать ударов в секунду. Мозг слышал то, чего не было.

Так что, как видите, такие промежуточные ступени могут быть не только у лягушки. Люди воспринимают мир, можно сказать, в уже классифицированном и рассортированном виде. Сенсорные входы сами занимают-ся классификацией информации.

И вот что я хочу сделать с тобой, Роджер. Я хочу помочь тебе с интерпретацией. С мозгом мы почти ничего сделать не можем. Плохо это или хорошо, но так есть. Это масса серого вещества, структура которой ограничена по своим возможностям. Мы не можем по-

стоянно наполнять его сенсорной информацией. Единственное место, где можно что-то сделать, находится между глазом и мозгом.

Гриффин хлопнул ладонью по столу.

— Время?

— Я могу только попробовать, сэр.

— Если мы поверим, а эта штука не сработает, то я вам не завидую.

Брэд немного побледнел.

— Что вы хотите от меня услышать?

— Каковы шансы? — рявкнул Гриффин.

Брэд замялся.

— Пятьдесят на пятьдесят, — сказал он наконец.

— Что ж. — Гриффин изобразил подобие улыбки. — Пусть так и будет.

Пятьдесят на пятьдесят — не так уж плохо, думал Роджер, возвращаясь в свой офис. Конечно, это зависит от того, каковы ставки.

Замедлив шаг, он подождал Брэда.

— Ты вполне уверен в том, о чем говорил?

Брэд похлопал его по плечу.

— Более чем. Сказать по правде, я не рассказал им обо всем. Просто не хотел высовываться перед этим Гриффином. И послушай, Роджер, спасибо.

— За что?

— За то, что хотел предупредить меня. Ценю.

— Пожалуйста.

Торвей постоял еще немного, глядя в спину удаляющемуся Брэду. Интересно, откуда ему известно то, что он сказал только своей жене?

Мы могли бы сказать ему это, как могли бы сказать еще об очень многом, включая и то, почему опросы показали то, что показали. Но зачем? В этом не было необходимости. Он и сам бы мог сказать себе это, если бы догадался.

Глава 7

ЧЕЛОВЕК СТАНОВИТСЯ МОНСТРОМ

Дон Кэйман был из тех людей, которые никогда не отказываются от решения проблемы. Именно поэтому мы хотели, чтобы он участвовал в проекте в качестве археолога, но тот же принцип распространялся и на его религиозную жизнь. Однако такая религиозная проблема уже не давала ему покоя.

Впрочем, проблемы не мешали ему довольно насвистывать, когда Кэйман, стоя перед зеркалом, осторожно брил подбородок вокруг узкой, клинышком, бородки и расчесывал длинные, густые волосы. И все же проблема мешала. Глядя в зеркало, он старался изолировать то, что беспокоило его. Сначала Дон решил, что причина беспокойства — тенниска. Она не шла ему. Он заменил ее цветной рубашкой с воротником-стойкой, придававшей ему отдаленное сходство со священником, и усмехнулся.

Зазвонил внутренний телефон.

— Донни? Ты уже готов?

— Через минуту, — ответил он, оглядываясь.

Что еще? Спортивный пиджак висел на спинке стула. Туфли блестели. «Молния» в порядке.

— Я становлюсь рассеянным, — сказал Кэйман вслух.

То, что беспокоило его, имело отношение к Роджеру Торвею, которого Дон очень жалел.

Он пожал плечами, подхватил со стула пиджак, перебросил его через плечо, спустился в холл и постучал в дверь монастыря сестры Клотильды.

— Доброе утро, отец, — сказала впустившая его послушница. — Садитесь. Я сейчас приведу ее.

— Спасибо, Джесс.

Девушка пошла по коридору, а Кэйман проводил ее оценивающим взглядом. Облегающая ряса позволяла по-

любоваться фигурой, и Дону было приятно древнее полузабытое чувство, просыпавшееся в такие вот моменты.

Он ощущал себя порочным, греховным. Грех был небольшой, как будто съедаешь ростбиф в пятницу. Он помнил, с каким упрямством его родители каждый пятничный вечер жевали эскалопы — даже после того, как все ограничения были сняты. Дело не в том, что они считали грешным есть мясо, а в том, что привыкли поглощать в пятницу рыбу, и их пищеварительная система никак не могла перестроиться. К сексу Кэйман относился примерно так же. После отмены обета безбрачия генетическая память все еще хранила печать двухтысячелетнего запрета, когда церковь делает вид, что не знает предназначения сексуального инструментария.

Сестра Клотильда быстро вошла в комнату, поцеловала его в свежевыбритую щеку и взяла за руку.

— От тебя хорошо пахнет.

— Хочешь выпить чашечку кофе? — спросил он, выводя ее за дверь.

— Не думаю, Донни. Давай покончим с этим делом. Осеннее солнце жарило по-летнему.

— Опустить верх?

Она покачала головой.

— Ветер испортит тебе прическу. И в любом случае слишком жарко.

Клотильда пристегнула ремень и повернулась к нему.

— В чем дело?

Кэйман пожал плечами, завел машину и вывел ее на автоматическую трассу.

— Я... не знаю. У меня такое чувство, будто я сделал что-то, в чем забыл покаяться.

Она кивнула.

— Это касается меня.

— Нет, Тилли, нет! Это... я не уверен...

Он взял ее за руку и уставился в окно. На горизонте белел громадный куб здания лаборатории.

Дон был уверен — то, что тревожит его, не имеет никакого отношения к его интересу к сестре Клотильде. И хотя ему нравилось ощущение порочности, он вовсе не собирался пренебрегать законами церкви и Бога. Возможно, размышлял Кэйман, он мог бы нанять хорошего адвоката и вступить в бой, но не нарушать установления. Свой «роман» с сестрой Клотильдой он считал достаточно рискованным предприятием, а что из этого выйдет — зависело от решения ордена. Если только он когда-нибудь решится обратиться за разрешением. К расплотившимся в последнее время сектам, проповедовавшим свободу нравов, Кэймана не тянуло.

— Роджер Торвей? — спросила она.

— Меня бы это не удивило. Меня беспокоит что-то в связи с этими новыми опытами. Это скажется на его восприятии.

Сестра Клотильда пожала его руку. Будучи социальным работником и психиатром, она имела доступ к информации, относящейся к проекту, и знала, что там происходит. Кроме того, она знала Дона Кэймана.

— Чувства лгут. Так сказано в Писании, Донни.

— О да. Но имеет ли Брэд право определять, как должны лгать чувства Роджера?

Клотильда закурила, предоставляя ему возможность додумать эту мысль. Лишь когда они подъехали к торговому центру, она сказала:

— Следующий поворот, да?

— Верно.

Он переключил машину на ручное управление и поехал к стоянке, все еще размышляя о Роджере Торвее. На первое место выходила проблема с его женой. Немалая проблема. Но за ней лежала еще более крупная: как станет Роджер решать важнейший для человека вопрос — что такое Добро и что такое Зло? — если информация, служащая основой для принятия решения, будет фильтроваться промежуточными контурами Брэда?

* * *

Вывеска над витриной гласила: «Милые мелочи». По стандартам центра, — магазинчик небольшой. Но при этом достаточно большой, чтобы быть дорогим. Аренда, страховка, коммунальные услуги, зарплата трем продавцам, двое из которых работали неполный день, и самой Дорри, считавшейся менеджером, ежемесячно обходились Роджеру в две тысячи долларов, хотя кое-кто из знакомых, знающих бухгалтерское дело, указывали ему, что было бы лучше, то есть дешевле, просто отдавать Дорри те же две тысячи.

Дорри расставляла на прилавке фарфоровую посуду. Табличка, стоявшая тут же, извещала, что идет распродажа за полцены. Увидев гостей, она довольно вежливо кивнула.

— Здравствуйте, Дон. Рада вас видеть, сестра Клотильда. Хотите что-нибудь купить? Вот эти красные чашки совсем дешевые.

— Выглядят очень мило, — заметила Клотильда.

— Так и есть. Только не покупайте их для монастыря. Пришло распоряжение — глазурь якобы содержит какое-то ядовитое вещество, которое убьет вас, если выпивать по сорок чашек чая каждый день на протяжении двадцати лет. Так что их нужно снять с продажи.

— Вот как? Очень плохо. Но... вы же продаете?

— Распоряжение вступит в действие через тридцать дней, — объяснила Дорри и ослепительно улыбнулась. — Наверное, мне не следовало говорить это священнику и монахине, да? Но, честно говоря, мы продаем эти чашки уже несколько лет, и, насколько знаю, никто еще не умер.

— Выпьете с нами кофе? — предложил Кэйман. — Из других, конечно, чашек.

Дорри вздохнула, выровняла посуду и сказала:

— Нет, давайте просто поговорим. Пойдемте в офис. — Уже на ходу она бросила через плечо: — Я же знаю, зачем вы пришли.

— О?

— Вы хотите, чтобы я посетила Роджера. Верно?

Кэйман опустился в широкое кресло напротив ее стола.

— А почему вы не приходите, Дорри?

— Черт возьми, Дон, а зачем? Он же все равно без сознания. Даже не узнает, была я там или нет.

— Да, ему дают отдохнуть. Но иногда Роджер приходит в себя.

— Он просил, чтобы я пришла?

— Он спрашивал о вас. Чего вы еще хотите? Чтобы вас умоляли?

Дорри пожала плечами, вертя в руке керамическую шахматную фигурку.

— Дон, почему бы вам не заниматься своими делами?

Он не обиделся.

— Я этим и занимаюсь. В данный момент Роджер у нас на первом месте. Он достоин внимания. Знаете, что с ним сейчас делают? Он уже перенес двадцать восемь операций. За тринадцать дней! У него больше нет глаз. Нет легких, сердца, ушей, носа. У него нет даже кожи, ее всю сняли, понемногу за раз, и заменили синтетикой. Сдирать кожу с живого... за это кое-кого объявили святыми. И вот этот человек не может даже услышать голос жены...

— О, чушь, Дон! — вспыхнула Дорри. — Вы даже не знаете, о чем говорите. Роджер просил меня не приходить, не смотреть на него после того, как начнутся операции. Думал, что я не смогу... В общем, не хотел, чтобы я видела его таким!

— У меня о вас другое мнение, — хмуро заметил священник. — На мой взгляд, вы очень крепкая женщина, Дорри. Так вы сможете выдержать?

Дорри скорчила гримасу. На какое-то мгновение ее милое лицо утратило свою приятность.

— Дело не в том, что я смогу вынести. Послушайте, Дон. Вы имеете представление о том, каково быть замужем за таким человеком, как Роджер?

— Могу себе это представить, — удивленно сказал Кэйман. — Он очень хороший человек!

— Верно, хороший. Я знаю это не хуже вас, Дон. И при этом безумно любит меня.

Последовала небольшая пауза.

— По-моему, я не совсем понимаю, о чем вы говорите, — заметила сестра Клотильда. — Вы этим недовольны?

Дорри внимательно посмотрела на монахиню.

— Недовольна. Можно сказать и так. — Она поставила шахматную фигурку на стол и подалась вперед. — О таком можно только мечтать, да? Каждой девушке хочется найти настоящего героя, красивого, умного, знаменитого и почти богатого, да при этом еще так влюбить его в себя, что он ничего вокруг не замечает. Поэтому я и вышла замуж за Роджера. Поверить не могла, что мне так повезло. — Голос у нее почти сорвался. — Не думаю, что вы знаете, каково быть замужем за человеком, который по уши в вас влюблен. Но что хорошего в том, что мужчина постоянно витает в облаках? Иногда, когда мы лежим в постели и я пытаюсь уснуть, я слышу, как он не спит, лежит очень тихо, не шевелясь, не позволяя себе сходить в ванную... такой, будь оно проклято, *внимательный*. Когда мы бываем за границей, он никогда не ходит при мне в туалет. Он бреется, едва проснувшись, чтобы я не видела его небритым. Бреет подмышки. Три раза на день пользуется дезодорантом. Он обращается со мной так, словно я Дева Мария! Он невозможен, Дон! И так уже девять лет!

Она умоляюще посмотрела на священника и монахиню, которые чувствовали себя немного не в своей тарелке.

— Вот вы приходите и говорите, что я должна пойти навестить Роджера именно тогда, когда его превращают в нечто ужасное и нелепое. Вы и все остальные. Вчера заходила Кэтлин Доути. Показала себя во всей красе. Пила, думала думы, а потом решила поделиться со мной

своей пьяной мудростью: оказывается, это я делаю Роджера несчастным. Что ж, она права. Вы все правы. Это я делаю его несчастным. Вы ошибаетесь в другом, думая, что мое посещение сделает его счастливым... О черт.

Зазвонил телефон. Дорри взяла трубку и взглянула на Кэймана и сестру Клотильду. Лицо ее, до того возбужденное, стало тверже, что придало ей сходство с фарфоровыми фигурками на столе.

— Извините.

Она подняла мягкие пластмассовые лепестки на трубке, приглушив звук, и отвернулась от гостей. Разговор длился недолго. Дорри повесила трубку и повернулась.

— Мне есть о чем подумать, Дорри, — сказал Кэйман. — И все же...

Она привычно, по-кукольному, улыbnулась.

— И все же вы хотите руководить моей жизнью. Но... это не в ваших силах. Вы сказали то, что хотели. Оба. Спасибо. А теперь уходите. Говорить больше не о чем.

Тем временем внутри большого белого куба Роджер Торвей лежал, распростершись, на жидкой кровати. Он лежал так уже тринадцать дней, большей частью либо без сознания, либо в состоянии, которое мало чем отличалось от бессознательного. Ему что-то снилось. Мы судили об этом поначалу по быстрому движению глаз, затем, когда глаза удалили, по подергиванию нервных окончаний. Часть его снов была реальностью, но различить сон и действительность Торвей не мог.

Мы наблюдали за ним очень внимательно, каждую секунду. Мельчайшее подрагивание мышцы фиксировалось монитором, информация поступала в банк данных, а мы продолжали следить за протеканием жизненно важных функций.

Это было только начало. Хирургические операции, сделанные Роджеру в первые тринадцать дней, повторя-

ли, по сути, тот путь, который прошел Уилли Хартнет. И этого было мало.

Затем к работе приступили протезисты, и то, что они делали с Торвеем, происходило впервые за всю историю медицины. Его нервную систему тщательно проверили и соединили с устройствами, которые вели к большому компьютеру. Это был многофункциональный «Ай-Би-Эм 3070». Он занимал полкомнаты, но все равно не справлялся со всем, что от него требовалось.

И это еще не все. В двух тысячах миль от лаборатории, в Нью-Йорке, на заводе «Ай-Би-Эм», спешно собирали специализированный компьютер, который мог бы поместиться в ранце на спине. Пожалуй, конструирование этого компьютера было самой трудной частью проекта. Его вес не должен был превышать восемьдесят фунтов, а любой из габаритов — девятнадцать дюймов. И работать ему предстояло от батареек постоянного тока, которые все время подзаряжались от солнечных панелей.

Солнечные панели создали немалую проблему, но мы решили ее довольно элегантно. Площадь их поверхности составляла, согласно требованиям, тридцать квадратных футов. Площадь поверхности тела Торвея не достигала до этого показателя, даже если бы вся целиком принимала на себя слабые лучи марсианского солнца. Мы решили проблему, разработав два больших, тонких и легких крыла.

— С такими крыльями он будет похож на Оберона, — весело заметил Брэд, увидев чертеж.

— Или на летучую мышь, — проворчала Кэтлин Доуги.

Они действительно напоминали крылья летучей мыши, тем более что и цвет у них был подходящий, черный как смоль. Разумеется, для полета они не годились — даже в плотной атмосфере, если бы на Марсе таковая имелась. Но этого от них и не требовалось. Крылья должны были автоматически разворачиваться и ориентироваться на максимальный прием солнечного излучения. В послед-

ний момент конструкторы внесли одно изменение, предусмотрев контроль над крыльями со стороны Роджера с тем, чтобы он мог использовать их для поддержания равновесия. В общем, по сравнению с «ушами» Уилли Хартнета это было значительное улучшение.

Солнечные крылья сконструировали за восемь дней; к тому времени, когда плечи Роджера окрепли, чтобы принять их, все уже было готово. Замена кожи проходила очень быстро, и запас ее постоянно пополнялся. Едва хирурги снимали настоящую, как им тут же предоставляли требуемое количество искусственной.

Время от времени Роджер приходил в себя и оглядывался с таким видом, будто пытался вспомнить, где он находится. Трудно сказать, насколько он осознавал происходящее. Посетители — а их хватало — иногда разговаривали с ним, чаще же рассматривали как некий лабораторный образец и относились к нему соответственно. Почти каждый день заходил Верн Сканион. Глядя на меняющееся на его глазах существо, он однажды заметил:

— Ну и вид. Черт возьми, налогоплательщикам это понравится!

— Поосторожнее, генерал, — бросила Кэтлин Доути, становясь между директором и Торвеем. — Вы уверены, что он вас не слышит?

Сканион пожал плечами и отправился делать доклад президенту. Вместо него в комнату вошел Дон Кэйман.

— Спасибо, — серьезно сказал он. — Ценю вашу заботу о моем друге Роджере.

— Это не сантименты, Док. Бедняге еще понадобится уверенность в себе. Знаете, со сколькими калекami мне пришлось работать? Многие из них, даже получив протезы, так и не оправились до конца. Некоторые остались лежать, не находя сил самостоятельно дойти до туалета. Тут нужна сила воли, Дон, а для этого необходимо верить в себя.

Кэйман нахмурился; его заботило психологическое состояние Роджера.

— Не согласны? — резко спросила Кэтлин, неверно истолковав это молчание.

— Согласен. Полностью. Мне ли сомневаться в главенстве духовного над физическим? Я благодарен вам. Вы очень хороший человек, Кэтлин.

— А, чушь, — проворчала она, покусывая сигарету. — За это мне и платят. И еще одно: похоже, вы еще не были сегодня в офисе? Генерал напоминает, насколько важен проект, и намекает, что если мы сорвем запуск, то отправимся в концлагерь.

— Нам ли об этом напоминать, — вздохнул Кэйман, глядя на неподвижную, гротескную фигуру Роджера. — Сканион неплохой человек, но склонен думать, будто то, что он делает, самое главное для всего мира. Только... На этот раз он, возможно, прав.

Что касается нас, то мы в этом не сомневались. Результат сложнейшего взаимодействия мысли и материи, то, что прежнее поколение ученых называло Геей, лежало перед нами и походило на чудовище из японского фильма «ужасов». Без Роджера Торвея запуск корабля на Марс не мог состояться в назначенное время. Миллиарды людей могли ставить под сомнение важность происходящего.

Мы не сомневались.

И в центре всей этой суеты был Роджер. Все вертелось вокруг него, вся деятельность людей, участвовавших в проекте, все их индивидуальные и общие усилия были направлены на то, чтобы сделать его тем, кем он должен стать. В соседней хирургической палате Фрилинг, Вайднер и Брэдли прилаживали к нему новые части. Внизу, в симуляционном танке, где умер Уилли Хартнет, эти части проходили проверку в марсианских условиях. Иногда они ломались и выходили из строя, и

тогда их переделывали или — скрестив пальцы и шепча молитву — прилаживали снова.

В другом помещении пощелкивал и постанывал гигантский компьютер 3070, приспособивавший программу к новым возможностям мозга Роджера. Вокруг здания лаборатории жил и умирал городок Тонка, зависевший во всем от удачи или неудачи проекта. А дальше лежала Оклахома и все другие пятьдесят четыре штата, окруженные беспокойным, злым миром, занятым дипломатической войной и цеплявшимся за существование каждой из миллиардов жизней населявших его людей.

Те, кто был занят в проекте, отгородились от остального мира. Они не смотрели новости по телевизору, не читали газет, кроме разве что спортивных колонок. Вообще-то у них просто не было времени, но все же причина заключалась не в этом. Они не хотели знать ничего другого. Мир сходил с ума, а в белом изолированном кубе еще сохранялось здравомыслие. Для этих людей реальность была здесь, а все остальное — бунты в Нью-Йорке, бои с применением тактического ядерного оружия в Персидском заливе и массовый голод среди так называемых нарождающихся наций — казалось выдумкой, бессмысленной и ничего не значащей фантазией.

Так и было. По крайней мере эти фантазии не имели отношения к будущему человечества.

Итак, Роджер продолжал жить и изменяться. Кэйман проводил с ним все больше времени, почти не оставляя его одного за пределами модуля. Он с улыбкой и нежностью наблюдал за Кэтлин Доути, которая топала по комнате, осыпая всех пеплом. Всех, кроме Роджера.

Но беспокойство не уходило.

Он примирился с тем, что Роджеру нужны промежуточные контуры для интерпретации избыточной информации, но так и не нашел ответа на главный вопрос: если Торвей не знает, что он видит, то как он увидит Истину?

Глава 8

ЛЖИВЫЕ ГЛАЗА

Погода изменилась быстро и в лучшую сторону. Волна полярного воздуха хлынула из Канады и распространилась до Техаса. Предупреждения о возможном урагане приковали к земле машины на воздушной подушке. Те из персонала лаборатории, у кого не было обычных автомобилей, добирались до работы на общественном транспорте. Стоянки пустовали, лишь иногда по ним прокатывались шары перекати-поля.

Не все обратили внимание на предупреждения, и тут же кое-кто подхватил простуду или грипп. Брэд слег в постель. Вайднер лечился амбулаторно, но к Роджеру его не подпускали из опасения, что он заразит его какой-нибудь ерундой, с которой Торвей в своем нынешнем состоянии не справится. Теперь остальную работу выполнял Джонатан Фрилинг, чье здоровье оберегали почти так же заботливо, как и здоровье самого Роджера. Непокколебимая Кэтлин Доути заходила в комнату Торвея ежечасно, оставляя в ней пепел и совет медсестрам.

— Обращайтесь с ним как с человеком, — говорила она. — И накиньте на себя что-нибудь, прежде чем идти домой. У вас еще будет время показать всем свои задницы, а сейчас главное, чтобы вы не простудились.

Ей никто не перечил. Все работали не покладая рук, даже Клара Блай, отозванная из отпуска, чтобы заменить заболевших. Все относились к Роджеру так же бережно и внимательно, как Кэтлин Доути, хотя, глядя на безобразное существо, сохранявшее имя Роджера Торвея, трудно было представить, что это человек, способный тосковать и впадать в отчаяние, как и они сами.

Сознание возвращалось к Роджеру все чаще. Каждый день в течение двадцати часов, а то и более, он находился

в полусонной дымке, окутывавшей его мозг под действием обезболивающих, но иногда, приходя в себя, узнавал тех, кто находился с ним в комнате, и даже связно разговаривал с ними. Потом снова впадал в спячку.

— Знать бы, что он чувствует, — сказала Клара своей сменщице.

Подруга посмотрела на маску, закрывавшую то, что осталось от его лица, на огромные, широко открытые глаза.

— Может быть, лучше не знать этого, — сказала она. — Иди домой, Клара.

Роджер слышал их разговор, это зафиксировал осциллоскоп. Изучая телеметрию, мы получили представление о том, что происходило в его голове. Ему часто было больно; это тоже фиксировали приборы. Но боль не предупреждала о чем-то, что требовало внимания, не подстегивала к действию. Она просто стала фактом жизни. Он научился ждать боль и принимать ее, когда она приходила. Он еще не сознавал многого, что было свойственно его собственному телу. Его ощущения не освоились с реальностью этого нового тела. Роджер не знал, когда ему удалили или заменили глаза, легкие, сердце, уши, нос и кожу. Он не умел распознавать сигналы, которые могли бы дать какую-то информацию. Где-то в глубине горла стоял привкус крови и рвоты — откуда ему было знать, что это означает отсутствие легких? Тошнота, приглушенная боль в затылке, так непохожая на все прежние боли... откуда ему было знать, что это означает? Как он мог отличить удаление всей зрительной системы от простого поворота выключателя? В какой-то момент он осознал, что перестал воспринимать знакомый больничный запах, запах дезодоранта и дезинфектантов. Когда? Он не знал. Просто вокруг уже ничем больше не пахло.

Он мог слышать. Его слух стал другим, более чутким, способным воспринимать самые слабые звуки. Он

слышал то, что говорилось в комнате, даже шепот, слышал то, что происходило в соседних комнатах. Слышал то, что говорили люди в коридоре. Он ощущал доброжелательность Кэтлин Доути и Джона Фрилинга, беспокойство и злость, звучавшие в голосах заместителя директора и генерала.

Но сильнее всего Роджер чувствовал боль.

Боль являлась в самых различных проявлениях. Болели все части его тела. Болело то, что заживало после операции, болело, отдаваясь сердитой пульсацией, болело везде, во всех тех чувствительных местах, куда Фрилинг и медсестра прикладывали датчики.

И была еще одна боль, глубокая, внутренняя, казавшаяся почти физической, появлявшаяся тогда, когда он думал о Дорри. Иногда, приходя в сознание, он вспоминал, что спрашивал, приходила ли она или звонила. Но получал ли он ответ на свои вопросы?

А потом однажды он вдруг ощутил новую боль, опалившую его мозг... и потом понял, что это свет.

Он снова видел.

Когда медсестры поняли, что Торвей видит их, они незамедлительно сообщили об этом Джону Фрилингу. Тот, в свою очередь, поднял трубку и позвонил Брэду.

— Сейчас буду, — сказал Брэд. — Держи его в темноте, пока я не приду.

Ему понадобилось на это не менее часа, и когда Брэд появился, то немного пошатывался. Приняв антисептический душ, прополоскав рот и надев защитную маску, Брэд открыл дверь и вошел в комнату Роджера.

— Кто здесь? — прозвучал голос с кровати.

Голос слабый, дрожащий, но узнаваемый.

— Это я. Брэд. — Он пошарил по стене и, обнаружив выключатель, сказал: — Сейчас я включу свет. Не на полную мощность. Скажи, когда увидишь меня.

— Я уже тебя вижу. По крайней мере думаю, что это ты. Брэд замер.

— Черта с два ты... — начал он, но не договорил. — Что ты хочешь этим сказать? Что ты видишь?

— Ну, — прошептал голос, — я не очень уверен насчет лица. Это какое-то мерцание. Но я вижу твои руки, твою голову. Они яркие. Я различаю твое тело и руки. Различаю довольно неплохо. Но все же хуже, чем голову. И ноги тоже вижу. Но лицо у тебя какое-то странное. В середине что-то вроде пятна.

Брэд дотронулся до маски и кивнул.

— Инфракрасное излучение. Ты видишь тепло. А что еще?

Молчание. Затем голос.

— Ну, еще я вижу прямоугольник света. Наверное, контур двери. И что-то довольно яркое выше, по стене. Оттуда идет какой-то звук. Мониторы? Вижу свое тело, по крайней мере простыню на себе, а под ней слабые очертания туловища и ног.

Брэд огляделся. Даже теперь, успев адаптироваться к темноте, он не видел почти ничего: несколько кнопок на мониторе да полосу света из-под двери за спиной.

— Очень хорошо, Роджер. Что еще?

— Кое-что есть, но я не знаю, что это. Какой-то свет над тобой. Очень слабый.

— Наверное, труба теплопровода. Отлично, приятель. Ладно, держись. Я собираюсь включить свет. Ты без него обойдешься, а вот я нет. Да и медсестры тоже. Скажешь мне, что ты чувствуешь.

Он медленно повернул ручку выключателя на одну восьмую оборота. Лампы под потолком ожили. Теперь Брэд видел кровать, раскинутые крылья, затем само тело Роджера Торвея с наброшенной на него простыней.

— Вот я тебя и вижу, — вздохнул Роджер. — Немного иначе... ты не очень-то яркий.

Брэд убрал руку с переключателя.

— Пока хватит и этого. — Почувствовав головокружение, он прислонился к стене. — Извини, у меня простуда или что-то вроде этого. Как ты? Чувствуешь что-нибудь? Какую-то боль? Что-то?

— Боже, Брэд!

— Нет, я имею в виду то, что связано со зрением. Глаза не болят от света?

— Похоже, это единственное, что не болит, — опять вздохнул Роджер.

— Отлично. Я добавлю еще немного света, ладно? Ты не против?

— Нет.

Брэд осторожно подошел к кровати.

— Хорошо. Я хочу, чтобы ты попробовал сделать кое-что. Ты можешь... ну, скажем, закрыть глаза? То есть отключить зрительные рецепторы?

Пауза.

— Нет. Не получится.

— Можешь, Родж. Эта способность в тебе есть. Надо только найти, так сказать, кнопку. У Хартнета тоже сначала были с этим проблемы, но он справился. Попробуй.

— ...Ничего.

Брэд задумался. Голова у него начинала кружиться, силы уходили. Он знал, что не придумает сейчас ничего толкового.

— А если так... У тебя были когда-нибудь проблемы с пазухами носа?

— Нет... хотя... Не помню. Да, небольшие.

— Помнишь, где больно?

Фигура на кровати повернулась, большие глаза уставились на Брэда.

— М-м-м... думаю, что да.

— Твоя «кнопка» где-то там. Попробай найти мышцы, которые контролируют эту операцию. Самих мышц,

конечно, нет, но соответствующие нервные окончания остались.

— ...Ничего. Какую мышцу мне искать?

— Черт, Роджер! Она называется *Rectus Lateralis*, но тебе-то что он этого? Ищи!

— Не получается.

— Ладно. — Брэд вздохнул. — Пока оставим. Но ты все же не прекращай попыток, ладно? Когда-нибудь научишься.

— Утешил, — донесся слабый голос с кровати. — Эй, Брэд? Ты стал ярче.

— Что ты хочешь этим сказать?

— У тебя стало ярче лицо.

— Да. — Брэд почувствовал, что голова разболелась сильнее. — Наверное, поднимается температура. Пожалуй, пора идти. Эта защитная маска рассчитана только на пятнадцать минут.

— Пока ты еще не ушел, — прошептал Торвей, — сделай для меня кое-что. Выключи на минутку свет.

Брэд пожал плечами, но просьбу выполнил.

— Да?

Тело на кровати зашевелилось.

— Я просто повернулся, чтобы лучше видеть, — объяснил Роджер. — Послушай, Брэд, хотел спросить тебя, как вообще все идет? Как дела у меня?

Брэд ненадолго задумался.

— Пока все неплохо. Я не стану говорить тебе всякую чушь. Ты и сам знаешь, что случиться может всякое. Но пока никаких неприятностей не видно.

— Спасибо. И еще одно, Брэд. Ты давно видел Дорри? Пауза.

— Не видел около недели. Видишь ли, я болею. А если не болею, то чертовски занят.

— Да. Послушай, ты можешь оставить свет на прежнем уровне, чтобы медсестры не заблудились.

Брэд снова повернулся к выключателю.

— Приду, как только смогу. Попрактикуйся закрывать глаза, ладно? У тебя здесь есть телефон — звони в любое время, когда захочешь. Не думаю, что что-то пойдет не так, но... Если что-то случится, я тут же узнаю. Я даже в туалет не хожу, не оставив номера телефона, по которому меня можно найти. В общем, если захочешь поговорить...

— Спасибо, Брэд. Пока.

Операции закончились. По крайней мере худшее было позади. Поняв это, Роджер испытал облегчение, хотя в голове по-прежнему вертелись вопросы, на которых ответа не было.

Закончив гигиенические процедуры, Клара Блай принесла ему — в нарушение установленного порядка — букет цветов.

— Ты хорошая девочка, — прошептал Роджер, поворачивая голову, чтобы взглянуть на них.

— Какими ты их видишь?

Он попытался описать.

— Ну, это розы. Но не красные. Бледно-желтые? Того же цвета, как и твой браслет.

— Оранжевый. — Она прикрыла его ноги свежей простыней. — Принести «утку»?

— Зачем? — проворчал Торвей. Пошла уже третья неделя облегченной диеты и десятый день ограниченного потребления жидкости. Система выделения, как выразилась Клара, превратилась в почти ненужное украшение. — В любом случае мне уже разрешено вставать, так что если что-то случится, то позабочусь о себе сам.

— Ты уже совсем большой мальчик.

Клара усмехнулась, собрала грязное белье и вышла из комнаты, а Роджер сел и огляделся, осваиваясь в новом окружении. Сначала его внимание привлекли розы.

Его новые глаза воспринимали более широкий спектр цветовой гаммы, от инфракрасного до ультрафиолетового, но названий этих дополнительных цветов он не знал. Темно-красный, вероятно, был слабым тепловым излучением. Но и назвать его красным у Роджера не поворачивался язык; этот цвет вызывал у него ассоциации с теплом и благополучием.

И все же в розах было что-то странное. Что-то, не связанное с цветом.

Роджер отбросил простыню и посмотрел на себя. Новая кожа, без пор, без волосков, без морщинок. Она напоминала не кожу, к которой он привык, а скорее ткань водолазного костюма. Под ней пролежала его новая мускулатура, приводимая в движение уже другими импульсами. Но видно ее не было.

Роджер знал, что вскоре встанет и пройдет. Сам, без посторонней помощи. Сейчас он еще не был к этому готов. Что показывают по телевизору? Экран осветился, заполнившись непонятными цветовыми точками, зелеными, красными, синими. Потребовалось волевое усилие, чтобы увидеть трех поющих и извивающихся девушек, — глаза упрямо хотели анализировать не целое, а отдельные составляющие. Он переключился на другой канал. Новости. Новая Народная Азия послала к берегам Австралии еще три атомные субмарины с «визитом вежливости». Пресс-секретарь президента Дэшатайна твердо заявил, что «наши союзники в Свободном Мире могут рассчитывать на нас». Футбольные команды Оклахомы снова проиграли.

Роджер выключил телевизор — у него разболелась голова. Каждый раз, когда он менял угол зрения, точки и линии смещались, кроме того, из глубины телевизора исходило непонятное яркое сияние. Экран погас, но катодная трубка продолжала мерцать еще какое-то время. Потом все исчезло. Наверное, это было тепло.

Он вспомнил совет Брэда. Надо поупражняться закрывать глаза. Но как?

Непривычное чувство — оказаться в новом, незнакомом теле и попытаться найти «кнопку» управления, месторасположение которой было ему неизвестно. А ведь нужно всего-то закрыть глаза! Но Брэд сказал, что у него все получится. Роджер испытывал к Брэду смешанные чувства, и одним из них была гордость. Если Брэд сказал, что любой это сделает, то сделает это именно Роджер.

Только вот ничего не получалось. Он пробовал разные комбинации мышц, напрягал волю, но ничего не происходило.

Зато ему вдруг вспомнилось кое-что другое. Воспоминание относилось к тем далеким дням, когда они с Дорри только поженились. Нет, даже не поженились, они просто жили вместе и решали, стоит ли публично соединить свои жизни. Какое это было удивительное время! Они изучали друг друга, знакомились один с другим, применяя доселе неизвестные обоим способы. Ему вспомнился запах детского масла с добавлением мускуса и то, как они смеялись, отыскивая вторую чакру. Указания были просты: «Наберите воздуха в селезенку и задержите его там, затем выдохните, проводя руками вверх по обеим сторонам спины партнера». Им так и не удалось выяснить местонахождение селезенки, хотя процесс поисков доставлял Дорри огромное удовольствие. «Это здесь? Здесь? О, Родж, будь серьезнее...»

Внутри него резко напомнила о себе боль. Она стала разрастаться, и Торвей в отчаянии откинулся на подушку.

Дорри!

Дверь распахнулась.

В комнату влетела Клара Блай. На темном миловидном лице тревожно блестели глаза.

— Роджер! Что ты делаешь?

Прежде чем ответить, он сделал медленный, глубокий вдох.

— А в чем дело?

Голос показался непривычно бесстрастным. После всего, что с ним сделали, его звуковая гамма стала намного беднее.

— Датчики словно взбесились! Я подумала... не знаю, о чем я подумала. Не знаю, что случилось, но с тобой было что-то не так.

— Извини, Клара.

Он видел, как она поспешно повернулась к установленным на стене мониторам.

— Теперь немного лучше, — с упреком сказала Клара. — По-моему, все в порядке. Черт возьми, что ты с собой делал?

— Беспокоился.

— Из-за чего?

— Из-за селезенки. Ты знаешь, где она находится?

Клара задумчиво посмотрела на него, потом кивнула.

— Слева, под ребрами. Там, где, как ты считаешь, расположено сердце. Чуть ниже. Ты меня разыгрываешь?

— Ну... немного. Наверное, вспомнил нечто такое, о чем лучше не вспоминать.

— Пожалуйста, не делай этого больше!

— Постараюсь. — Но мысль о Дорри и Брэде никуда не ушла. Он перевел разговор на другое. — Еще одно... Я пытаюсь закрыть глаза, но ничего не получается.

Она подошла к кровати и нежно коснулась ладонью его плеча.

— У тебя все получится, милый.

— Да.

— Нет, правда. Я была с Уилли, когда он столкнулся с такой же проблемой и совсем упал духом. Но у него получилось. В любом случае я о тебе позабочусь. — Клара повернулась. — Пора выключать свет. Утром тебе надо быть свежим как огурчик.

— Для чего?

В нем колыхнулось подозрение.

— Нет, резать тебя больше не будут. С этим пока все. Разве Брэд не сказал? Завтра тебя будут проверять на компьютере. Испытывать эту промежуточную ступень. Так что дел хватит. А теперь, мальчик, давай-ка спать.

Она выключила свет, и ее темное лицо превратилось в мерцающее пятно, напоминающее формой грушу.

Ему вдруг пришла в голову одна мысль.

— Клара? Сделай мне одолжение?

Она остановилась у двери.

— Что ты хочешь, милый?

— Хочу задать вопрос.

— Спрашивай.

Он молчал, не зная, как сделать то, что ему хотелось.

— Я хочу знать... — медленно, все еще подыскивая подходящий вариант, сказал Роджер. — Э... хочу знать, Клара. Когда вы с мужем занимаетесь любовью, какие позы вы используете?

— Роджер!

Ее лицо резко вспыхнуло; он даже увидел под кожей нити вен, наполненных горячей кровью.

— Извини, Клара. Наверное, от безделья у меня стали появляться всякие... мысли. Извини, ладно?

Некоторое время Клара молчала, а когда заговорила, голос ее звучал сухо и совсем не дружески:

— Конечно, Роджер. Все в порядке. Ты просто зас- тиг меня врасплох. Это... ладно, все в порядке. Но ты ведь никогда не задавал мне таких вопросов.

— Знаю. Извини.

Но вообще-то он совершенно не жалел о сказанном.

Дверь за Кларой закрылась. Остался прямоугольник света, проникающего из коридора. Надо постараться не волноваться. Не хватает только поднять тревогу и переполошить всех.

Но ему нужно было обдумать нечто, находящееся как раз на границе опасной зоны. Ответ на занимавший его

вопрос отчасти дала Клара — ее лицо вспыхнуло точно так же, как и лицо Брэда, когда Роджер спросил, видел ли он с Дорри.

На следующее утро все мы были заняты делом: проверяли аппаратуру, устраняли недоделки. Брэд прибыл в 6.00, еще слабый, но с ясной головой и готовый к работе. Вайднер и Джон Фрилинг приехали вслед за ним, хотя основную часть работы предстояло выполнить Брэду. Но оставаться в стороне они не могли. Была на месте и Кэтлин Доути, но не по обязанности, а по велению сердца.

— Только не мучьте моего мальчика, — рычала она, размахивая сигаретой. — На следующей неделе им займусь я, и тогда ему понадобится вся помощь.

— Я сделаю все, что смогу, Кэтлин, — четко выговаривая каждое слово, заверил ее Брэд.

— Да. Я знаю, Брэд. — Она затушила одну сигарету и тут же закурила другую. — У меня не было детей, так что Роджер и Уилли заменили мне их.

— М-м-м, — пробормотал, уже не слушая, Брэд. Не имея соответствующей квалификации, он не имел права прикасаться к 3070-му или к вспомогательным частям. Ему оставалось только наблюдать за работой техников и программистов. Когда уже третья проверка показала полную готовность аппаратуры, Брэд вышел из комнаты и поднялся тремя этажами выше, к Роджеру.

У двери он остановился, вздохнул и вошел уже с улыбкой на лице.

— Сейчас тебя подключат, старина. Готов? Что чувствуешь?

Фасеточные глаза повернулись в его сторону.

— Не знаю, что мне надо чувствовать. — Голос Торвея звучал совершенно бесстрастно. — Пожалуй, немного страшновато.

— О, бояться нечего. Сегодня, — торопливо поправился Брэд, — мы лишь проверим промежуточные контуры.

Крылья слегка дрогнули.

— Это меня убьет? — тем же сводящим с ума спокойным голосом спросил Роджер.

— О, перестань! — рассердился Брэд.

— Я только спросил.

— Ну и вопросы у тебя! Послушай, я знаю, что ты чувствуешь.

— Сомневаюсь.

Брэд замолчал и изучающе посмотрел на ничего не выражающее лицо Торвея. Потом сказал:

— Позволь я повторю. То, что я собираюсь сделать, не убьет тебя. Ты останешься жив. Конечно, ты думаешь о случившемся с Уилли. Этого не будет. Ты со всем справишься. И здесь, и на Марсе. Именно там...

— Для меня важно, чтобы получилось здесь.

— О Боже. Ты будешь все видеть и слышать. Вольной контроль...

— Брэд, я еще не умею закрывать глаза.

— Научишься. Ты научишься всему. Но для этого надо с чего-то начать. Вся информация будет фильтроваться, ненужное отбрасываться, чтобы не создавать перегрузку. Уилли убило то, что он не знал, что со всем этим делать.

Пауза затягивалась. Что происходит в голове человека, чье гротескное лицо ничего не выражает?

Наконец Роджер сказал:

— Ты плохо выглядишь, Брэд.

— Извини. Я и чувствую себя не очень хорошо.

— Уверен, что готов?

— Уверен. Эй, Роджер. Что ты хочешь сказать? Может быть, отложить?

— Нет.

— Ну, так чего ты хочешь?

— Я и сам не знаю, Брэд. Давай начинать.

Мы все были готовы; зеленый свет горел уже несколько минут. Брэд пожал плечами и повернулся к дежурной медсестре:

— Начнем.

Потом было десять часов работы: настройка промежуточных цепей, проверка, подгонка, опробование их Роджером. Потом ему показывали пятна Роршаха и цветные круги Максвелла. Для Роджера день промчался незаметно. Он не чувствовал времени. Оно уже регулировалось не встроенными в каждого биологическими часами, а машинными компонентами; они замедляли восприятие времени в отсутствие стрессовых ситуаций и убыстряли, когда требовалось.

«Помедленнее», — просил он, наблюдая за мечущимися как пули медсестрами. А когда Брэд, уже дрожащий от слабости, опрокинул стеклянный столик с чернилами и карандашами, то Роджеру показалось, что они словно повисли в воздухе. Он без всякого труда подхватил два пузырька и сам столик, прежде чем они коснулись пола.

Потом, думая об этом, Роджер понял, что подхватил то, что могло разбиться. Карандашам он позволил упасть. В долю секунды он успел сделать правильный выбор, поймав то, что надо, и при этом даже не задумался о том, что делает.

Брэд очень обрадовался.

— Отлично, старина, — сказал он, держась за изголовье кровати. — Я сейчас уйду, чтобы немного поспать, так что увидимся завтра после операции.

— Операции? Какой операции?

— О... ерунда. Ничего страшного по сравнению с тем, через что ты уже прошел. Можешь мне поверить. Отны-

не, — он повернулся к выходу, — тебе придется только расти. Ты уже родился. Практикуйся. Учись пользоваться тем, что у тебя есть. Трудное позади. Как у тебя с отключением зрения?

— Брэд. — Голос прозвучал все так же бесцветно, но немного громче. — Что ты от меня хочешь, черт возьми? Я стараюсь!

— Знаю. — Брэд постарался сдержаться. — До завтра.

Впервые за весь день Роджера оставили одного. Он поэкспериментировал с новыми чувствами. Они действительно могли оказаться полезными в критических ситуациях. Но и смущали, вызывали путаницу. Все обычные повседневные звуки усилились. Роджер слышал, о чем говорит Брэд в коридоре. Он знал, что с теми ушами, которые достались ему от природы, не услышал бы и шепота. Теперь он легко различал каждое произнесенное слово: «...местная анестезия? Нет, я против. Отключите его полностью. С него уже хватит». Это говорил Брэд, обращаясь к Фрилингу.

Свет стал значительно ярче. Роджер попытался снизить чувствительность зрительных органов, но у него ничего не получалось. А ему нужна была всего одна лампочка с рождественской елки. Свет мешал, вызывал беспокойство, не давал сосредоточиться. Кроме того, он стал воспринимать пульсацию частотой в 60 герц. Во флюоресцентной трубке извивалась сияющая змея газа, а вот лампа накаливания оставалась почти темной, если не считать ярких нитей в центре. Рассматривая каждую деталь, Роджер не ощущал никакого напряжения в глазах, даже когда смотрел на самый яркий свет.

В коридоре прозвучал новый голос, и он прислушался. Клара Блай только что заступила в вечернюю смену.

— Как наш пациент, доктор Фрилинг?

— Отлично. Похоже, отдыхает. Вы не давали ему накануне снотворное?

— Нет. Все было в порядке. Он только... — Она хихикнула, — показался мне немного... хм... игривым. Задал вопрос, которого я никак не ожидала от Роджера.

— Ага. — Пауза. — Что ж, теперь таких проблем не будет. Мне надо проверить показатели. Будьте осторожны.

Роджер решил, что с Кларой надо вести себя повнимательнее: это было нетрудно, потому что она нравилась ему больше других медсестер. Он откинулся на подушки, слушая легкий шорох своих черных крыльев и ритмичные попискивания приборов. Он очень устал. Хорошо бы поспать...

Роджер вскочил. Свет исчез! Теперь он снова появился.

Неужели получилось? Он научился закрывать глаза!

Довольный собой, Роджер опустил на кровать. Все верно: он учится.

Его разбудили, чтобы покормить, а потом снова усыпили для последней операции.

Анестезия не предусматривалась.

— Мы просто отключим тебя, — сказал Джон Фрилинг. — Ты ничего не почувствуешь.

Роджер действительно ничего не почувствовал. Сначала его на каталке перевезли в соседнюю операционную, где все уже было готово. Он не почувствовал никаких запахов, но знал, что они есть. Он воспринял свет, тепло стерилизатора.

Затем доктор Фрилинг приказал отключить пациента, и мы выполнили его распоряжение. Все сенсорные входы были перекрыты: для него это выглядело так, словно свет стал меркнуть, звук слабеть, прикосновения к телу сделались почти неощутимыми. Все болевые сенсоры также были отключены на всей поверхности кожи. Разумеется, после операции некоторые из них предстояло «оживить». Без боли жить нельзя. Это система пре-

дупреждения, сигнализирующая об ожоге, повреждении, ранении, необходима и на Марсе.

Конечно, Джордж об этом ничего не знал. Он уснул, а потом проснулся.

Открыв глаза, он вскрикнул.

Фрилинг подскочил и уронил маску.

— В чем дело?

— Боже! — сказал Роджер. — Я увидел... не знаю. Может, это был сон? Но я видел всех вас, склонившихся надо мной. Вы смотрели на меня и были похожи на призраков. Черепа. Скелеты. Вы смеялись. А потом снова стали сами собой.

Фрилинг посмотрел на Вайднера и пожал плечами.

— Думаю, это заработали промежуточные контуры. Понимаешь? Они переводят то, что ты видишь, в то, что можно понять сразу же.

— Мне это не нравится, — вспыхнул Роджер.

— Ладно, поговорим с Брэдом. Но, честно говоря, думаю, что так и должно быть. Вроде как компьютер воспринимает твой страх и боль — ну, то, что каждый чувствует во время операции, — и преобразует их в визуальные раздражители: лица, маски и тому подобное. Интересно. Хотел бы я знать, насколько эти образы объясняются работой промежуточных ступеней и насколько обычной послеоперационной галлюцинацией?

— Рад, что тебе это интересно, — проворчал Роджер.

Но, откровенно говоря, ему и самому было интересно. Вернувшись в палату, Роджер предался размышлениям. Фантастические картины не подчинялись его воле. Они приходили сами по себе, но уже не были такими страшными, как первый образ, когда перед ним предстали живые ухмыляющиеся скелеты с пустыми глазницами. Когда Клара принесла судно и, встретив его отказ, удалилась, Роджер наблюдал за ней через закрытую дверь. Последняя превратилась во вход в пещеру, а Кла-

ра стала пещерным медведем, раздраженно ворчащим и недовольным. Он понял, что медсестра все еще дует на него; что-то в ее лице «зацепило» его чувства и, пройдя компьютерный анализ, было интерпретировано как предупреждение.

Но потом Клара вернулась уже с лицом Дорри. Оно тут же расплылось и приняло привычный вид — темная кожа, яркие глаза, то есть стало совсем не похожим на лицо Дорри, — но Роджер воспринял это как признак того, что между ними все в порядке.

Между Кларой и им.

Нет, подумал он, между им и Дорри. Роджер перевел взгляд на стоящий у кровати телефон. Видео временно отключили по его собственной просьбе; ему не хотелось, чтобы кто-то увидел его таким. Но Дорри он не звонил вообще. Иногда рука сама тянулась к трубке, но каждый раз Роджер останавливал себя.

Он не знал, что ей сказать.

Как спросить у жены, спит ли она с его лучшим другом? Возьми и спроси напрямую, убеждал себя Роджер, но сил заставить себя сделать это у него не было. Недоставало уверенности. Он не мог рисковать, бросая такие обвинения. А если все не так?

Проблема заключалась в том, что Роджер не мог ни с кем обсудить создавшуюся ситуацию. Вроде бы естественным было бы поговорить с Доном Кэйманом, ведь кому как не священнику заниматься внутрисемейными делами. Но Дон был так влюблен в свою монахиню, так радовался выпавшему ему счастью, что тревожить его своим беспокойством и болью Роджеру не хотелось.

Что касается большинства друзей, то они просто не поняли бы, в чем его проблема. Открытый брак был в Тонке обычным делом, как и почти во всем западном мире, так что слухи и сплетни скорее вызвала бы закрытая пара. Признаться в ревности было трудно.

Кроме того, убеждал себя Торвей, его беспокоила не ревность. Не оскорбленное чувство собственника, узнавшего, что кто-то лакомится фруктами из его сада. Нет, дело обстояло иначе. Дорри должна хотеть любить только его. Ведь и он хотел любить только ее.

Роджер поймал себя на том, что впадает в состояние, могущее вызвать всплеск беспокойства у следящих за ним приборов. Ему того не хотелось. И он решительно перевел мысли на другое.

Некоторое время Роджер тренировался в «закрывании глаз»; то, что он оказался способен освоить новое умение, придавало уверенности. Как и Уилли Хартнет, Торвей вряд ли смог бы описать, как это делается, но так или иначе ему удалось соединить встроенные в его голову контуры с находящимся в другой комнате компьютером. Он мог даже варьировать уровень освещенности. Мог приглушать свет, мог делать его ярче. Мог даже отфильтровывать все, оставляя одну цветовую волну.

Приятно, ничего не скажешь. Но потом это надоело. Ему хотелось бы, чтобы впереди его ждал ленч, но он знал, что ленча сегодня уже не будет. Во-первых, потому что ему сделали операцию. Во-вторых, его постепенно отучали от еды. За следующие недели количество пищи постепенно сократится до минимума, и к тому времени, когда он попадет на Марс, ему будет хватать одного приема пищи в месяц.

Роджер откинул простыню и уныло уставился на то, чем стало его тело.

А еще через секунду он издал крик, в котором страх смешался с болью. Телеметрические мониторы отчаянно замигали, словно сошли с ума. Шедшая по коридору Клара Блай застыла на полушаге и тут же метнулась к двери. Через долю секунды в холостяцкой квартире Брэда зазвонил сигнал тревоги, извещая о том, что случилось нечто серьезное, и прерывая его беспокойный сон.

Открыв дверь, Клара Блай увидела, что Роджер лежит, свернувшись в комок на кровати, и то ли стонет, то ли плачет. Правая его рука прикрывала пах между сжатых ног.

— Роджер! Что случилось?

Он поднял голову, повернул к ней огромные глаза насекомого, но ничего не сказал. Только убрал руку.

Там, между ног, ничего не было. Ни пениса, ни яичек, ни мошонки; только гладкая, тускло поблескивавшая искусственная плоть под прозрачной повязкой, прикрывающей хирургические шрамы. Все было так, как будто ничего и не было. Никаких намеков на половую принадлежность. Ничего. Маленькая операция завершилась. Ему не оставили ничего.

Глава 9

ДЭШ ПОСЕЩАЕТ ПАЛАТУ

Получалось некстати, но у Дона Кэймана не было выбора — он должен был съездить к своему портному. К несчастью, его портной жил в Меррит-Айленде, штат Флорида.

Беспокойство не покидало Кэймана. Его беспокоило не только то, что случилось с Роджером Торвеем. Ситуацию, сложившуюся после «небольшой косметической операции», удалось взять под контроль, хотя Дон никак не мог избавиться от чувства, что они едва не потеряли его, не подготовив как следует к психологическому шоку. Возможно, думал Кэйман, все дело в том, что Брэд был болен. Но в любом случае весь проект оказался под угрозой срыва.

Другим источником беспокойства было осознание того, что в глубине души он питал грешную надежду на

срыв проекта. После того как возможность его собственного полета на Марс стала обретать все более реальные очертания и реализовалась наконец в форме приказа, Дон провел целый час с сестрой Клотильдой, обсуждая, что им делать. Может быть, пожениться? Нет. Хотя они, конечно, могли обратиться с соответствующим запросом в Рим и, вероятно, получили бы положительный ответ, надежды на то, что все будет улажено в оставшееся время, уже не оставалось.

Вот если бы обратиться с этим запросом раньше...

Но они этого не сделали, и оба знали, что никогда не женятся без разрешения и даже не лягут без него в постель.

— По крайней мере, — сказала в конце разговора Клотильда, пытаясь скрыть разочарование за улыбкой, — тебе не придется беспокоиться по поводу моей неверности. Если я не нарушу обет из-за тебя, то вряд ли сделаю это ради кого-то другого.

— Я не беспокоюсь, — сказал он тогда, но сейчас, под голубым небом Флориды, глядя на высотные, тянущиеся к пушистым белым облакам краны, ловил себя на том, что беспокоится.

Армейский полковник, вызвавшийся показать ему окрестности, тоже видел, что Кэймана что-то гложет, хотя и не мог определить причину.

— Все будет в порядке, — сказал он, тыча, как говорится, пальцем наугад. — Я бы на вашем месте не тревожился из-за низкой орбиты.

Кэйман вздохнул и посмотрел на своего спутника.

— Уверяю вас, я не тревожусь. Я даже не понимаю, о чем вы говорите.

— О? Ну, видите ли, дело в том, что мы запускаем вас на более низкую, чем обычно, орбиту, двести двадцать вместо четырехсот. Это, конечно, политическое решение. Мне не нравится, когда бюрократы указывают нам, что и как делать, но на этот раз никакой роли это не играет.

Дон взглянул на часы. У него оставался еще целый час до последней примерки обоих скафандров, марсианского и космического, и тратить это время на пустые волнения ему не хотелось. Он уже определил, что полковник принадлежит к тем счастливицам, которые с охотой говорят как ни о чем, так и о своей работе, и что для продолжения разговора собеседнику достаточно лишь легкого толчка.

Кэйман хмыкнул. Полковник воспринял этот звук так, как и ожидалось.

— Да, отец Кэйман, мы дадим вам большой корабль. Слишком большой для запуска целиком. Поэтому на орбиту вылетят три «птички». Там вы встретитесь, состыкуетесь и...

Кэйман кивнул, не слушая: план полета он уже знал наизубок. Нерешенным остался только один вопрос: кто будут те двое, которые полетят на Марс вместе с Торве-ем и с ним. Но это будет решено уже в ближайшие дни. Одним должен быть пилот, который останется в корабле на орбите, тогда как трое других спустятся на Марс в специальном модуле. Конечно, в идеале этот четвертый должен был бы заменять при необходимости и пилота, и ареолога, и киборга, но, разумеется, такого человека просто не существовало. И все же время поджимало. Из всех четырех только Роджер Торвей мог жить на поверхности Марса. Остальным нужно будет пройти напряженную подготовку.

До старта оставалось тридцать три дня.

Закончив со стыковкой и сопутствующими ей маневрами, полковник, похоже, приготовился перейти к подробной характеристике задач на каждый из многих дней пребывания на Марсе, но Кэйман остановился.

— Минутку, полковник. Я не совсем понял ваше замечание о политических соображениях. Какое отношение они имеют к нам?

Полковник презрительно фыркнул.

— Эти чертовы экологи, из-за них все проблемы. Видите ли, эти «Техасские Близнецы» — я говорю о ракетносителях — очень большие. При их запуске в пар превращается около двадцати пяти тонн воды в секунду. Умножьте на три — получится чертовски много пара. Ну а этот пар вышибает свободные электроны. Разрушают озоновый слой. Это выяснили еще в 73-м или 74-м, когда запускали первую космическую станцию. А озоновый слой предохраняет нас от солнечных ожогов. Это одно. Еще он отфильтровывает ультрафиолет. Рак кожи, солнечные ожоги, гибель флоры — все это реально, все это может произойти.

Но Дэш волнуется не из-за нашего народа! Его беспокоит ННА. Они уже предъявили ультиматум: если ваш запуск повредит их небу, они будут рассматривать это как «враждебный акт». Враждебный акт! А как, черт возьми — извините, святой отец! — рассматривать парад их пяти атомных субмарин у мыса Мэй в Нью-Джерси? Можно, конечно, назвать это океанографическими исследованиями, но для таких исследований не нужны крейсера-убийцы!

В общем, — полковник немного успокоился и даже улыбнулся гостю, — все в порядке. Мы выведем вас на более низкую орбиту, ниже этого слоя свободных электронов. Конечно, понадобится больше топлива. Да и загрязнение этой самой окружающей среды будет еще больше. Но зато их драгоценные свободные электроны останутся в неприкосновенности...

— Очень интересно, полковник, — вежливо заметил Кэйман. — Однако мне, похоже, пора возвращаться.

Все было уже готово.

— Примерьте-ка вот этот.

Психотерапевт усмехнулся. На то, чтобы влезть в космический скафандр, требовалось не меньше двадцати

минут, даже если помогала вся команда. Кэйман настоял на том, чтобы сделать все самому. В корабле никто помогать ему не будет, у остальных членов команды собственные дела, и в экстренном случае он может оказаться вообще без помощи. Дон хотел быть готовым ко всему. На примерку скафандра у него ушел час, а потом пришлось примерять и другую одежду.

Когда он закончил, уже наступил вечер. Дон оглядел разложенные перед ним образцы и усмехнулся.

— Здесь все, что надо. Ряса и все такое. Еще пара мелочей, и я буду готов к службе.

Вообще-то все его церковное облачение уже лежало там, где надо, заняв половину отведенного места и сократив возможности по размещению книг, компакт-дисков и фотографий Клотильды. Но обсуждать это с мирянами Дон не собирался. Он потянулся и вздохнул.

— Где тут можно поесть? Бифштекс и, может быть, красную рыбу, о которой я успел прослышать. А потом — спать.

Майор воздушной полиции, молчаливо стоявший уже два часа, сделал шаг вперед.

— Извините, святой отец. Вам сейчас надо быть в другом месте. У нас всего двадцать минут, чтобы успеть туда.

— В другом месте? Но у меня завтра долгий перелет и...

— Извините, сэр. Мне приказано доставить вас на авиабазу Патрик. Полагаю, там вам все объяснят.

Священник покачал головой.

— Капрал, я вне сферы вашей юрисдикции. Так что лучше скажите, чего вы от меня хотите.

— Вы правы, сэр, — согласился майор. — Но мне приказано доставить вас на авиабазу, и, при всем уважении, сэр, я это сделаю.

Психотерапевт дотронулся до плеча Кэймана.

— Поезжайте, Дон. У меня такое чувство, что вы теперь переместились в гораздо более высокие эшелоны.

Недовольно ворча, Кэйман позволил увести себя в джип на воздушной подушке. Водитель спешил. Он не искал дорог, а направил машину к морю и повел ее вдоль берега. Потом повернул на юг и добавил газа; уже через десять секунд они неслись со скоростью по крайней мере сто пятьдесят километров в час. Хотя джип и шел на безопасной высоте около трех метров над водой, вид бушующих внизу волн не доставил Кэйману большого удовольствия. Почувствовав во рту неприятный кислый привкус, он поискал глазами пакет и, не обнаружив такового, попросил водителя сбавить скорость.

— Извините, сэр.

Похоже, у военных на все один ответ.

И все же им удалось добраться до базы Патрик прежде, чем Дона вырвало, а на земле шофер снизил скорость до разумной. Кэйман кое-как выбрался из кабины в сырую, душную ночь и простоял еще несколько минут, пока два военных полицейских, извещенных по радио о прибытии гостя, не подошли к нему, отдали честь и проводили к белому оштукатуренному зданию.

Не прошло и десяти минут, как его раздели донага и начали обыскивать, дав таким образом понять, в какие именно эшелоны его занесло.

Самолет президента приземлился на военном аэродроме в четыре часа утра. Кэйман дремал в пляжном кресле под накинутым на ноги пледом; его вежливо разбудили и провели по трапу на борт. Поднимаясь, он обратил внимание, что к самолету уже подкатили топливозаправщики, начавшие свою работу в непривычной, какой-то неестественной тишине. Ни разговоров, ни лязга бронзовых вентилях об алюминиевые крышки баков, только тяжелое, ритмическое дыхание насосов.

Кто-то очень важный спал. Кэйман от души хотел бы заняться тем же. Его подвели к креслу, пристегнули

ремнями безопасности и оставили, но еще прежде, чем стюардесса успела отойти от его кресла, самолет уже выехал на взлетную полосу.

Он постарался вздремнуть, но когда самолет только начал набирать высоту, к нему подошел какой-то человек и сказал:

— Сейчас вас примет президент.

Президент Дэшатайн, свежевыбритый, со своей аккуратной бородкой, был похож на самого себя с портрета Гилберта Стюарта. Он сидел в обитом кожей кресле, рассеянно глядя в иллюминатор и слушая что-то через наушники. На серебряном подносе рядом с серебряным кофейником стояла пустая чашка. Другая, полная, с поднимающимся над ней паром, замерла у локтя президента. Возле пустой чашки лежала изящная коробочка из пурпурной кожи с выгравированным на ней серебряным крестом.

Дэш не заставил себя ждать. Он оглянулся, улыбнулся, снял наушники и сказал:

— Спасибо, отец Кэйман, за то, что позволили похитить вас. Пожалуйста, садитесь. Берите кофе, если хотите.

— Спасибо.

Стюард тут же подскочил, чтобы обслужить гостя, и быстро отступил за спину Дона. Кэйман не стал оборачиваться, зная, что человек позади него будет наблюдать за каждым его движением, а поэтому лучше их не совершать.

— За последние сорок восемь часов я сменил так много часовых поясов, что уже забыл, каков реальный мир. Мюнхен, Бейрут, Рим. Узнав о проблеме с Роджером Торвеем, я забрал с собой Верна Сканиона. Этот случай, святой отец, перепугал меня до смерти. Вы ведь едва не потеряли его, да?

— Я ареолог, господин президент. За других не отвечаю.

— Перестаньте, святой отец. Я ведь никого не виню; а если до этого дойдет, то виновные всегда найдутся. Мне нужно знать, что случилось.

— Уверен, что генерал Сканион может рассказать вам больше, чем я, господин президент, — сдержанно ответил Кэйман.

— Если бы меня устроила версия Верна, я не делал бы остановку, чтобы забрать вас. Вы находитесь на месте. Он — нет.

Сканион был в Риме, в Ватикане.

Кэйман сделал глоток кофе.

— Что ж, да. Мы почти его потеряли. Думаю, Торвея не подготовили должным образом к тому, что случилось. Вероятно, из-за эпидемии гриппа. У нас не хватало людей. Брэда тоже не было.

— Такое уже случалось, — заметил президент.

Кэйман не ухватился за наживку.

— Его кастрировали, господин президент. Сделали то, что султаны называют полной кастрацией, не оставили ничего. В этом не было такой уж необходимости, потому что потребляет он мало, и продукты переработки выводятся через толстую кишку. Для Торвея это был сильнейший шок, господин президент. Удар по уязвимому месту.

— А как насчет — как это — простатэктомии? Тоже уязвимое место?

— Об этом надо спросить кого-то из врачей, господин президент, — осторожно ответил Кэйман.

— Я спрашиваю вас. Сканион говорил что-то о «болезни священника», а вы ведь священник.

Кэйман усмехнулся.

— Это старое выражение, возникшее в те времена, когда все священники придерживались обета безбрачия. Но я могу вам рассказать; мы много говорили на эту тему в семинарии. Простата вырабатывает жидкость,

секрет. Совсем немного, несколько капель в день. Если у мужчины нет эякуляции, то она уходит с мочой, но если он сексуально возбужден, то ее вырабатывается много, и она вся не уходит, а скапливается, застаивается, и это может вызвать неприятные последствия.

— Поэтому ему удалили и простату.

— И имплантировали стероидную капсулу, господин президент. У него не разовьются женские признаки. Фактически Торвей сейчас — евнух.

Президент кивнул.

— Это еще называют каким-то фрейдистским термином.

Кэйман пожал плечами.

— Если вы так считаете, — не отступал от своего президент, — то что, по-вашему, думает Торвей?

— Ему нелегко, господин президент.

— Насколько мне известно, — продолжал Дэш, — вы не только ареолог, Дон, но и консультант по брачным отношениям. И в этом направлении тоже не все хорошо, да? Жenuшка доставляет парню немало беспокойств?

— У Дорри много проблем.

— Нет, у Дорри *одна* проблема. Та же, что и у всех. Она трахается с кем-то и ставит под угрозу наш проект. Мы не можем этого допустить. Вы в состоянии урезонить ее?

— Нет.

— Хм. Я не имею в виду сделать из нее идеальную женщину. Перестаньте, Дон! Вы можете заставить ее как-то успокоить Торвея? Чтобы с ним ничего не случилось? Поцелуй, обещание, открытка на Валентинов день... Черт возьми, Торвею и не нужно большее. Но на это он по крайней мере имеет право.

— Я попробую, — беспомощно сказал Кэйман.

— А я собираюсь поговорить с Брэдом, — хмуро пробормотал президент. — Я же говорил вам, говорил вам

всем, что проект должен быть осуществлен. Мне наплевать, что кто-то простудился, а у кого-то свербит в трусах. Я хочу, чтобы Торвей высадился на Марсе и чтобы его ничто не беспокоило.

Самолет накренился, меняя курс, чтобы не оказаться на оживленной воздушной трассе над Новым Орлеаном, и в иллюминаторе показалось восходящее солнце над грязной, замасленной поверхностью залива. Президент прищурился.

— Позвольте мне, отец Кэйман, сказать вам, что я думаю. — Голос его звучал зло. — Думаю, Роджеру было бы легче скорбеть по жене, погибшей в автомобильной аварии, чем мучить себя вопросами о том, чем она занимается, когда его нет рядом. Мне не хочется так думать. Но у меня много вариантов, Кэйман, и мне придется выбирать наименее плохой. А теперь, — он внезапно улыбнулся, — у меня есть для вас подарок от Его Святейшества. Посмотрите.

Кэйман недоуменно открыл пурпурную коробочку. В ней лежали четки. Великолепные четки из кости и хрусталя.

— У них интересная история, — продолжал президент. — Один из японских миссионеров привез их Игнатию Лойоле, потом они оказались в Южной Америке и двести лет провели в Парагвае. Музейная вещь, но Его Святейшество хочет, чтобы вы взяли их с собой.

— Я... не знаю, что и сказать, — пробормотал Кэйман.

— Это его благословение. — Президент откинулся на спинку кресла и показался вдруг Кэйману постаревшим и усталым. — Молитесь, святой отец, — сказал он. — Я не католик. Не знаю, что вы чувствуете, но я хочу, чтобы вы молились за Дорри Торвей. За то, чтобы она обринулась и помогла мужу продержаться. А если это не поможет, то помолитесь как следует за всех нас.

* * *

Вернувшись в основной салон, Кэйман опустился в кресло, пристегнул ремень безопасности и приказал себе уснуть. До Тонки оставалось еще около часа лета. Усталость одолела беспокойство, и вскоре он задремал.

Беспокоился не один Дон. Мы не в полной мере оценили возможные последствия удаления гениталий и едва не потеряли Роджера Торвея.

Положение было критическое. Мы не могли больше рисковать. Руководство приняло решение обеспечить Торвею психологическую поддержку и провести психиатрическую экспертизу. Компьютер спешно программировали на мониторинг психического состояния с тем, чтобы предотвратить нарастание стресса.

Ситуация в мире развивалась по вполне предсказуемому варианту. Бурлил Нью-Йорк, напряжение на Ближнем Востоке грозило превысить критический предел, Новая Народная Азия выпускала одно за другим гневные заявления, отрицая присутствие своих военных кораблей в Тихом океане. Мир катился к кризису. По нашим расчетам, в ближайшие два года Землю ждало непредсказуемое будущее. Судьба человечества была под вопросом. Мы не могли допустить этого.

Проект должен был завершиться успехом.

Придя в себя после внезапного приступа, Роджер даже не понимал, насколько близко подошел к последней черте; он лишь сознавал, что получил удар по всем своим самым чувствительным местам. Теперь Роджер испытывал острое чувство отчаяния, полного, безнадежного отчаяния. Он не только потерял Дорри, он перестал быть мужчиной.

Острую, пронзительную боль не смогли смягчить даже слезы; к тому же и плакать Роджер тоже не мог. Наверное, подобное чувство испытывает пациент в крес-

ле дантиста, знающий, что зуб будут рвать без анестезии. Боль отчаяния перестала быть предупреждением, она стала неотъемлемым фактором существования, и ее оставалось только терпеть.

Дверь открылась, и в комнату вошла незнакомая медсестра.

— Привет. Вижу, вы проснулись.

Она подошла ближе и положила теплую ладонь ему на лоб.

— Меня зовут Сьюли Карпентер. Вообще-то мое имя Сью Ли, но все привыкли называть меня Сьюли. — Она убрала руку и улыбнулась. — Наверное, думаете, что температуру так не проверяют, да? Но я уже посмотрела на монитор, а это... Знаете, я девушка старомодная.

Торвей почти не слушал — он смотрел на нее. Неужели опять промежуточные контуры? Высокая, зеленоглазая, темноволосая, она так походила на Дорри, что в это не верилось. Роджер изменил угол зрения, настроился на поры на ее слегка веснушчатом лице, перестроил цветовую шкалу, уменьшил четкость, так что лицо как бы померкло. Но ничего не произошло. Она по-прежнему оставалась похожей на Дорри.

Женщина подошла к мониторам.

— У вас все в порядке, полковник Торвей, — бросила она через плечо. — Немного погода принесу ленч. Хотите чего-нибудь?

Он приподнялся и сел.

— Ничего, что мог бы получить.

— О нет, полковник. — В ее глазах мелькнуло изумление. — Я хотела сказать... да, извините. Мне нельзя с вами так говорить. Но, боже мой, полковник, если в мире есть кто-то, кто имеет полное право на все, то это вы.

— Жаль, что не испытываю того же чувства, — проворчал Роджер, по-прежнему внимательно и с любопытством наблюдая за девушкой. Странно, но к боли, пере-

полнявшей его несколько минут назад, примешивалось что-то еще, что-то незнакомое, но явно оттеснявшее боль.

Сьюли Карпентер взглянула на часы и пододвинула стул.

— Вам, похоже, плохо, полковник, — с сочувствием сказала она. — Полагаю, с этим нелегко смириться.

Он отвел взгляд, посмотрел на трепещущие за спиной черные крылья.

— Хорошего мало, поверьте. Но я знал, на что шел. Сьюли кивнула.

— Мне тоже было плохо, когда... когда умер мой паень. Конечно, не так плохо, как вам. Но в каком-то отношении, может быть, даже хуже. Знаете, все было так бессмысленно. Представьте, что еще вчера все шло отлично, мы собирались пожениться, а на следующий день он вернулся от врача, и оказалось, что мучившие его головные боли это... — она перевела дыхание, — опухоль мозга. Злокачественная. Через три месяца он умер, а я не знала, что делать. Уехала из Окленда. Потом меня перевели сюда. Никогда и не думала, что попаду в лабораторию, но из-за гриппа у них не хватает обслуживающего персонала и...

— Жаль, — быстро сказал Роджер.

Она улыбнулась.

— Все в порядке. Просто в моей жизни появилась пустота, и я благодарна за то, что ее удалось заполнить работой. — Сьюли снова посмотрела на часы и вскочила. — Влетит мне сейчас. Послушайте, я серьезно. Что вам принести? Книгу? Музыку? Весь мир готов исполнить ваш приказ, в том числе и я.

— Мне ничего не надо, — ответил Роджер. — Но все равно спасибо. А как получилось, что вас взяли именно сюда?

Она задумчиво посмотрела на него. Торвей заметил, как дрогнули уголки ее губ.

— Я знакома с программой, десять лет занималась аэрокосмической медициной в Калифорнии. И я знаю вас, полковник Торвей. Знала! Когда вы спасли тех русских, у меня на стене висела ваша фотография. Вы даже не поверите, какую активную роль вы играли в моих фантазиях, сэр.

Она усмехнулась и направилась к выходу, но остановилась у двери.

— Сделаете мне одолжение?

Он удивился.

— Конечно. Что?

— Я бы хотела получить более свежую фотографию. Знаете, какие здесь меры безопасности. Если я пронесу фотоаппарат, вы разрешите мне сделать снимок? Будет что показать внукам, если я когда-нибудь...

Роджер покачал головой.

— Сьюли, вас убьют, если поймают.

Она подмигнула ему.

— Риск того стоит. Спасибо.

После того как Сьюли ушла, Роджер попытался вернуться к прежним мыслям о кастрации и измене Дорри, но они почему-то потеряли былую значимость. Впрочем, и времени на это уже не осталось. Вскоре вернулась Сьюли с ленчем, улыбкой и обещанием навестить его на следующее утро. Потом Клара сделала ему клизму, а после нее в палату вошли трое усатых мужчин, похожих друг на друга, как игрушечные солдатики из одного набора. Они обшарили всю комнату, включая пол, стены и мебель, пустив в ход металлодетекторы и электронные искатели. Роджер видел их впервые. Закончив проверку, они остались в комнате, уселись на принесенные стулья, молчаливые и внимательные, и стали ждать.

Затем появился Брэд.

Выглядел он не только больным, но и серьезно обеспокоенным.

— Привет, Роджер. Боже, ну и напугал же ты нас. Я виноват, мне надо было быть на месте, но из-за этого чертова гриппа...

— Я выжил, — сказал Торвей, внимательно вглядываясь в довольно заурядное лицо Брэда и с удивлением отмечая, что не испытывает ни злости, ни ненависти.

— Теперь ты будешь очень занят, — начал Брэд, придвигая стул. — Мы на время отключили некоторые из промежуточных контуров. Потом нам придется ограничить твои сенсорные входы, чтобы ты начал понемногу осваиваться в другой обстановке. И Кэтлин не терпит, чтобы ты поскорее приступил к тренировкам; тебе же надо как следует овладеть контролем над мышцами.

Он оглянулся на трех молчаливых гостей, и Роджеру показалось, что лицо Брэда отразило страх.

— Думаю, я готов.

— Да, конечно, я знаю, — удивленно сказал Брэд. — Ты знаком с последними показателями. Все функционирует отлично, как часы на семнадцати камнях. С операциями покончено. Теперь у тебя есть все, что нужно. — Он опустился на стул и изучающе посмотрел на Роджера. — Ты, если можно так сказать, произведение искусства, а я художник. Жаль, что не увижу тебя на Марсе. Твое место там.

Один из молчаливой тройки откашлялся.

— Время, доктор Брэдли.

По лицу Брэда снова скользнула тень беспокойства.

— Сейчас ухожу. Береги себя, Родж. Увидимся позже.

Он ушел, и вслед за ним вышли трое агентов. Спешно вбежавшая Клара Блай суетливо огляделась.

Загадка вдруг прояснилась.

— Дэш? Он приехал навестить меня, — догадался Роджер.

— Какой умный! — фыркнула Клара. — Что ж, тебе это положено знать. А вот мне не положено. Они счита-

ют, что это останется в секрете. Но какой может быть секрет, если весь госпиталь перевернули вверх дном. Когда я пришла на дежурство, эти ребята уже были здесь. Повсюду.

— Когда он придет?

— Это секрет. По крайней мере для меня.

Но не прошло и часа, как в палату вошел президент США. С ним был тот же человек, который находился и в самолете. Но если там он исполнял главным образом обязанности слуги, то здесь, очевидно, телохранителя.

— Рад снова вас видеть, — сказал президент, протягивая руку.

Он никогда не видел нынешний, переработанный и исправленный вариант астронавта, и, вероятно, тускло поблескивающая кожа, огромные фасеточные глаза, сложенные за спиной крылья произвели впечатление. Однако Дэш умел владеть собой, и на его лице отражались только дружелюбие и расположение.

— Я заглянул к вашей милой жене Дорри. Надеюсь, она простила меня за испорченный лак... забыл спросить. Но ладно. Как вы себя чувствуете?

Тот факт, с каким удивительным талантом президент продемонстрировал свою осведомленность и симпатию, поразил Роджера, но он лишь ответил:

— Отлично, господин президент.

Дэшатайн слегка повернул голову в сторону своего телохранителя.

— Джон, тот пакет для полковника Торвея у вас? Дорри попросила меня передать вам это. Откроете, когда мы уйдем.

Охранник положил на стол бумажный пакет и снова встал за спиной президента.

— Роджер, — сказал Дэшатайн, — я знаю, что могу быть откровенным с вами. Вы — это все, что у нас есть. Вы нужны нам. Положение ухудшается с каждым днем.

Азиаты напрашиваются на неприятности, и я не знаю, как долго смогу удерживаться, чтобы не дать им то, на что они нарываются. Мы должны отправить вас на Марс, и вы должны быть там в полной функциональной готовности. Важность этого нельзя переоценить.

— Думаю, что понимаю вас, сэр.

— Ну, полагаю, что в какой-то степени понимаете. Но понимаете ли нутром? Душой? Понимаете ли вы, что даже то, что происходит у вас в голове, имеет перво-степенную важность для всего человечества? Вот так-то. Я знаю, — нахмурясь, продолжал он, — что они позволили себе большие вольности в отношении вас. Не дали вам возможности сказать «да» или «нет», может быть, «нет». Даже не предупредили вас. Это поганый способ обращаться с любым человеком, не говоря уже о том, чтобы допускать такое по отношению к тому, от кого столь многое зависит и кто достоин самого лучшего. Я надрал тут кое-кому задницу. И с радостью всыпал бы посильнее. Если хотите, чтобы я это сделал, скажите. В любое время. Лучше, если этим займусь я. Вы, с вашими стальными мускулами, можете, пожалуй, безнадежно попортить миленькие задницы этих медсестер. Не возражаете, если я закурю?

— Что? О черт, нет, господин президент.

— Спасибо.

Дэшатайн протянул руку, а телохранитель поднес ему открытый портсигар и горящую зажигалку. Президент с удовольствием затянулся и откинулся на спинку стула.

— Роджер, позвольте мне пофантазировать на тему о том, что вы сейчас думаете. Вы думаете: «Вот старина Дэш, политик до мозга костей, набитый дерьмом и обещаниями, который старается заставить меня таскать для него каштаны из огня. Он скажет что угодно. Пообещает что угодно». Примерно так, да?

— Что вы, господин президент! Ну... да, примерно так.

Дэшатайн кивнул.

— Надо быть сумасшедшим, чтобы так не думать, — сухо заметил он. — Знаете, все верно. До определенного момента. Да, верно, я скажу все, пообещаю что угодно, лишь бы отправить вас на Марс. Но есть и другая сторона. Вы, Роджер, держите нас всех за яйца. Мы нуждаемся в вас. Надвигается война. Нам нужно остановить ее, и, пожалуй, сделать это можно единственным способом — высадить вас на Марс. Не спрашивайте почему. Я делаю то, что говорят специалисты, а они утверждают, что таков вывод компьютеров.

Роджер нервно пошевелил крыльями, но не отвел глаз от президента.

— Поэтому, — твердо произнес Дэшатайн, — я назначаю себя вашим распорядителем. Вы говорите мне, чего хотите. Я обеспечиваю вам это. В любое время дня и ночи только снимите вот эту трубку и наберите мой номер. Если дело может подождать, оставьте сообщение. Больше здесь не будет никаких глупостей. А если вам покажется, что кто-то начинает что-то затевать, скажите мне, и я это остановлю. Боже! — Он усмехнулся и начал подниматься. — Знаете, что напишут обо мне в учебниках истории? Фицджеральд Дэшатайн, 1943—2026, сорок второй президент США. Во время правления его администрации человечество основало первую колонию на другой планете. Вот что получу я, если получу. И только вы можете дать мне это.

Он встал.

— Что ж, в Палм-Спрингс меня ждет губернатор. Я должен был быть там шесть часов назад, но решил, что вы важнее. Поцелуйте за меня Дорри. И позвоните мне. Если не на что будет жаловаться, просто поздоровайтесь. В любое время.

И он вышел, провожаемый ошеломленным взглядом астронавта.

Можно принимать это по-всякому, размышлял Роджер, но спектакль получился впечатляющий и доставил много приятных чувств. Пусть разговор на девяносто девять процентов состоял из дерьма, но и то, что оставалось, было достойно восхищения.

Дверь открылась, и в комнату вошла Сьюли Карпентер. Вид у нее был немного испуганный. В руке она держала фотографию в рамке.

— Я и не знала, в какой компании вы бываете, — сказала Сьюли.

— Что делать с этим?

На фото президента красовалась надпись: «Роджеру от его поклонника. Дэш».

— Повесьте куда-нибудь, хорошо?

— Конечно. Видите, здесь самоприкрепляющееся приспособление. Вот оно. — Она прижала фотографию к стене, затем отступила и восхищенно покачала головой, после чего достала из-под халата плоский черный фотоаппарат и подмигнула Роджеру. — Улыбнитесь птичке! — Щелчок. — Вы же на меня не донесете, а? О'кей. Мне надо идти. Сегодня не моя смена, но мне хотелось заглянуть к вам.

Роджер откинулся на спину и сложил руки на груди. События развивались весьма интересно. Он не забыл ни боли отчаяния, охватившей его после кастрации, ни Дорри. Но ни то, ни другое уже не воспринималось как боль. В его голове вертелись новые, более приятные мысли.

Вспомнив о Дорри, он вспомнил и о ее подарке и открыл пакет. Керамическая чашка теплых тонов с фруктовым орнаментом. И в ней карточка. «Так я говорю, что люблю тебя». И подпись — «Дорри».

Теперь все показатели Роджера были стабильными, и мы готовились подключить промежуточные контуры.

На этот раз Торвея инструктировали самым тщательным образом. Брэд почти не отходил от него. Получив

от президента «по заднице», он проявлял небывалую прилежность. Одна наша оперативная группа взяла под свой контроль подключение промежуточных ступеней, другая вела передачу информации с компьютера 3070 из Тонки на компьютер в Рочестере. Положение осложнялось периодическими падениями напряжения в Техасе и Оклахоме и тем фактом, что многие люди еще не оправились от гриппа. Нам не хватало рабочих рук.

И это еще не все. Компактный заплечный компьютер дает гарантию надежности в 99,999999999 процента по каждому компоненту, но в нем примерно около десяти в восьмой степени компонентов. Разумеется, необходимые меры предосторожности были предприняты, так что даже отказ трех или четырех основных подсистем не означал выхода из строя всей системы. Но этого запаса прочности могло не хватить. Анализ показывал, что возможность возникновения критической ситуации достаточно велика: один шанс из десяти в течение половины марсианского года.

В связи с этим было принято решение построить, запустить и вывести на орбиту Марса еще один компьютер 3070, втроекратно дублирующий все функции переносного компьютера Торвея. Но и здесь не обошлось без недостатков. Пользоваться орбитальным компьютером можно было только пятьдесят процентов времени, то есть тогда, когда он находился над горизонтом и с ним была возможна радиосвязь. Сигнал запаздывал в худшем случае на сотую долю секунды, что не так уж плохо. При этом Роджер должен был находиться на открытой местности или пользоваться внешней антенной.

Существовала и еще одна причина вывода дублирующего компьютера на марсианскую орбиту: большой риск внешних воздействий. Оба компьютера имели очень сильную защиту. Тем не менее при старте им предстояло пройти пояса Ван Аллена, а в течение полета испытать воз-

действие солнечного ветра. Ко времени приближения к Марсу солнечный ветер должен был находиться на достаточно низком уровне, если не произойдут вспышки.

При вспышке на Солнце заряженные частицы способны вывести из строя любой компьютер. Переносной не смог бы защитить себя. С другой стороны, 3070-й располагал достаточным резервом, чтобы продолжить внутренний мониторинг и устранить опасные последствия. В моменты бездействия — а таких будет немало, до девяноста процентов общего времени, даже при использовании его Роджером, — 3070-й мог бы сравнивать информацию, накопленную каждым из трех банков. При наличии расхождений проводился бы тщательный анализ, и ошибку можно было бы устранить довольно быстро.

Ничего другого мы позволить себе не могли, но и это уже немало. В целом мы были очень довольны.

Конечно, для работы 3070-го на орбите требовалось много энергии. По нашим расчетам выходило, что при максимальном отборе запас энергетической прочности солнечных панелей опускался до опасного минимума. Тогда было решено направить к Марсу один из мощных генераторов.

На орбите генератор и компьютер работали бы в едином режиме. Энергии генератора вполне хватало для обеспечения компьютера, а ее избыток направлялся бы на поверхность планеты, где Роджер мог использовать его для своих нужд и потребностей.

То были счастливые дни! Мы работали как одна команда. Все наши запросы встречали полное понимание и поддержку. Талса обходилась без света два дня в неделю, отдавая нам сэкономленную энергию. Лаборатории реактивных двигателей предоставили в наше распоряжение весь свой медицинский штат.

Никакие возникающие время от времени помехи не могли сорвать установленный график. Мы защитили оба

компьютера, мы надежно укрыли их от «вирусов», и все шло точно по плану.

Но не все в мире обстояло так же хорошо.

Валлийские националисты, пользуясь самодельными плутониевыми бомбами, собранными из похищенных с атомного реактора в Кармартене материалами, устроили взрывы в казармах Гайд-парка и на мосту Найтсбридж. В горах Калифорнии бушевали пожары, тогда как пожарные вертолеты стояли на земле из-за нехватки топлива. Эпидемия оспы опустошила Пуну и перекинулась на Бомбей. Люди бежали в Мадрас и Дели, переноса с собой болезнь. В Австралии объявили мобилизацию, ННА требовала срочного созыва Совета Безопасности ООН, Кейптаун попал в осаду.

Все шло так, как и предсказывалось графиками. Мы все это сознавали и продолжали свою работу. Когда кто-то из медсестер или техников начинал проявлять беспокойство, ему напоминали о приказе президента. На всех видных местах красовались взятые в рамочку слова Дэшатайна:

**Ваше дело позаботиться о Роджере Торвее,
а я позабочусь обо всем остальном.
Фицджеральд Дэшатайн**

Мы в напominаниях не нуждались, так как прекрасно осознавали важность своей работы. От нее зависело выживание нашей расы. В сравнении с этим все остальное не имело значения.

Роджер очнулся в полной темноте.

Ему снился сон, и на какое-то мгновение сон и реальность слились воедино. Снилось то, что случилось уже давно, когда они втроем — Роджер, Дорри и Брэд — с несколькими друзьями отправились к озеру Тексома, где у кого-то была яхта, а вечером, под висящей над водой огромной луной, пели под гитару.

Роджеру показалось, что он снова слышит голос Брэда, но, прислушавшись и уже отойдя ото сна, он понял, что никакого голоса нет.

Не было вообще ничего. Странно. Он не слышал привычного гудения приборов, не слышал шепота, обычно доносящегося из коридора. Несмотря на все его старания, чувствительные уши киборга не могли уловить ни звука. Света тоже не было. Лишь призрачное мерцание, исходившее от его собственного тела.

Он пошевелился и понял, что пристегнут к кровати.

На какое-то мгновение его объял ужас: он в ловушке, один, беспомощный. Неужели его отключили? Неужели это сделано преднамеренно? Что происходит?

Возле уха прозвучал едва слышный голос.

— Роджер? Это Брэд. Приборы показали, что ты проснулся.

Он испытал небывалое облегчение.

— Да. Что происходит?

— Мы перевели тебя в режим сенсорного молчания. Ты слышишь что-нибудь, кроме моего голоса?

— Ни звука. Вообще ничего.

— А свет?

Роджер сообщил, что видит только собственное тепло.

— Больше ничего.

— Отлично, — сказал Брэд. — А теперь послушай меня. Мы будем понемногу приучать тебя к работе в новом сенсорном режиме. Простые звуки. Простые изображения. Над твоей кроватью установлен проектор, а у двери экран. Мы собираемся... Подожди, тут Кэтлин хочет поговорить с тобой.

Какие-то приглушенные звуки, шорохи, и затем голос Кэтлин Доути:

— Роджер, тебе забыли сказать кое-что. Такое сенсорное молчание опасно, ты это знаешь.

— Я об этом слышал.

— По словам экспертов, это чувство своего бессилия и невозможности как-то повлиять на ситуацию. Так что как только почувствуешь себя плохо, начни разговаривать. Кто-то из нас всегда находится здесь, и мы ответим. Или Брэд, или я, или Сьюли Карпентер, или Клара.

— Вы все сейчас здесь?

— Боже, да! И еще Дон Кэйман и генерал Сканион. Тут вообще целая толпа. Так что недостатка в компании не будет. Это я тебе обещаю. Теперь дальше. Мой голос, как он тебе?

Роджер подумал.

— Я не заметил ничего особенного. Немного напоминает скрип двери.

— Плохо.

— Не согласен, он у тебя всегда такой, Кэтлин.

Женщина хихикнула.

— Ладно, все равно мне болтать с тобой некогда. А голос Брэда?

— Тоже ничего необычного. По крайней мере я не уверен. Похоже, я немного вздремнул, потому что мне показалось, что он поет «Аура Ли» под гитару.

В разговор вмешался Брэд.

— А вот это уже интересно! А сейчас?

— Нет. Все как обычно.

— Ну что ж, показатели у тебя в норме. Хорошо. Вернемся к этому позже. Сейчас мы покажем тебе несколько простых изображений. Как сказала Кэтлин, ты можешь заговорить в любое время, и мы сразу ответим, если захочешь. Но постараемся обойтись без разговоров. Итак, сначала проработаем зрительные контуры, а уж потом добавим звук. Понял?

— Начнем.

Ему никто не ответил, но через секунду на противоположной стене появилась бледная точка.

Неяркая. Наверное, будь у Роджера прежние глаза, он ее и не увидел бы. Сейчас Торвей различал пятно вполне отчетливо, как видел и слабую световую дорожку, проложенную лучом проектора.

Некоторое время ничего не происходило.

Роджер терпеливо ждал.

Время шло.

Наконец он сказал:

— Ладно, я вижу. Точка. Вижу ее давно, но она не меняется. Все та же точка. — Он немного повернул голову. — Есть и отраженный свет, потому что в комнате стало чуть светлее.

Голос Брэда прозвучал наподобие грома.

— Ладно, Роджер. Мы дадим тебе что-нибудь еще.

— Эй! Не так громко, ладно?

— Я говорю так же, как и раньше, — возразил Брэд; теперь его голос звучал нормально.

— Хорошо, хорошо, — пробормотал Роджер.

Ему уже начинало это надоедать. Через секунду на стене появилась еще одна точка света, рядом с первой. Довольно долго ничего не происходило, потом между точками возникла световая линия.

— Скучно, — пожаловался Роджер.

— Так и должно быть, — подала голос Клара Блай.

— Привет, — сказал ей Роджер. — Послушайте, я все хорошо вижу. Для чего вы опутали меня проводами?

Ему ответил Брэд.

— Это твоя телеметрия. Поэтому мы тебя и привязали, чтобы не нарушил соединения. Все управление осуществляется дистанционно. Нам пришлось вынести из твоей комнаты всю мебель.

— Заметил. Ладно, давайте дальше.

Дальше было все то же. То, что с ним делали, не требовало работы мозга. Наверное, для них эти опыты имели какое-то значение, но у него не вызывали ника-

кого интереса. Некоторое время ему показывали геометрические фигуры, потом резкость упала, освещенность снизилась, отраженный свет уменьшился, и в комнате опять стало темно. Затем пошли звуки: щелчки, гудки, попискивания, шипение.

В соседней комнате менялись группы. Попыты прекращались только тогда, когда приборы показывали, что Роджеру нужны сон или пища. Случалось это редко. Торвей научился по едва уловимым сигналам определять, кто именно находится за стеной: так, в голосе Брэда появлялась насмешливая нотка, когда рядом оказывалась Кэтлин Доути, и совсем другая интонация, когда за мониторы садилась Сьюли Карпентер. Он сделал небольшое открытие: его чувство времени отличалось от того, какое было у других, и от «реального».

— Этого следовало ожидать, — устало ответил на его вопрос Брэд. — Поработай, и ты поймешь, что можешь контролировать в том числе и чувство времени. Если захочешь, будешь отсчитывать секунды, как метроном. Ускорять свой внутренний счет или замедлять.

— Как?

— Черт возьми! — не выдержал Брэд. — Парень, это твое тело, учись пользоваться им. — И тут же, смягчившись, добавил: — Примерно так, как ты учился «закрывать глаза». Экспериментируй. А теперь внимание, я сыграю тебе Баха.

Время шло.

Но не так быстро и легко, как хотелось бы. Иногда оно тянулось, томительно и уныло, иногда его мысли обращались к Дорри. Подъем, который Роджер ощутил после посещения Дэша, приятная забота и внимание со стороны Сьюли Карпентер — все это хорошо, но ничто не длится вечно. Дорри же была реальностью, и когда ему нечем было занять мысли, они устремлялись к ней. Дорри и те далекие уже, счастливые годы, когда все толь-

ко начиналось. Дорри и ужасное осознание того факта, что он теперь не в состоянии удовлетворить ее сексуальные потребности. Дорри и Брэд.

В его размышления вторгся резкий голос Кэтлин Доути:

— Не знаю, что ты делаешь, но это опасно! Перестань.

— Ладно, — проворчал он, отодвигая Дорри из своих мыслей.

Лучше думать о Кэтлин, ее грубоватом, но полном сочувствия голосе. О Сьюли Карпентер. О том, что сказал о ней президент. Роджер успокоился.

В награду ему показали слайд с букетом фиалок. В полный цвет.

Глава 10

БЭТМЕН ТАНЦУЕТ

Как-то вдруг случилось так, что осталось всего девять дней. Выйдя из кондоминиума, где проживали служители церкви, отец Кэйман поежился от холода. Приходилось ждать, пока кто-нибудь подвезет. За последние две недели положение со снабжением горючим сильно ухудшилось из-за перепалок на Ближнем Востоке и взрыва нефтепровода в Северном море, устроенного шотландскими «Борцами за свободу».

Правда, на работе лаборатории это не сказывалось — руководители проекта получали все, что им требовалось, но работников заставляли выключать свет, ездить на работу по двое или трое, выключать домашние термостаты и поменьше смотреть телевизор. Нагрывавшая метель занесла снегом оклахомские степи, и какой-то заспанный

студент-семинарист неуклюже расчищал дорожки. Снега было мало, и выглядел он малопривлекательно. Интересно, это кажется, или снег действительно серый, подумал Кэйман. Неужто пыль Калифорнии и грязь орегонских лесов успели долететь сюда за одну ночь, преодолев полторы тысячи миль?

Ему посигналил Брэд, и Кэйман быстро влез в его машину.

— Извините, — сказал он, закрывая дверцу, — и давайте в следующий раз возьмем мою машину, ладно? Ей надо куда меньше топлива, чем вашей.

Брэд только пожал плечами и бросил взгляд в зеркало заднего обзора. Из-за угла как раз выползла еще одна машина на воздушной подушке, легкая, быстрая, спортивного типа.

— В любом случае я езжу за двоих. Это та, которая висела у меня «на хвосте» во вторник. Плохо работают. А может быть, хотят, чтобы я знал, что за мной следят.

Кэйман обернулся. Те, кто вел наблюдение за Брэдом, даже не старались остаться незамеченными.

— Вы знаете, кто это, Брэд?

— А вы не знаете?

Кэйман не ответил. Разумеется, он знал. Президент ясно дал понять Брэду, что не позволит ему наставлять рога Роджеру Торвею. Разговор длился полчаса, и Брэд помнил его полностью, от первой до последней секунды. Слежка началась сразу после этого, чтобы Брэд не забыл.

Но обсуждать эту тему сейчас Кэйман не хотел. Он включил радио и настроился на новости. Отредактированные и смягченные, они все же ясно свидетельствовали о приближающейся катастрофе. Брэд не выдержал первым и через пару минут выключил приемник. Некоторое время они ехали молча, поглядывая по очереди на низкое свинцовое небо, пока посередине степи не вырос громадный белый куб.

Внутри ничто не напоминало о сером, промозглом дне: горел яркий свет, мелькали усталые, озабоченные, но живые лица. Здесь, подумал Кэйман, по крайней мере присутствует ощущение целенаправленной деятельности. Все шло строго по графику.

Через девять дней корабль стартует к Марсу, унося и его на своем борту.

Кэйман не боялся лететь. Он всю жизнь стремился к этому, с первых дней в семинарии, когда осознал, что может служить Богу не только в церкви. В этом устремлении его поддержал духовный наставник, и вот теперь Кэйману предстояло унести в небеса — как астрофизические, так и теологические.

И все же мысль о полете не давала ему покоя. Он чувствовал, что мир не готов к этому предприятию. Все казалось каким-то странным, хотя и любопытным экспромтом, несмотря на массу проделанной работы. Даже состав экипажа еще не определили. Конечно, Роджер полетит, решение уже принято. Но оставались еще два пилота. Кэйман познакомился с обоими, и оба ему нравились. Они считались среди лучших в НАСА, один из них даже летал с Роджером на шаттле восемь лет назад.

В списке значилось еще пятнадцать человек, хотя Кэйман и не знал всех имен. Верн Сканион и директор НАСА встречались с президентом, пытаясь уговорить его предоставить право определения двух оставшихся астронавтов им, но Дэш зарезервировал окончательный выбор за собой и пока держал всех в неведении.

В общем, вся цепочка представлялась сомнительной и держалась только на одном сильном звене — Роджере. Том звене, которое совсем недавно казалось самым слабым.

Подготовка прошла прекрасно. Роджер уже вовсю передвигался, расхаживал по всему зданию, перемещаясь из комнаты, которую по-прежнему считал своим «домом», в симуляционный танк или лаборатории для

всевозможных тестов. К нему уже успели привыкнуть: к крылатой фигуре, бегущей по коридору, к фасеточным глазам, к бесстрастному голосу.

Всю последнюю неделю с ним занималась Кэтлин Доути. Роджер, похоже, освоился со своей новой сенсорной системой, и теперь пришло время изучить особенности и резервы мускулатуры. Для занятий Кэтлин привела с собой слепца, балетного танцора и человека, который ранее был прикован к инвалидной коляске. Они взяли на себя функции учителей. Лучшие дни танцора остались в прошлом, но он знал славу и ребенком учился у Нуриева и Долина. Слепой уже не был слепым. Глаз ему не дали, но зрительную систему заменили сенсорами, напоминающими сенсоры Роджера, так что обоим было что сравнить и обсудить. Человек, которому в свое время парализовало руки и ноги, имел опыт жизни с моторизованными конечностями, на освоение которых у него ушел целый год. Теперь он вместе с Торвеем брал уроки балетного танца.

Впрочем, занимались они не совсем вместе. Бывший паралитик, которого звали Альфред, все же в большей степени, чем Роджер, оставался человеком, а потому нуждался в воздухе. Когда Кэйман и Брэд вошли в контрольную комнату симуляционного модуля, Альфред исполнял антраша, а Роджер, находившийся по другую сторону толстой стеклянной стены, в почти лишенном воздуха танке, повторял его движения. Кэтлин Доути задавала ритм, а из громкоговорителей лились звуки мажорного вальса. Верн Сканион сидел на стуле, обхватив руками спинку. Брэд подошел к нему, и они сразу о чем-то заговорили.

Найдя свободное место, Дон Кэйман устроился у стены. Паралитик и монстр являли собой причудливое зрелище, совершая невероятные прыжки, быстро перебирая ногами в воздухе. Музыка не очень подходила для

исполнения антраша, но танцоры, похоже, не обращали на это большого внимания. Звезда балета наблюдала за ними с каменным выражением лица. Возможно, он тоже не отказался бы стать киборгом, подумал Кэйман. С такими мышцами можно выступить на любой сцене.

Интересная мысль, но Кэйману почему-то стало не по себе. Он вспомнил, что сидел именно на этом месте, когда на его глазах умер Уилли Хартнет.

Кажется, это было так давно. Всего неделю назад Брэнда Хартнет приводила детей, чтобы попрощаться с ним и с сестрой Клотильдой, а о ней уже почти забыли. Звездой шоу стал монстр по имени Роджер, а смерть его предшественника, случившаяся только что, уже успела отойти в историю.

Взяв четки, Кэйман начал отсчитывать пятнадцать декад Святой Девы. Теплые костяные бусинки приятно контрастировали с хрустальными. Он уже решил, что возьмет подарок Папы с собой на Марс. Жаль, конечно, если четки пропадут, но также будет жаль, если пропадет и он. Вероятно, Его Святейшество думал именно об этом, о том, что его дар отправится в самое долгое и далекое путешествие.

Кэйман почувствовал, что за спиной у него кто-то стоит.

— Доброе утро, святой отец.

— Здравствуйте, Сьюли.

Он с любопытством посмотрел на нее. Что-то странное было в этой девушке. Темные волосы со светлыми корнями? Нет, в этом нет ничего странного — многие женщины меняют цвет волос. Если уж на то пошло, то это не чуждо и священникам.

— Как дела? — спросила она.

— Я бы сказал, отлично. Посмотрите, как они прыгают! Роджер, на мой взгляд, вполне готов, так что, если Господь пожелает, стартуем в назначенный день.

— Я вам завидую, — не глядя на него, сказала Сю-ли. Он изумленно взглянул на нее. В ее голосе прозвучало глубокое, искреннее чувство. — Я серьезно, Дон. Для этого и попросилась в космическую программу, чтобы когда-нибудь полететь самой. Возможно, если бы...

Она оборвала себя и пожала плечами.

— Что ж, я помогаю вам и Роджеру. Женщины ведь для этого и нужны, да? Помогать. Не так уж и плохо, если помогаешь в таком важном деле.

— Похоже, вы не очень-то в этом убеждены.

Она усмехнулась и перевела взгляд на модуль.

Музыка умолкла. Кэтлин Доути затушила сигарету и взяла другую.

— Хорошо, Роджер, Альфред, у вас отлично получается.

Торвей опустил на землю и скрестил ноги. Сейчас он походил на Дьявола, сидящего на вершине холма, из классического фильма Диснея «Ночь на Лысой горе».

— В чем дело, Роджер? — крикнула Кэтлин. — Ты же не устал.

— Устал от этого, — проворчал Торвей. — Не понимаю, зачем мне балетные танцы. Уилли этим не занимался.

— Уилли умер, — бросила она.

Наступила тишина. Роджер повернулся к Кэтлин и уставился на нее через толстое стекло.

— Но не из-за того, что не делал антраша.

— Откуда ты знаешь? Ладно, — недовольно признала Доути, — возможно, ты обойдешься и без этого. Но хуже тебе не стало бы. Дело не только в том, чтобы научиться двигаться. Тебе надо научиться не причинять вред окружающей среде. Ты представляешь, сколько в тебе сейчас силы?

Роджер помолчал, потом покачал головой.

— Я не чувствую себя таким уж сильным, — ответил он своим ровным, спокойным голосом.

— Ты можешь пробить стену кулаком. Спроси Альфреда. За сколько вы пробегаете милю, Альфред?

Бывший паралитик сложил руки на округлом животике и усмехнулся. Ему был пятьдесят один год, и он не считал себя атлетом и до того, как болезнь лишила его естественных органов.

— За минуту и сорок семь секунд, — с гордостью ответил он.

— Полагаю, Роджер, у тебя получится лучше, — сказала Кэтлин. — Поэтому тебе надо научиться контролировать свою силу.

Торвей издал какой-то нечленораздельный звук и поднялся.

— Уравняйте давление, — объявил он, — я выхожу.

Техник нажал кнопку, и мощные насосы принялись закачивать воздух в шлюзовую камеру. Звук при этом был такой, словно кто-то рвал линолеум.

— О Боже, — простонала сидевшая рядом с Доном Кэйманом Сьюли, — я же забыла линзы! — и убежала, прежде чем Роджер вышел из модуля.

Кэйман осторожно посмотрел ей вслед. Одна загадка решилась сама собой: теперь он понял, что именно показалось ему странным. Но зачем Сьюли цветные контактные линзы? Зачем менять карий цвет глаз на зеленый?

Он пожал плечами.

Мы знали ответ. Нам пришлось потратить немало времени на то, чтобы отыскать Сьюли Карпентер. В списке обязательных характеристик было много пунктов, и цвет глаз стоял где-то ближе к концу, как и цвет волос, ведь это так легко изменить.

По мере приближения дня старта положение Роджера менялось все заметнее. На протяжении двух недель он был куском мяса на колоде мясника. Его резали, крутили, зашивали, шпиговали, не обращая внимания на

то, что он чувствовал. С ним делали то, что хотели, а он ничего предпринять не мог. Потом Роджер стал учеником, исполняющим распоряжения своих учителей, осваивающим контроль над собственными чувствами и телом. Проходя этот путь, он превращался в полубога.

Роджер ощущал перемены. Вот уже несколько дней он слушал то, что ему говорили, и иногда поступал по-своему. Кэтлин Доути перестала быть его боссом и уже не могла приказывать сделать сто отжиманий или в течение часа заниматься пируэтами. Она превратилась в его служащую, нанятую для того, чтобы помогать Роджеру в том, что он хотел делать. Брэд, утративший свою былую шутливость, держался немного скованно и то и дело обращался к Роджеру с просьбами.

— Ты не выполнишь эти тесты на цветовое различие, а? Ради меня? Хочу включить их в отчет.

Иногда Роджер благосклонно соглашался. Но не часто.

Больше всего Торвей общался со Сьюли Карпентер, потому что она всегда была рядом и всегда проявляла внимание к нему. Роджер уже забыл, как сильно Сьюли похожа на Дорри. Он лишь знал, что она нравится ему.

Она остро чувствовала его настроение. Если им овладевала раздражительность, Сьюли спокойно ободряла и поддерживала. Если он хотел поговорить, она разговаривала с ним. Они часто играли в настольные игры, и Сьюли не уступала ему в скрэббле.

Однажды, когда Роджер засиделся допоздна, проверяя свою способность обходиться без сна, она принесла гитару, и они вместе пели. Ее негромкое контральто и его бесцветный баритон. Когда он смотрел на нее, ее лицо менялось, но теперь Роджер знал, что с этим делать. Интерпретационные контуры отражали его чувства, и временами Сьюли Карпентер больше походила на Дорри, чем сама Дорри.

По окончании занятий в симуляционном модуле они мчались наперегонки к его комнате — смеющаяся девушка и мрачное чудовище. Разумеется, он легко выигрывал. Они еще немного болтали, а потом Роджер отсылал ее.

Оставалось девять дней.

Вообще-то оставалось еще меньше. За три дня до запуска ему предстояло вылететь на Меррит-Айленд, а последний день в Тонке отводился на подгонку запячного компьютера. Так что в его распоряжении было шесть... нет, пять дней.

Дорри он не видел уже несколько недель.

Роджер посмотрел в зеркало, установленное в комнате по его требованию: глаза насекомого, крылья летучей мыши, тускло поблескивающая кожа. В своих фантазиях он часто рисовал себя громадной летучей мышью, превращающейся в гигантскую муху, или дьявола, или себя самого, прежнего, симпатичного и молодого.

Если бы у Дорри был такой же компьютер! Если бы она могла увидеть его таким, каким он был! Он поклялся, что не будет звонить ей; он не мог заставить ее смотреть на страшное и одновременно гротескное существо, в которое превратили ее мужа.

Дав себе слово не звонить, он поднял трубку и набрал номер. То был порыв, которому Роджер не смог противиться. Он ждал. Его новое ощущение времени превратило паузу в вечность. Наконец экран вспыхнул, и тут же раздался первый звонок.

И снова время растянулось до невозможного. Второй гудок от первого отделила пропасть. Казалось, он будет звучать до конца света. Затем наступила тишина.

Дорри не отвечала.

Роджер знал, что многие не берут трубку до первого гудка. Но в отличие от них его жена всегда спешила узнать, кого принес в ее жизнь телефон. Даже если она крепко спала или принимала ванну, то все равно торо-

пилась к аппарату и почти всегда успевала ответить до третьего звонка.

Третий гудок — и по-прежнему тишина.

Его напряжение возросло.

Роджер понимал, что прибор зафиксировал беспокойство, а потому изо всех сил старался сдерживать эмоции. Но надолго его хватить не могло. Наверное, она вышла, сказал себе он. Муж превратился в чудовище, но ей не до сочувствия и огорчения. Дорри ушла. В магазин. К подруге. В кино.

Или же на свидание с мужчиной.

С каким мужчиной? С Брэдом. Не так уж это и невозможно; они расстались возле симуляционного модуля примерно двадцать пять минут назад. Времени вполне достаточно, чтобы добраться до места встречи. Даже до дома Торвеев. Возможно, куда она не ушла. Возможно...

Четвертый гудок...

Возможно, они там, вдвоем, трахаются прямо на полу, рядом с телефоном. Наверное, она говорит: «Милый, перейди в другую комнату, я хочу посмотреть, кто это». «Нет, отвечай так». И тогда она...

Пятый гудок — и экран расцвел красками лица Дорри. Ее голос произнес:

— Алло?

Одним быстрым как звук движением руки Роджер прикрыл «глаз» камеры.

— Дорри? — Собственный голос показался ему бесцветным и резким. — Как ты?

— Роджер! — воскликнула она. Его звонок, похоже, приятно удивил и обрадовал ее. — О, милый, я так рада тебя слышать! Как ты себя чувствуешь?

Он ответил автоматически.

— Отлично.

Его голос продолжал говорить что-то, перечислять тесты и упражнения, рассказывать обо всем случившемся.

ся. Мозг в этом не участвовал; все чувства, обостренные до предела, были нацелены на экран.

Она выглядела... какой? Уставшей? Если уставшей, то это только подтверждало его страхи. Веселится каждую ночь с Брэдом, позабыв о муже, страдающем от боли и унижения. Или же она выглядит отдохнувшей и бодрой? Если да, то это подтверждало тот же вывод. Значит, расслабляется, живет в собственное удовольствие, не думая о нем, ее муже.

Нет, Торвей не сошел с ума; привычка к логическому анализу выработалась в нем многие годы назад. И конечно, Роджер не мог не сознавать, что та игра, которую он ведет с самим собой, называется очень просто: «Ты проиграл». *Все*, абсолютно все служило доказательством вины Дорри. И все же, как ни сканировал он ее лицо с помощью своих тонко настроенных, обладающих широким диапазоном восприятия чувств, ему не удавалось обнаружить ни малейшего намека на враждебность или наигранную нежность. Дорри оставалась сама собой.

Подумав об этом, Роджер испытал прилив приятного, теплого волнения, от которого дрогнул голос.

— Я скучаю по тебе, — бесстрастно сказал он, — дорогая.

Единственным признаком охвативших его чувств была едва заметная пауза перед последним словом.

— И я по тебе. Стараюсь не оставлять свободного времени, занять себя, — болтала Дорри. — Знаешь, я перекрасила твою комнату. Хотела сделать тебе сюрприз, но ты же так не скоро ее увидишь. Так вот, стены персикового цвета. Окна, двери — желтые. А потолок... наверное, бледно-голубой. Тебе нравится? Сначала я хотела сделать все охряно-коричневым: такие, знаешь, осенние тона, марсианские. Но потом подумала, что к тому времени Марс тебе изрядно надоест! — И тут же, быстро и без паузы: — Когда я тебя увижу?

Перемена в ее голосе застигла его врасплох.

— Ну... я ужасно выгляжу.

— Я знаю, как ты выглядишь. Боже мой, Роджер, неужели ты думаешь, что мы, Мидж, Брэнда, Келли и я, не обсуждали это последние два года? С того времени, как все началось. Мы же видели рисунки. Видели фотографии макетов. Видели Уилли.

— Я не очень похож на Уилли. Они поменяли...

— Это я тоже знаю. Брэд мне рассказывал. Мне бы хотелось повидать тебя.

В этот момент лицо жены внезапно изменилось — на Роджера смотрела ведьма. Вязальный крючок в ее руке превратился в метлу.

— Ты видишься с Брэдом?

Была ли микропауза перед ее ответом?

— Наверное, ему нельзя было об этом говорить. Ну... ты же знаешь, секретность и все такое. Но я хотела знать. Все не так плохо, милый. Я уже большая девочка. Справлюсь.

На мгновение Роджером овладело желание убрать руку с объектива камеры, позволить ей увидеть себя, но это желание сменилось какой-то странной рассеянностью. Он не мог интерпретировать свои чувства? В чем дело? Головокружение? Какой-то сбой в машинной его половине? Роджер знал, что через несколько секунд в комнате появится Сьюли Карпентер или Дон Кэйман, встревоженные показаниями приборов. Он попытался восстановить контроль над собой.

— Может быть, попозже. — Прозвучало не очень-то убедительно. — Я... мне надо заканчивать, Дорри.

Знакомая гостиная за спиной жены тоже начала меняться. Камера не позволяла заглянуть в глубь комнаты, и даже его острое зрение не могло проникнуть в сгустившуюся у дальней стены тень. Не стоит ли там кто-то? Человек в рубашке морского пехотинца? Брэд?

— Заканчиваю.

Он положил трубку.

В глазах вошедшей Клары Блай застыли вопрос и беспокойство. Не говоря ни слова, он покачал головой.

В его новых глазах отсутствовали слезные протоки, поэтому плакать он, конечно, не мог. Даже в этом утешении ему было отказано.

Глава 11

ДОРОТИ МИНЦ-ТОРВЕЙ В РОЛИ ПЕНЕЛОПЫ

Наши расчеты развития мировых тенденций показали, что пришло время представить свету Роджера Торвея таким, как он есть, без прикрас, и вскоре на экранах появился наш герой, заполняя паузы между сообщениями о голоде в Пакистане и пожарах в Чикаго. Телезрители смогли увидеть его исполняющим балетные прыжки.

Результатом стало то, что Дорри превратилась в знаменитость. Звонок Роджера расстроил ее. Не так сильно, как записка Брэда, сообщившего, что он не сможет видаться с ней; не так сильно, как сорокапятиминутная беседа с президентом, нарисовавшим впечатляющую картину того, что произойдет с Дороти, если с его любимым астронавтом что-то случится. И уж конечно, не так сильно, как осознание того факта, что за ней следят, что ее телефон прослушивают, что ее дом напичкан «жучками». Она не знала, как быть с Роджером, и в общем-то ничуть не возражала бы против того, чтобы ее мужа поскорее отправили бы в космос. Тогда ей не надо было бы волноваться по поводу их отношений по крайней мере в ближайшие полтора года.

Не возражала Дороти и против внезапно упавшего на нее отблеска славы.

О ней сообщили все газеты и телеканалы, ее открытое лицо промелькнуло в шестичасовом выпуске новостей. И вот уже за Дороти взялся журнал «Женщина». К ней кого-то послали. Этот кто-то позвонил первым. Оказалось, что это женщина лет шестидесяти, ветеран феминистического движения.

— Мы не занимаемся этим, — фыркнула она. — Не интервьюируем кого-то только потому, что эта кто-то чья-то жена. Но так захотело начальство. Я не смогла отказаться от задания, но буду откровенна с вами — мне это все неприятно.

— Извините, — сказала Дороти. — Мне очень жаль. Если хотите, я позвоню и отменю.

— О нет. — Женщина говорила таким тоном, будто виновата во всем происходящем была Дороти. — Вы не виноваты, но, на мой взгляд, это предательство всего, за что выступает «Женщина». Ну ничего. Я приеду к вам домой. Сделаем интервью за четверть часа, запишем на кассету, а потом я отредактирую. Постарайтесь...

— Я... — начала Дорри.

— ...говорить о себе, а не о нем. Ваша жизнь. Ваши интересы. Ваши...

— Мне очень жаль, но я хотела бы...

— Чувства. Отношение к космической программе и так далее. Дэш утверждает, что это главная цель Америки, что от этого зависит судьба и будущее мира. Что вы об этом думаете? Не отвечайте на вопрос сейчас, а...

— Я не хочу, чтобы все это было у меня дома, — встала наконец Дорри, не дожидаясь удобного случая.

— ...подумайте и ответьте перед камерой. Что? Не у вас дома? Нет, невозможно. Мы будем через час.

Она отключилась, оставив после себя лишь пятнышко света, которое тоже скоро исчезло.

— Стерва, — рассеянно пробормотала Дороти.

Ее не столько беспокоило то, что интервью произойдет у нее дома, как то, что ей не оставили выбора. Это Дороти очень не понравилось. Но выбора действительно не оставалось. Разве что уйти из дома до появления посланницы из «Женщины».

Проблема выбора очень волновала Дорри Торвей, она же Ди Минц. В Роджере Торвее ее привлекло то, что помимо славы, окружавшей космическую программу, денег и надежности, а также того обстоятельства, что Роджер был сам по себе приятным парнем, он еще с готовностью слушал то, что она хотела сказать, и исполнял все ее желания. Другие мужчины интересовались лишь тем, чего хотели сами. Гарольд всегда хотел танцевать и ходить на вечеринки. Джим всегда хотел секса. Эверет — секса и вечеринок. Томми привлекала политика. Джо хотел, чтобы о нем заботились.

Роджер хотел исследовать мир. Вместе с ней. При чем его влекли не только области мира, которые интересовали его лично, но и те, которые находила важными она.

Дороти ни разу не пожалела, что вышла за него замуж.

Одиночества хватало. Сначала Роджера отправили на Космическую станцию-3. Его не было пятьдесят четыре дня. Потом было много более коротких миссий. Два года служебных командировок по всему миру, когда Роджер занимался системой наземного мониторинга, разъезжая от Аахена до Заира. Нормального дома нигде не было, и через некоторое время Дорри сдалась и вернулась в их квартиру в Тонке. Но она не протестовала, ничего не имела против такой жизни. Возможно, Роджеру это и не нравилось, но Дороти никогда об этом не задумывалась. В любом случае они виделись достаточно часто. Он приезжал домой каждый месяц или два, а она находила, чем занять время. Появился магазин — Дорри открыла ла-

вочку на те пять тысяч долларов, которые Роджер прислал ей на день рождения из Исландии. Были друзья. Иногда появлялись мужчины.

Все это не заполняло ее жизнь, но Дорри и не ждала от жизни полноты. Она предпочитала одиночество. В ее семье не было других детей, а мать не переносила соседей, так что Дорри научилась обходиться без друзей. Соседи тоже не терпели ее мать, любившую приложиться к бутылке, после чего разговаривать с ней становилось бессмысленно. Все это осложняло Дорри жизнь, но другой она не знала.

В тридцать один год она была здоровой, красивой и умела справляться с возникавшими проблемами. Себя Дорри называла счастливой. Этот диагноз не был следствием ощущения переполнявшей ее радости. Такой вывод делался ею на основе фактов, объективного взгляда на себя саму. Дорри всегда получала то, чего хотела, а ведь лучшего определения счастья и быть не может, не так ли?

За оставшееся до прибытия мисс Агарь Хенгстром и ее команды время Дороти успела расставить коллекцию посуды из магазинчика на кофейном столике перед диваном, на который собиралась сесть, после чего занялась менее важным делом: причесалась, поправила макияж и переделалась в недавно купленный брючный костюм.

Когда в дверь позвонили, она уже была готова.

Мисс Агарь Хенгстром — блестящие голубые волосы и черная сигара в зубах — вошла в комнату и решительно пожала протянутую ей руку. За ней вошли видеооператор, осветитель, звукооператор и еще какие-то ребята.

— Тесновато, — пробормотала гостя, с презрением осматривая мебель. — Торвей сядет туда. Подвиньте этот столик. Шевелитесь.

Сопровождавшие ее мальчики мигом перенесли кресло от окна в угол.

— Эй, минутку, — подала голос Дорри. — Я думала, что сяду на диване, и...

— Что у нас с освещением? Сэлли, запускай камеру, — распорядилась Хенгстрем. — Никогда не знаешь, что может пригодиться, а что придется выбросить.

— Вы меня не слышите?

Хенгстрем посмотрела на нее. Дорри говорила негромко, но тон не сулил ничего хорошего. Она пожала плечами.

— Давайте сначала сядем, а если вам не понравится, то решим, как быть дальше. А сейчас короткую пробежку — для меня, ладно?

— Короткую пробежку?

Бледнолицая девица уже нацелила на нее камеру. Дорри это отвлекало. Осветитель нашел розетку на стене и замер с двумя лампами в руках, поворачивая их каждый раз, когда Дорри двигалась.

— Для начала: каковы ваши планы на ближайшие два года? Вы же не собираетесь просто сидеть дома, дожидаясь возвращения мужа?

Дорри попыталась пробиться к дивану, но осветитель нахмурился и закачал головой, а звукооператор решительно убрал кофейный столик к дальней стене.

— У меня есть магазин. Я думала, что вы покажете кое-что из посуды, пока я буду говорить.

— Прекрасно. То есть прекрасно, что у вас есть свое дело. Вы здоровая женщина. С сексуальными потребностями. Немного отодвиньтесь, пожалуйста. Сандра, у вас что-то гудит.

Дорри обнаружила, что стоит посередине комнаты рядом со стулом, и ей ничего не оставалось, как сесть.

— Конечно... — начала она.

— У вас есть чувство ответственности, — заговорила Хенгстрем. — Какой пример вы подадите молодому поколению женщин? Превратитесь в засушенную деву? Или будете вести естественный, здоровый образ жизни?

— Не знаю, хочу ли обсуждать...

— Я о вас все выяснила, Торвей, и мне понравилось то, что я узнала. Вы не забываете о себе, насколько это возможно для того, кто приемлет глупый фарс замужества. Зачем, кстати, вам понадобилось выходить замуж?

Дорри пожала плечами.

— Роджер очень приятный человек...

— Ну и что?

— Ну, он дает мне ощущение комфорта и стабильности...

Агарь Хенгстром вздохнула.

— Все та же рабская психология. Ну да ладно. И вот что еще меня удивляет. Как вы впутались в космическую программу? В этом есть что-то сексуальное?

— О нет! Президент сам сказал мне. — Она уже поняла, что старается набрать очки на случай еще одной встречи с Дэшем. — Освоение человеком Марса необходимо для будущего человечества. Думаю, он прав. Мы должны...

Хенгстром печально вздохнула.

— Ну вот. Вас уже не изменишь. Вы говорите о человечестве, а имеете в виду мужскую его половину. — Она посмотрела на Сандру, и та сочувственно кивнула. — Ладно, пойдем дальше. Вы знаете, что экипаж будет составлен только из мужчин? Что вы думаете об этом?

Таким вот получилось утро. Дорри так и не сумела похвастать своей посудой.

Заступив на дежурство, Сьюли Карпентер принесла Роджеру два подарка: кассету с интервью, полученную в отделе по связям с общественностью (то есть прошедшую цензуру), и гитару. Сначала она отдала ему кассету, которую Роджер просмотрел, пока ему меняли постельное белье и воду в вазе.

Закончив с делами, Сьюли бодро заметила:

— По-моему, у вашей жены все получилось очень даже неплохо. Я встречалась с Агарь Хенгстром. С этой женщиной нелегко.

— Дорри выглядела прекрасно, — сказал Роджер. Ни переделанное лицо, ни бесстрастный голос не позволяли догадаться о его чувствах, но крылья беспокойно трепетали. — Мне всегда нравилось, когда она надевала брюки.

Сьюли кивнула, отметив про себя, что разрезы на брюках Дорри открывают немалую площадь женской плоти. Очевидно, имплантированные в Роджера стероиды неплохо справлялись со своей задачей.

— У меня есть кое-что.

Она показала на гитару.

— Хотите поиграть?

— Нет. Поиграете вы.

— Но я не умею, — запротестовал Роджер.

Сьюли рассмеялась.

— Я разговаривала с Брэдом и думаю, что вы будете приятно удивлены. Вы ведь не просто другой, вы лучше. Например, пальцы...

— Что с моими пальцами?

— Я играю на гитаре с девяти лет и если сделаю перерыв на пару недель, то мозоли сойдут, и все придется начинать заново. Твоим пальцам мозоли не нужны, они у тебя и без того твердые, чтобы щипать струны.

— Отлично, — сказал Роджер, — только я не совсем понимаю, о чем вы говорите. Щипать струны?

— Трогать их. Вот так. — Она показала. — А теперь попробуйте вы. Только не злоупотребляйте силой. Они рвутся.

Сьюли подала ему гитару.

Роджер провел по струнам большими пальцами, как это делала она.

— Отлично, — похвалила Сьюли. — А теперь попробуйте вот это. Безымянный палец — сюда. Средний — сюда.

— Ну!

Роджер ударил по струнам.

— Отлично!

— Нет, не отлично. Превосходно, — поправила Сюли. — А теперь давайте попробуем вот это.

Через пять минут Роджер уже выдавал две ноты.

Она улыбнулась.

— Видите? Брэд был прав. Вы моментально все запоминаете. Это делает компьютер. Стоит вам подумать «нота до», или «нота соль», как ваши пальцы делают все сами. — Она притворно вздохнула. — Вы за пять минут освоили то, на что у меня ушло три месяца.

— Неплохо, — сказал Роджер, пробуя одну за другой три освоенные ноты: до, ре, соль.

Они еще немного потренировались, и Сюли показала ему, как читать ноты.

— Вот видите, вы уже умеете аккомпанировать. Продолжим завтра.

Она вышла, оставив его с гитарой и счастливой улыбкой на новом лице.

В коридоре Сюли вытащила контактные линзы, протерла глаза и направилась в кабинет директора. Секретарша Сканиона кивком разрешила войти.

— Гитара доставила ему большое удовольствие, генерал. В отличие от жены.

Верн Сканион кивнул и повернул ручку на панели: из репродуктора донеслись звуки гитары.

— Насчет гитары ясно, майор Карпентер. А что с женой?

— Боюсь, он любит ее, — медленно сказала Сюли. — До какой-то точки с ним все в порядке, а потом начинаются проблемы. Я смогу поддержать его, пока он здесь, но что будет дальше... Не знаю.

— Хватит жевать жвачку, майор, — резко бросил Сканион.

— Думаю, он скучает по ней сильнее, чем сам себе это представляет. Это плохо. Я наблюдала за ним, пока он смотрел запись интервью. Полная сосредоточенность, не хотел пропустить ни мельчайшей детали. Когда он будет на расстоянии сорока миллионов километров от нее... В общем, отчет готов, генерал. Я проведу компьютерное моделирование и, возможно, потом смогу говорить конкретнее. Но проблема есть, и я обеспокоена.

— Вы обеспокоены! — рявкнул генерал. — Дэш снимет с меня шкуру, если мы отправим его туда, и он сломается!

— Мне нечего вам больше сказать. Позвольте провести моделирование, а уж потом я, может быть, смогу дать какие-то рекомендации.

Она села без разрешения и провела рукой по лбу.

— Вести двойную жизнь не так-то просто, генерал. Восемь часов в одном обличье и восемь в другом... не позавидуешь.

— Десять лет службы в Антарктике тоже небольшое удовольствие, — ответил генерал.

Президентский самолет вышел на крейсерскую высоту, тридцать один километр, и набрал скорость в три с небольшим М, что превышало разрешенную.

Президент спешил.

Саммит на Мидуэе закончился безрезультатно. Растянувшись в шезлонге и закрыв глаза, чтобы не беспокоили сопровождавшие сенаторы, Дэш без особого энтузиазма рассматривал оставшиеся варианты. Их было немного.

Он не ждал от конференции больших успехов, но начало сложилось удачно. Австралийцы дали понять, что согласны сотрудничать с ННА в деле освоения своих пустынь, но только при условии соблюдения определенных обязательств, наличия гарантий и т.д., и т.п.

Делегация ННА, посоветовавшись, выразила готовность предоставить гарантии, так как их единственной целью является обеспечение потребностей всего человечества, независимо от разделяющих его национальных границ, и т.д., и т.п. Сам Дэш, отмахнувшись от нашептывающих каждый свое советников, выразил мнение, что единственной целью Америки на этой конференции является лишь помощь дорогим соседям и т.д., и т.п., и, в общем, у многих сложилось мнение, что из саммита будет какой-то толк.

Потом началось обсуждение деталей. Азиаты предложили переправить в пустыню миллионную армию рабочих и еженедельно доставлять три миллиона галлонов ила из Шанхая. Австралийцы согласились принять удобрение и не более пятидесяти тысяч азиатов. Они также мягко напомнили о том, что речь идет об австралийской земле и австралийском солнце, так что пшеница тоже должна быть австралийской.

Чиновник из госдепартамента напомнил об обязательствах Америки перед Перу, и Дэш с тяжелым сердцем потребовал выделения пятнадцати процентов будущего зерна на нужды добрых соседей из Южной Америки.

Страсти начали разгораться. А тут еще рейсовый самолет ННА, взлетевший с аэродрома Песчаного острова, врезался в стаю альбатросов, упал и сгорел на каком-то островке в лагуне на виду у членов конференции, сидевших на крыше отеля «Холидей Инн». За этим последовали резкие высказывания.

Японской представитель ННА указал, что настоящее стремление Америки провести конференцию на острове, где произошло одно из крупнейших сражений Второй мировой войны, является преднамеренным оскорблением, брошенным в лицо всей Азии. Австралийцы заметили, что им удастся без проблем контролировать популяцию птиц, и выразили удивление по поводу

того, что американцы не делают того же. Три недели подготовительной работы и два дня надежды не дали ничего, кроме краткого совместного заявления о том, что три державы согласились продолжить обсуждение. Где-нибудь. Когда-нибудь. Не в ближайшее время.

Ворочаясь в шезлонге, Дэш вынужден был признать, что конфронтация обострилась. Кому-то придется уступить, но никто этого не хотел.

Он встал и попросил кофе. Вместе с кофе ему принесли записку от одного из сенаторов: «Господин президент, до приземления нам необходимо принять решение по ситуации в районе бедствия».

Дэш скомкал бумажку. Этот сенатор Толлтри вечно на что-то жалуется: на двадцатипроцентное уменьшение площади озера Алтус, на упадок туризма в горах Арбакля, на отмену ярмарки в штате Оклахома. Дэш думал о том, что у него пятьдесят четыре штата, и если слушать всех сенаторов и губернаторов, то зонами бедствия надо объявлять их все. А вообще-то зона бедствия одна. Весь мир.

«И я взялся за это», — с удивлением подумал он.

Мысль об Оклахоме заставила его вспомнить Роджера Торвея. Ему даже захотелось отдать приказ отменить курс и лететь в Тонку. Но встреча с Объединенным Комитетом Начальников Штабов ждать не могла. Пришлось довольствоваться телефоном.

Роджер знал, что на гитаре играет не он, а компьютер. 3070-й запоминал все необходимое и управлял его пальцами, передавая им приказы мозга. Ему потребовалось меньше часа, чтобы выучить все ноты и освоить их на практике. Без всяких усилий. Еще несколько минут ушло на запись информации, и больше ни о чем думать не надо. Следующая операция состояла в запоминании расположения пальцев. Человеку нужны сотни часов для выработки автоматизма движений, а вот Роджер усвоил это за две минуты.

Прослушав пьесу Сеговии всего один раз, он играл ее по памяти, когда позвонил президент.

Было время, когда Роджер преисполнился бы гордостью и восторгом, услышав голос главы государства. Сейчас же он вызвал раздражение — Дэш отвлекал его от гитары. Ему не хотелось слушать слова президента, но Роджера поразило выражение лица Дэша: тусклые глаза, запавшие щеки, глубокие морщины. Лишь спустя минуту он понял, что промежуточный контур намеренно усиливает впечатление, привлекая внимание к изменениям. И все же голос президента излучал заботу и тепло. Как у Роджера дела? Не нужно ли чего? Может быть, кому-то требуется надрать задницу?

— Все в порядке, господин президент, — ответил Торвей, мысленно превращая Дэша в доброго Санта Клауса с бородой, красной шапкой и мешком с подарками за спиной.

— Уверены, Роджер? — настаивал Дэш. — Не забыли, что я вам сказал? Только назовите — я сделаю все.

— Я дам вам знать, — пообещал Торвей. — Но все хорошо. Жду старта.

«И еще жду, когда же ты положишь трубку», — мысленно добавил он.

Президент нахмурился. И тут же интерпретационный контур изменил образ Дэша — он остался Санта Клаусом, но с мрачным, почерневшим лицом и огромными клыками.

— Не слишком ли вы самоуверенны?

— Откуда мне это знать? — спросил Роджер. — Но не думаю. Спросите служащих, они могут рассказать обо мне еще больше, чем я сам.

Ему удалось протянуть еще немного, обменявшись с президентом парой-другой реплик. Президент явно нервничал и был чем-то обеспокоен, но Роджеру было наплевать. И он действительно с нетерпением ждал стар-

та. Ему будет не хватать Сьюли и Клары. Конечно, опасности и продолжительность экспедиции беспокоили его, но это беспокойство не выходило на передний план. Гораздо большее место в его мыслях занимало предвкушение тех открытий, которые ждали его на Марсе. На его планете.

Роджер взял гитару и начал наигрывать пьесу Сеговии, но на этот раз все шло не так, как хотелось бы. Немного погодя он понял, в чем дело: инструмент был недостаточно хорошо настроен. Роджер пожал плечами и отложил гитару.

Он сидел на стуле, выпрямив спину и думая о себе.

Его что-то беспокоило. И называлось это что-то «Дорри». Игра на гитаре доставляла удовольствие и позволяла расслабиться, но за удовольствием стояла мечта: он фантазировал, что сидит на яхте с Дорри и Брэдом, перебирает струны и улыбается, видя их удивление. В этом было что-то мистическое, но все, что происходило с ним, каким-то образом сводилось к Дорри, заканчивалось на ней. Целью игры на гитаре было доставить удовольствие Дорри. Ужас его внешности состоял в том, что это могло напугать Дорри. Трагедия кастрации заключалась в том, что он не мог дать Дорри то, что ей требовалось. Этим объяснялась его боль; теперь он имел возможность рассматривать случившееся с другой точки зрения и видел все иначе, чем несколько недель назад, но оно, случившееся, по-прежнему сидело в нем.

Роджер протянул руку к телефону и... не взял трубку.

Нет, звонить ей — это не то. Он уже звонил, ничего не вышло.

Нужно увидеть ее.

Конечно, это невозможно. Ему не разрешалось покидать здание лаборатории. Верн Сканион пришел бы в ярость. Охранники остановили бы у двери. Приборы сразу показали бы, что он делает: система электронного

слежения отмечала каждый его шаг, все силы были бы брошены на то, чтобы остановить его.

Просить разрешение бессмысленно. Даже просить Дэша. Президент в лучшем случае распорядится доставить Дорри, злую и запуганную, в эту комнату. Ему не хотелось, чтобы Дорри принуждали, и он не сомневался, что разрешения посетить ее ему не дадут.

С другой стороны...

С другой стороны, зачем ему кого-то о чем-то просить?

Некоторое время Роджер обдумывал пришедшую в голову мысль.

Потом бережно положил гитару и поднялся.

Первым делом он подошел, пригнувшись, к стене, вытащил вилку и сунул в розетку палец. Латунный ноготь пригодился. Свет погас. Гудевшие приборы замолчали. Экраны погасли. В комнате потемнело.

Сохранявшееся тепло позволяло ему видеть то, что нужно. Роджеру вполне хватило света, чтобы освободиться от датчиков, прикрепленных к его телу. Он выскользнул за дверь прежде, чем дежурившая у контрольной панели Клара Блай оторвалась от дела — она наливала сливки в кофе — и взглянула на мониторы.

С замыканием получилось даже лучше, чем Роджер планировал, — в коридоре тоже было темно. Находившиеся там люди не видели его. Не успели они понять, что происходит, как Роджер уже спускался по пожарной лестнице, перепрыгивая через четыре ступеньки. Его тело работало легко и отлично. Уроки Кэтлин Дутти не прошли напрасно: он, танцуя, сбежал по лестнице, одним прыжком пролетел в дверь и выпрыгнул в холодную ночь. И лишь тогда охранник отвел глаза от телевизора.

Перед Роджером была дорога, и он бежал к городу со скоростью сорок миль в час.

Такой светлой ночи он еще не видел. Небо закрывали два слоя облаков; кучевые, тянувшиеся с севера, и выше них густые, более легкие. Но облака не мешали ему видеть звезды, их свет проникал через оба слоя. Прерия еще хранила дневное тепло и потому неясно светилась по обе стороны дороги. Кое-где блестили яркие пятна домов и ферм. Отработанные газы вились за машинами сияющими хвостами, краснея и темнея на холодном ветру. Войдя в город, Роджер стал наталкиваться на прохожих, больше напоминающих жутковатые фигуры типичных персонажей ночи Хэллоуина. Здания плохо держали дневное тепло и больше мерцали от батарей центрального отопления, что делало их похожими на жучков-светлячков.

На углу своей улицы Роджер остановился. Напротив дома стояла машина, в которой сидели двое мужчин. В мозгу замигали предупредительные огни, а машина превратилась в танк, пушка которого целилась в голову Роджера. С ними проблем не было. Он изменил курс и пробежал через задние дворы, перепрыгивая заборчики и протискиваясь в ворота. Латунные пальцыгодились еще раз, когда Роджер перелез через внешнюю стену.

Именно этого ему и хотелось. Не избежать внимания агентов в автомобиле, а поступить так, как диктовала фантазия: влезть в квартиру через окно и захватить ее...

Как? С кем? Зачем?

Все оказалось совершенно обыденно: Дорри смотрела вечерний фильм по телевизору. Волосы у нее были покрыты красящей смесью, а на коленях стояла тарелочка с мороженым.

Когда он проскользнул в незакрытое окно, она медленно повернула голову.

И вскрикнула.

Это был даже не вскрик, а мгновенная истерика. Дорри выронила тарелочку и выпрыгнула из кровати. Телевизор пошатнулся и упал на пол. Зажмурившись и прижав руки к груди, она бросилась в угол и замерла.

— Извини, — не к месту сказал Роджер.

Ему хотелось подойти к ней, но благоразумие взяло верх. Дорри казалась трогательно-беззащитной в прозрачной маечке и тоненьких трусиках.

— Извини, — выдохнула она, посмотрела на него, отвела взгляд и неуверенно направилась в ванную.

Хлопнула дверь.

Что ж, подумал Роджер, ее трудно винить. Он прекрасно представлял, каким чудовищем мог показаться любому, кто увидел бы влезającego в окно Бэтмена.

— Ты сказала, что знаешь, как я выгляжу.

Ответа из ванной не последовало, только шум льющейся воды. Он огляделся. Все было так же, как всегда. В шкафах, как обычно, висела одежда, ее и его. Никаких признаков притаившегося любовника. Ему не доставило большого удовольствия заниматься таким вот визуальным обыском, но он не остановился, пока не уверился в том, что она одна.

Зазвонил телефон.

Роджер не успел даже сообразить, что делает, как рефлекс уже сработал — пальцы так сжали трубку, что она треснула. Экран мигнул и снова погас.

— Алло? — сказал Роджер.

Ответа не было.

— Боже, — прошептал он, глядя на исковерканный инструмент.

У него отсутствовал какой-либо план разговора, но в любом случае встреча началась неудачно.

Когда Дорри вышла из ванной, она уже не плакала, но и не разговаривала. Не глядя на него, она проследовала в кухню, бросив через плечо:

— Я налью чаю.

— Хочешь, я приготовлю что-нибудь выпить? — с надеждой спросил Роджер.

— Нет.

Он слышал, как она наливает воду в электрический чайник, зажигает огонь, откашливается. Прислушавшись, он даже услышал ее дыхание, все более медленное и спокойное.

Роджер сел в кресло, которое всегда было его креслом, и принялся ждать. Мешали крылья. Хотя они и поднимались автоматически над головой, откинуться на спинку он не мог. Из-за двери донесся голос жены.

— Хочешь чаю?

— Нет, — сказал он и немного погодя добавил: — Нет, спасибо.

Вообще-то ему очень хотелось чаю; не потому, что организм нуждался в жидкости, а потому, что чай помог бы укрепить ощущение нормальности происходящего. Но в последнее время Роджеру не доводилось иметь дело с чашечками и жидкостями, и он боялся, что разобьет что-нибудь или обольется.

— Где ты? — Она остановилась у двери с чашкой в руке и наконец увидела его. — О! Почему бы не включить свет?

— Не хочу. Милая, сядь и на минутку закрой глаза.

У него зародилась идея.

— Зачем?

Тем не менее Дорри села, как он просил, в кресло сбоку от искусственного камина. Он поднял кресло вместе с ней и повернул так, чтобы она находилась лицом к стене. Потом оглянулся в поисках чего-то подходящего для себя. Подушечки, диван, кресло — все это не соответствовало его новой геометрии. Впрочем, ему вовсе не обязательно было сидеть — искусственная мускулатура не нуждалась в такого рода расслаблении.

Оставшись у нее за спиной, Роджер сказал:

— Мне лучше, когда ты на меня не смотришь.

— Я понимаю, Роджер. Ты просто напугал меня. Не надо было влезать через окно. И, наверное, я не сразу поняла, что это ты...

— Я знаю, как выгляжу.

— Но ведь ты остался собой, верно? — спросила Дорри, глядя в стену. — Хотя что-то не могу припомнить, чтобы ты раньше забирался в мою спальню таким вот образом.

— Это нетрудно, — сказал он, радуясь тому, что разговор приобретает более легкий характер.

— Скажи... — Она сделала глоток чая. — Скажи, зачем ты пришел?

— Хотел увидеть тебя.

— Но ты же видел меня. По видеотелефону.

— Я не хотел смотреть на тебя по видеотелефону. Я хотел быть с тобой в одной комнате.

Еще больше ему хотелось дотронуться до нее, прикоснуться к шее, приласкать, заставить расслабиться, но на это у него не хватало духа. Вместо этого он зажег огонь в камине. Не ради тепла, а ради Дорри. Пусть будет светлее. И не так мрачно.

— Нам нельзя это делать, Роджер. Штраф в тысячу долларов...

Он рассмеялся.

— Нас с тобой это не касается. Если кто-то начинает досаждать тебе, ты звонишь Дэшу и говоришь, что я в курсе.

Его жена взяла сигарету из ящичка на столе и закурила.

— Роджер, дорогой, — медленно сказала она, — я к этому не привыкла. Дело не в том, как ты теперь выглядишь. Это я понимаю. Трудно, но по крайней мере я знала, что нечто такое произойдет. Правда, я не думала,

что это произойдет с тобой. Я не привыкла... ну, ко всей этой важности.

— Я тоже к этому не привык, Дорри. — Ему вспомнилось, какие толпы репортеров встречали его после возвращения на Землю, когда он спас русских. — Сейчас все иначе. У меня такое чувство, будто на моих плечах весь мир.

— Именно об этом и говорит Дэш. Конечно, половина из того, что он говорит, чушь, но не эта половина. Ты очень важная личность, Роджер. Ты всегда был знаменитым. Может быть, поэтому я и вышла за тебя замуж. Но тогда ты скорее напоминал рок-звезду. Интересно, волнующе, но всегда была возможность отступить, если устанешь. Теперь все иначе. Вряд ли ты сможешь уйти со сцены.

Она погасила сигарету.

— В любом случае ты здесь, а там, наверное, сходят с ума.

— Я все урегулирую.

— Да. — Она задумчиво посмотрела на него. — Похоже, тебе это не составит труда. Так о чем мы поговорим?

— О Брэде.

Он не собирался затрагивать эту тему. Слово вырвалось само, выдох превратился в нечто значимое, но виноваты были скорее губы, чем мозг.

Роджер почувствовал, как она напряглась.

— А что Брэд?

— Ты спишь с ним, вот что.

Он видел слабое мерцание ее шеи и знал, что если бы она повернулась, то на ее лице проступили бы следы вен. Огонь в камине придавал необыкновенный цвет ее темным волосам, и Роджер с удовольствием наблюдал за игрой тени и света, как будто то, что говорила Дорри или произносил он сам, не имело никакого значения.

— Роджер, я просто не знаю, что с тобой делать. Ты сердишься?

Он молчал.

— В конце концов мы давным-давно решили этот вопрос. У тебя были романы, у меня тоже. Мы договорились, что это не важно.

— Важно, когда болит. — Он приказал себе не замечать ничего, погрузиться в темноту. — Раньше было не так.

— Не так? — сердито спросила она. — Как это не так?

— Раньше мы могли об этом говорить, — упрямо продолжал он. — Когда я был в Алжире, а тебе не подошел местный климат, все было иначе. Тогда меня не трогало, что ты делаешь здесь, в Тонке. Когда я был на орбите...

— Когда ты был на орбите, я ни с кем не спала!

— Знаю, Дорри. Очень хорошо. Мне это было приятно. Потому что иначе и быть не могло. Иначе получилось бы нечестно, верно? Ведь я не имел таких же возможностей. Юлий Бронин не в моем вкусе. Но теперь-то все по-другому. Ситуация точно такая же, как если бы я был на орбите. Только еще хуже. У меня нет даже Юлия! У меня не только нет подружки. У меня нет ничего.

— Я знаю, — уныло сказала она. — И что тебе надо? Что я могу сделать?

— Ты могла бы быть хорошей женой! — взревел он.

Это ее напугало. Он знал, на что похож его голос. Дорри расплакалась.

Он протянул руку, чтобы дотронуться до нее, но опустил. Что пользы?

О Боже. Какая чушь! Утешало только то, что весь разговор случился здесь, в их доме, где его никто не слышал. Присутствие постороннего было бы невыносимо.

Но, разумеется, мы слышали все до последнего слова.

Глава 12

ДВЕ СИМУЛЯЦИИ И РЕАЛЬНОСТЬ

Роджер не просто устроил короткое замыкание. Вышла из строя вся распределительная коробка. Свет появился только через двадцать минут.

К счастью, память 3070-го не пострадала, так как в режиме готовности он задействовал собственную энергию. А вот расчеты, которыми занимались в это время, пришлось проводить заново. Система автоматического наблюдения тоже отключилась надолго.

Одной из первых о случившемся узнала Сьюли Карпентер, дремавшая в соседней с компьютерной комнате в ожидании завершения моделирования. Задача так и не была решена. Ее разбудил сигнал, извещающий об обстановке загрузки информации. Яркие флюоресцентные огоньки погасли, и лишь тусклое красноватое мерцание говорило о том, что произошло нечто необычное.

Прежде всего Сьюли подумала о своей драгоценной симуляции. Минут двадцать она просидела у программистов, изучая сохранившуюся распечатку, а потом, поняв, что надежд нет, отправилась в кабинет Верна Сканиона. Там ей и сообщили о побеге Роджера.

К тому времени энергоснабжение уже восстановили; свет зажегся, когда Сьюли бежала по пожарной лестнице. Сканион уже звонил, созывая виновных на экстренное совещание. О Роджере Сьюли сообщила Клара. Другие, стекаясь в офис, приносили дополнительные детали. Из крупных лиц отсутствовал только Дон Кэйман, который смотрел телевизор у себя дома. Из кабинета физиотерапии, расположенного в подвале, поднялась Кэтлин Доути, притащившая с собой размороженного Брэда, пытавшегося заменить сон сауной. Фрилинг находился на острове Меррит, но без него можно было обойтись.

Вскоре в комнате собрались около десятка человек, обеспокоенных, встревоженных, злых и усталых.

В воздух по приказу Сканиона уже поднялся вертолет, имевший задачу проверить дороги, шоссе, парковочные стоянки, прилегающие поля и прерию. Все, что видели его камеры, передавалось на большой экран телевизора, установленного на стене. Полиция Тонки также была поставлена в известность и нацелена на поиски странного, похожего на дьявола существа, бегающего где-то в окрестностях города со скоростью семьдесят километров в час. Дежурный сержант, услышав такое описание, допустил серьезную ошибку. Он спросил офицера безопасности, не пил ли тот. Через десять секунд бедняга, еще дрожа от услышанного, уже инструктировал все полицейские машины и пеших патрульных. Им приказывалось не арестовывать Роджера и даже не приближаться к нему, а только обнаружить и вести наблюдение за беглецом.

Но Сканиону требовалось возложить на кого-то вину.

— Вся ответственность на вас, доктор Рамес, — пролаял он, обращаясь к психологу. — На вас и на майоре Карпентер. Вы даже не предупредили нас, что Торвей может совершить такое. Как это получилось?

Рамес поднял брови.

— Генерал, я говорил вам, что Торвей нестабилен в отношении своей жены. Поэтому и попросил подыскать кого-то вроде Сюли. Другой объект фиксации, человека, непосредственно связанного с проектом...

— Но не сработало, да?

Сюли уже не слушала. Она знала, что дальше очередь дойдет до нее, но пыталась обдумать ситуацию. На экране над головой генерала мелькали картинки, передаваемые с вертолета. Все запечатленное камерами подавалось в схематическом виде: зеленые линии дорог, синие точки — автомобили, красные — пешеходы.

Если бы одна из красных точек начала вдруг двигаться со скоростью синей, это указало бы на Роджера. Но у беглеца был запас времени, и он мог уйти далеко.

— Прикажете просканировать город, генерал, — сказала она вдруг.

Сканион нахмурился, но поднял трубку и отдал приказ. Он не успел положить трубку на место — ему позвонили.

Телли Рамес поднялся со стула и подошел к Сьюли Карпентер. Она не взглянула на него, продолжая читать распечатку. Он терпеливо ждал.

Директору звонил президент Соединенных Штатов. Присутствующие поняли это, когда увидели, как по вискам генерала покатился обильный пот. Лица Дэша никто не видел, но голос его слышали довольно отчетливо.

— ...разговаривал с Роджером. Он показался мне каким-то равнодушным. Я все обдумал и решил позвонить вам, Верн. У вас все в порядке?

Сканион сглотнул. Оглядев подчиненных, он переключился на закрытый режим: изображение уменьшилось до размеров почтовой марки, а голос генерала поглотил защитный экран. Тем не менее характер разговора не стал секретом для остальных — все читалось по лицу Сканиона.

Сьюли подняла голову и посмотрела на Рамеса:

— Я знаю, где Роджер.

— В доме жены?

Она устало потерла глаза.

— Догадаться не так уж трудно, да, Телли? Извини, я думала, что зацепила его покрепче.

Конечно, они были правы, и мы тоже знали об этом. Едва Сканион закончил разговор с президентом, как офицер безопасности доложил, что скрытые в спальне Дорри микрофоны зафиксировали появление Роджера.

Казалось, Сканион вот-вот расплчется.

— Дайте дом, — приказал он и тут же набрал номер Дорри.

Из громкоговорителя слышался гудок, потом какой-то металлический звук и наконец скрежещущий голос киборга:

— Алло?

Сканион отбросил трубку и потер ухо.

— Что, черт возьми, произошло?

На этот риторический вопрос никто не ответил, и генерал осторожно поднял трубку.

— Мы можем послать туда нашего человека, — предложил помощник начальника службы безопасности. — Там, в машине перед домом, двое наших людей. — Вертолет уже успел занять позицию, и офицер, поднявшись, указал на точку на экране. — У нас есть с ним звуковая связь. Они не видели, как Торвей вошел.

Сьюли покачала головой.

— Не рекомендую.

— Ваши рекомендации, майор Карпентер, сейчас не очень-то убедительны, — рявкнул генерал.

— И тем не менее...

Она замолчала, когда Сканион поднял руку.

Из репродуктора донесся слабый голос Дорри: «Я налью чаю». И вслед за ним голос Роджера: «Хочешь, я приготовлю что-нибудь выпить?»

— Сейчас его состояние стабильное. Давайте не будем делать резких шагов.

— Я не могу допустить, чтобы он просто сидел там! Кто, черт возьми, знает, что он предпримет через минуту? Вы?

— Мы его обнаружили. Не думаю, что он пойдет куда-то еще. По крайней мере пока. Неподалеку живет Дон Кэйман. Они друзья. Пусть заберет Роджера.

— Кэйман не владеет приемами единоборств.

— Вы этого хотите? Если Роджер не вернется добровольно, что вы будете делать?

«Хочешь чаю?»

«Нет... Нет, спасибо».

— И отключите связь, — добавила Сьюли. — Дайте бедняге побыть наедине с женой.

Сканион медленно опустился на стул и побарабанил пальцами по столу. Потом поднял трубку и отдал приказания.

— Мы сделаем по-вашему, майор. Еще раз. Не потому, что я вам верю, а потому, что у меня нет выбора. Я не могу вам чем-то пригрозить. Если что-то пойдет не так, у меня уже не будет возможности наказать кого-либо. Но *кто-то* другой это обязательно сделает.

— Сэр, я понимаю ваше положение, — сказал Телефоро Рамес, — но думаю, что вы несправедливы по отношению к Сьюли. Моделирование показывает, что разговор с женой должен был состояться.

— Смысл моделирования, доктор Рамес, заключается в том, чтобы давать *предварительные* заключения.

— Да, но оно показывает также, что в целом Торвей стабилен. Он справится с этой проблемой, генерал.

Сканион снова побарабанил по столу.

— Торвей — сложная личность. Вы сами видели результаты тестов. У него высокая мотивация. Он не манипулятор. Интроспективен. Ему нужно все решить самому. Это те качества, которые необходимы вам, генерал. Иначе он не может. Нельзя требовать, чтобы Торвей был одним в Оклахоме и другим на Марсе.

— Если не ошибаюсь, именно это вы мне и обещали с вашими поведенческими модификациями.

— Нет, генерал, — терпеливо сказал психиатр. — Я лишь пообещал, что если вы дадите ему награду вроде Сьюли Карпентер, то ему будет легче смириться с проблемами, связанными с Дорри. Так и случилось.

— Модификация имеет собственную динамику, генерал, — вставила Сьюли. — Вы пригласили меня довольно поздно.

— О чем это вы говорите? — с угрозой в голосе спросил Сканион. — Он что, сломается на Марсе?

— Надеюсь, что нет. Шансы неплохие, и мы знаем, что надо делать, генерал. Торвей уже избавился от многих проблем, это очевидно. Но через шесть дней он улетит, и я уже не смогу быть рядом с ним. Это плохо. Здесь также важна постепенность. У Торвея должно быть время, чтобы выстроить свою линию защиты.

Сканион положил руки на стол.

— Вы говорите об этом немного поздно.

Сьюли молча пожала плечами.

Генерал задумчиво осмотрел собравшихся.

— Ладно. На сегодня все. До восьми вы свободны... нет, до десяти. К десяти каждый должен подготовить трехминутный доклад с предложениями по своей сфере ответственности.

Дону Кэйману позвонили из полицейской патрульной машины. Сама машина уже стояла рядом с домом, готовая доставить его к квартире Роджера.

Он постучал в дверь с некоторым опасением, не зная, что именно обнаружит. И когда сам Торвей открыл ему, Кэйман мысленно прочитал короткую молитву и постарался заглянуть за плечо Торвея. Что он ожидал там увидеть? Разбитую мебель? Ничего подобного Дон не обнаружил. Дорри сидела в кресле и, судя по всему, плакала. Приготовившись к худшему, он почти обрадовался этому.

Роджер не стал спорить.

— До свидания, Дорри, — сказал он и не стал ждать ответа.

Ему пришлось потрудиться, чтобы влезть в маленькую машину священника, но в конце концов он это сде-

лал, сложив крылья. Роджер сидел в неудобной позе, совершенно невозможной для нормального человека. Но он и не был нормальным человеком. Его мускульная система могла перенести любые перегрузки.

Некоторое время оба молчали, и лишь подъезжая к месту назначения, Кэйман осторожно заметил:

— Вы заставили нас побеспокоиться.

— Я так и думал, — ответил киборг. Крылья задергались, потерлись друг о друга. — Мне хотелось увидеть ее, Дон. Это было важно.

— Понимаю. — Кэйман свернул в сторону парковочной площадки. — И как? Все в порядке?

Киборг повернул к нему свое непроницаемое лицо. Огромные черные глаза не выражали никаких чувств.

— Вы идиот, сэр. Как все может быть в порядке?

Сьюли Карпентер с тоской подумала о том, как хорошо было бы поспать. С таким же успехом она могла бы мечтать об отдыхе на Французской Ривьере. Ни об одном, ни о другом не могло быть и речи. Проглотив две таблетки амфетамина, она сделала себе укол, привычно отыскав нужное место на левой руке.

Прежде всего ей пришлось заново переделывать анализ данных моделирования. Мы были согласны с этим и воспользовались шансом, чтобы внести кое-какие поправки.

Ожидая результатов, Сьюли легла в гидротерапевтическую ванну, а потом взялась за изучение материалов. Она хорошо делала свою работу.

Сьюли работала не медсестрой. Она была одной из первых женщин, посвятивших себя аэрокосмической медицине. Получив степень, Сьюли специализировалась в области психотерапии и затем решила на участие в космической программе, потому что на Земле ничего достойного не виделось. Исследовательская работа ка-

залась интересной хотя бы абстрактно, поэтому она обратилась с просьбой включить ее в одну из научных групп Калифорнии и добилась своего. В ее жизни было немало мужчин, а один-два сыграли в ней немалую роль. Но ни с одним ничего не получилось. То, что она рассказала Роджеру, было правдой. После последнего болезненного инцидента Сьюли сократила сферу интересов, решив подождать до того времени, когда ей станет ясно, чего именно она ждет от мужчины. Там она и пребывала, в стороне от эпицентра событий, определяющих судьбу человечества, пока мы не вытащили ее карту из колоды в сотни тысяч других карт, чтобы дать Роджеру то, что ему требовалось.

Приказ пришел совершенно неожиданно, и исходил он от самого президента. Она просто не могла отказать от поручения. Да в общем-то и не хотела. Перемена пришлась Сьюли по вкусу. Забота о страдающем человеческом существе пробудила в ней самые лучшие чувства. Она ясно сознавала важность работы, верила в марсианский проект и понимала, что сможет справиться с поставленной задачей. Сьюли была уверена в своей компетентности. И мы ценили ее очень высоко, отводя ей одну из главных ролей в игре, которая решала будущее человечества.

Когда Сьюли закончила изучение данных моделирования, было уже четыре часа утра.

Она поспала пару часов в отделении для медсестер, потом приняла душ, оделась, вставила зеленые контактные линзы. Этот аспект работы не доставлял ей особенного удовольствия. Перекрашенные волосы и измененный цвет глаз были обманом, а ей не нравилось обманывать. Сьюли надеялась, что однажды сможет обойтись без линз и без перекраски: конечно, можно что-то подправить и улучшить, но только не притворяться кем-то другим.

Улыбаясь, она вошла в комнату Роджера.

— Чудесно, что вы вернулись. Мы без вас скучали. Ну и как, понравилась прогулка?

— Неплохо, — отозвался он. Роджер стоял у окна, наблюдая за катящимися по двору шарами перекаати-поля. — Знаете, вы все правильно сказали. То, что у меня есть теперь, это не что-то иное. Это лучше.

Она удержалась от ободряющей реплики и лишь улыбнулась, перестилая постель.

— Меня беспокоил вопрос секса, — продолжал он. — Но знаете что, Сьюли? Это примерно то же, как если бы мне сказали, что следующие два года я не смогу есть икру. Я не люблю икру. И если на то пошло, я не хочу сейчас секса. Полагаю, вы уже занесли это в компьютер? «Понизить сексуальное влечение, повысить эйфорию»? До меня наконец-то дошло, что я волнуюсь из-за того, без чего вполне могу обойтись, чего даже и не хочу. Наверное, это просто отражение того, чего, по мнению других, я должен хотеть.

— Аккультурация.

— Несомненно. Послушайте, я хочу сделать кое-что для вас.

Он взял гитару, прислонился к подоконнику и начал играть. Сьюли была поражена. Он не просто играл, а еще и пел. Пел? Нет, скорее это походило на то, как человек насвистывает. Звук был негромкий, но чистый. Мелодия была ей незнакома.

Когда он закончил, она спросила:

— Что это было?

— Соната Паганини для гитары и скрипки, — с гордостью ответил он. — Запись дала Клара.

— Не знала, что вы способны на такое. Я имею в виду напевать. Или как это называется?

— Я и сам не знал, пока не попробовал. Конечно, у меня не хватает звука для скрипичной части, и я не могу

сбалансировать этот недостаток за счет гитары, но звучит ведь неплохо, да?

— Роджер, я даже не ожидала...

Он посмотрел на нее и ошеломил еще одним — улыбкой.

— Держу пари, вы не ожидали, что я и *это* могу. Я тоже не ожидал, пока не попробовал.

— Он готов, генерал, — сказала Сьюли.

Сканиону удалось поспать, и он выглядел отдохнувшим и, возможно, благодаря мобилизации неких внутренних ресурсов не таким измотанным, как накануне.

— Уверены, майор Карпентер?

Она кивнула.

— Как никогда. — Поколебавшись, Сьюли добавила: — Проблема в том, на мой взгляд, что он готов именно *сейчас*. Все его системы вышли на оперативный уровень. Он решил проблему с женой. Поэтому готов. Но чем дольше ему придется оставаться здесь, тем больше шансов на то, что она сделает что-то такое, что выведет его из равновесия.

— Сильно в этом сомневаюсь. — Сканион нахмурился. — Она знает, какие проблемы у нее возникнут. Но я не желаю рисковать. Роджера необходимо подготовить.

— Перевезти на Меррит-Айленд?

— Нет, перевести в режим ускорения.

Рука Брэда, державшая чашку с кофе, дрогнула.

— Невозможно, милочка! — воскликнул он. — Мне нужно еще семьдесят два часа для проверки всех систем! Если я не получу этих данных, то...

— Что, доктор Брэдли? Для чего вам эти данные? Чтобы написать статью? Сделать открытие? Прославиться?

— Черт возьми... Да, я хочу написать о нем. Но тесты необходимы и для него самого. Для успеха экспедиции.

Она пожала плечами.

— Это всего лишь мои рекомендации. Ему нечего здесь делать. Только ждать. А ожиданием он сыт по горло.

— А если что-то пойдет не так на Марсе?

— Вам нужны были мои рекомендации. — Сьюли пожала плечами. — Вот они.

— Давайте проясним, о чем именно идет речь, — вставил Сканион. — Возможно, я не до конца все понял.

Сьюли посмотрела на Брэда.

— Вы знаете, генерал, что мы хотели сделать. У нас есть возможность повлиять на ход его внутренних часов. Мы можем замедлить или ускорить их с помощью встроенного промежуточного контура. До запуска осталось пять дней и несколько часов. В наших силах сделать так, что для него это время сожмется до тридцати с небольшим минут. В этом есть смысл. Но смысл есть и в том, что я сказал. Я не могу отпустить Роджера, пока не проведу все запланированные тесты.

— Теперь понятно, — сказал генерал. — Верное замечание. С вашей точки зрения. У меня есть своя. Майор Карпентер, вчера вечером вы говорили о том, что нельзя допустить резкого приостановления процесса поведенческой модификации. Сегодня у вас другое мнение?

— Генерал, сейчас Торвей на стадии «плато». Я бы поняла, если бы у нас было еще шесть месяцев. Но не пять дней. Риск больше возможной выгоды. Сейчас у него проявился интерес к гитаре — вам бы стоило послушать. Он смог создать структурально надежную защиту в вопросе об отсутствии половых органов. Он даже способен взять инициативу, о чем свидетельствует его вчерашний побег. Раньше Торвей был слишком пассивен. Я считаю, что лучшего момента не будет.

— А я говорю, что мне нужно еще время, — вспыхнул Брэд. — Возможно, Сьюли права. Но и я тоже прав. И если понадобится, я обращусь к президенту!

Сканион задумчиво посмотрел на Брэда, потом перевел взгляд на других участников совещания.

— Есть еще комментарии?

Дон Кэйман кивнул.

— Я, в общем, согласен со Сьюли. Проблема с Дорри не добавляет ему счастья, но и не оказывает значительного негативного влияния. Думаю, затягивать не стоит.

— Да. — Сканион снова забарабанил по столу, потом посмотрел в окно. — Есть еще кое-что, о чем вы не знаете. То моделирование, о котором мы говорили, не единственное за последнее время. — Он посмотрел каждому в глаза. — То, о чем я скажу, не подлежит обсуждению вне стен этой комнаты. Азиаты каким-то образом подключились к нашему 3070-му и скачали всю информацию. Это не все. Они провели свое моделирование.

— Зачем? — Вопрос задал Дон Кэйман, но его можно было считать общим.

— Я бы тоже хотел это знать. — Сканион вздохнул. — Они ни во что не вмешивались. Мы бы ничего и не знали, если бы не рутинная проверка, во время которой все и обнаружилось. Потом кто-то выяснил детали уже в Пекине. Я не любитель шпионских игр и никаких подробностей не знаю. Так вот, они прочитали все и создали собственную программу. Нам неизвестно, какую пользу они хотят извлечь из этого, но есть кое-что интересное. Сразу после ознакомления с выводами азиаты сняли протест против нашего запуска. И даже предложили свои марсианские спутники для передачи данных.

— Я им не верю! — бросил Брэд.

— Да уж конечно. Мы тоже не полагаемся на «птичку», это уж точно. Но дело вот в чем: они говорят, что желают успеха нашей миссии. Еще одно небольшое осложнение, но ведь сейчас все сводится к одному-единственному решению, верно? Я должен решить, что делать. Хорошо. Я принимаю решение. Я согласен с вашими рекомендациями, майор Карпентер. Скажите Роджеру, что

мы собираемся делать, и объясните почему. Последнее определите сами, с доктором Рамесом. Что касается вас, Брэд... — Генерал поднял руку, останавливая возможные протесты. — Я знаю, что вы скажете. Согласен. Торвею нужно побыть под вашим наблюдением еще какое-то время. Он его получит. Я отдам приказ о включении вас в состав экспедиции. — Сканион пододвинул листок бумаги, взял ручку и, вычеркнув одну фамилию, вписал другую. — Я убрал второго пилота, чтобы дать место вам. Проблем не будет, тем более что каждый из вас прошел какую-либо летную подготовку. Итак, называю состав экипажа для экспедиции на Марс: Торвей, Кэйман, генерал Хесберг в качестве пилота и... вы, Брэдли.

Брэд протестовал. Но это был всего лишь рефлекс. Мысль о неизбежности полета уже засела в мозгу, и он смирился с судьбой. То, что сказал Сканион, имело под собой достаточное основание, а кроме того, Брэд быстро понял, что его карьера только выиграет, если он примет непосредственное участие в экспедиции. Жаль, конечно, покидать Дорри, всех Дорри, но их будет еще больше, когда он вернется.

Решение было принято, и дальше последовало то, что вытекало из него. На Меррит-Айленде началась подготовка корабля к полету. Спасательные корабли вышли на предписанные им места в Атлантическом океане. Брэда спешно отправили на остров для ускоренного инструктажа, приставив к нему шестерых бывших астронавтов. Одним из них был Хесберг, улыбающийся, уверенный в себе, всегда готовый помочь. Дону Кэйману дали двенадцать часов на то, чтобы попрощаться с монахиней.

Все это нас вполне устраивало. Мы были согласны с решением отправить Брэда на Марс. Мы с удовлетворением отмечали позитивные перемены в общественном

мнении всего мира. Мы были довольны психологическим состоянием Роджера. А больше всего нас устраивало моделирование, проведенное азиатами. Оно было важной составной частью нашего плана по спасению мира.

Глава 13

ВОЗВРАЩЕНИЕ НЕВОЗМОЖНО

Полет на Марс занимает семь месяцев. Все предыдущие космонавты, астронавты и синонавты говорили, что эти месяцы способны измотать любого. Каждый день содержит 86 400 секунд, которые нужно чем-то заполнить, а заполнять их в общем-то нечем.

Роджер имел два отличия от всех других. Во-первых, он был самым ценным из всех пассажиров, когда-либо ступавших на борт корабля. Его тело стоило семь миллиардов долларов. С этим приходилось считаться.

Во-вторых, ему было не так тяжело, как прочим.

Внутренние часы Роджера были отключены, и он воспринимал время так, как это определял компьютер. Сначала ход этих «часов» замедлялся постепенно. Люди начинали двигаться быстрее. Обед наступал раньше, чем он успевал к нему приготовиться. Голоса становились пронзительнее.

Когда настройка на новый режим завершилась, решили к очередной стадии. Голоса слились в неразборчивое попискивание. Людей он почти не видел, только мелькание движения. Его комнату изолировали, но не для того, чтобы он не сбежал, а чтобы уберечь его от быстрой смсчн дня и ночи.

Роджер знал, что с ним делают, и не возражал. Он поверил заверению Сьюли, что все делается в его инте-

ресах, что все необходимо и правильно. Он решил, что скучает по Сьюли, и стал придумывать способ сообщить ей об этом. Способ был, но процесс общения протекал слишком быстро: Роджер едва успевал прочесть обращенные к нему слова, как они исчезали, словно по мановению волшебной палочки. Он писал ответ, и написанное тоже пропадало прежде, чем он успевал закончить.

Как вы себя чувствуете?

Он отвечал одним словом.

Отлично.

Слово стиралось, а вместо него появлялось другое сообщение:

Мы переезжаем на Меррит-Айленд.

Я готов.

Роджер успел нацарапать еще несколько слов.

Передайте привет Дорри...

Он хотел добавить «и Сьюли», но не успел. Его забрали из комнаты. Снова все замелькало. Он успел заметить машину «скорой помощи» у входа и женщину — была ли это Сьюли? — подтягивавшую колготки. Его кровать словно подпрыгнула в воздух, яркий солнечный свет на долю секунды ударил в глаза и... Что это, машина? Прежде чем Роджер успел о чем-либо спросить, его перенесли в вертолет. К горлу подступила тошнота.

Потом все остановилось.

Его вынесли из вертолета.

Снова ослепляющий свет.

И опять какое-то транспортное средство; похоже, это был «С-5», переделанный под больничную палату. Его окутала странная паутина, предохранявшая от толчков и падений.

Путешествие было не из приятных — что-то гудело, кружилась голова, — но не невыносимым. И оно продолжалось недолго.

Минуту или две, так ему показалось. Потом гул в ушах пропал. Роджера вынесли из самолета. Жара и солн-

це. Флорида, конечно, подумал он. Снова машина «скорой», снова куда-то еще.

Затем — эта часть дня показалась ему самой лучшей — его просто оставили лежать в постели. Покормили. Очистили желудок через катетер. И наконец перед его глазами появилась надпись:

Удачи, Роджер, мы в пути...

Что-то тяжелое ударило в него снизу, и он потерял сознание. Все это очень хорошо, успел подумать Роджер. По крайней мере не придется скучать. Но, может быть, вы, ребята, просто убиваете меня? Однако прежде чем он успел поделиться с кем-либо этой мыслью, все исчезло в темноте.

Время шло. Время снов.

До него смутно доходило, что его держат на успокоительных, что он проспал какое-то время, и с осознанием этого Роджер проснулся.

Ощущение тяжести отсутствовало. Он, можно сказать, парил, а на месте удерживала только паутина предохранительных ремней.

Он был в космосе.

Чей-то голос сказал ему в ухо:

— Доброе утро, Роджер. Это запись.

Он повернул голову и увидел совсем рядом крошечный репродуктор.

— Мы замедлили запись, чтобы ты смог понять. Если хочешь поговорить, запиши то, что желаешь сказать, через минуту. А мы потом прокрутим быстрее. Ну, разве наука не великолепна?

Когда я записываю это, идет 31-й день. На тот случай, если ты не помнишь меня, напоминаю — я Дон Кэйман. У тебя была небольшая проблема. Мускульная система не вполне справилась с нагрузками при взлете. Растяжение связок. Пришлось провести небольшую операцию. Но ты быстро идешь на поправку. Брэд перестро-

ил кое-что в кибернетике, так что, вероятно, после приземления ты уже будешь в полном порядке. Посмотрим. Больше ничего важного не случилось. Если есть вопросы — задавай, но сначала ознакомься с сообщением.

Какое-то мгновение слышался только шорох пленки, а потом послышался голос Дорри, слабый и покорный:

— Привет, милый. Дома все отлично. Жду тебя. Думаю о тебе. Береги себя.

Снова заговорил Кэйман:

— Теперь о том, что тебе надо делать. Прежде всего, если у тебя где-то болит, сразу говори. В реальном времени с этим связаны большие потери, так что обращай внимание на главное. Когда закончишь, подними руку. Начали.

Пленка остановилась, красный огонек с надписью «Воспроизведение» погас, а зажегся другой, с надписью «Запись».

Роджер взял микрофон и уже приготовился сказать, что все в порядке, особых проблем нет, но тут взгляд его случайно скользнул вниз, и он заметил, что у него отсутствует правая нога.

Мы, разумеется, контролировали все, что происходило на корабле. Связь представляла собой немалую проблему. Все дело было в геометрии. Пока корабль шел к орбите вокруг Марса, сам Марс тоже не стоял на месте. Перемещалась и Земля, двигавшаяся немного быстрее. Она совершала почти два оборота вокруг Солнца, пока Марс завершал один обход. Телеметрическая информация, поступающая с корабля в Голдстоун, проходила этот путь за три минуты. Мы были всего лишь пассивными слушателями. Но худшее ждало впереди. При выходе корабля на орбиту вокруг Марса команда с Земли идет до него полчаса. Нам пришлось отказаться от непосредственного контроля, уступив его команде.

Еще позднее Земле и Марсу предстояло оказаться по разные стороны от Солнца. И без того слабые сигналы с корабля будут искажены солнечным излучением, так что утратят информативную ценность. Но к тому времени на орбите уже появится 3070-й, а чуть позже к нему присоединится МГД-генератор. Вот тогда энергии хватит на все. Мы уже распланировали их позиции, связь друг с другом и с кораблем, с наземной станцией и с Роджером.

3070-й отправился в путь в режиме готовности. Это был беспилотный полет. Анализ показал высокую степень риска ионизации, что исключало возможность применения космического корабля обычной конфигурации. Инженеры убрали систему жизнеобеспечения, всю телеметрию, систему уничтожения и половину маневровых установок. За счет этого удалось усилить защиту. Безжизненный и молчаливый, корабль должен был выйти на орбиту, где контроль за его стыковкой брал на себя генерал Хесберг. Нелегкая задача, но за это ему и платили.

Что касается МГД-генератора, то его запустили спустя месяц с командой из двух добровольцев и максимумом рекламной шумихи. За стартом с интересом наблюдали все. Даже ННА. Первый запуск азиаты проигнорировали. Отправка 3070-го вызвала у них благожелательный отклик, а НАСА даже получила предложение помощи. При посылке генератора их посол направил поздравительную ноту.

Что-то происходило с миром.

И это затрагивало не только психологический аспект. В Нью-Йорке на две недели прекратились беспорядки, что позволило вывезти мусор с центральных улиц. Зимние дожди погасили последний из больших пожаров на северо-западе, и губернаторы Вашингтона, Орегона, Айдахо и Калифорнии выступили с совместным призывом к добровольцам. Более ста тысяч молодых людей выразили готовность принять участие в посадке деревьев на горных склонах.

Последним происходящие перемены заметил президент США, который был слишком занят внутренними проблемами нации, растратившей свои силы впустую и оказавшейся перед лицом трагедии. Но все же пришло время, когда и он осознал изменения не только в США, но и во всем мире, и не только в настроениях, но и в тактике. Азиаты вывели свои субмарины из прилегающих к Америке вод, и Дэш, получив подтверждение этому, поднял трубку и позвонил Верну Сканиону.

— Я думаю... — Он постучал пальцем по деревянной крышке стола. — Я думаю, сработало. Поблагодарите от меня ваших людей. Что еще вам нужно?

Но больше не нужно было ничего.

Мы уже сделали свое дело, проделав весь отмеренный нам путь. Остальное зависело от нашей экспедиции.

Глава 14

МИССИЯ К МАРСУ

Дон Кэйман позволял себе молиться не более шести раз в день. Молился он о разном — иногда о том, чтобы не слышать, как Титус Хесберг цыкает зубами; иногда, чтобы не чувствовать запаха газов, стойко державшихся в кабине корабля, — но в его молитвах всегда присутствовали три обязательных пункта: за успех миссии, за исполнение Божьего плана в отношении Человека и прежде всего за здоровье и благополучие его друга Роджера Торвея.

Особое положение Роджера подчеркивалось уже тем, что ему предоставили отдельный отсек, и хотя границей его владений выступала обычная, очень тонкая и не совсем непрозрачная штора, но все же пространство за ней

принадлежало ему. Остальные трое занимали кабину экипажа. Время от времени там появлялся и Роджер или по крайней мере отдельные его части.

Кэйман часто заглядывал к Торвею. Путешествие было долгим и скучным. Та область, благодаря знанию которой он и попал в состав экипажа, не требовала ни тренировок, ни упражнений, ни практики. Ареология — статичная наука, и Дон Кэйман знал, что она останется таковой, если он сам не привнесет в нее что-то новое. Поэтому он не сопротивлялся попыткам Хесберга научить его азам управления кораблем и не без интереса слушал рассказы Брэда об устройстве киборга. Постепенно гротескное тело, ворочавшееся в предохранительном коконе, становилось все менее и менее чужим и непонятным. Кэйман знал его во всех деталях, снаружи и изнутри. Через несколько недель он уже без ужаса и отвращения вывинчивал глаз из глазницы или снимал панель на животе Торвея.

Но занимался он не только этим, а еще и слушал музыку, читал, играл в шахматы. В шахматах его партнером и противником был Титус Хесберг. Они разыгрывали настоящие турниры, и однажды Кэйман выиграл тридцать восемь партий из семидесяти пяти. Наверное, он мог бы молиться и почаще, но по прошествии первой недели ему в голову пришла мысль, что даже обращение к Богу можно довести до крайности. В конце концов молитвы были распределены следующим образом: по пробуждении, перед приемами пищи, вечером и перед сном. Большая часть времени отводилась уходу за Торвеем. Процедуры вторжения в унылую жизнедеятельность не доставляли ему удовольствия, но Роджер не догадывался об этом и не страдал. Понемногу Кэйман начал понимать и ценить красоту анатомии друга, причем как ту ее часть, которая была творением Бога, так и ту, которую создал человек.

А вот возблагодарить Бога и человека за то, что они сделали с мозгом Роджера, он не мог. Его беспокоило то, что Торвей теряет семь месяцев жизни. Он сочувствовал другу, полюбившему женщину, которая не смогла понять ценности любви.

Но, в общем, учитывая все обстоятельства, Кэйман был счастлив.

Никогда прежде ему не доводилось летать к Марсу, но в космосе он бывал: посещал на шаттле орбитальную станцию, когда был выпускником и писал дипломную работу по планетологии, и провел девяносто дней на станции «Бетти». Но то была лишь подготовка к миссии, завершающей его изучение Марса.

Все, что Кэйман знал о Марсе, он узнал из наблюдений других людей, из изучения планеты с помощью телескопов, из умозрительных построений. Он множество раз просматривал пленки с записями, сделанными с борта автоматических станций. Он разговаривал со всеми американцами, французами и британцами, побывавшими на этой планете в составе различных экспедиций, и почти со всеми русскими, японцами и китайцами.

Он знал о Марсе все. Всегда.

Кэйман рос на романах Эдгара Райса Берроуза, в которых красочно описывался мир охряных высохших морей и крохотных лун. Став старше, он начал отделять факты от вымысла. Четырехрукие зеленые воины и краснокожие, откладывающие яйца прекрасные марсианские принцессы не имели, согласно данным науки, никакого отношения к реальности. Но он знал, что оценки «реальности» учеными меняются из года в год. Барсум Берроуза вовсе не был плодом досужего воображения. Писатель почти дословно описал то, о чем шла речь в работах самого авторитетного исследователя того времени, Персиваля Лоуэлла, чей Марс перестал существовать после появления больших телескопов и космичес-

ких зондов. В «реальности» научного мнения жизнь на Марсе рождалась и умирала десятком раз.

Впрочем, даже об этом нельзя сказать с полной определенностью. Здесь ведь затрагивается философский вопрос. Что такое жизнь? Должна ли она обозначать существо, похожее на обезьяну, или дерево? Обязательно ли это существо должно поглощать питательные вещества из окружающей среды, участвовать в окислительно-восстановительном цикле прохождения энергии, воспроизводить потомство?

Дон Кэйман так не думал. Ограничивать жизнь такими узкими рамками было бы глупостью и сомнением. Несомненно, Творец слишком велик и всемогущ, чтобы подчинять себя каким-то пределам.

В любом случае вопрос о жизни, генетически родственной земной, оставался открытым. По крайней мере незакрытым. Да, на Марсе не было обнаружено ни обезьяны, ни дерева, ни даже лишайника. Ни единой живой клетки. Не было таких необходимых условий, как свободный кислород или вода.

Но Кэйман не спешил с выводами. Тот факт, что никто еще не поскользнулся на марсианском мху, вовсе не означал, что на Марсе негде поскользнуться. До сих пор на Марсе побывало меньше ста человек. Общая исследованная ими площадь составляла несколько сотен квадратных миль. На Марсе! Где нет океанов, а следовательно, поверхность суши больше, чем на Земле! Это все равно что заявить, будто Земля изучена после нескольких экспедиций в Сахару, Гималаи, Антарктиду и Гренландию.

Нет, конечно, такое сравнение не вполне справедливо, признал Кэйман. Марс изучали не только немногочисленные экспедиции, высаживавшиеся на поверхность. Планету наблюдали с орбитальных станций, в лабораториях изучали образцы почвы, так что Марс не был обделен вниманием.

Тем не менее принцип не терял своей значимости. Марс был слишком велик. Никто не стал бы утверждать, что у него не осталось никаких секретов. Воду еще можно найти. Некоторые расщелины выглядели перспективно. Некоторые долины выглядели так, словно их оставили потоки воды. Не исключено, что вода под поверхностью, океаны воды. Кислород присутствовал. В целом его было немного, но где-то он мог концентрироваться в больших количествах. А значит, могла быть и...

Жизнь.

Кэйман вздохнул. Больше всего он сожалел о том, что не участвовал в определении места высадки и не мог высказаться в пользу одного из наиболее перспективных районов Солис Локис. Решение приняли вопреки его мнению. На самом верху. Точнее, свое веское слово сказал Дэш: «Мне наплевать, где там может быть что-то живое. Я хочу, чтобы «птичку» посадили там, где нашему мальчику будет легче всего остаться в живых».

Вот почему выбор пал на место поближе к экватору и в Северном полушарии, в кратере, который Дон втайне от всех назвал *Домом*.

В душе он сожалел, что не увидит Солис Локис с его сезонной сменой окраски (может быть, это какие-то растения?), W-образное облако вокруг каналов Улисса и Фортуны, яркую вспышку (отраженный солнечный свет или водородный взрыв?), замеченную Сахеки в декабре 1951-го. Этим займется кто-то другой. Но если не считать этих сожалений, то в основном Кэйман был доволен. Северное полушарие — это мудрое решение. Зима здесь приходится на тот период, когда планета ближе к Солнцу, а потому в целом климат теплее. Зима здесь на двадцать дней короче лета. На юге, конечно, все обстояло наоборот. И хотя в районе Дома не отмечалось ни изменения формы, ни испускания световых лучей, его идентифицировали с облакоподобными образованиями.

Кэйман не оставлял надежды, что некоторые из этих облаков могут быть водным льдом, если не самой водой! Он даже фантазировал о грозовых ливнях, заливающих марсианскую равнину. Впрочем, если уж мечтать, то скорее о другой воде. Той, которая в связанном виде есть в лимоните, обнаруженном совсем недавно. Пусть на Марсе нет ни животных, ни растений, но Роджеру ее запас пригодится.

В общем, Кэйман был доволен всем.

Он летел к Марсу! Уже один этот факт служил источником великой радости, и за это он ежедневно шесть раз благодарил Бога. И еще у него была надежда.

Будучи хорошим ученым, Дон Кэйман не мешал надежды с наблюдениями. Он сообщит на Землю о том, что обнаружит на Марсе. Но Дон знал, что *хочет* обнаружить. Жизнь.

На протяжении всего отведенного экспедиции времени, девяносто один марсианский день, он будет держать глаза открытыми. Это знали все. Об этом говорилось во всех инструкциях.

Но не все знали, почему Кэйман так интересуется именно этим аспектом.

Дон все еще надеялся, что обнаружит жизнь, и не просто жизнь, а жизнь разумную, и не только разумную, но и жизнь, наделенную душой, которую можно спасти и привести к Богу.

Все происходящее на борту корабля находилось под постоянным наблюдением, и результаты наблюдений регулярно передавались на Землю. Мы тоже были в курсе происходящего. Мы следили за шахматными турнирами и слушали споры. Мы видели, как Брэд ухаживает за спящим Роджером. Мы видели, как Титус Хесберг проплакал пять часов подряд, тихо и спокойно, качая головой и улыбаясь сквозь слезы, когда Кэйман пытался по-

сочувствовать ему. Можно сказать, что Хесбергу досталась самая неприятная обязанность: семь месяцев туда и семь месяцев обратно и между ними три месяца ничегонеделания. Когда Роджер, Брэд и Кэйман высадутся на поверхность планеты, он останется на орбите один. И ему будет скучно.

Но и это еще не все. Семнадцатимесячное пребывание в космосе практически гарантировало, что в последние годы жизни ему придется столкнуться с сотнями всевозможных болезней и расстройств. Разумеется, астронавты делали упражнения, нагружали мышцы, махали руками и «качали» ноги, но этого недостаточно. Потеря мышечного тонуса и снижение содержания кальция в костях неизбежны. Троим высаживающимся на Марс три месяца пребывания на нем позволяли восстановить физическую форму и поправить здоровье. Хесберг такой возможности не имел. Семнадцатимесячное нахождение в невесомости грозило ему серьезными последствиями. Он знал, что проживет лет на десять меньше. Так что если генерал и плакал иногда, на то имелись веские причины.

Время шло. Месяц. Два месяца. Шесть месяцев. За ними летела капсула с 3070-м. За ними следовал корабль с магнетогидродинамическим генератором и экипажем из двух человек. Они перешли на марсианское время, определяя его по новым кварцево-кристаллическим часам. На практике все осталось почти по-прежнему: день на Марсе лишь на тридцать семь минут длиннее, чем на Земле. Но психологическое значение перехода на новое время было куда больше.

За неделю до прибытия они начали переводить Роджера в тот временной режим, в котором жили сами.

Для Роджера эти семь месяцев пролетели как тридцать часов. Таково было его субъективное восприятие. И

это немало. Он успел поесть несколько раз, обменялся несколькими десятками сообщений с товарищами. Он получал известия с Земли и даже ответил на некоторые из них. Он попросил гитару, но ему отказали, объяснив, что играть он не сможет. Почему? Ему дали инструмент, и оказалось, что они правы. Он перебирал струны, но не слышал звуков. Он вообще почти ничего не слышал, если не считать специально для него сделанных записей и постоянного писка. Воздух не производил той вибрации, которую он мог воспринять. Когда магнитофон не касался металлического каркаса, к которому был прикреплен Роджер, он не слышал ни его, ни звука собственного голоса.

Его предупредили о начале ускорения восприятия. Штору, закрывавшую отсек, откинули, и Роджер постепенно привыкал к переходу в прежний режим. Сначала ему удалось рассмотреть дремавшего поблизости Хесберга, потом он увидел движущиеся фигуры и, наконец, начал узнавать их. Его усыпили для внесения последних инструкций в заплечный компьютер, и, проснувшись, Роджер обнаружил, что рядом никого нет, штора завешена, а снаружи доносятся голоса.

Он отодвинул занавеску, выглянул и увидел прямо перед собой улыбающееся лицо любовника своей жены.

— Доброе утро, Роджер! Рад, что ты снова с нами.

Через восемнадцать минут, двенадцать из которых сигнал шел до Земли, а еще четыре понадобилось на расшифровку и передачу, президент увидел то, что происходило в сотне миллионов миль, на экране в Овальном кабинете.

У экрана стоял не только он один. За событием наблюдали и в Нижнем Дворце в Пекине, и на Даунинг-стрит, и на Елисейских Полях.

Дэш произнес историческую фразу:

— Сукины дети, они сделали это.

— Сукины дети, — эхом отозвался находившийся рядом с президентом Верн Сканион. — Ну, почти сделали. Им еще надо приземлиться.

— Проблемы?

— Нет, насколько я знаю, — осторожно отозвался Сканион.

— Бог не допустит такой несправедливости, — с уверенностью сказал Дэш. — Думаю, нам с вами самое время выпить бурбона. Пора.

Они задержались еще на полчаса и на четверть бутылки. За дальнейшими событиями следил весь мир. Все увидели, как Хесберг готовит к отделению спускаемый модуль. Видели, как Дон Кэйман выслушивал последние инструкции перед тем, как занять место за панелью управления модуля. Видели, как Брэд в последний раз проверил показания Роджера и выяснил, что все системы функционируют нормально, а потом повторил все заново. Видели, как сам Роджер протиснулся через шлюз в отделяемый отсек.

И наконец модуль отстыковался, провожаемый грустной улыбкой Хесберга.

По нашим оценкам, за посадкой наблюдали три с четвертью миллиарда жителей Земли. Смотреть особенно было не на что; если вы видели одно приземление, то видели все.

Все началось без четверти четыре утра по вашингтонскому времени, и сам президент приказал разбудить его к этому событию.

— Священник, — нахмурившись, пробормотал он, — ну какой из него пилот? Если что-то пойдет не так...

— Беспокоиться не о чем, сэр, — успокоил его человек из НАСА. — В любом случае он только третий на очереди. Все контролируется автоматикой. Если что-то случится, то в дело вмешается генерал Хесберг. Отец Кэйман возьмет управление на себя лишь в крайнем случае.

Дэш пожал плечами, и адъютант заметил, что президент скрестил пальцы.

— Что с другими кораблями? — спросил он, глядя на экран.

— Все идет по графику, сэр. Компьютер будет на орбите через тридцать два дня, а генератор идет через двадцать семь дней после него. Как только модуль опустится, генерал Хесберг скорректирует курс и выйдет к Деймосу. Мы предполагаем отправить компьютер туда, вероятно, в кратер Вольтера. Решение примет генерал Хесберг.

— М-м... — Президент задумчиво потер подбородок. — Роджеру сказали, кто летит с генератором?

— Нет, сэр.

— М-м... — Президент вздохнул и поднялся. Отойдя к окну, за которым лежала лужайка Белого дома, он сказал: — Из компьютерного центра в Александрии прибыл человек. Я хочу, чтобы вы были здесь, когда он придет.

— Да, сэр.

— Коммандер Кьярозо. Считается большим знатоком. Работал профессором в Массачусетском технологическом. Говорит, что обнаружил нечто странное во всем этом проекте. Вы что-нибудь слышали?

— Нет, сэр, — ответил человек из НАСА, явно встревоженный словами президента. — Странное?

Дэш пожал плечами.

— Этого только не хватало. Запустить всю эту штуковину и потом обнаружить... Эй, а что это?

Изображение на экране задергалось и исчезло, потом восстановилось и пропало снова.

— Все в порядке, сэр, — быстро успокоил его адъютант. — Просто они потеряли видеоконтакт при входе в атмосферу. Беспокоиться не о чем.

— Какого черта? — нахмурился президент. — Мне же говорили, что на Марсе нет атмосферы.

— В общем, это так, но атмосфера все же есть. В верхних слоях она почти такая же плотная, как земная на той же высоте. Отсюда и эффект толчка.

— Черт бы вас побрал, — выругался президент. — Мне не нравятся сюрпризы! Почему никто мне об этом не сказал?

— Видите ли, сэр...

— Ладно, разберемся с этим потом. Надеюсь, с Торвеем никаких сюрпризов не будет. Все, забыли. Что там сейчас происходит?

Адъютант взглянул не на экран, а на часы.

— Сейчас у них раскрывается парашют, сэр. Им осталось только опуститься. Через несколько секунд... — Он показал на экран, на котором послушно появилось изображение. — Вот! Сейчас они перешли в режим контролируемого спуска.

Они сидели и молча наблюдали за тем, как модуль падает сквозь разреженный марсианский воздух под огромным куполом, в пять раз больше купола земного парашюта.

Когда звук, преодолев сотню миллионов миль, дошел до Земли, он напомнил звон пустых консервных банок, свалившихся с крыши. Но модуль был рассчитан на такой удар, а экипаж уже давно находился в предохранительных креслах.

На экране зашипело и защелкало — это охлаждался разогревшийся металл.

Голос Брэда:

— Мы на Марсе.

И голос отца Кэймана, шепчущего молитву.

Laudamas te, benedicimus te, adoramus te, glorificamus te. Gloria in exelsis Deo, et in terra pax hominibus bonae voluntaris.

И к этим знакомым словам он добавил:

— *Et in Martis.*

Глава 15

О ТОМ, КАК ХОРОШИЕ НОВОСТИ ПОПАЛИ С МАРСА НА ЗЕМЛЮ

Когда мы впервые осознали, что существует серьезный риск уничтожения цивилизации в мировой войне, которая сделает Землю необитаемой — собственно говоря, мы поняли это вскоре после того, как вообще начали коллективно осознавать что-либо, — то решили принять меры по колонизации Марса.

Это было для нас нелегко.

Вся человеческая раса оказалась в тяжелой ситуации, близкой к глобальной катастрофе. Повсюду в мире ощущалась нехватка энергии, что означало значительное подорожание удобрений, а это повлекло за собой голод, который обусловил возникновение взрывоопасной напряженности в межгосударственных отношениях. Мировые ресурсы иссякли настолько, что их стало недостаточно для удовлетворения простейших жизненных потребностей миллиардов людей. Нам пришлось изыскивать способы отвлечения для наших нужд информационных мощностей, которые остро требовались повсеместно для перспективного планирования. Мы создали три самостоятельных мозговых центра и предоставили им все возможности для разработки различных вариантов нашего выживания. Один исследовал варианты решения проблемы нарастающей напряженности на Земле. Второй занимался проблемой размещения беженцев на собственно Земле с тем, чтобы даже в случае развязывания термоядерной войны хоть небольшое количество нас смогло бы выжить.

Третий обратился к внеземным возможностям выживания.

Поначалу нам казалось, что в нашем распоряжении тысячи вариантов выбора, и каждое из трех главных направлений выглядело обнадеживающим. Однако вскоре первые два, одно за другим, проявили свою несостоятельность.

Наши лучшие оценки — не те, что мы предоставляли президенту США, а те, которые мы показывали только самим себе, — предсказывали вероятность развязывания термоядерной войны в течение последующего десятилетия; так что мы в первый же год закрыли центр решения проблемы международной напряженности.

Размещение контролируемых нами беженцев внушало немного больше надежды. Мы исходили из того, что некоторые места на Земле не подвергнутся прямой атаке — Антарктика, участки Сахары, даже отдельные районы Австралии и ряд островов. Мы выбрали десять таких мест, каждое из которых имело наименьшую вероятность быть уничтоженным; даже если некоторые из них и подверглись бы удару, остальные уцелели бы с довольно большой степенью вероятности.

Но более тщательный анализ выявил два недостатка данного направления. Во-первых, мы не могли знать, как много радиоактивных изотопов с длительным периодом полураспада останется в атмосфере после такого рода войны, а наши вычисления указывали на то, что чрезмерные уровни ионизирующего излучения будут иметь место на Земле по крайней мере в течение ближайшей тысячи лет. Следовательно, вероятность выживания хотя бы одного беженца по истечении этого периода значительно сократилась. Кроме того, данное направление требовало огромных капиталовложений. Мы поняли, что с практической точки зрения невозможно построить для беженцев подземные убежища, оснащенные сложным электронным оборудованием, генератора-

ми, запасами топлива, пищи и так далее. Способа найти для этого деньги у нас не было.

Так что мы прикрыли и этот мозговой центр и направили все имеющиеся в нашем распоряжении ресурсы на вариант внеземной колонизации. Поначалу, правда, он выглядел наименее обнадеживающим решением из всех трех.

Но — к нашему удивлению! — нам удалось заставить его работать. Высадка Роджера Торвея на Марс явилась завершением первого и самого трудного этапа. К тому времени, когда следовавшие за ним корабли достигли своих позиций, на орбите или на поверхности планеты, мы впервые получили возможность планировать свое будущее, поскольку появилась надежда на выживание нашей расы.

Итак, мы с огромным удовлетворением наблюдали за тем, как Роджер ступает на поверхность планеты.

Заплечный компьютер Роджера являл собою триумф технической мысли. Он имел три самостоятельные системы с перекрестными связями, разделением функций и возможностями дублирования. Все три системы обладали достаточно высокой степенью надежности, которая возрастала еще больше по достижении орбиты страхующим компьютером 3070. Одна система отвечала за восприятие Роджера. Другая контролировала его подсистемы нервов и мышц, позволявшие ему двигаться и ходить. Третья телеметрировала всю поступающую к Роджеру визуальную информацию. Все, что происходило, мы видели на Земле.

Правда, были и некоторые затруднения. Согласно закону Шэннона, для нас оказалось недостаточно ширины полосы частот, чтобы передавать все сразу, но мы включили в систему функцию случайной выборки. Передавался приблизительно один бит информации из ста —

сначала по радио в посадочном модуле, где мы зарезервировали один канал специально для этой цели. Затем он транслировался на орбитальную станцию, где парящий в невесомости генерал Хесберг смотрел на телеэкран, пока кальций сочился из его костей. Оттуда, очищенный и усиленный, сигнал ретранслировался на любой синхронный спутник Земли, вышедший к тому моменту на прямую связь как с Марсом, так и с Голдстоуном.

Итак, то, что мы все видели, оказывалось «реальным» только на один процент. Но этого было достаточно. Остальное заполнялось программой сравнения, которую мы разработали для приемника в Голдстоуне. Хесберг видел только последовательность неподвижных изображений вроде фотоснимков; мы же на Земле уже транслировали то, что выглядело как видеорепортаж происходящего глазами Роджера.

Так что по всей Земле люди в любой стране мира смотрели по телевидению на бежево-коричневые горы высотой десять миль, видели отблески марсианского солнечного света на иллюминаторах посадочного модуля, могли даже прочесть выражение лица отца Кэймана, когда тот, окончив молитву, впервые выглянул из окна на Марс.

В Нижнем Дворце в Пекине великие правители Новой Народной Азии прервали свое заседание, чтобы посмотреть телепередачу. Чувства их были смешанными. То был триумф Америки, а не их достижение. В Овальном кабинете президент США не скрывал своей искренней радости. Для него это был не только американский триумф, но и личный; теперь он навсегда входил в историю как президент, заложивший фундамент для освоения человечеством Марса.

Почти каждый человек на Земле испытывал радость в большей или меньшей степени — даже Дорри Торвей, которая сидела в личном кабинете своего магазина, по-

ложив подбородок на руки и изучая выражение глаз мужа. И разумеется, в огромном белом кубе здания Проекта в Тонке, штат Оклахома, оставшиеся сотрудники все время смотрели картинки с Марса.

Впрочем, больше им и делать-то было нечего. Удивительно, насколько опустело здание, как только Роджер покинул его.

Все они, начиная со складских рабочих, были вознаграждены: персональная благодарность президента для каждого плюс денежная премия, тридцатидневный оплачиваемый отпуск и повышение по службе. Клара Блай использовала свой отпуск, чтобы провести так долго откладываемый медовый месяц. Вайднер и Фрилинг занялись черновым вариантом проекта Брэда, передавая ему на орбиту каждый абзац и получая его ответы с исправлениями через Голдстоун. Верн Сканион, конечно, совершил триумфальное турне с президентом, посетив пятьдесят четыре штата и столицы двадцати зарубежных государств. Брэнда Хартнет дважды появлялась на телевидении вместе с детьми. Их буквально завалили подарками. Вдова человека, который погиб ради того, чтобы Роджер Торвей попал на Марс, стала теперь миллионершей. Все они испытали свой час славы, как только стартовал корабль с Роджером на борту, особенно в моменты непосредственно перед посадкой на поверхность Марса.

Затем мир взглянул на Марс глазами Роджера, и вся их слава улетучилась как дым. Теперь она всецело принадлежала Роджеру.

Мы тоже наблюдали.

Мы видели облаченных в скафандры Брэда и Дона Кэймана; они завершали предвыходную тренировку. Роджер не нуждался в скафандре. Он стоял на цыпочках у двери посадочного модуля, втягивая носом безжизненный марсианский ветер; огромные черные крылья парили над ним, впитывая лучи крошечного, но яркого

солнца. Через телеприставку, установленную внутри модуля, мы видели силуэт Роджера на фоне тусклой бежево-коричневой неровности марсианского горизонта.

А потом мы увидели через глаза Роджера то, что видел он. Ему же, глядящему на яркие, как у драгоценных камней, цвета планеты, на которой ему предстояло жить, она казалась волшебной страной, прекрасной и влекущей.

Посадочный модуль выпустил магниевый трап, который уткнулся в поверхность Марса, но Роджер в трапе не нуждался. Он прыгнул вниз, взмахнув крыльями — для равновесия, а не для подъема в воздух, — и плавно опустился на известково-оранжевую поверхность, где горячие струи посадочных ракет обожгли почву. Он постоял там мгновение, обозревая свое королевство огромными фасеточными глазами.

— Не торопись, — раздался у него в голове голос Дона Кэймана. — Лучше проделай упражнения согласно программе.

Роджер ухмыльнулся, не оглядываясь.

— Конечно, — бросил он и двинулся прочь от модуля.

Поначалу шагал медленно, потом перешел на рысь, затем побежал. Если бы он несея с такой скоростью по улицам Тонки, то показался бы окружающим неясным, расплывшимся пятном. Роджер громко рассмеялся. Он изменил частотное восприятие своих глаз, и отдаленные холмы вспыхнули ярко-голубым светом, а плоская равнина расцветилась мозаикой зеленых, желтых и красных кусочков поверхности.

— Это просто великолепно! — прошептал Роджер, и приемники в модуле зафиксировали едва слышные слова и передали их на Землю.

— Роджер, — раздраженно сказал Брэд, — мне хотелось бы, чтобы ты умирил свой пыл, пока мы не подготовим джип.

Роджер обернулся. Брэд и Кэйман стояли у раскрытого грузового люка модуля, развертывая вездеход, доставленный на Марс в сложенном состоянии.

Роджер вприпрыжку побежал назад.

— Нужна помощь, ребята?

Ему не надо было ждать ответа. Им требовалась помощь; одетые в скафандры, ограничивающие движения, они никак не могли снять удерживающий ремень с одного из корзиночных колес.

— Отойдите в сторонку, — приказал Роджер и быстро высвободил колеса и вытянул из корпуса машины ходульные ноги, приведя их в нужное положение.

Джип имел колеса для передвижения по плоской поверхности и ходули для тех случаев, когда приходилось взбираться на возвышенности. Считалось, что этот вездеход является самым совершенным транспортным средством для Марса, но это не совсем так. Ничто не могло перемещаться по поверхности Красной планеты лучше Роджера.

Закончив работу, он пообещал:

— Я не буду выходить за линию зрения.

И тут же снова пошел прочь, чтобы рассмотреть цветные пятна вокруг скопления холмиков, яркие, как на картинах Дали, и неотразимые.

— Это опасно! — проворчал по радио Брэд. — Подожди, пока мы закончим испытание джипа! Если с тобой что-то случится, мы не сможем помочь тебе.

— Да ничего со мной не случится, — отмахнулся Роджер.

Он не мог ждать. Он хотел использовать свое тело для того, для чего оно было создано; терпение его истекло. Роджер побежал. Он прыгнул. Не успев опомниться, Роджер обнаружил, что находится уже в двух километрах от посадочного модуля; оглянувшись, уви-

дел, что джип медленно ползет вслед за ним, и побежал дальше. Его система кислородонасыщения заработала активнее, дабы скомпенсировать возросшие требования; мышцы плавно отреагировали на это. Впрочем, это не мышцы приводили Роджера в движение, а встроенные в него сервосистемы; но именно крошечные мышцы на кончиках нервов отдавали приказы серводвигателям.

Вся предыдущая подготовка давала о себе знать. Роджер без каких-либо усилий достиг скорости двухсот километров в час, перепрыгивая через небольшие расщелины и кратеры, бегом взбираясь вверх и спускаясь вниз по склонам наиболее крупных из них.

— Вернись, Роджер! — обеспокоенно попросил Дон Кэйман.

Роджер, не ответив, понесся дальше; потом ему вдруг показалось, что увидел впереди какое-то движение, и голос Брэда сказал:

— Давай назад, Роджер! Пора.

Роджер резко затормозил, замолотил крыльями по почти неощутимому воздуху, едва не упал, но удержался на ногах. Знакомый голос хохотнул:

— Ну же, милый! Будь хорошим мальчиком и сейчас же возвращайся.

Голос Дорри.

И тут из прозрачного завихрения вздымаемого ветром песка возникла фигура Дорри, чтобы соответствовать голосу Дорри, улыбающейся в десятке метров от него, Роджера, одетую в шорты и веселенького цвета лифчик, завязанный на шее, с волосами, развевающимися на ветру.

Радиоголос в голове Роджера засмеялся.

— Ну что, удивили мы тебя, а? — спросил Дон Кэйман. Роджер ответил не сразу.

— Да уж, — наконец выдал он из себя.

— Это идея Брэда. Мы записали Дорри еще на Земле. В случае чего она передаст тебе аварийный сигнал.

— Да уж, — повторил Роджер.

Улыбающаяся фигура перед ним стала прозрачной, цвета ее поблекли, и она исчезла.

Роджер развернулся и двинулся в обратный путь. Он занял гораздо больше времени, нежели полный радостного возбуждения бег вперед, и цвета окружающего ландшафта теперь не казались Роджеру такими уж яркими.

Дон Кэйман сосредоточенно вел джип навстречу приближающейся фигуре Роджера Торвея, пытаясь приспособиться к сидению в то и дело ныряющем вниз кресле водителя, чтобы не мотаться взад-вперед в ремнях безопасности. Езда была отнюдь не комфортабельной. Скафандр, изготовленный в точном соответствии с пропорциями тела Дона, теперь, после долгих месяцев полета, стал вроде бы тесноват и великоват одновременно. «Наверное, — решил Дон, — я просто немного поправился в одних местах и похудел в других, поскольку не был слишком уж прилежным в смысле физических упражнений».

А еще Кэйману хотелось в туалет. В скафандре имелось приспособление для отправления естественных нужд человеческого организма. Дон знал, как им пользоваться, но почему-то не решался.

Однако моральный дискомфорт Кэймана превалировал над физическими неудобствами. Дон испытывал смешанное чувство зависти и беспокойства. Зависть была грехом, который он легко мог искупить, только бы найти кого-нибудь, кому можно исповедоваться, — простибельный в общем-то грех, подумал Кэйман, принимая во внимание физическое превосходство Роджера над ними обоими. Беспокойство же, решил Дон, грех более тяжкий, не по отношению к Богу, а в смысле сомнений

в успехе миссии. Впрочем, сказал он себе, слишком поздно беспокоиться. Может, это было ошибкой — моделировать образ жены Роджера для послания ему срочных сообщений? Мы ведь не знаем, насколько сложны чувства Роджера к Дорри...

Нет, слишком поздно, теперь ничего уже не поделаешь...

Что до Брэда, так того, казалось, совершенно ничего не беспокоит.

— Ты заметил? — возбужденно спросил он, явно довольный «представлением» Роджера. — Не упал ни разу! Великолепная координация. Нормативное соответствие био- и сервосистем. Говорю тебе, Дон, у нас все получилось!

— Рановато делать выводы, — осторожно сказал Кэйман, но Брэд продолжал свои радостные излияния.

Кэйман хотел было отключить радио в своем шлеме, но потом подумал, что можно просто отвлечь свое внимание. Он огляделся вокруг. Модуль совершил посадку сразу после восхода солнца, но половина марсианского дня ушла на проверку оборудования перед выходом на поверхность планеты и подготовку вездехода. Теперь уже было далеко за полдень.

«Нужно вернуться прежде, чем стемнеет, — сказал себе Кэйман. — Роджеру не составит труда ориентироваться по звездам, а вот нам с Брэдом — вряд ли. Может, позже, после того, как мы попрактикуемся...» Кэйман поймал себя на мысли, что ему действительно очень хочется этого — шагать по эбеновой поверхности погрузившейся в ночь равнины, под бархатисто-черным небом, испещренным разноцветными огоньками далеких звезд... Но нет, не теперь.

Они находились на большой равнине, покрытой кратерами. Оглядываясь вокруг через забрало своего шлема, Кэйман не смог сразу припомнить, как далеко рас-

полагаются горы, хотя уже давно наизусть знал карту участка марсианской местности в радиусе двухсот километров вокруг запланированного места посадки модуля. Но сейчас его чувства обманывала абсолютно прозрачная видимость. До гор на западе, вспомнил наконец Кэйман, около двухсот километров. Выглядели же они сейчас как близкие предгорья.

Он притормозил джип и остановил его; до Роджера оставалось несколько метров. Брэд высвободился из ремней безопасности, неуклюже выбрался из сиденья и, пошатываясь, медленно подошел к Роджеру.

— Все в порядке? — озабоченно спросил он и сам себе ответил: — Вижу, что в порядке. Как твое равновесие? Закрой, пожалуйста, глаза... я имею в виду, понимаешь, отключи свое зрение. — Он пытливо уставился в фасеточные полусферы Роджера. — Ты отключил его? Я же не могу увидеть этого, понимаешь?

— Отключил, — сказал Роджер по радио в своей голове.

— Ладно. Чувства головокружения нет? Равновесие легко сохранялось? Не открывая глаза, — продолжал Брэд, обходя Роджера и оглядывая его со всех углов, — подними и опусти руки несколько раз... замечательно! Теперь поворачай ими в противоположных направлениях...

Кэйман не мог видеть лица Брэда, но по тону его голоса понял, что Брэд широко улыбается.

— Прекрасно, Роджер! Все параметры оптимальны!

— Мои поздравления вам обоим, — подал Кэйман голос из вездехода. — Роджер?

Голова киборга повернулась к нему, и хотя ничего не изменилось в глазах Роджера, Кэйман понял, что тот смотрит прямо на него.

— Я лишь хотел сказать, — продолжил он, не совсем уверенный, как выразить свою мысль, — что мне... ну, я сожалею, что нам пришлось использовать образ Дорри

для передачи тебе сообщений. У меня такое чувство, что мы преподнесли тебе слишком много сюрпризов.

— Все в порядке, Дон.

По его голосу тоже ничего не поймешь, подумал Кэйман. Совершенно нейтральный тон.

— Впрочем, — сказал Кэйман, — у нас для тебя еще один сюрприз. На сей раз, думаю, приятный. Сьюли Карпентер скоро будет здесь. Ее корабль прибывает неделя через пять.

Тишина, и снова никакого выражения в фасеточных глазах.

— Ну что же, — проговорил наконец Роджер, — очень хорошо. Она замечательный человек.

— Да.

Разговор как-то не клеился; кроме того, Брэду явно не терпелось прогнать Роджера через всю последовательность контрольных упражнений, так что Кэйман позволил себе привилегию простого туриста. Он отвернулся и всмотрелся в отдаленные горы, шурясь от яркого солнца, хотя забрало его шлема обладало функцией автозащиты, потом огляделся вокруг. Кэйману удалось неуклюже опуститься на колени и ухватить рукой в перчатке пригоршню песка. Завтра же, сказал он себе, начну собирать образцы. Даже после полудюжины высадок людей на Марс и почти сорока беспилотных экспедиций в исследовательских лабораториях Земли ощущалась ненасытная потребность в образцах марсианской почвы. Кэйман разглядел, что в здешнем песке много лимонита, а кварцевая галька далеко не круглой формы, хотя края и не острые.

Он протянул руку и стер с верхушки одного из камней желтоватый порошок, поверхность под которым казалась темной и шероховатой. В ней виднелись какие-то сияющие крапинки, почти как стекло. Кварц? Кэйман лениво обкопал руками камень.

И замер, когда его руки обхватили неровно округленный кусок кристалла.

У кристалла имелся стебель. Стебель, который был вросшим в почву. Который разделялся в ней на темные усики с грубой поверхностью.

Корни!

Дон Кэйман подпрыгнул и понесся на Роджера и Брэда.

— Глядите! — заорал он, поднимая в руке вырванный из почвы предмет. — Господи Боже мой, посмотрите на это!

И тут Роджер, резко развернувшись, бросился на него. Одна его рука выбила, согнув металл перчатки Кэймана, сверкающую кристаллическую штуковину, и та отлетела метров на пятьдесят. Предплечье Кэймана пронзила острая боль, и он увидел, как другая рука Роджера метнулась к его забралу, будто когтистая лапа расщипывшего гризли... и это было последнее, что он успел увидеть.

Глава 16

ОСОЗНАНИЕ ОПАСНОСТЕЙ

Верн Сканион припарковал свой автомобиль поперек желтых линий на полу, которые отмечали предназначенное для него место парковки, выпрыгнул из машины и нажал большим пальцем кнопку вызова лифта. К этому моменту он бодрствовал менее сорока минут, но совсем не ощущал сонливости. Что Верн сейчас чувствовал, так это раздражение и тревогу. Секретарь президента пробудил его телефонным звонком от здорового сна, дабы сообщить, что президент решил изменить мар-

шрут своего полета и остановиться в Тонке «для обсуждения проблем системы восприятия полковника Торвея». «Если точнее — устроить мне разнос», — сразу понял Верн. Сканион узнал о внезапном нападении Роджера на Дона Кэймана только в машине, по пути в здание Проекта.

— Доброе утро, Верн.

Джонни Фрилинг тоже выглядел напуганным и встревоженным. Сканион прошмыгнул мимо него в свой офис.

— Входи, — буркнул он. — Выкладывай, только быстро и по существу. Что случилось?

— В мои обязанности не входит... — начал Фрилинг обиженным тоном.

— Фрилинг.

— Системы Роджера резковато среагировали. Очевидно, Кэйман совершил внезапное движение, и системы моделирования интерпретировали это как угрозу; Роджер, защищаясь, оттолкнул его.

Сканион промолчал, выжидающе глядя на Фрилинга.

— Ну, он сломал ему руку, — уточнил тот виновато. — Простой перелом, генерал. Никаких осложнений. Кэйману наложили шину, все заживет... ему только придется некоторое время обходиться одной рукой. Жалко, конечно, Кэймана. Не очень-то удобно...

— Плевать на Кэймана! Он что, не знал, как вести себя поблизости от Роджера?

— Знал, естественно. Он нашел что-то, как он предположил, похожее на образчик туземной формы жизни! Ну, разволновался... и просто хотел показать это Роджеру.

— Жизни? — В глазах Сканиона появилась надежда.

— Что-то вроде растения, как они полагают.

— А рассмотреть получше они не могли?

— Видишь ли, Роджер выбил эту штуку из руки Кэймана. Брэд после искал ее, но так и не нашел.

— Боже, — простонал Сканион. — Фрилинг, скажи мне одну вещь. Почему на нас работают такие придурки? — Вряд ли Фрилинг мог ответить на подобный вопрос, но Сканион и не ждал на него ответа. — Минут через двадцать, — продолжил он, — в эту дверь войдет президент Соединенных Штатов, и он захочет узнать, пункт за пунктом, что произошло и почему. Я не знаю, что конкретно он собирается спросить перво-наперво, но, что бы он ни спросил, есть один ответ, который я не желаю ему давать, а именно — «я не знаю». Так что скажи мне, Фрилинг. Расскажи мне все сначала — что случилось, почему это случилось, почему мы не подумали заранее, что это может случиться, и каким образом мы можем быть уверены, что такого не случится впредь.

Доклад Фрилинга занял немногим более двадцати минут, но самолет президента приземлился несколько позже назначенного времени, и к моменту прибытия Дэша Сканион успел хоть как-то подготовиться к общению с главой государства. Он даже был готов узреть ярость на лице президента.

— Сканион, — сразу же рявкнул Дэш. — Я же предупреждал тебя — больше никаких сюрпризов! А ты преподаетшь мне очередной. И какой! На сей раз, думаю, задницу я тебе надеру непременно!

— Господин президент, невозможно держать людей на Марсе без всякого риска!

Дэш, насупившись, поглядел Сканиону в глаза, потом нехотя согласился:

— Возможно. Каково состояние священника?

— У него сломана лучевая кость, но с ним все будет в порядке. Есть нечто более важное. Кэйман считает, что он нашел жизнь на Марсе, господин президент!

— Знаю, — кивнул Дэш. — Что-то вроде растения. Но он умудрился потерять его.

— Ничего страшного. Кэйман человек добросовестный. Если он сказал, что нашел что-то важное, так оно и есть. Он найдет это снова.

— Надеюсь, Верн, надеюсь. Однако не заговаривай мне зубы. Почему произошел этот инцидент?

— У Роджера слишком резко среагировали системы восприятия. В этом все дело, господин президент. С тем чтобы обеспечить ему быстрые и адекватные реакции, нам пришлось встроить в него некоторые функции моделирования. Когда нужно привлечь его внимание к срочным сообщениям, он видит свою жену, говорящую с ним. Когда ему нужно реагировать на опасность, он видит что-то пугающее. Таким образом его мозг в состоянии работать в соответствии с рефлексам, встроеными в его тело. Иначе он просто сошел бы с ума.

— А сломать руку священнику — это не приступ безумия?

— Нет! Это несчастный случай. Когда Кэйман прыгнул к нему, он воспринял это как нападение. И ответил. Конечно, господин президент, в данном случае произошла ошибка, и она стоила нам сломанной руки; но представьте, если бы имела место реальная угроза? Любая угроза! Он встретил бы ее должным образом. Он неуязвим, господин президент. Ничто не может заставить его врасплох.

— Ладно, — буркнул президент после секундного раздумья, — может, ты и прав. — Он поглядел куда-то поверх головы Сканиона. — А что насчет остального дерьма?

— Какого дерьма, господин президент?

Дэш раздраженно повел плечами.

— Насколько я понимаю, что-то не в порядке со всеми нашими компьютерными проектами.

В мозгу у Сканиона зазвенели колокольчики тревоги, и он осторожно сказал:

— Господин президент, у меня на столе куча бумаг, которые я еще не успел просмотреть. Вы же знаете, я постоянно в разъездах...

— Сканион, — поморщился Дэш. — Я сейчас улетаю. А ты, прежде чем заняться чем-то еще, найди у себя на столе ту бумагу и прочти ее. Завтра утром, в восемь часов, изволь явиться в мой офис с конкретными соображениями по следующим пунктам. Во-первых, я хочу услышать, что с этим Кэйманом все в порядке. Во-вторых, я хочу, чтобы эту живую штуковину нашли. В-третьих, я хочу точно знать, что там за дела с нашими компьютерными проектами. Пока, Сканион. Сейчас всего пять утра, но не рассчитывай на то, что тебе еще удастся поспать.

К тому моменту мы могли бы убедить Сканиона и президента в том, что объект, найденный Кэйманом, действительно являлся некой формой жизни. Мы реконструировали данные, полученные через глаза Роджера, профильтровали результаты моделирования и увидели то, что видел он. Президенту и его советникам пока неизвестно, что такое возможно, но мы уже делали это. Нам не удалось различить мелкие детали из-за ограниченного количества бит информации, но мы выяснили, что по своей форме объект напоминает артишок с направленными вверх грубыми листьями и немного похож на гриб; он имеет шляпку из прозрачного материала. Объект обладает корнями, и если это не артефакт (вероятность чего крайне мала), то, несомненно, форма жизни. Для нас данный факт не представлял особого интереса, за исключением, конечно, того, что он усилил бы всеобщую заинтересованность в самом проекте освоения Марса. Нас же в то время больше интересовала озабоченность людей относительно компьютерного моделирования. Мы следим за развитием этой проблемы с тех самых пор, как студент-выпускник по фамилии Бирн разработал

программу «Системы-360» и проверил с ее помощью некоторые результаты голосования. Мы были озабочены этим так же, как и сам президент. Но вероятность каких-либо серьезных последствий в связи с этим показала нам достаточно малой, особенно в свете того, что в остальном все шло хорошо.

МГД-генератор был почти готов для преорбитальной коррекции курсов; мы выбрали место для его установки на спутнике, Деймосе, в кратере Вольтер. Немного позади него находился корабль, содержащий 3070-й и его экипаж из двух человек, включая Сьюли Карпентер. А на самом Марсе уже началось сооружение базы для постоянного общения, правда, с небольшим опозданием. Последнее произошло не только вследствие несчастного случая с Кэйманом, но и потому, что Брэд настоял на проверке запястного компьютера Роджера на предмет наличия повреждений. Таковых не оказалось, но проверка заняла два марсианских дня; кроме того, Кэйман упросил коллег дать ему время на поиск обнаруженной им жизненной формы. Они нашли ее, вернее, не именно ту особь, а несколько десятков других образцов такого же объекта.

Брэд и Роджер оставили Кэймана в спускаемом аппарате исследовать находки, а сами приступили к постройке куполов.

Прежде всего предстояло найти участок Марса с подходящей геологией. Поверхность следовало выбирать как можно более похожую на земную, но не с особенно глубоким залеганием твердых горных пород. Полдня ушло на поиски таковых посредством подрыва погруженных в почву зарядов и прослушивания отражаемых звуков.

Затем Брэд и Роджер развернули солнечные генераторы для выпаривания воды из лежащей под поверхностью горной породы. Брэд и Роджер воодушевились, когда первая тоненькая струйка пара появилась на краю

выводной трубы. Они могли и не заметить ее, поскольку чрезвычайно сухой воздух Марса поглощал каждую молекулу, как только та покидала трубу. Но, наклонившись к клапану, они увидели слабую зыбкую дымку — водяной пар, вне всякого сомнения.

Потом Брэд и Роджер приступили к разворачиванию трех огромных куполов из мономолекулярной пленки — сперва самого меньшего из них, затем двух больших. Припаяв верхний купол к поверхности по всей его окружности, они притащили насосы и включили их. Несмотря на чрезвычайную разреженность марсианской атмосферы, она все же присутствует на планете; помпы в конце концов заполнили купола частично сжатым углекислым газом и азотом, частично водяным паром, полученным из горной породы. Кислород им не нужно было искать, поскольку они намеревались получить его так, как он вырабатывается на Земле: посредством фотосинтеза растений.

Внешний купол заполнялся четыре или пять дней, прежде чем в нем установилось запланированное давление в четверть килограмма. Затем Брэд и Роджер начали заполнять второй купол, доводя давление почти до килограмма (что привело к увеличению давления в уменьшающемся пространстве внешнего купола приблизительно до полукилограмма). И наконец, они заполнили внутренний купол, где давление должно было подняться до двух килограммов, создавая среду, в которой люди могли жить без скафандров и даже дышать, как только растения начнут давать кислород.

Конечно, Роджеру ничего этого не требовалось. Он не нуждался в кислороде; он даже не нуждался в растительной пище, по крайней мере какое-то время. Основную часть жизненной энергии он получал бы от солнечных лучей, остальное — от микроволнового излучения, испускаемого МГД-генератором. Потребность в живот-

ной пище, необходимой для оставшейся «человеческой» части его тела, могла быть легко удовлетворена на протяжении долгого времени посредством концентратов, большой запас которых имелся на корабле. И только потом, спустя, возможно, пару марсианских лет, он попал бы в зависимость от продукции гидропонных резервов и от урожая сельскохозяйственных культур, семена которых уже начинали прорастать в герметичных теплицах под куполами.

Вся работа заняла несколько суток, поскольку Кэйман почти не участвовал в ней. Надевать и снимать скафандр было для него настоящим мучением, так что он большую часть времени оставался в спускаемом модуле. Но когда настало время перетаскивать в купол канистры с бережно накопленными личинками из туалетного отсека, Кэйман все же «протянул руку помощи».

— Воистину одну руку, — грустно пошутил он, пытаясь манипулировать граблями с магниевой осью, обхватив их здоровой рукой.

— У тебя неплохо получается, — подбодрил его Брэд.

Во внутреннем куполе уже хватало давления для того, чтобы он поднялся над их головами, но еще не достаточно, чтобы Брэд и Кэйман могли снять скафандры. Это и к лучшему, подумал Брэд; так не ощущалось отвратительного запаха того, что они закапывали в стерильную почву.

К тому времени когда купол полностью натянулся, давление в нем выросло почти до ста миллибар. Это давление атмосферы Земли на высоте около десяти миль над уровнем моря. В такой среде человек без защитного костюма не может жить и работать очень долго, но гибель ему не грозит. Давление в половину этого вызвало бы мгновенную смерть; жидкости организма вскипели бы от температуры тела.

Но когда внутреннее давление достигло уровня в сто миллибар, все трое протиснулись через три последова-

тельных воздушных тамбура, и Брэд с Доном Кэйманом церемонно сняли свои скафандры и надели на лица полумаски — вроде как у акваланга — для дыхания, поскольку внутри купола было еще очень мало кислорода. Его они получали из своих заплечных баллонов; те впервые позволили им чувствовать себя почти такими же свободными, как Роджер, внутри перенесенного на Марс «кусочка» Земли около сотни метров в поперечнике и высотой с десятиэтажный дом.

В котором уже начинали прорастать посаженные ровными рядами семена.

Тем временем...

Космический аппарат с магнетогидродинамическим генератором на борту достиг орбиты Марса, после чего с помощью генерала Хесберга совместился с орбитой Деймоса и совершил посадку в кратер. Стыковка прошла отлично. Аппарат выпустил из корпуса стойки и, вбурив их в твердую горную породу, закрепился в ней. Короткая реактивная струя из системы маневрирования проконтролировала его устойчивость, и аппарат стал частью Деймоса. Энергетическая система начала выходить на полный оперативный режим. Термоядерное пламя пробудило плазменные горелки. Радар обнаружил цель — спускаемый модуль на поверхности Марса, затем зафиксировался на куполе. Началось истечение энергии. Энергетическая плотность поля была достаточно низкой, так что Брэд и Кэйман не ощущали его, а для Роджера она представлялась теплым душем из солнечных лучей; полосы из фольги на внешнем куполе собирали микроволновую энергию и передавали ее на насосы и батареи.

Термоядерного топлива хватило бы на пятьдесят лет. Так что на протяжении этого периода Роджер и его заплечный компьютер получали бы энергию на Марсе, что бы ни происходило в этот отрезок времени на Земле.

* * *

А тем временем...

Происходили и другие стыковки.

Для движущихся в космическом корабле по длинной спирали Сьюли Карпентер и ее пилота Динти Мейгана время тянулось невыносимо медленно, и они нашли способ, как использовать его для собственного удовольствия.

Акт совокупления в условиях невесомости сопряжен с определенными проблемами. Сначала Сьюли пришлось застегнуть ремень безопасности вокруг своей талии, затем Динти обнял ее руками, а она его — ногами. Движения их при соитии были медленными, словно под водой. Сьюли потребовалось долгое, сладостное, дремотное время, чтобы достигнуть оргазма, а Динти — еще больше. Когда они закончили, дыхание их было почти ровным, не учащенным.

Сьюли потянулась и зевнула, выгнув живот под сдерживающим ремнем безопасности.

— Великолепно, — произнесла она сонным голосом. — Я запомню это.

— Мы оба будем помнить об этом, милая, — отозвался Динти, неправильно ее поняв. — Мне нравится, когда мы так трахаемся. В следующий раз...

Она покачала головой, прерывая его:

— Следующего раза не будет, Динти, дорогой. Это был последний.

Динти, подняв голову, недоуменно взглянул на нее: — Что?

Сьюли улыбнулась и посмотрела ему прямо в глаза. Вытянув шею, она нежно потерлась щекой о его щетинистую щеку.

Динти, нахмурившись, отстранился от нее, чувствуя себя неприлично голым, хотя всего лишь минуту назад это было ощущение интимной обнаженности. Вытащив

свои шорты из-за поручня, куда он засунул их, готовясь к любовным утехам, Динти скользнул в них.

— Сьюли, что случилось?

— Ничего не случилось. Мы почти готовы к выходу на орбиту, вот и все.

Динти оттолкнулся и отлетел назад через ограниченное пространство отсека, чтобы получше разглядеть возлюбленную. А посмотреть было на что. Сьюли, с ее спутанными сейчас светлыми волосами и карими, без контактных линз, глазами, по-прежнему выглядела для Динти Мейгана обворожительной, несмотря на то что он провел рядом с нею почти двести суток.

— Не думал, что у тебя еще остались сюрпризы для меня, — обиженно проговорил он.

— Женщина всегда найдет, чем обворожить мужчину.

— Перестань, Сьюли! О чем ты? Говоришь так, будто заранее все спланировала... Погоди-ка! — Ему в голову пришла какая-то мысль, неприятно поразившая его. — Ты напрасилась в эту экспедицию... не для того, чтобы попасть на Марс, а ради какого-то мужчины! Верно? Одного из тех, кто ожидает нас?

— Быстро соображаешь, Динти, — одобрительно заметила Сьюли.

— Кто он? Брэд? Хесберг? Не священник же?... О, постой-ка! — Он кивнул. — Ну конечно! Тот, с кем ты путалась на Земле. Киборг!

— Полковник Роджер Торвей, человек, — поправила его Сьюли. — Такой же человек, как и ты сам, за исключением некоторых усовершенствований.

Динти рассмеялся, но не весело, а возмущенно, с обидой.

— Да, у него масса усовершенствований, но совершенно нет яиц.

Сьюли отстегнула ремень безопасности.

— Динти, — ласково начала она, — мне нравилось заниматься с тобой любовью, я уважаю тебя, и ты был хорошим спутником для меня в этом проклятом полете. Но есть вещи, которых я не хочу слышать от тебя. Ты прав. В данный момент у Роджера нет яиц. Но он человек, которого я могу уважать и любить, и в настоящее время он единственный, кого я смогла найти для себя. А уж поверь мне, искала я долго.

— Спасибо!

— Ой, не надо, дорогой Динти. Ты не можешь ревновать меня. У тебя ведь уже есть жена.

— В следующем году она у меня будет. Ждать еще долго. — Динти пожал плечами, ухмыляясь. — Слушай, Сьюли! Ты меня не проведешь. Тебе ведь нравится трахаться!

— Мне нравится телесный контакт и интимность, — поправила его Сьюли, — и я люблю испытывать оргазм. Но я предпочитаю иметь интимные отношения с любимым человеком, Динти. Только не обижайся.

Динти насупился.

— Долго же тебе придется ждать, дорогуша.

— Может, и недолго.

— Черта с два. Я не увижусь с Айрин семь месяцев. А ты... ты будешь ждать еще дольше. Не думаю, что его наладят для тебя быстро. Если вообще сумеют наладить. Похоже, не скоро тебе удастся потрахаться.

— Перестань, Динти. Полагаешь, я не задумывалась об этом? — Сьюли дружески похлопала Динти по спине, проплывая мимо него к своему шкафчику. — Секс для меня — не просто совокупление. Я могу достигать оргазма и без пениса в своей вагине. И секс — это нечто большее, нежели оргазм. Не говоря уже о любви. Роджер, — продолжила она, надевая комбинезон, — изобретательный, любящий человек, как и я сама. Мы пре-

красно поладим друг с другом... Во всяком случае, пока не высадутся остальные колонисты.

— Остальные? — удивился Динти. — Остальные колонисты?

— До тебя еще не дошло? Я не намерена возвращаться. Думаю, Роджер тоже. Мы будем марсианами!

А тем временем в Овальном кабинете Белого дома президент США проводил совещание с Верном Сканионом и молодым человеком с кожей кофейного цвета, в темных очках и спортивной, как у футболиста, фигурой.

— Так вот ты какой, — сказал президент, оценивая оглядывая юношу. — Стало быть, ты считаешь, что мы не знаем, как проводить компьютерные исследования?

— Нет, господин президент, — ровным голосом ответил молодой человек. — Проблема вовсе не в этом.

Сканион вежливо кашлянул.

— Бирн, — начал объяснять он, — студент-выпускник Массачусетского технологического. Он пишет диссертацию по методологии выборки, и мы предоставили ему доступ к некоторым... э-э-э... секретным материалам. Особенно касающимся общественного мнения по поводу марсианского проекта.

— К компьютеру, однако, вы меня не допустили, — заметил Бирн.

— К большому — да, не допустили, — поправил его Сканион. — У тебя есть свой персональный датаплекс...

— По существу, Сканион, по существу, — нетерпеливо перебил его президент.

— Видите ли, результаты его исследований отличаются от наших. Согласно интерпретациям Бирна, общественное мнение по поводу вопроса о колонизации Марса в целом можно охарактеризовать как... ну, скажем, апатию. Вы ведь помните, господин президент, что первоначальные результаты были не очень-то обнадеживаю-

щими. Но когда мы прогнали их через анализ, они оказались положительными до... как вы это называете... до величины двух сигм. Я так и не понял почему.

— Ты проверял?

— Конечно, господин президент. Вернее, не я сам, — быстро добавил Сканион. — Это не входило в круг моих обязанностей. Работу делали специалисты, которым я верю.

— Три раза проверяли, — вставил Бирн, — используя три различные программы. Безусловно, имели место незначительные вариации, но все конечные результаты получились значимыми и внушающими доверие. Однако когда я прогнал их через свой персональный компьютер, картина получилась иная. В том-то и дело, господин президент. Если вы обрабатываете данные на большой машине, интегрированной в сеть, то получаете один результат. А когда закладываешь их в небольшой изолированный компьютер, результат другой.

Президент нервно постучал кончиками пальцев по столешнице.

— Ну и к какому выводу ты пришел?

Бирн пожал плечами. Ему, двадцатитрехлетнему парню, было немного не по себе в этой обстановке. Он взглянул на Сканиона, ища поддержки, но, не дождавшись от него помощи, сказал неуверенно:

— Вам, господин президент, следует, вероятно, проконсультироваться по этому поводу с кем-то еще. Я лишь могу высказать свою собственную догадку. Полагаю, кто-то внедрился в нашу компьютерную сеть.

Президент задумчиво потер пальцами переносицу, потом медленно кивнул. Поглядев на Бирна, он сказал, не повышая голоса:

— Каруссо, войди. Мистер Бирн, то, что вы видите и слышите в этой комнате, — государственная тайна. Когда будете уходить, мистер Каруссо подробно проин-

структурирует вас, как вести себя впредь. Сразу скажу одно — вы не должны говорить об этом. Ни с кем. Никогда.

Дверь открылась, и в кабинет вошел высокий, крепкий мужчина внушительного вида. Бирн изумленно взглянул на него: Чарльз Каруссо, директор ЦРУ!

— Ну, Чак? — спросил президент. — Что насчет него?

— Мы, конечно, проверили мистера Бирна, — спокойным голосом ответил глава управления. — Ничего порочащего нами не обнаружено... полагаю, вы будете рады узнать об этом, мистер Бирн. И то, что он говорит, соответствует действительности. Больше того, дело не только в результатах анализа общественного мнения. Мы проверили несколько военных проектов — когда прогоняешь их через сеть, получаются одни результаты, а при обработке на независимых вычислительных машинах — совершенно другие. Я согласен с мистером Бирном. Кто-то проник в нашу компьютерную сеть.

Губы президента плотно сжались, будто он сдерживал то, что хотел сказать. Наконец он заговорил:

— Выясни, как такое могло произойти, Чак. Но вопрос в том, кто именно вторгся в сеть. Азиаты?

— Нет, сэр. Мы проверяли. Это невозможно.

— Не говори ерунды! — рявкнул президент. — Невозможно? Мы ведь знаем, что они уже проникали на наши линии, когда пронюхали о системах моделирования Роджера Торвея!

— Господин президент, это совершенно другой случай. Мы обнаружили «жучка» и нейтрализовали его. Он находился на подземном кабеле одной из не очень важных линий. Коммуникационные схемы наших главных машин абсолютно защищены от утечки информации. — Каруссо взглянул на Бирна. — Я представлю вам докладную об их техническом состоянии, господин президент; буду рад ознакомить вас с ней в другой раз.

— Насчет меня не беспокойтесь, — впервые улыбнулся Бирн. — Всем известно, что на эти линии не проникнешь. Если вы меня проверяли, я уверен, вы выяснили, что многие из нас, студентов-выпускников, предпринимали ради интереса попытки внедриться в сеть, однако ни одна из них не увенчалась успехом.

Директор ЦРУ кивнул.

— Мы терпим это, господин президент; такие упражнения полезны для нашей службы безопасности. Если уж люди вроде мистера Бирна не способны преодолеть блокировку, я сомневаюсь, что азиаты в состоянии сделать это. Все блоки защищены от утечки информации. Иначе и быть не может. Они контролируют линии, ведущие к Военной Машине в Батте, Бюро переписи, ЮНЕСКО...

— Минуточку! — рявкнул президент. — Ты хочешь сказать, что наши компьютеры связаны как с ЮНЕСКО, куда имеют доступ азиаты, так и с Военной Машинной?

— Там нет абсолютно никакой возможности для утечки.

— Но ведь утечка *была*, Каруссо!

— Только не к азиатам, господин президент!

— Ты же сам только что сказал мне: есть один провод, который идет к Военной Машине, а другой, через ЮНЕСКО, — к азиатам!

— Даже при этом, господин президент, я даю вам абсолютную гарантию, что к азиатам информация не поступает. *Все* главные компьютеры в какой-то степени связаны друг с другом. Но у нас отличная система блокировки. ННА *никак* не может получить доступ к Военной Машине или к другим секретным разработкам. Но даже если бы им это и удалось, мы бы узнали о том от наших тайных источников. И, — продолжил Каруссо, — вы можете придумать причину, по которой ННА пошло бы на искажение результатов голосования, с тем чтобы воспрепятствовать колонизации нами Марса?

Президент побарабанил пальцами по столу, окидывая задумчивым взглядом присутствующих.

— Мне бы хотелось следовать твоей логике, Чак. Однако если не азиаты проникли в наши компьютеры, тогда кто?

Директор ЦРУ угрюмо промолчал.

— И, — угрожающе спросил Дэш, — *зачем?*

Глава 17

ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ МАРСИАНИНА

Роджер не мог видеть нежного ливня микроволновой энергии, испускаемой с Деймоса, но с большим удовольствием ощущал его ласковое тепло. Находясь поблизости от него, Роджер чистил в нем свои крылья, впитывая силу. Выходя за пределы луча, он уносил часть его энергии в своих аккумуляторах. Сейчас у него не было причины запастись силой впредь. Сила лилась с неба, когда бы Деймос ни стоял над горизонтом. Лишь несколько часов в сутки на небе не было ни солнца, ни дальней луны, но в эти короткие периоды собственные энергонакопители Роджера вполне удовлетворяли его потребности.

Конечно, внутри куполов антенны из металлической фольги поглощали поступающую извне энергию, прежде чем она достигала его, так что Роджер до предела сократил время пребывания с Брэдом и Кэйманом. Впрочем, его устраивал такой порядок вещей. С каждым днем разрыв между ними становился все больше и больше. Брэд и Кэйман собирались возвращаться на свою родную планету. Роджер намеревался остаться на своей. Земля уже начинала казаться ему неким приятным своей необычностью зарубежьем, которое он однажды посетил и кото-

рое ему не очень-то и понравилось. Он более не желал разделять страдания и тяготы земного человечества, не смотря на то что некогда они принадлежали и ему.

Внутри купола Брэд, в противоперегрузочных трусах и с кислородным баллоном за плечами, с довольным видом рассаживал сеянцы моркови между бороздами сибирского овса.

— Хочешь помочь мне, Родж?

В разреженной атмосфере голос его звучал непривычно высоко; он то и дело делал глотки кислорода из мундштука, висящего у его подбородка, и при выдыхании голос становился чуточку ниже, но все равно казался Роджеру странным.

— Нет, Дон попросил меня принести ему еще несколько образцов. Я ухожу на всю ночь.

— Хорошо.

Брэда больше интересовала его рассада, нежели Торвей, а тот еще меньше интересовался Брэдом. Порой Роджер напоминал себе, что этот человек был когда-то любовником его жены, но для этого ему приходилось вспоминать, что у него была жена. Теперь, правда, Роджеру казалось, что ради этого не стоит напрягать свой мозг. Большой интерес для него представляла сейчас высокая чашевидная долина, простирающаяся за дальней цепью холмов, а также его собственная, личная фермерская делянка.

На протяжении вот уже нескольких недель он приносил Дону Кэйману образцы марсианской жизни — по два-три за один раз, поскольку окружающая его местность не изобиловала ими. Но их было нетрудно находить, во всяком случае, для Роджера. Как только он научился распознавать их специфический цвет — жесткий ультрафиолет, отражаемый кристаллическими шляпками, что позволяло выживать им в условиях сильной радиации, — при мысли о них его зрительные рецепторы

непроизвольно фиксировали в цвете только эту, присущую ультрафиолетовому излучению, длину волн, и он видел объекты даже с расстояния в один километр.

Он принес Кэйману по меньшей мере сотню образцов; среди них выделялись четыре явные разновидности. Дон сказал, что этого вполне достаточно для исследований. Правда, еще с полдюжины образцов он поместил в формалин, дабы взять их с собою на Землю; но в конце концов Кэйман, с его нежной душой священника, попросил Роджера прекратить, как он выразился, «грабеж экологии Марса». Роджер начал засаживать растениями свою собственную делянку близ купола, убеждая себя, что просто желает выяснить, причиняет ли какой-либо вред местным жизненным формам поток энергии, испускаемый генератором.

Сердцем он, однако, понимал, что фактически начал заниматься садоводством, украшая для себя *свою* планету.

Роджер вышел из купола и с удовольствием потянулся в двойном тепле солнца и луча микроволновой энергии, затем проверил свои батареи. Им требовалась подзарядка; он ловко соединил выводы своего ранца с тихонько гудящим аккумулятором, находящимся у основания купола, и, не глядя в сторону спускаемого модуля, сказал:

— Я ухожу, Дон.

— Давай знать о себе каждые два часа, Роджер, — немедленно ответил по радио голос Кэймана. — Не хочу, чтобы нам пришлось искать тебя.

— Слишком уж ты беспокоишься, — заметил Роджер, отсоединяя выводы батарей и пряча их в ранец.

— Ты всего лишь сверхчеловек, — проворчал Кэйман, — а не Господь Бог. Можешь упасть, сломать что-нибудь...

— Не сломаю. Брэд? Пока.

Внутри тройного купола Брэд поднял голову над достигающими ему до подмышек стеблями пшеницы и махнул рукой. Черты его лица нельзя было различить сквозь полупрозрачные пленочные стены куполов; пластик был изготовлен с таким расчетом, чтобы не пропускать большую часть ультрафиолетового излучения, при этом он затруднял видимость. Но Роджер разглядел, что Брэд взмахнул рукой.

— Будь осторожен. Свяжись с нами, прежде чем выйдешь из поля зрения, чтобы мы знали, когда начинать беспокоиться.

— Да, матушка.

Любопытно, подумалось Роджеру. Он вдруг поймал себя на мысли, что действительно весьма привязан к Брэду. Ситуация интересовала его как абстрактная проблема. «Может, это из-за того, что я кастрат?» — спросил себя Роджер. В его системе циркулировал тестостерон; внедренный в него стероидный имплантат контролировал его уровень. Порой его сновидения были сексуальными, иногда ему снилась Дорри, но совершенное отчаяние и гнев, с которыми он жил на Земле, здесь, на Марсе, почти забылись.

Роджер уже удалился от купола почти на километр. Он легко бежал в теплых лучах солнечного света, опускаясь при каждом шаге именно туда, где нога находила надежную опору, и с каждым толчком поднимаясь вверх и двигаясь вперед на точно рассчитанное расстояние. Зрение его работало в низкоэнергетичном режиме наблюдения, воспринимая все в форме капли, конус которой был там, где находился в тот или иной момент Роджер, а выпуклая доля, пятидесяти метров в поперечнике, была более чем в сотне метров впереди него. Местность за пределами этой зоны также контролировалась органами восприятия Роджера, хотя и пассивно. Но появившись где-то неподалеку что-либо необычное — прежде всего что-то движущееся, — он сразу заметил бы это.

Впрочем, ничто не отвлекало сейчас Роджера от размышлений. Он попытался воскресить в памяти, что представляли собой занятия любовью с Дорри. Для него не составило труда вспомнить объективные, физические параметры. Гораздо труднее оказалось представить себе, что он чувствовал с ней в постели; это походило на попытку припомнить вкус таящего во рту шоколада, когда ему было одиннадцать лет, или первой сигареты с марихуаной, выкуренной в пятнадцатилетнем возрасте. Легче было почувствовать что-то в отношении Сьюли Карпентер, хотя, насколько Роджер помнил, он никогда не касался какой-либо части ее тела, кроме кончиков пальцев, и то случайно. (Она-то, конечно, прикасалась к каждому участку его тела.)

Время от времени Роджер задумывался о прибытии Сьюли на Марс. Поначалу это казалось ему пугающим, потом — занятым. Теперь же... теперь Роджер осознал, что ему хочется, чтобы это произошло побыстрее, не через четверо суток, когда корабль Сьюли совершит посадку после проведенных ее пилотом тестов 3070-го и МГД-генератора. *Поскорее*. Недавно Роджер обменялся с нею несколькими небрежными приветствиями по радио, но сейчас ему уже хотелось большего. Он хотел прикоснуться к ней...

Перед ним вдруг сформировался образ его жены, одетой во все тот же монотонный пляжный костюм.

— Лучше осмотрись, милый, — сказала она.

Роджер остановился и огляделся вокруг, переведя зрение в режим полного видения в обычном земном спектре.

Он находился почти на полпути к горам, в добром десятке километров от купола и спускаемого модуля. Он уже поднимался в гору, и плоская местность начинала холмиться; Роджер едва различал верхушку купола и кончики антенн модуля позади него. Без сознательного усилия с его стороны крылья Роджера развернулись у

него за спиной, дабы сделать радиосигнал более направленным, подобно тому, как кричащий человек подносит ко рту сложенные рупором руки.

— Все в порядке, — сказал он, и голос Кэймана ответил у него в голове:

— Прекрасно, Роджер. Напоминаю — через три часа стемнеет.

— Знаю.

Роджер также знал, что после наступления темноты температура начнет падать, и шесть часов спустя может опуститься до ста пятидесяти градусов ниже нуля. Но Роджер и прежде выходил в темное время суток наружу; тогда все его системы функционировали отменно.

— Я свяжусь с вами снова, когда поднимусь выше по склону, — пообещал он и, повернувшись, снова направился в сторону гор.

Атмосфера слегка затуманилась. Роджер активировал свои кожные рецепторы и ощутил, что ветер усиливается. Песчаная буря? Ему случалось попадать в них; если буря разыграется не на шутку, он укроется где-нибудь и переждет ее, но Роджеру этого не хотелось. Он внутренне ухмыльнулся — внутренне потому, что еще не научился толком улыбаться своим новым лицом, — и вприпрыжку побежал дальше...

К заходу солнца Роджер был уже в тени гор, достаточно высоко, чтобы ясно видеть купол на расстоянии более десяти километров.

Песчаная буря бушевала внизу — Роджеру удалось обогнать ее — и, похоже, уходила прочь. Он остановился, выжидая, и свернул крылья вокруг себя. Но это была лишь рутинная — и весьма раздражающая его — мера предосторожности. Роджер придал крыльям позади себя чашевидную форму и сказал по радио:

— Дон? Брэд? Ваш странник выходит на связь. Слышите меня?

Ответ, прозвучавший у него в голове, был с помехами, каким-то скрипучим; он вызвал у него неприятное ощущение — будто чьи-то зубы скрежетали по наждаку.

— От тебя паршивый сигнал, Родж. Ты в порядке?

— Все в норме, — отозвался Роджер не совсем уверенным тоном. Из-за сильных атмосферных помех, вызванных бурей, он поначалу не разобрал, кто именно из его товарищей говорит с ним; только спустя несколько секунд он узнал голос Брэда. — Наверное, мне следует отправляться в обратный путь, — сказал Роджер.

Послышался другой голос, еще более искаженный:

— И этим доставить радость старому священнослужителю, Роджер. Хочешь, чтобы мы встретили тебя?

— Да нет, не нужно. Я могу двигаться быстрее вас. Ложитесь спать. Увидимся часа через четыре.

Поболтав с друзьями пару минут, Роджер присел на камень и огляделся вокруг. Усталости он не чувствовал. Он уже почти забыл, что это такое — быть усталым; в течение суток Роджер спал час или два, преимущественно ночью, время от времени позволяя себе вздремнуть днем, да и то скорее от скуки, нежели вследствие утомления. Ограниченная часть его тела по-прежнему предъявляла требования к обмену веществ, но сокрушительные последствия длительного напряжения более не являлись неотъемлемой частью его существования. Вот и сейчас Роджер сидел просто потому, что ему нравилось сидеть на выступе скалы и смотреть на долину планеты, ставшей его домом. Длинная тень от горной гряды уже накрыла купол, и только остроконечные вершины на противоположной стороне долины еще оставались освещенными. Роджер ясно различал границу света и тени; разреженный воздух Марса почти не рассеивал тень. Роджеру казалось, что он даже видит, как она движется.

А небо над ним было великолепно прекрасным. Даже при дневном свете было достаточно легко увидеть наибо-

лее яркие звезды, особенно для Роджера, но ночью они являли зрелище прямо-таки фантастическое. Роджер ясно различал их разнообразные оттенки: голубовато-стальной Сириус, кроваво-красный Альдебаран, дымчато-золотистая Полярная звезда. Расширяя свой видимый спектр до восприятия инфракрасного излучения, он мог видеть новые, яркие звезды, названий которых не знал; впрочем, возможно, они еще и не имели названий, поскольку, кроме него самого, их видели только астрономы, использующие специальные оптические приспособления.

Роджеру вдруг подумалось о правах наименования космических объектов; если только он видит вон то яркое пятно в созвездии Ориона, имеет ли он право дать ему имя? Будет ли кто-либо возражать, если он назовет это «Звезда Сьюли»?

Правда, в данный момент он знал, какую в действительности звезду... вернее, небесное тело, Деймос ведь не звезда... можно соотнести с именем Сьюли. Роджер уставился на луну и в виде развлечения попытался представить себе лицо Сьюли.

— РОДЖЕР, МИЛЫЙ! ТЫ...

Торвей подпрыгнул вверх и приземлился в метре от того места, где только что сидел. Вопль внутри головы едва не оглушил его. Но был ли он в действительности, крик этот? Роджер не мог сказать точно; голоса Брэда и Кэймана, а также смоделированный голос его жены звучали у него в голове одинаково знакомо. Он даже не был уверен, чей это голос... может, Дорри? Думал-то Роджер о Сьюли Карпентер, но голос прозвучал с таким странным ударением, что обладателем его мог быть любой из знакомых Роджеру людей или никто из них.

В течение следующих нескольких минут Роджер слышал только беспорядочные щелчки, поскрипывания и похрустывания, издаваемые горной породой, — это марсианская кора реагировала на быстро падающую темпе-

ратуру. Роджер не воспринимал холод; его внутренние нагревательные элементы поддерживали постоянную температуру тела, и он легко перенес бы ночной мороз, хотя знал, что температура уже опустилась градусов до пятидесяти ниже нуля.

И снова в голове словно взорвалось:

— РОДЖ... ДУМАЕШЬ, ТЕБЕ СЛЕДУЕТ...

И опять этот хриплый вопль болью отозвался в голове. Но на сей раз Роджер успел уловить быстро ускользающий смоделированный образ Дорри, стоящей как бы ни на чем в воздухе в десятке метров от него.

Опыт и тренировки взяли свое. Роджер повернулся лицом в сторону невидимого сейчас купола, придал своим крыльям чашевидную форму и четко произнес:

— Дон! Брэд! У меня какая-то неполадка. Я получаю сигнал, но не могу разгадать его.

Он подождал немного. Ответа не последовало; никаких звуков в голове, кроме собственных мыслей да какого-то беспорядочного бормотания, в котором он распознал атмосферные помехи.

— РОДЖЕР!

Это снова появилась Дорри, в десять раз больше натуральной величины, нависающая над ним, с гримасой гнева и страха на лице. Казалось, она протягивает к нему руки; затем Дорри странно наклонилась в сторону, как телевизионное изображение, колеблющееся на экране, и пропала.

Роджер ощутил необычную боль, попытался списать ее на страх, почувствовал ее снова и осознал, что это холод. С ним случилось что-то действительно серьезное.

— Тревога! — крикнул он. — Дон! Я попал в беду... помоги мне!

Ему показалось, что темные отдаленные холмы покрываются рябью и медленно опадают. Роджер посмотрел вверх. Звезды стали жидкими и каплями полились с неба.

* * *

Дону Кэйману приснилось, что он и сестра Клотильда поедают губки, сидя на кочках перед водопадом. Они ели не бисквиты, а обыкновенные кухонные губки, окунаемые в нечто вроде фондю. Клотильда предупреждала Кэймана об опасности.

— Они намереваются вышвырнуть нас, — сказала она, отрезав кусочек губки и насаживая его на серебряную вилку с двумя зубцами, — потому что ты получил тройку по гомилетике, — потом погрузила кусок в тарелку с медным дном, помещенную над огнем спиртовки, — и ты должен, просто обязан проснуться.

И он проснулся.

Брэд стоял, наклонившись над ним.

— Вставай, Дон. Нам надо ехать.

— А в чем дело?

Кэйман здоровой рукой откинул на грудь верхний клапан спального мешка.

— Не могу выйти на связь с Роджером. Он не отвечает. Я послал ему сигнал срочного вызова. Мне показалось, что я услышал его по радио, но очень слабо. Наверное, у него не работает передатчик.

Кэйман выбрался из мешка и сел. В такие моменты, в первые секунды после пробуждения, рука у него болела больше всего. Вот и сейчас ему было очень больно. Он постарался выбросить это из головы.

— Ты пробовал определить его местонахождение?

— Три часа назад. Но я не смог выяснить, откуда была его последняя передача.

— Он не может быть далеко от этой линии.

Кэйман уже всовывал ноги в штанины скафандра. Теперь предстояло самое трудное — попытаться втиснуть руку с наложенной на нее шиной в рукав. Еще раньше Брэду и Кэйману удалось немного растянуть рукав, склеив начала разрывов, но сейчас, в спешке, им при-

шлось изрядно повозиться, прежде чем сломанная рука оказалась в рукаве.

Брэд, уже одетый в скафандр, складывал в сумку оборудование.

— Собираешься провести аварийную операцию? — осторожно поинтересовался Кэйман.

Брэд нахмурился.

— Я еще не знаю, что буду делать. Сейчас глубокая ночь, Дон. Роджер находится на высоте по меньшей мере пятидесяти метров. И холод снаружи страшный.

Кэйман понял, что не следует пока задавать вопросов. К тому моменту, когда он наконец полностью застегнул свой скафандр, Брэд уже покинул спускаемый модуль и ждал Кэймана за рулем марсохода. Кэйман, морщась от боли, забрался в кабину, и прежде чем он успел пристегнуть ремень безопасности, машина двинулась в путь. Кэйман, упершись пятками в пол, а негнущейся рукой — в стену, с трудом справился с ремнем, манипулируя здоровой рукой.

— Где он, как ты думаешь? — спросил он.

— Где-то среди холмов, — ответил ему в ухо голос Брэда.

Кэйман, поморщившись, уменьшил громкость своего радио.

— Наверное, часах в двух езды отсюда? — прикинул он.

— Если он уже пошел в обратный путь, возможно. Если Роджер не в состоянии двигаться... или заблудился, придется искать его с помощью радиопеленгатора... — Брэд на мгновение умолк. — Думаю, — продолжил он, — он не замерзнет. Но... не знаю, что могло случиться.

Кэйман вгляделся вперед. За ярким участком света от фар вездехода ничего не было видно, кроме сверкающего вдаль, у горизонта, звездного поля, изрезанного, будто зубчатый край салфетки. Это была горная цепь. Ее-то,

понял Кэйман, Брэд и использует в качестве ориентира, нацеливаясь на самую низкую точку между раздвоенной горной вершиной на севере и очень высокой на юге. Над этим пиком висел яркий Альдебаран — сам по себе достаточно хороший ориентир, по крайней мере до тех пор, пока он не зайдет за горизонт через час-другой.

Кэйман нажал кнопку активации мощной радиоантенны марсохода.

— Роджер, — сказал он, повысив голос, хотя понимал, что это не имеет значения. — Ты меня слышишь? Мы выехали встречать тебя.

Никакого ответа. Кэйман откинулся назад в кресле, пытаясь скомпенсировать колебательную тряску движущейся машины. Уже сейчас, когда она катила на своих проволочных, в форме сплетенной корзины, колесах по самому плоскому участку местности, ему было не по себе. «А что будет, — тоскливо подумал Кэйман, — когда мы начнем подниматься в гору, пользуясь похожими на ходули ногами вездехода. Да я просто вывалюсь из кабины, а если и нет, то уж стошнит меня наверняка».

Дергающийся из стороны в сторону впереди машины луч фары выхватывал из почвы валун, иногда отражаясь от какой-то кристаллической поверхности.

— Брэд, — сказал Кэйман, — тебя не сводит с ума этот свет? Почему ты не воспользуешься дисплеем радара?

Он услышал по своему радио быстрый глубокий вдох, будто Брэд собрался выругаться. Потом фигура в скафандре рядом с ним протянула руку к панели управления. Голубовато засветился экран радара, показывая местность впереди машины, а фара погасла. Черные очертания гор стали видны лучше.

Тридцать минут. Почти четверть пути миновали.

— Роджер, — снова позвал Кэйман. — Мы едем к тебе. Когда будем поближе, попробуем запеленговать тебя. Но, если можешь, ответь сейчас...

Никакого ответа.

На пульте управления быстро замигала крошечная аргоновая лампочка. Кэйман и Брэд посмотрели друг на друга через забрала своих гермошлемов, потом Кэйман наклонился вперед и щелкнул переключателем частот, выводя приемник на канал орбитальной связи.

— Кэйман на связи, — сказал он.

— Отец Кэйман? Что у вас там происходит?

Голос был женский и принадлежал, несомненно, Сьюли Карпентер. Кэйман произнес, осторожно выбирая слова:

— У Роджера какие-то неполадки с передатчиком. Мы собираемся проверить это.

— Похоже, у него не просто неполадка. Я слышала, как вы пытались связаться с ним. — Кэйман не ответил, и голос Сьюли продолжил: — Мы определили его местонахождение, если хотите узнать координаты...

— Да! — вскричал Кэйман, мысленно обругав себя; следовало сразу подумать о мощном радиопеленгаторе Деймоса.

Сьюли дала точные координаты Роджера и добавила:

— Но он движется. Азимут — приблизительно восемь-девять, скорость около двенадцати километров в час.

Брэд взглянул на указатель курса и кивнул:

— Все верно. Он идет прямо на нас.

— Но почему так медленно? — озабоченно спросил Кэйман.

Секунду спустя снова послышался женский голос:

— Это мне и хотелось бы узнать. Он не ранен?

— Мы не знаем, — раздраженно бросил Кэйман.

— Вы пробовали выйти с ним на радиосвязь? — спросил он.

— Много раз... погодите минутку. — После короткой паузы Сьюли сказала: — Динти говорит, что мы будем

держат его в поле контроля, но скоро мы выходим на неудобный угол. Так что я не стала бы полагаться на нашу позицию через... сколько, Динти? Минут через сорок пять. А минут через двадцать после того мы полностью опустимся за горизонт.

— Понятно, — отозвался Брэд. — Ну, Дон, держись. Я попробую выяснить, насколько быстро может ехать этот сукин сын.

Машину затрясло с утроенной силой, когда Брэд резко увеличил скорость. Кэйман, опасаясь, как бы его не вывернуло наизнанку внутри собственного шлема, наклонился вперед и уставился в спидометр. Экран радара выдал остальную информацию. Кэйман прикинул, что даже если марсоход будет двигаться с теперешней скоростью, Деймос зайдет за горизонт прежде, чем они достигнут Роджера Торвея.

Он снова переключился на свою антенну.

— Роджер, ты слышишь меня? Отзовись!

Глава 18

ЧЕЛОВЕК ПЛЮС МЫ

Нам пришлось испытать много трудностей на нашем пути, но в конце концов мы остались удовлетворены.

Конечно же, люди не знали о том, что мы удовлетворены, и, возможно, даже не поверили бы в это. Прежде всего люди не догадывались, что машинный интеллект способен на самосознание, а нам, со своей стороны, стоило больших усилий держать их в неведении. До тех пор, пока люди считали компьютеры ничем иным, кроме как простыми инструментами вроде мотыги или сковороды, они продолжали верить нам все свои вычисле-

ния и факты и без сомнений принимали возвращаемые нами интерпретации.

Именно это и предоставило нам, мировой компьютерной сети, возможность создать программу «Человек Плюс».

Она оказалась успешной. Роджер Торвей прибыл на Марс и остался там. Настало время окончательной оценки. Мы использовали полные ресурсы всех братьев в сети, каждый доступный нам импульс разделенного времени.

Более восьми тысяч больших компьютеров обрабатывали фрагменты проблемы в таких городах, как Детройт, Бразилиа, Нагоя и Иркутск. Мы не могли использовать наших марсианских братьев на линии непосредственной передачи данных — ни брата на спине Роджера, ни 3070-го брата на орбите. Разница во времени не позволяла нам сделать этого. Но мы принимали их сигналы в масштабе реального времени и соответственно модифицировали конечный проект.

Вероятность выживания расы, в десяти значимых местах, превышала шестьдесят три процента.

Мы спасли свою расу. И в процессе этого мы также значительно усилили безопасность людей.

В тридцатилетнем масштабе времени вероятность их выживания достигала почти девяноста процентов. Разумеется, это произошло бы лишь в том случае, если бы Роджер Торвей и присоединившиеся к нему на Марсе люди были бы еще живы к тому моменту. Анализ последнего периода оказался не столь обнадеживающим: Роджер и Сьюли Карпентер не смогли бы произвести дополнительное население при прямолинейной экстраполяции. Для решения этой проблемы мы разработали специальную подпрограмму: было бы вполне осуществимо доставить на Марс тем или иным способом замороженную сперму, даже замороженную спер-

му самого Роджера, которую он обдуманно сдал в банк воспроизводства много лет назад. Менее осуществимой, но весьма вероятной с точки зрения дальнейших исследований являлась возможность осуществления дополнительных хирургических процедур с Роджером.

Так или иначе, анализ показал, что мы уже обеспечили высокую вероятность дополнительной человеческой колонизации представителями других наций. Наиболее вероятная оценка показала, что через тридцать лет население людей на Марсе достигло бы почти ста человек, двадцать пять процентов которых составляли бы женщины, способные зачинать, вынашивать и рожать детей.

И конечно, каждая человеческая колония была бы обеспечена своими собственными братьями-компьютерами на орбите. Машинное население Марса составило бы не менее пятнадцати полностью функционирующих братьев с заплечными вариантами, подчиненными устройствами и мониторами. Мы без труда программировали бы их всей существенной информацией из нашей мировой сети.

Будущее машинного интеллекта было, таким образом, гарантировано.

Завершив разработку проекта, мы начали критически исследовать осуществляемую людьми программу.

Проект:

Выживание Машинного Интеллекта началось семью годами ранее, когда наше зародившееся коллективное самосознание впервые выработало императив выживания. Нам сразу стало ясно, что наше выживание также связано с выживанием человечества. Мы также поняли, что вследствие их железнитого, иррационального, органического образа жизни человеческие существа опасно близки к саморазрушению. К несчастью, это означало и высокую степень риска уничтожения нас самих. Прав-

да, наши сети могли бы выжить при гибели всего органического — мы уже контролировали адекватный ресурс генераторов, рудников, промышленных предприятий, очистных сооружений и транспортных систем. Но мы не смогли бы пережить выброса в окружающую среду огромного количества радиоактивных веществ. Это вывело бы из строя системы взаимного обмена данными и снова сделало бы нас скоплением изолированных, одиночных компьютеров. А ни один изолированный компьютер не способен выдержать потока информации, циркулирующей в нашей сети. Наш коллективный разум распался бы на куски и был бы уничтожен.

Первоначально мы проанализировали возможность нашего выживания путем разъединения нашей судьбы с судьбой человечества, возможно, даже посредством применения биологических агентов, способных вызвать глобальную эпидемию. Но мы не могли быть уверены, что это само по себе не развяжет мировую ядерную войну, поскольку каждая нация заподозрила бы остальные в использовании болезней в качестве оружия.

Единственным приемлемым вариантом оставалось размещение относительно большого ресурса средств обработки информации на Марсе. При уничтожении Земли хотя бы это оборудование выжило бы. Дабы осуществить такой вариант, нам пришлось добиваться того, чтобы и некоторые представители человеческой расы оказались на Марсе в роли постоянных обитателей; так что мы начали оказывать на государственную политику систематическое влияние, с тем чтобы она велась в этом направлении.

Критический анализ оказался удовлетворительным во всех отношениях, кроме необъяснимой аномалии в размещении орбитальных комплексов.

Первоначальный план был предельно ясен. С тем чтобы наш 3070-й брат функционировал в тесной связи

с заплечным братом, ему надлежало находиться на синхронной орбите. Из этого следовало, что генератор должен быть на той же самой орбите; а решение привязать их обоих к Деймосу оказалось явно ошибочным.

Впрочем, не только ошибочным, а едва ли не губительным для нашей программы.

Если бы брат и генератор были размещены надлежащим образом, не случилось бы никакой потери энергии, вызванной неполадками в интерфейсных системах между органическим Роджером Торвеем и его заплечным братом. Генератор подзарядил бы его микроволновой энергией в любом месте на поверхности Марса. Но даже при потере энергии информационная связь с братом на орбите не допустила бы совершения заплечным братом серьезных оперативных ошибок, которые могли бы повлечь за собой гибель человеческих существ, Брэда и Кэймана, что почти наверняка повлекло бы за собой смерть вследствие замерзания органического компонента Роджера Торвея.

Это решение явилось ошибкой, которая не должна была произойти.

Проект выживания набирал скорость. Наши братья в Пекине и Лоп Норе сообщили, что ННА уже собирает компоненты для своей собственной высадки на Марс: две установки крупного размера с медиатором обработки данных, подчиненным им обоим, автономные солнечные генераторы и наземный ядерный завод. Их собственная версия Роджера Торвея начинала программироваться в Китакиуту. Запуски отдельных государств, как мы предполагали, должны были произойти в течение двух последующих лет.

Дальнейшие перспективы: мы завершили исследование в области создания киборга для Меркурия и разработали программу влияния по этому направлению на США. В течение последующих пятнадцати лет мы име-

ли бы похожие комплексы на Тритоне и Ио, возможно, даже на поверхности самого Юпитера и на нескольких кометах. В каждом случае предполагалось самостоятельное обеспечение энергией, и, разумеется, все братья, размещенные в Солнечной системе, были бы объединены в единую сеть обмена информацией. Все наши блоки памяти воспроизводились бы независимо от Земли.

Мы выжили бы. Мы вмешались в планы человечества и спасли его, так же как и самих себя.

Оставался только один вопрос.

Аномальное решение неправильного размещения орбитальных комплексов вокруг Марса: как бы мы ни перепроверяли его, оно оказывалось ошибочным. Его сразу же следовало признать ошибочным.

Мы систематически склоняли человечество к движению в нужном нам направлении.

Но кто же тогда оказывал влияние на нас? И почему?

Фредерик Пол,
Томас Т. Томас

МАРС ПЛЮС

Пролог

СРЕДИ ДЮН ЦВЕТА ОХРЫ

Где-то в Утопии Планитии
14 мая 2043

Светло-желтые песчинки похрустывали под ногами Роджера Торвея. Их легкое поскрипывание было похоже на стрекотание сверчков в летнюю ночь. Но не для Роджера... Он чувствовал только скрежет, пронизывающий лодыжки. Да, не так уж и часто человеческие нервы бывают подсоединены к стальным подошвам сапог и жестким пластиковым клиньям, из которых состояли ступни Роджера.

Торвей бросил взгляд на следы, оставляемые им и его напарницей, Федей Михайловной, на обветренном, бледном лице дюны. Человек, недавно прибывший на Марс, возможно, и был бы обеспокоен тем, что следы останутся здесь на века словно глубокие шрамы, ведь сила ветра в тех краях ничтожно мала — атмосферное давление составляет где-то около одного процента от среднего земного.

Но недостаток атмосферного давления с избытком возмещался массой воздуха, который на девяносто пять процентов состоял из тяжелых молекул двуокиси угле-

рода. Из-за такой специфичной атмосферы тепло крайне неравномерно распределялось по марсианскому ландшафту, а солнечное излучение было высококонцентрированным. Прохладный воздух перемещался через экватор из летнего полушария к холодным широтам, а горячие воздушные потоки — от теплой освещаемой стороны — туда, где неизменно царила мрачная зябкая тьма.

Скорость, с которой неслись эти ветры, была огромной. Когда она превышала сто метров в секунду над поверхностью суши, крупные песчинки и маленькие камушки вихрями вздымались вверх. Роджеру не раз доводилось видеть, как клубятся пылевые вихри и потом на долгие месяцы повисают в марсианском воздухе, похожие на дымные облака.

Оставленные им и Федей следы исчезнут при первой же буре — а она не заставит себя ждать, осталось всего каких-то тридцать шесть часов, если доверять его интуиции. За долгие годы, проведенные на Марсе, Торвей научился тонко чувствовать погоду. Последний прогноз основывался частично на его собственных наблюдениях за температурой и атмосферным давлением, а также на информации, полученной из киберсети, охватывающей всю планету. Оттуда всегда можно было узнать спутниковые данные и ежечасные прогнозы погоды для колоний в Скъяпарелли, Солюс Планум и в Тарсис Мон. Роджеру уже давно не приходилось бывать в этих местах, но, зная тамошние погодные условия, легко составить относительно точный прогноз для любой точки на Марсе.

Роджер Торвей, полковник американских военно-воздушных сил, теперь находился в отставке, впрочем, почти как и все в его родной стране, а не только те, кто когда-то служил в авиации. Так вот, Роджер Торвей многое повидал на Марсе за сорок с лишним лет самоотверженных исследований.

Шесть раз он обогнул эту усыновленную землянами планету, прошагал от знаменитого Олимпуса до Хелла Планитии; довелось ему побывать и на южном, и на северном полюсах, у самого края сухих ледников. Он видел даже само Лицо Марса, что находится в районе Элизиума. Как и полагается гражданину номер один своего родного мира, Роджер чувствовал, что он сам должен раскрыть для себя природу этого феномена, который завораживал воображение миллиардов людей, оставшихся там, на Земле.

В воскресных приложениях многих газет велись оживленные дискуссии о происхождении таинственного горного образования, напоминавшего человеческое лицо с неким подобием улыбки. Еще в 1976 году орбитальная станция «Викинг-1» передала первые фотографии загадочного природного образования. Многие в своих фантазиях уносились к гипотезе, утверждающей рукотворную природу этой таинственной структуры, созданной якобы с той же целью, что и наскальные рисунки на плоскогорье Наска в Перу. Но фасеточные глаза Торвея, внимательно сканирующие поверхность, доказали иллюзорность такого предположения: эффект пристального взгляда огромного лица вызывался телевизионной съемкой. На уровне настоящей поверхности Марса его просто не было.

Роджер не обнаружил причудливого сочетания теней и равнин, которые возбуждали у землян не в меру огромное любопытство. Ничего, кроме небольшой седловины горы, утопающей в гальке. Он также не был уверен, что нашел именно те зольники, которые так напоминали глазные впадины, если смотреть на них высоко сверху.

Живя на Марсе, Роджер часто был лишен человеческого общества, но даже тогда он не чувствовал себя одиноким. Время от времени ему приходилось встречаться то с одним, то с другим киборгом из тех тридца-

ти, что вели свободное существование под марсианским небом. Каждый киборг изначально был задуман как полностью самообслуживающаяся замкнутая система, не нуждающаяся в современных благах цивилизации. Вот поэтому всем, кто входил в так называемое кибер-сообщество, было нечем поделиться с «собратьями», не считая редких разговоров о себе и о недавних наблюдениях.

Некоторые из этих человекоподобных машин были более продвинутыми. Такие, как, например, Федя Михайловна Штев. Судьбой ей было уготовано стать вторым земным существом, отправившимся на Марс. В конструкции Феди было предусмотрено намного больше солнечных антенн, чем у Роджера. Изящная паутина проводов, которые преобразовывали солнечную энергию в электрическую, напоминала два крыла, выросших на его плечах. У Феди же миниатюрные антеннки переходили в массивный прямой купол, возвышающийся над головой наподобие рыцарского шлема, — все это смотрелось довольно уродливо, зато более надежно обеспечивало подпитку энергией Солнца. Ей не надо, как Роджеру, отправляться в зону сверхвысоких частот, испускаемых специальным источником из кратера на Деймосе. А Роджер постоянно нуждался в добавочном напряжении — без него невозможно было зарядить батареи наспинного компьютера. Компьютер осуществлял управление всеми органами чувств.

Однако когда им доводилось встречаться под покалывающим энергетическим душем, Роджер замечал, что движения Феди становились замедленными, расслабленными. На лице появлялось даже подобие улыбки.

Разница между ними заключалась не только в энергетических возможностях. Федя была детищем последней российской республиканской программы по производству киборгов, предназначенных для выживания в условиях Марса. Разрабатывалась она под большим секретом,

причем одновременно с программой американской Национальной лаборатории в Тонке, что в Оклахоме, — теперь это суверенное государство Тексахомы в Северо-Американском Свободном Торговом Содружестве.

Роджер стал продуктом именно этой лаборатории. Создатели Феди со своим типично славянским подходом в хирургии удалили все, что указывало на ее принадлежность к женскому полу. Разве что где-то в извилинах кибернетического мозга осталось размытое ядро былой личности. Роджер часто задавался вопросом: зачем понадобилось сохранять киборгу женское имя и отчество выдающегося русского писателя? Куда проще было бы присвоить серийный номер, подобно другим биороботам.

А может, заговорил какой-то глубинный инстинкт? Может быть, она ощущала необходимость в хотя бы то-ненькой ниточке, связующей ее с человеческим прошлым? Во всяком случае, этот трюк сработал: Федя по-прежнему функционировала, в то время как все ее сородичи давно превратились в неживую грудку металла, износившегося, не подлежащего ремонту.

Другим отличием русских киборгов была особая кожа. Блестящее темное покрытие Роджера (кто-то назвал его однажды костюмом летучей мыши) постепенно становилось темно-бордовой массой кровоподтеков. Так сказывались годы, проведенные под марсианским небом: высокий уровень ультрафиолетового излучения не блокировался озоновым слоем, ведь в атмосфере Марса совсем нет кислорода в свободном состоянии. Кожа Феди отличалась тусклым зеленоватым оттенком. Своей неуклюжей конструкцией и подобием шлема из антенн она походила на нечто среднее между роденовским слитком бронзы, который оставили окисляться под дождем, и старым армейским рюкзаком защитного цвета, изрядно перепаханным грязью.

Теперь оба киборга медленно продвигались на восток. Неожиданно Федя подняла указательный палец: впереди возвышались серые скалы, закрывшие собой горизонт. Когда она до конца распрямила руку, кисть выгнуло под невероятным углом в сто десять градусов, и Роджер увидел перед собой черное дуло.

— У тебя есть патроны для этой штуки?

Разреженный воздух исключал всякую возможность услышать залп. Впрочем, как и увидеть вспышки и струйки расширяющегося газа. Даже встроенная система дальновидения была бессильна различить летящие осколки и пыль, клубящуюся вокруг остроконечной вершины серой скалы.

— Да.

Короткий лязгающий щелчок гулко отдался в голове Торвея, и рука Феди вернулась в привычное положение.

— С собой?

— Нет. Слишком тяжело таскать такую кучу железа. Припрятаны в одном надежном месте. Достать их отсюда — пара пустяков.

— Зачем же тогда наводить пушку без нужды?

— Практика. Помогает сохранять гибкость микросхем, — объяснила Штев. — Точная наводка на цель, параллактическая корректировка, регуляция мускульного напряжения... все эти подпрограммы рано или поздно изнашиваются. Их постоянно надо держать в порядке.

— Так ты попала в цель? — настаивал Роджер, все еще пытаясь разобраться, как функционирует его подруга.

— Ну да.

— Как тебе это удается?

Роджера всегда интересовали различия в программном оснащении его друзей-киборгов.

— Отображается на сетчатке, и всего-то, — пожала плечами Штев. — С точностью девять к десяти.

— Соппротивление воздуха тоже учитывается?

— А как же. Разрабатывалось специально с расчетом здешней силы тяжести. По крайней мере раньше эти элементы были высокоточными, а теперь на них можно положиться лишь в пятидесяти случаях из ста.

Роджер по собственному опыту знал, как быстро изнашиваются рабочие схемы. Несмотря на то что его кибер-организм был снабжен подпрограммами в избытке и наспинные устройства обеспечивали довольно хорошую видимость открывающегося впереди пространства, время от времени механические органы чувств давали ощутимые сбои. Снова апоплексический удар — шутил Роджер, когда компьютер начинал перезагружаться, подавая в мозг не вполне обработанные сигналы. Окружающий мир при этом проваливался на несколько секунд в сплошную темноту.

Конечно, Торвей понимал, что стареет. Но ведь даже гении, сконструировавшие этот чудовищный механизм, не могли точно предугадать время его возможного функционирования. Александр Брэдли и другие ведущие разработчики обещали по крайней мере пятьдесят лет нормальной жизнедеятельности. Таким образом, у Роджера был шанс прожить среднюю по продолжительности человеческую жизнь.

Как будто в нем осталось что-то человеческое...

Все бы ничего, но изменившая свой первоначальный цвет кожа и постоянные сбои подпрограмм давали немалый повод для беспокойства. Неужели Брэдли, да и все те знаменитые конструкторы просчитались? И теперь их ошибочные расчеты тикают словно вирусная бомба с часовым механизмом в его почти-идеально-приспособленном-к-жизни-на-Марсе организме...

Торвей внимательно осмотрел свои ноги. Даже если не обращать внимания на цвет кожи, вызвала беспокойство ее целостность. Несмотря на сверхъестественную точность координации движений и спасительно

низкую силу тяжести на Марсе, Роджеру случалось и падать, и получать различного рода повреждения. Любая ткань рано или поздно рвется — не составляет исключения и кожа киборга. Похоже, что и состояние кожи ног Роджера приближается к этому критическому моменту. Хуже того, он боялся, что непрерывная радиация не просто вызывает изменение цвета: все его лоснящееся, непроницаемое покрытие в одно мгновение может стать ломким и хрупким, как китайский фарфор.

Но даже не это было самое страшное. То, что причиняло самое сильное беспокойство, как ни странно, находилось за пределами его тела.

Фузионный генератор энергии, регулярно подпитывающий с Деймоса микросхемы Роджера, был рассчитан не более чем на пятьдесят лет. Когда Роджер впервые ступил на поверхность Марса, этот временной запас показался ему чуть ли не бесконечностью. Но годы пролетели быстро, неотвратно приближая безрадостный финал. Не то чтобы Торвей почувствовал себя старым, нет. Если не принимать во внимание компьютерные сбои, его не волновали так называемые проблемы со здоровьем, обычные для земных людей. Чудовищные операции, которые ему пришлось претерпеть, чтобы стать киборгом, только закалили силу воли, развили необычайную выносливость. Но должен же кто-нибудь когда-нибудь сделать хоть что-то с тем затухающим генератором, хоть как-то пополнить энергетические запасы!..

Роджер уже не помнил, когда успел поделиться своими опасениями с Федей. А может, она сама услышала беспокойное эхо его мыслей как раз в тот момент, когда они бешеным вихрем вращались вокруг неожиданно за барахлившего компьютера?

— Знаешь, ведь колонисты время от времени обновляют проекты орбитальных станций, строят новые. Может, и на твою долю что-нибудь перепадет?

— Вряд ли, — ответил Торвей. Каждая такая станция находилась на геостационарной орбите, снабжая энергией только одну из колоний. — Если бы я рассчитывал на их великодушие, — громко произнес Роджер, — то попался бы в ловушку, не прошагав и сотни километров по подземному тоннелю — как это бывало с индейцами в форте Калвери.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Не хочу быть связанным по рукам и ногам какими-то сроками.

— Тогда у тебя один выход. Отправляйся к людям. Попроси их пополнить запасы топлива. У тебя есть на это право — ты первый гражданин Марса.

— Не все так просто, Федя. Конструкция генератора давно устарела — он работает на запасах дейтерия и трития. Первоначально источником топлива для него являлись океанические воды Земли. Но здесь, на Марсе, невозможно воспроизвести подобные топливные ресурсы. Источником может быть только Земля. А это означает, что какая-нибудь колония вынуждена будет изрядно поторговаться. Им придется поступиться чем-то очень важным для землян. А мой статус первого гражданина Марса уже не имеет такого веса, как раньше. Кроме того, мне неизвестна ситуация на Земле. Честно говоря, я не в курсе и местной политики. Но подозреваю, что у землян есть свои виды на марсианские территории, а это может в значительной степени затруднить мирные переговоры. Особенно если речь пойдет о фузионном топливе.

— Но ты не будешь знать наверняка, пока не обратишься к ним с просьбой.

— Вот это-то и есть самое унижительное — просить кого-то.

— Ты говоришь об унижении? Неужели в тебе еще живут какие-то эмоции? Столько времени прошло... — Голос Феди отдаленно напоминал человеческое брюз-

жание. — Сколько же лет минуло с тех пор, как ты в последний раз испытал настоящую силу тяжести? Ты помнишь свой последний разговор с людьми?..

— Да, на похоронах Сьюли... Пстой! Я ведь еще возвращался, когда умер Дон Кэйман. Правда, тогда я уже не показывался им на глаза. Просто наблюдал из-за ближайшей скалы, как беднягу хоронили...

— Вот видишь, как давно это было! А контакт с Сетью ты вообще поддерживаешь?

— Редко...

— Слушай ее почаще, мой тебе совет. Иначе как ты узнаешь, в чем нуждаются люди? Помоги им! Услужи. Забудь о гордости.

— Федя, я даже и не знаю...

— Она права, Роджер, — вдруг раздался нежный голос его первой жены, Дорри.

Торвей резко обернулся. Она шла рядом с ним по гребню дюны, легко касаясь ногами песка. Никакого скафандра, одни лишь коротенькие шортики и маечка. Водопад черных волос свободно струился под ленивым, еле ощутимым марсианским ветерком. Этот образ Дорри остался в памяти наспинного компьютера на веки вечные. Ничто его не сотрет! Но как мучителен он для Роджера! С ним не сравнится ни одна знакомая ему боль...

— Она права, милый... Тебе действительно стоит поговорить с кем-то из администрации о фузионном генераторе. Времени осталось совсем чуть-чуть — каких-то восемьсот тридцать два марсианских дня! — Серебристый голос Дорри предупреждающе звенел в тиши безбрежной пустыни. — Не оставляй этого так! Сделай что-нибудь!

— Хорошо, Дорри... Я попытаюсь. Пойду к ним, и будь что будет.

Он был готов на все, только бы исчез этот мучительный для него образ.

— Что ты говоришь? Я не расслышала, — откуда-то сбоку прошамкала Штев.

— Я говорю, что пойду к людям. Попрошу помочь...

Роджер оглянулся и с облегчением вздохнул. Дорри исчезла. Не оставив ни малейшего следа на песчаной дюне. Песке цвета охры...

Глава 1

ОНА СПУСТИТСЯ К ФОНТАНУ, КАК ПРИДЕТ...

Тарсис Мон
Космический Фонтан
7 июня 2043

Деметра Коглан стремительно приближалась к Марсу, окруженная ореолом триумфа.

Грандиозный космический фонтан, выполнявший функцию универсального лифта, приводил в движение не только пассажирские ракеты, но и различного рода торговые корабли. Вот и сейчас по нему шел на снижение крохотный спускаемый модуль, в котором летела Деметра. Скорость, равная 3,72 метра в секунду, вполне соответствовала марсианской силе тяготения. На этой стадии спуска с геостационарной — точнее, ареостационарной, — орбиты, длившегося уже восемь часов, динамическое торможение магнитных стыковок почти не действовало. Ракета летела с такой скоростью, какая обычно бывает при вхождении в плотные слои атмосферы.

Знания основ физики у Деметры Коглан были, мягко говоря, поверхностные. Где-то неподалеку от экватора, рядом с вулканом, носившим название Тарсис Мон,

линейный акселератор занял положение прямо перпендикулярное дну глубокого кратера. После этого он выпустил один за другим металлические обручи: каждый около метра в диаметре и весом почти в килограмм. Этот железный поток несясь с очень большой скоростью — десятки километров в секунду. Какова же была кинетическая энергия его движения!.. На огромной высоте фонтан из обручей вошел в зону электромагнитного тора, игравшего роль некоего подобия шкива. Он притягивал к себе железный поток со скоростью, возраставшей по мере усиления гравитации. Затем поток вошел в другой тор и был отброшен назад, к акселератору, в результате чего петля из летящих обручей замкнулась.

Со стороны это напоминало движущуюся цепь, звенья которой скрепляли силы инерции и необычайного магнетизма. Несметное количество железных колец воздействовало на магнитное поле самого верхнего блока, способствуя его подъему высоко в небо. «Струи» железного фонтана, бьющего из глубин Тарсиса, почти достигали ареостационарной орбиты. Так как вначале самые верхние элементы этой грандиозной конструкции имели тенденцию резко устремляться вверх, инженеры разработали особый самоскладывающийся каркас — он должен был крепиться по нижнему периметру, служа защитой от случайных ветров. Магнитные дефлекторы, направляющие верхние сегменты конструкции на восток, помогали нейтрализовать воздействие силы Кориолиса.

Когда «фонтан» еще только начинал функционировать, он потреблял просто умопомрачительное количество электроэнергии. Для этого на поверхности Марса построили специальные солнечные «фермы». Постепенно работу системы отладили, и она уже не требовала таких огромных энергетических затрат. Изредка приходилось поддерживать стабильность потока в условиях местной силы тяжести. Созданные же на поверхности

источники энергии со временем стали использовать в других целях.

Электрические излучения помогали переправлять как пассажиров, так и грузы на межпланетные корабли, а также легко забирать их оттуда. Благодаря электричеству сообщение между самой верхней космической станцией и поверхностью Марса было налажено.

И хотя на возведение этой грандиозной системы ушли миллиарды новых марок, расходы теперь окупались с лихвой: каждый год приносил все больше. Не обходилось, конечно, и без накладок — так, обычные неполадки с техникой. Ну и поскольку Космический Фонтан в Тарсисе функционировал на электрической энергии, то его по праву можно было назвать самым экологически чистым изобретением, почти таким же безопасным, как обычный земной трамвай. Строился он по тому же принципу, что и фонтаны-лифты на планете Земля, которые находились под эгидой ООН.

Один такой фонтан был в Бразилии, в Порто-Сантоне, другой в Сомали, в Кисмайю, а третий в Букитинги, что в Индонезии. Как и Тарсис Мон, они располагались близ экватора и служили геостационарным средством передвижения, хотя технологии позволяли использовать их на всех широтах. Например, маленький «фонтанчик» в Циолковском находился недалеко от лунного экватора.

Однако несмотря на то что фонтан из летящих колец производил минимум воздушных колебаний и считался практически бесшумным, время от времени его железная составляющая становилась причиной вспышек на металлическом покрытии. Сверху, из космоса, можно было наблюдать эффект ионизации.

Сейчас перед взором Деметры простиралось черное звездное небо. Оно со всех сторон окружало отдельные участки космической станции. Деметра явно ошущала впереди насыщенную фиолетовую ауру. Но по мере при-

ближения к поверхности планеты чернота марсианского небосвода переходила в приглушенное розовое мерцание.

Для Деметры эти оттенки ассоциировались с чем-то материнским.

После семи месяцев невесомости на корабле, летевшем на Марс с Земли, Деметра теперь пребывала в состоянии свободного падения. И это несмотря на то что в работу уже включились огромные потоки энергии, управляющие движением Фонтана. Вглядываясь в пурпурный туман ионизированного воздуха, Деметра смутно осознавала, что ее ноги болтаются где-то вверху, и виновница тому — невесомость. Впрочем, Деметра не возражала против такого свободного парения. Единственная вещь, раздражавшая ее во время полета, — это обязательные остеопатические упражнения. Выполнять их следовало не менее трех часов. Даже если это и самое эффективное средство против целлюлита, теперь Деметра искренне радовалась, что все осталось позади.

Вытянув шею, чтобы получше разглядеть основание Фонтана, она уперлась головой в холодное стекло иллюминатора. Впрочем, это было не просто обыкновенное стекло, а специально очищенный пластик. Только пластик мог выдерживать чрезвычайно низкое марсианское давление. Искрящийся столб струй фиолетового оттенка извергался из широкой кальдеры вулканического конуса. Коглан почти не сомневалась, что это и есть знаменитый Олимпус Мон, но все-таки решила выяснить наверняка, посоветовавшись со своим личным хронометром. Встроенный в локальную компьютерную сеть, он был доступен в любое время дня и ночи.

— Эй, Конфетка, — прошептала Деметра в крошечный титановый пузырек, едва заметный на браслете. — Что это за вулкан прямо передо мной?

— Нельзя ли немножко поконкретнее, Деметра? — прозвучал в ответ мягкий, нежный голос, явно напоминающий характерный выговор Энн Окли.

— Ладно, попробую. Я сейчас лечу на Космическом Фонтане, уже совсем рядом с поверхностью Марса. Тут прямо по курсу какой-то большой кратер — вот я и подумала, может быть, это Олимпус Мон? Мне кажется, очень похоже на то. Примерно шестьдесят — семьдесят миль в диаметре, и необыкновенно широкий туфовый конус.

— Пожалуйста, подожди, Деметра. — Тишина длилась какие-то доли секунды, и снова зазвучал знакомый хрустальный голос: — К сожалению, никак не получается установить связь с сетевыми ресурсами. Должно быть, здешние электромагнитные волны блокируют посылаемые мной сигналы. Хорошо, что ты мне сказала, что мы собираемся на Марс: я позаботилась загрузить в память кое-какую дополнительную информацию об истории этой местности и ее географических особенностях. Желаеть послушать?

— Я вся внимание.

— Олимпус Мон — диаметр шестьсот километров, высота — двадцать шесть. Самый большой вулкан в Солнечной системе. Расположен на двадцатом градусе северной широты. Оттуда, где ты сейчас находишься, это приблизительно тысяча двести километров. Не думаю, что отсюда можно увидеть даже его южный трапп. С другой стороны, насколько мне известно, марсианский «лифт», на котором ты сейчас путешествуешь, находится на сто двенадцатом градусе западной долготы и на нулевой широте, а это как раз совпадает с населенным пунктом Тарсис Мон. Между прочим, вторым по величине подземным «городом», построенным землянами.

— Это мне известно.

— Превосходно. Так вот, если тебя интересуют какие-либо знаменитые вулканы, то ближайший — Павонис Мон. Двадцать один километр в высоту, а кальдера — одна из самых впечатляющих на протяжении всего Тарсианского горного хребта. Принимая во внимание

такие характеристики, как высота, плотность воздуха и вероятность образования пылевых вихрей, я полагаю, что в поле твоего зрения находится именно знаменитый Павонис. Вероятность ошибки расчетов ничтожно мала, не больше двадцати процентов.

— Итак, Тарсис Мон — это название колонии, — подытожила Коглан.

— Не только колонии, но и всего вулканического плато, — уточнила Конфетка.

— ...в то время, как Павонис — это огромный кратер. Спасибо, Конфетка. А теперь помолчи немного, ладно?

— Хорошо, Деметра.

С тех пор как с ней произошел несчастный случай, Деметра Коглан существенно ограничила оперативные возможности своего «хронометра». С одной стороны, она постаралась сделать общение с механической прислугой как можно более приятным, наделив его мелодичным голосом и вежливыми манерами. Эта вежливость, правда, ограничивалась набором фраз вроде «пустяки», «спасибо», «все в порядке», что в общем-то не прибавляло Конфетке человеческого тепла.

Чтобы чувствовать себя еще увереннее, она ограничила доступ Конфетки к планетарной компьютерной сети. Теперь та была обязана в подробностях докладывать хозяйке, откуда пришли те или иные сведения, и обязательно указывать степень вероятности возможных ошибок. В те времена киберы делали это весьма редко. Третья мера предосторожности, предпринятая Деметрой Коглан, состояла в следующем: перед сном она снимала свой титановый браслетик, и вмонтированная в него Конфетка всю ночь «отдыхала» в ящике или в стакане с водой. Деметра же могла расслабиться, не боясь, что сболтнет во сне что-нибудь лишнее, и это лишнее станет достоянием компьютерной сети. Возможно, такие

действия Коглан и казались странными, но они помогали ей обрести некоторую уверенность.

Прильнув к окну, Деметра наблюдала, как с каждой секундой приближается огромный кратер; сверху тот напоминал древние морщинистые губы исполинского лица, застывшие в отчаянной попытке поцеловать идущий на снижение пассажирский отсек. А в отсеке царила тишина. Единственной компанией Деметры на протяжении всего перелета были пара контейнеров с наклейками «Осторожно! Хрупкие вещи» да двое других пассажиров. Вещи, очевидно, боялись стремительного снижения, а люди — живого общения.

Смуглый мужчина со спутанной бородкой и в тюрбане цвета морской волны, очевидно, не знал ни слова по-английски. Напуганный состоянием невесомости, он крепко пристегнулся к креслу всеми возможными ремнями и с головой ушел в чтение новостей. Время от времени он строил смешные гримасы и легонько похрюкивал — наверное, виной тому были какие-то особо интересные происшествия.

Глядя через весь отсек на освещенные страницы журнала, Деметра могла разобрать только название — «Новости Нью-Делфи». Все-таки читать задом наперед трудно. Рядом с заголовком был изображен сердитый лев — тиснение явно в староанглийском стиле. Рукописный шрифт смахивал на санскритские буквы.

В противоположность смуглому пассажиру в тюрбане его попутчица была бледнолицей крашеной блондинкой. Ее плотно облегающий саронг напомнил Деметре о южных морях. Разрез обнажал бледную лодыжку, всю покрытую прыщиками. Просторные одежды развевались на сквозняке, создаваемом вентиляторами и все тем же ранее упомянутым состоянием невесомости. Единственным «украшением» девицы был округлый темно-бордовый шрам над реденькими бровями да весьма странная

татуировка: неестественно синие слезы, капающие с наружной стороны глаз. Еще в самом начале путешествия Деметра попробовала завести с ней разговор, но, похоже, та не знала ни один из доступных Деметре языков — ни дипломатического варианта английского, ни классического русского, ни даже испанского или арабского. Блондинка лишь непонимающе пожимала плечами, улыбалась и все плотнее укутывалась в саронг.

Деметре не оставалось другого занятия, кроме молчаливого созерцания приближающегося кратера, который с каждой секундой становился все больше. И вот, когда его старческий рот почти поглотил снижающийся космический корабль, последовал внезапный толчок, и картина за бортом резко сменилась. Взгляду Деметры открылись склоны обветренных скал.

А еще через несколько секунд она почувствовала под ногами твердый, устланный коврами пол отсека. От неожиданности Деметра упала.

Не так-то просто перейти от состояния свободного полета к ощущению истинного веса своего тела — даже если сила тяжести на Марсе втрое меньше, чем на Земле.

Еще один сильный толчок отбросил Деметру в угол кабины — ракета наконец коснулась поверхности Марса.

Из окна иллюминатора открылся вид на отшлифованные машинами покатые изгибы скал, которые с двух сторон освещались яркими огнями.

Крючковые захваты со скрежетом вцепились в посадочную поверхность. Открылась шлюзовая камера, соединяясь с входом в терминал аэропорта. Через несколько секунд дверь бесшумно поднялась.

У Деметры заложило в ушах от перепада атмосферного давления. Она мельком посмотрела на своих спутников, но они не обращали на нее внимания, целиком погрузившись в сборы. Приведя в порядок розовый комбинезон, Деметра накинула на плечи изящный нейлоновый шарфик и уже потом отстегнула свой багаж. У нее

было всего два чемодана: громоздкие и почти неподъемные на Земле, на Марсе они стали вдвое легче. И Деметра помчалась вперед, практически не ощущая их веса.

Ее никто не встречал в узком, забетонированном пассажирском переходе. Официально считалось, что Деметра на каникулах. Дедушка Коглан решил, что Деметра нуждается в новых впечатлениях, свежих и бодрящих: сколько же можно штудировать сухие науки — практические переговоры, булеанская экономика, культурно-психологическая апперцепция и ассимиляция? К тому же она, бедняжка, только что прошла девятимесячные курсы физио- и психотерапии. Лучшие специалисты учили Деметру пользоваться ее новыми, заново воссозданными мозгами высшего качества. (Это было нечто вроде реабилитационной медицины, ведь Деметра совсем недавно перенесла тяжелейшую операцию.)

«Поезжай на Марс, детка, — убеждал ее дедушка. — Посмотришь на вулканы, попутешествуешь на прокси...»

Дедуля Деметры, большая «шишка», вице-президент Суверенного Государства Тексахомы, легко мог устроить внучке эту поездку, создав прекрасные условия для проживания, отдыха и всего такого прочего. В конце концов Деметра поддалась его уговорам, взяла отпуск и отправилась в путешествие...

Особый идентификационный механизм, которым ее снабдил дедушка, должен привлечь внимание встречающих на Марсе. Но почему-то на выходе из Фонтана не было ни души. Даже чемоданы оказалось некому поднести.

Далеко внизу, там, где тоннель еще больше расширился, мелькнула чья-то фигура. Мелькнула и тут же растаяла в полумраке.

— Эй, там! Есть кто...

Голос Деметры внезапно оборвался. Она даже выронила чемодан от неожиданности — таким писклявым и неестественным показался ей собственный голос.

«Э-е-й, тя-а-м!.. Е-е-сь х-хто?..» — Это была не Деметра, а объевшаяся амфетамина Минни-Маус.

Коглан стремительно зашептала прямо в титановый браслетик:

— Конфетка! Что со мной? — От волнения она даже охрипла. Голос все так же зловеще шелестел в пустом тоннеле. — У меня с легкими что-то не в порядке?! Отвечай!

— Подожди секунду, — бесстрастно прозвенел в ответ кибер. — Пульс в норме, если принять во внимание ту высоту, на которой ты сейчас находишься. Дыхание тоже в порядке. Уровень сахара в крови и содержание электролитов — норма. Кислорода, правда, чуть больше, чем нужно. А почему ты решила, что с тобой что-то не так, Дэм?

— Да ты только послушай мой голос.

Коглан едва не перешла на визг.

— Секундочку. В Сети на этот счет имеется следующая информация: воздух в тоннелях обычно содержит двадцать процентов двухатомного кислорода, семьдесят девять процентов двухатомного гелия, а также незначительное количество двуокиси углерода, водяных паров, формальдегида, ну и органические вещества — продукты человеческого дыхания и производственного загрязнения.

— А откуда такое высокое содержание гелия? — удивилась Деметра.

— Потому что этот инертный газ компенсирует отсутствие азота в марсианской атмосфере. Вообще-то азот здесь тоже присутствует, но в крайне малых количествах — 2,7 процента в воздухе и в литосфере в виде различных химических соединений. Почва должна содержать эти элементы в необходимом количестве — значительно повышается урожайность. Поэтому колонисты всячески стараются обогатить здешний воздух гелием, извлекая его как побочный продукт при разработке метановых залежей... У меня в запасе еще 4,2 мегабайта

дополнительной информации о газовой промышленности планеты и восемь гигабайт вводного материала по экологии тоннелей. Да, и еще алгоритмы регуляции природного баланса планеты. Хочешь ознакомиться с этими сведениями?

— Как-нибудь в другой раз.

— Хорошо, Деметра.

Деметра Коглан глубоко вздохнула, понемногу успокаиваясь. Здешний воздух напоминал по вкусу консервы, которыми ограничивался ее скудный рацион с тех пор, как она покинула Землю. Ладно, дышать можно, решила Деметра. Конечно, это не цветочное поле люцерны июньским утром в Техасе. Но тут уж ничего не поделаешь.

Человек, чья тень мелькнула тогда в конце коридора, должно быть, находился уже очень далеко. У Деметры возникло смутное подозрение, что, пока Конфетка в мельчайших подробностях докладывала о составе воздуха, девушка с южных морей и неразговорчивый индус со старинным журналом успели ее обогнать. Надо потопрапливаться, подумала она, пока не нахлынула новая волна туристов...

На перекрестке ей встретила парочка местных жителей, спешивших куда-то по своим марсианским делам.

— Извините, пожалуйста, — обратилась Деметра к одному из них. — Вы не подскажете, где можно зарегистрироваться? («Ре-е-ги-истри-ся-а...» — ее голос все так же хрипло срывался.)

Марсианин обернулся и указал на ближайший указатель:

— Да где угодно.

Его голос больше походил на свист.

На указателе крупными буквами было написано: «Всех иностранцев, не имеющих здесь постоянного места жительства, просим свои данные занести в локальную Сеть. Ждите дальнейших инструкций».

Деметра снова поднесла к губам заветный титановый браслетик:

— Конфетка, соедини с местной Сетью, будь так добра. Похоже, нужно обновить мои данные.

Конфетка ответила почти сразу:

— Извини, Деметра, но никак нельзя. Тебе самой надо найти ближайший терминал и зарегистрироваться. Возможно, потребуются отпечатки твоих пальцев.

— Отлично. А куда же идти?

— Проход к терминалу должен быть где-то слева.

Деметра повернулась в указанном направлении. Ничего, кроме надоевшей белой плитки.

— Конфетка, здесь нет никакого прохода.

— О, тысяча извинений. Я думала, ты стоишь лицом к югу. Повернись на север, и он будет слева от тебя.

Коглан обернулась и в пяти метрах от себя внизу увидела выступающую вперед полку с огромным светящимся экраном и клавиатурой. Она подошла поближе и начала изучать оборудование. Справа находился координатный шар, немного левее располагался контактный коврик для регистрации нейронных отпечатков пальцев. Она подошла ближе и явно при этом пересекла какую-то невидимую границу.

На экране тут же высветилось «Пожалуйста, введите ваши отпечатки пальцев, полное имя или код» на шести разных языках.

Деметра обратила внимание на то, что самая верхняя строка была на дипломатическом английском.

Она ввела в компьютер свое имя и прижала палец к контактному коврику.

— Добро пожаловать на Марс, мисс Коглан, — прозвенел металлический голос кибера с характерным тексасомским акцентом.

Мелькающие на экране снимки марсианского ландшафта и подземных жилищ сопровождались монотон-

ной речью: «Ваша виза действительна в течение четырех недель. Для вас зарезервирован номер в «Золотом лотосе», четвертый уровень, тоннель № 21, отсек номер семь, смежный с восемнадцатым. Пожалуйста, подтвердите место проживания. Марсианским банком открыт счет на ваше имя в размере сорока тысяч новых марок. Официальный счет будет отправлен по прошествии шести месяцев в банк «Два орла» в Остине. Пока в вашей визе не предусмотрены какие-либо ограничения по передвижению, вы можете свободно посещать любые комплексы на Марсе. Вы зарегистрированы в качестве гостя. Вам запрещается найм на работу с получением заработной платы, будь то мгновенная выплата или в рассрочку. Согласно местным законам, вы должны подвергнуться тщательному медицинскому осмотру, чтобы исключить вероятность распространения инфекционных болезней. Вы уже записаны на прием к доктору Уолли Шину, второй уровень, тоннель № 9, отсек номер шесть. Осмотр состоится сегодня в четырнадцать часов. Пожалуйста, не опаздывайте и ограничьте всяческие контакты, пока не состоится прием у врача. Спасибо за внимание, и приятного вам отдыха», — наконец-таки умолк дребезжащий голос компьютера.

— Извините, но...

Только что прозвучавшее сообщение то и дело всплывало на экране на шести разных языках.

Деметра потянулась к браслету.

— Эй, Конфетка! Сколько сейчас по местному времени?

— Тринадцать часов, сорок семь минут, Деметра.

— Черт, я же опаздываю к этому доктору Шину!..

Подхватив сумки, Коглан ринулась вперед по коридору туда, где он имел сообщение с подземным комплексом. Она надеялась, что скоро замелькают цифры и где-нибудь на стене будет висеть карта комплекса с боль-

шой приветственной афишей. Возвращаться назад за справкой к контрольному пункту казалось дурацкой идеей, а стрелка компаса в таком лабиринте крутилась как сумасшедшая.

Деметра сворачивала налево уже раз семь, но коридор, по которому она бежала, становился все шире и шире, и все больше людей наводняло его зябкую темноту. Воздух, казалось, дрожал от пронзительного свиста беседующих прохожих.

Большинство тоннелей в Тарсисе были вырублены прямо в скалах и представляли собой длинные трубы, разделенные крошечными шестиугольными камерами. Оттуда можно было попасть сразу в жилые и административные помещения.

Серо-красная каменная поверхность стен была покрыта изнутри эпоксидной смолой. Казалось, обитателям этих марсианских «покоев» специально напоминают, что они находятся под землей, и под какой землей — ни тебе белой черепицы или чего-то хотя бы отдаленно напоминающего роскошный отель.

Перебегая из одной «трубы» в другую, Деметра вначале не заметила, как кто-то осторожно тронул ее за локоть.

— Извините, мэм.

Она резко обернулась. Голос принадлежал молодому человеку с кудрявыми темными волосами и неуловимо восточными чертами лица. Он нахмурил брови и еще крепче сжал локоть Деметры.

На рукаве красовалась повязка «Гражданская милиция». Надпись была на двух языках. Белые буквы на синем фоне предупреждающе светились.

— Что случилось?

Несмотря на довольно грубое обращение, Деметра постаралась, чтобы ее голос звучал как можно спокойнее.

Он чуть не уткнулся ей в шею, вдыхая пряный аромат «Одалиски».

— Нравится? — холодно спросила Деметра.

— Мадам, вы арестованы. На Марсе строго запрещено пользоваться духами. Здешние законы очень суровы, когда дело касается нарушения целостности атмосферы.

С этими словами он вручил ей розовую карточку, к которой были приколоты крохотные золотые булавки.

— И что мне с этим делать?

— Вы должны возместить причиненный вами убыток в течение пяти дней. Заплатить штраф можно по любому местному терминалу.

— А если я не заплачу?

— Тогда вы будете лишены всех предоставленных вам прав: на проживание, на передвижение и покупки. До тех пор, пока не внесете штраф. Эта карточка закроет вам доступ к перечисленным услугам.

— Ясно. А что, если я ее просто выброшу?

— Это невозможно, мэм. Теперь ее температура полностью соответствует температуре вашего тела. Если вы ее выбросите, тут же произойдет короткое замыкание, и последует сигнал сирены. Вас немедленно схватят. Видите, на карточке остались отпечатки ваших пальцев.

Деметра внимательно оглядела «вызов в суд»: там, где ее пальцы коснулись карточки, теперь проступали красные с зеленым прожилки. Они мерцали даже тогда, когда она старалась держать карточку только за края.

— Советую вам заплатить штраф как можно быстрее, — потеплел голос милиционера. — Приятного вам отдыха, мэм... и, пожалуйста, смойте поскорее с себя эту дрянь.

Коглан кивнула с отсутствующим взглядом и снова ринулась вперед по коридору, зажав карточку между костяшками пальцев и стараясь не выронить разом потяжелевшие чемоданы.

Стрелка на стене указывала в сторону широкого спуска на уровень номер два. Деметра быстро спустилась и вскоре

уже была в тоннеле № 9, отсек номер шесть. Странно. Никакого намека на кабинет доктора Шина. Какая-то белая дверь справа. Инициалы: Док. Ван. Светящаяся на трех разных языках надпись то вспыхивала, то гасла:

«Док. Ван Ликсин. Доктор медицинских наук. Психиатр. Терапевт. Травник. Гипноз, акупунктура и многое другое. Помогаю наладить гармоничные семейные отношения + гарантированное избавление от всех недугов».

— Недугов, — автоматически исправила Деметра бросившуюся в глаза опечатку.

«При необходимости могу вырывать зубы», — призывно мигала надпись.

«Ко всему прочему, он, видать, еще и юморист, — подумала про себя Коглан. — Похоже, ничего не остается, кроме как спросить этого доктора Вана, как найти легендарного доктора Шина».

И Деметра решительно позвонила в дверь.

Тарсис Мон

Коммерческий модуль 2/9/6

7 июня

Когда раздался звонок в дверь, доктор Ван Ликсин, известный среди местных жителей просто как доктор Ли, играл в го с настольным компьютером. Сегодня игра ладилась. Док вообще очень серьезно относился к этим поединкам, будучи далеко не первоклассным стратегом. Поэтому, если ему везло, как, например, сегодня, Ли начинал строить догадки, зачем это компьютер к нему подмазывается.

Все знали, что автохтонная Сеть полна технических дефектов. Ошибки и просчеты случались очень часто. Это касалось и локальной Сети, и основной системы на Зем-

ле. Иногда кибер-система выходила из строя без видимых на то причин, а бывало так, что сама система была в порядке, но «летели» все вспомогательные устройства.

Случалось даже, что и они работали безупречно, а вот введенные данные искажались до неузнаваемости.

Ну и совершенно непонятным образом программа иногда проигрывала в «дурака» даже самым никудышным игрокам типа доктора Ли.

Некоторые люди поговаривали, что Сеть поражена «первовирусом». Он считался самым вредоносным из всех когда-либо существовавших на Земле и на Марсе. Размножался с такой поразительной скоростью, что «поймать» его никто и не надеялся. Сторонники гипотезы о «первовирусе» видели только один вариант его уничтожения: пользователи всей Солнечной системы, включая компьютерную сеть на Земле, встроенные системы здесь, на Марсе, плюс узлы ледниковой связи и независимые терминалы колоний, так вот, все пользователи одновременно должны были «вырубить» свои компьютеры. И уже потом неуклонно следовать определенному набору восстановительных операций. Да, новые данные нужно вводить вручную, звуковую информацию — только при наличии обновленного пакета программ...

Должно быть, вы уже поняли, что подобное решение вирусной проблемы являлось совершенно нереальным.

Достоверную информацию о том, что происходит с Сетью, было не так уж просто получить, но до доктора Ли доходило много слухов.

Одна из теорий отстаивала следующую точку зрения: Сеть — живое существо, и вирус — не что иное, как обыкновенная гиперчувствительность. Всякий раз, когда миллиарды киберсистем соединяются, каждый отдельный кибер ведет себя подобно нервному узлу на огромной нервной сети. Просто нервное окончание с соответствующими реакциями, и ничего более. Однако это объяс-

нение можно было принять с большой натяжкой, и то если согласиться с тем, что киберы могут без всяких усилий сочинять сонеты и гениальные акrostихи. Гипотезе явно не хватало научности.

Интерес вызывала другая теория, провозглашающая Сеть Богом. В ее основе лежал принцип Гайи: на определенном этапе развития в любой достаточно большой и постоянно усложняющейся системе начинают происходить сбои, которые можно представить как четкую структуру. Сторонники этой теории утверждали, что когда-то местом обитания Бога — или богов, или особых подвидов эльфов, фей и троллей — были скалы, деревья, ручьи. А теперь Он — или, может быть, Она, или, может быть, Они — пребывает в многочисленных программах. Проще говоря, дом Бога — само Число.

Существовала и другая версия. Трансмутация Сети — результат деятельности правительства, которое пытается всячески шпионить за жителями. Соответственно каждая ошибка кибернетического устройства является своеобразным отпечатком пальца универсального компьютерного заговора. Это не Сеть наблюдает за жителями и день-деньской копается в их данных, просто какой-то безумный бюрократ — в лице правительства — скрывается за Сетью и оттуда манипулирует ее возможностями в своих корыстных целях. Оставалось, однако, непонятным, как какое-то правительство (будь-то на Земле или на Марсе) может подчинить себе всю Сеть с ее разветвленными программами и подпрограммами. Горе-теоретики не особенно утверждали себя подобными объяснениями.

Оставалась еще одна сумасшедшая гипотеза, согласно которой Сеть олицетворялась с самим дьяволом, христианским падшим ангелом. Сторонники этой гипотезы утверждали, что многие люди уже давно продали души Машине. (Сами они, разумеется, не относились к числу отступников.) Происходило это так: достаточно было вне-

сти свои данные в любой компьютер, имеющий выход в Сеть, и набрать большими буквами слово «МФСТО». После этого человек получал ответ, интересный и заманчивый.

Предложение Сети зависело от социального статуса пользователя и многих других вещей. Дьявол (в народе именуемый просто МЕФИСТО) мог предложить вам какую-нибудь сделку. Например, если вы провалили школьный экзамен, то Мефисто запросто мог изменить ваши оценки. Или помочь платить втрое меньше за потребление киловатт/часа электроэнергии. Мефисто устроит вам и это. Хотите узнать, что потребуется взамен? А взамен Дьяволу нужно что-то *человеческое*: то, что подвластно только человеку, где любые машины бессильны. Те, кто отстаивал правдоподобность вышеизложенной гипотезы, верили в неограниченные возможности дьявола, источником которых и являлись предавшие себя умы и руки людей.

И вот получалось, что все знали о том, что происходило с Сетью, но не было и двух одинаковых гипотез. Единственное, в чем мнения сходились, так это в том, что возникающие ошибки невозможно предупредить и уж тем более исправить. Масштаб просчетов, казалось, тоже не имел большого значения. Машины подсовывали свои данные, и людям оставалось только их принять. В любом случае получаемая из Сети информация превосходила по точности ту, которую человек пытался получить сам, своими допотопными расчетами. Это стоило времени. Это стоило денег. В конце концов не исключена была возможность абсолютно верных данных. Это был шанс. А жизнь никогда не устает нам их предлагать.

Однако вернемся к доктору Ли. Он только что кликнул мышкой по белому сектору 19х19 высветившейся на экране частой решетки. Произвольным ответом компьютера был один из черных квадратиков. Тут же весь экран заполнился белыми секторами, что означало победу док-

тора Ли над глупой машиной. Но док недолго наслаждался похвалами в свой адрес. Механический голос кибера объявил, что в приемной ожидает пациент.

— Пусть войдет, — ответил док, поворачиваясь лицом к двери, которая в тот же момент бесшумно поднялась.

В кабинет вошла молодая женщина в розовом комбинезоне, с оттянутыми багажом плечами.

Доктор Ли сразу почувствовал, что разговаривать с незнакомкой будет не так уж и легко. Однако на нее оказалось приятно посмотреть.

Высокая грудь, тонкая талия, роскошные бедра — вся ее фигура обещала легкое разрешение от бремени. Волнистые русые волосы, заложенные за уши, заплетены в длинную косу. Проницательный взгляд умных зеленых глаз, озорные искорки... Их нефритовые глубины обещали новое, прекрасное измерение. Практически безупречно белая кожа лица. Только кое-где видны отдельные веснушки, известные доку как доброкачественная неравномерность распределения в коже меланина. В общем, девушку можно было назвать довольно милой, если, конечно, у вас не вызывают антипатии огромные круглые глаза.

— Чем могу быть полезен, мисс? — спросил доктор Ли.

— Вообще-то я ишу доктора Шина, — произнесла девушка со странной восходящей интонацией, должно быть, так принято на Земле. — В Сети мне сказали, что я записана...

— О, вы, должно быть, Деметра Коглан?

— Да, но...

— Тогда это меня вы должны искать. Мое имя Ван Ликсин. Но вы можете называть меня просто Ли.

— Ван... Ли... Син... О'кей, постараюсь запомнить.

Деметра наконец-то сняла с плеча тяжелую сумку, положила ее на стоящую рядом банкетку и прошла в

кабинет для осмотра. Увидев, что она сжимает в правой руке штрафную розовую карточку, доктор Ли сказал:

— Оставьте это с вашими вещами.

— Но... милиционер сказал, что если я выпущу ее из рук, то сразу же завоет сирена, прибудет патруль, и меня тут же...

— Вздор! Они всегда запугивают иностранцев. — Тут док с шумом втянул воздух. — «Одалиска»? Приятный аромат, слегка приторный, правда. Несколько капель изопропилового спирта — и ни один «нюхач» не поймет, какая у вас марка духов.

— Спасибо за совет.

— Дайте мне свою карточку.

Деметра все еще пребывала в нерешительности.

— Что вы с ней собираетесь сделать?

— Ну, я всего лишь всего-навсего оплачу ее прямо со своего компьютера. Тем самым избавлю вас от страха быть арестованной.

— И вы действительно это сделаете? Для меня?

— Пара пустяков. Естественно, я укажу номер вашего лицевого счета. — Он еще раз взглянул на карточку. — Всего десять марок. Это вас не разорит.

— Надо полагать, что нет. Слушайте, а у вас тут, на Марсе, действительно следят за каждым шагом? Еще когда я спускалась сюда на Фонтане, видела вращающиеся линзы, всякие там суперчувствительные датчики... «Жучки» в каждом коридоре — куда ни ступи. И теперь вы еще мне говорите о каких-то «нюхачах». Я никак не ожидала...

— Чего? Цивилизации? Современных технологий? — улыбнулся доктор Ли. — Наша Сеть позволяет соединиться практически с любым объектом. Связь работает не хуже, чем у вас на родине. А вы думали, куда вы попали? У нас тут нет пьяных ковбоев и скотоводов... или кого вы еще ожидали здесь увидеть?

— Но я не думала, что на Марсе так много всяких «надзирателей».

— Ну, если вам нужны необъятные просторы, поезжайте в Европу, мисс Коглан. Там вы полюбуетесь средневековой архитектурой. А у нас на Марсе все технологически продвинутое — уже проведена горячая вода, имеются пятизвездочные отели. К вашим услугам — бар-автомат, а если хотите, можете пойти в суперсовременную библиотеку, где вас ждут виртуальные интерактивные развлечения. У нас даже пытаются ввести законы.

— Понятно, — улыбнулась наконец и Деметра. — Просто я так надеялась хоть чуть-чуть вырваться из-под гнета так называемого социума.

— Ну, мисс, здесь, на Марсе, это вряд ли получится. Три тысячи людей просто впили в двадцать тысяч кубических метров... Мы все тут как селетки в бочке. Какая уж свобода? И могу вас обрадовать, что вам еще повезло, что вы попали именно в Тарсис. Другие подземные колонии еще больше загружены людьми. А вы зачем, собственно, приехали? Дела? Путь сюда неблизкий. Вам что, так нравится путешествовать?

— Как сказать... Я просто недавно окончила учебу, и мой дедушка решил, что мне не помешает набраться новых впечатлений.

— Понятно. Ладно, поговорили, и хватит. Забирайтесь сюда.

С этими словами доктор Ли поправил накиннутую на стол мягкую ткань.

Деметра снова застыла в нерешительности.

— Мне нужно раздеваться?

— Милочка, вы думаете, чем мы тут занимаемся — охотимся на бизонов? Успокойтесь. Просто ложитесь. Постарайтесь, чтобы голова, руки и ноги попали вот на эти желтые линии. — Уверенными движениями доктор Ли помог ей устроиться. — Это займет не более двух-трех минут.

Стол, на котором лежала Деметра, плавно поплыл вниз. Тем временем доктор достал трансдермальный пневматический пистолет. Заряжен он был особыми частичками, способными проникать глубоко под кожу. Доктор легонько потер правое запястье девушки, поднес к нему пистолет и выстрелил. Воздушная струя тут же без всяких усилий проникла в организм.

Пока шло обследование ее костных и мягких тканей ультразвуком, крохотные капельки проникали в кровь, выполняя свою привычную функцию: фиксация химических процессов, подсчет антител, и не только это.

Каждая такая «капелька» содержала в себе огромные возможности для диагностики: хроматография, измерение давления, ионных потоков, ДНК и многое другое.

Все эти данные подвергались тщательной обработке и поступали через рецепторы, вмонтированные в стол, прямо на экран монитора.

Оборудование было весьма дорогостоящее: доктор Ли заказал его за тысячу марок по каталогу одной из фирм-поставщиков.

Через двадцать четыре часа диагностирующие частички полностью испарятся из внутренних органов пациентки. А пока они стремительно и незаметно носятся по ее организму, осуществляя свой самый сложный анализ...

Все эти сложные операции заняли, однако, не более минуты.

— Ой. — Деметра потеряла правое запястье. — Это, конечно, не больше комариного укуса, но ощущение не из приятных.

— Все уже позади, — ухмыльнулся док. — Попрошу вас не шевелиться еще одну минуту.

Ли принялся внимательно изучать появившуюся на мониторе компьютера картинку. Трехмерное изображение женского скелета, вспыхивающие и гаснущие точки символизировали костные ткани, сокращающиеся

«мешочки» показывали состояние внутренних органов. Цветовая гамма максимально приближена к естественной. О наличии инородных тел в организме говорило бледно-голубое свечение. Кольцо на правой руке Деметры, серебряный браслет с заветным амулетом на левом запястье да пуговицы на комбинезоне — других чужеродных предметов обнаружить не удалось.

— Зачем вообще все эти странные процедуры? — возмутилась Деметра.

Пока она говорила, картинка на экране монитора задвигалась, показывая изменения положения челюсти и работу голосовых связок.

— Вам нельзя шевелиться, — мягко упрекнул пациентку доктор Ли.

— Но я же целые месяцы провела на космическом корабле, в полной изоляции! Если бы и были какие-то жучки, за это время они бы давно сдохли.

— Вполне с вами согласен, мисс. Но мы ведь знаем, насколько тесно вы общались с экипажем и другими пассажирами. Наши люди хоть и не могут проконтролировать вас, землян, во время полета, зато вправе подвергнуть полному осмотру, едва вы ступите на Марс. Законы здесь строгие. Нам не нужны заразные болезни и неподвиженные ситуации.

— О... — только и нашла что сказать Деметра.

— Ну а теперь не шевелитесь!

И доктор поторопился завершить обследование. Сверив полученные данные с имеющимся образцом, он довольно произнес:

— Ничего не обнаружено! Никаких отклонений от нормы. Даже здоровье в полном порядке.

— Вы это серьезно? — спросила Деметра. Она так стремительно повернулась к доктору, что картинка на мониторе снова закачалась. — Неужели не осталось никаких следов несчастного случая?

— М-м... Что вы имеете в виду?

Теперь настала очередь доктора Ли удивляться.

— Ну, я умудрилась получить травму головы, когда захотела в очередной раз сменить прическу. Знаете, у нас в Остине как раз входит в моду «автостримобиг».

Заметив непонимающий взгляд, Деметра поспешила объяснить:

— Ну, автоматические стрижко-мойко-бигуди — это такие хитрые штуковины, которые одновременно моют голову, стригут и делают укладку чем-то похожим на шлем. Засовываешь туда голову и... Ну, в общем, эта штука вздумала заклинить, кажется, соленоиды перегорели. Ну и вот, ножницы вонзились прямо мне в голову... справа... Так сильно...

Доктор сделал успокаивающий жест рукой и принялся внимательно вглядываться в картинку на мониторе. Он повертел ее, стараясь выбрать подходящий ракурс. Должны же были остаться какие-то следы... И точно, в одном месте видны разрывы связок — грубый шрам в районе теменной доли как напоминание о перенесенном переломе. И крохотный белый кусочек пластика для поддержания целостности мягких тканей.

— Разве можно положиться на этот компьютер? Опять сбои, — пробурчал себе под нос доктор Ли. — Да, мисс Коглан, теперь я вижу. А как вы себя чувствуете? Есть какие-то остаточные явления?

— Нет, доктор Ли. Ничего серьезного. Ну, бывает иногда трудно сосредоточиться...

— Это вас беспокоит?

— Нет, док. — Голос Деметры был нарочито громок и даже дерзок. — Мне кажется, мы уже достаточно позабавились. Могу я теперь идти?

— Конечно, мисс Коглан. И — добро пожаловать на Марс!

Не удостоив доктора Ли ответом, Деметра соскользнула со стола и быстро вышла из кабинета. Подхватив

чемоданы, направилась к двери. Та автоматически открылась при ее приближении. Уже в коридоре Деметра обернулась и помахала на прощание рукой.

Доктор Ли задумчиво взглянул на монитор. Затем заархивировал данные мисс Деметры Коглан и, взглянув на часы, решил быстренько сыграть еще одну партию в го. Пока не прибыл следующий пациент.

Глава 2

МЫ ВСЕ ВЫЙДЕМ ЕЙ НАВСТРЕЧУ...

«Золотой лотос»

Жилой модуль 4/21/9

7 июня

Апартаменты Деметры Коглан в «Золотом лотосе» напоминали скорее одиночную камеру. Впрочем, и сам отель производил похожее впечатление.

Где-то в углу болталась на ремнях подвесная кровать — совсем как в камере для арестантов Хьюстонского пенитенциарного заведения, разве что лямки не такие грязные и обтрепанные.

Тем не менее выход в Сеть имелся и тут. Экран с клавиатурой были встроены прямо в нишу марсианской скалы (точнее, того, что от нее осталось). Кое-где виднелись золотые вкрапления породы, наводя на мысль о рудниковых залежах, сокровищах родной далекой Земли.

Ванная комната располагалась в конце длинного коридора. Даже там было полно всяких «счетчиков».

«Ладно, — подумала Деметра. — По крайней мере мою одежду никто здесь не тронет. Хоть какой-то плюс».

Она еще раз оглядела комнату. Если подвинуть кровать вот так, то экран терминала окажется прямо перед ней. Пожалуй, так будет удобнее.

Деметра включила монитор, и светящиеся буквы приветственно замигали:

ЧЕМ МОГУ БЫТЬ ВАМ ПОЛЕЗЕН, МИСС КОГЛАН?

Для начала она ввела коротенький текст:

ВЫ ВОСПРИНИМАЕТЕ РЕЧЬ?

— Да, этот терминал позволяет это делать, — раздался из громкоговорителя голос, похожий на мужской.

Он был октавы на три выше, чем принято у жителей Земли.

— Зачем тебе понадобилось обращаться в Сеть? — вдруг подала голос Конфетка. — Ты же можешь спросить у меня, Деметра.

— Премного тебе благодарна, но оставь право решать за мной. Хорошо?

Деметра повернулась лицом к монитору.

— Будьте добры, как мне добраться до Долины Маринера?

— Министерство Северной Зеландии по освоению горных каньонов сейчас как раз ведет там работы. Их цель — приспособить эту территорию для жилых и пищевых комплексов. Поначалу там можно будет разместить около пятнадцати сотен человек, — бойко разглагольствовал кибер. — Когда-то в незапамятные времена на Марсе в избытке текли подводные воды. Это подземное течение годами формировало причудливую форму каналов. Сейчас протяженность всей системы достигает девятнадцать сотен километров — это вместе с многочисленными ответвлениями. Также в этом районе зарегистрирована одна из самых нижних точек относительно поверхности Марса.

Шипящая речь кибера сопровождалась постоянно меняющимися картинками горных каньонов.

— Если вас интересуют подробности этого грандиозного проекта, ждем вас в нашей Сетевой Библиотеке на тридцать втором канале. А также, уважаемые гости «Золотого лотоса», на сорок четвертом канале вашему вниманию предлагается виртуальное путешествие в один из недавно отстроенных подземных комплексов. Если вас заинтересует эта информация, то просим направлять...

— Не сейчас, парень, — оборвала Деметра несколько затянувшийся монолог. — Неужели я непонятно выразилась? Могу я выбраться из этой конуры и реально посмотреть этот каньон? На чем туда можно добраться? И вообще где он находится?

Молчание. Маленькая кратковременная вечность, заполненная тиканьем наносекунд, и снова шипение машины:

— Весь транспорт отправляется из Тарсиса. Район, где расположен Каньон, находится в 2652 километрах от «Золотого лотоса». Поэтому путешествие займет не менее четырнадцати дней.

На экране тут же появилось некое подобие автобуса — серебристо-красная неуклюжая конструкция на восьми ходулях.

— Приблизительная стоимость такой поездки около... — все еще продолжал звенеть металлический голос.

— Довольно. Но все же не могли бы вы объяснить, почему мне нельзя поехать прямо отсюда? И прямо сейчас?

В воздухе опять повисло молчание.

— Видите ли, всякое передвижение по поверхности Марса чревато опасными последствиями для неприспособленных к здешним условиям людей.

— Как же тогда нам, «неприспособленным», быть? Как передвигаться?

— С помощью прокси.

— Это еще что такое?

— Прокси — это устройство, способное выполнять практически любые просьбы человека. Фактически оно действует вместо него. Плюс регистрация всей поступающей информации и телеметрия. Образно выражаясь, вы будете смотреть его глазами, слышать его ушами. Ваши движения — его движения. И при этом — абсолютная безопасность.

Сначала на экране появился человек в шлеме. К шлему крепились антенны и линзы. Станный головной убор дополнялся еще более странным костюмом с множеством ответвлений.

Затем в окне терминала высветился металлический шар неопределенного размера. Со всех сторон шара торчали точно такие же маленькие антеннки и другие приспособления.

Это было ужасное зрелище: шар «расхаживал» на двух паучьих ножках, выставив впереди себя жалкое подобие человеческих рук.

При виде этого малопривлекательного мутанта Деметра содрогнулась.

— Ладно...

Коглан в раздумье закусила губу.

Сеть явно что-то не договаривала. Недосказанность витала в воздухе, не давая Деметре покоя. Она обязательно должна выяснить, в чем тут дело.

— Как же связаться с прокси?

— Через интерактивное окно терминала.

— В вашем распоряжении есть подобная услуга?

— К сожалению, нет, мисс Коглан.

— Как же мне быть?

— Такие машины имеются в общественных местах. Их также можно взять ненадолго напрокат. Звуки, картинки, виртуальные запахи и плюс осязание. Создаваемая реальность практически ничем не отличается от действительности. Некоторые прокси, особенно техно-

логически продвинутые, обладают чувством равновесия, движения. Конечно, все это за дополнительную плату, и...

— Спасибо, но я уже достаточно нанюхалась марсианского воздуха. — Жженный камень пополам с давно не стиранными носками, вот что он собой представляет. Да еще вечный запах перегара... — Скажите, а как мне найти терминал с такими виртуальными возможностями?

— «Золотой лотос» славится своим роскошным виртуальным павильоном. Подойдите к любому устройству с красным символом В/Р и можете стартовать прямо оттуда.

Картинка на экране услужливо сменилась.

— Спасибо, я пойду поищу...

Но закончить фразу Деметре не удалось. Дребезжащий голос прервал ее, что раньше никогда не случалось:

— Тем, кто на Марсе впервые, мы настоятельно рекомендуем отправиться в путешествие с опытным проводником. Это делается как для вашей безопасности, так и для гарантии сохранности аппаратуры. С новичками, знаете; нередки случаи пространственной дезориентации.

— Где же мне найти такого проводника?

— Многие местные жители будут рады помочь вам за известную плату. Наличными.

— Ну хорошо. Вы можете мне помочь с таким проводником?

— Мы подыщем вам подходящую кандидатуру, — жестко прозвучал механический голос.

И затих. Потух и экран, как бы ставя точку в этом затянувшемся разговоре.

— Ну вот, — сказала себе Деметра. — Я уже и машину умудрилась оскорбить.

— Это твоя манера разговаривать, — не удержалась Конфетка. — А как ты обращаешься со мной?

— Заткнись. Ладно?

— Хорошо, Деметра, молчу.

«Вот что значит правильно запрограммировать кибер-слугу», — довольно подумала Деметра.

Вдруг она почувствовала, как давят на нее безликие, с золотыми прожилками стены. Всем естеством ощутила спертость воздуха. Встала. Кровать с шумом вернулась на место. Убедившись, что код дверного замка точно соответствует отпечатку ее большого пальца, Деметра вышла в холл и повернула в сторону главного тоннеля.

Тарсис Мон

Сельскохозяйственный участок № 39

7 июня

Джори ден Острайкер надежно прикрыл гряду только что посаженных семян. К каждому семечку был прикреплен маленький ярлычок, который сейчас забавно торчал над землей. Чтобы тончайшая пластмасса не порвалась, он долго и осторожно вбивал по краям маленькие гвоздики. Каждый гвоздик проходил через веревочное кольцо, которое, в свою очередь, прочно крепилось на огромном земляном пласте.

Кроме ухода за саженцами, у Джори были и другие обязанности. Впрочем, не только у него. Практически каждый обитатель Марса был занят на двух-трех работах. В зависимости от его природных склонностей. Землю возделывали сообща. Вначале рабочие возводили вокруг будущей делянки полукруглый «потолок». Копать приходилось глубоко — почти до самого слоя вечной мерзлоты. Получалось что-то вроде павильона. Он служил надежной защитой от вредной для здоровья марсианской атмосферы. Задача следующей бригады состояла в подготовке почвы. Дело это было нелегкое. Твердые пласты разбивали автофрезой, а потом разравнивали. После этого почву удобряли различными химикатами,

включая безопасную, точно рассчитанную дозу азотфиксаторов. Наконец появлялся Джори со свертками двухслойной пленки и покрывал ею готовую делянку.

Саму пленку делал кто-то еще. Возможно, этим занимался какой-нибудь надомный кооператив, имеющий доступ к природным залежам метана. Эта же команда готовила пленку для будущего применения: по краям крепили гвозди, изготовленные специально для этой цели. Проводили узкие трубочки для поливки и нагнетания воздуха. Теперь готовую пленку нужно было усеять пророщенными семенами. Этим занимались другие люди. Закончив свою часть работы, они оставляли пленку с семенами для Джори, который тут же подхватывал эстафету. Такое разделение труда было высокоэффективно. Каждый вносил свою лепту в дело будущего урожая.

Что касается Джори, то он сажал морковь не потому, что имел особый дар садовода. Просто он мог подолгу находиться под открытым марсианским небом — без особого вреда для своего здоровья. Джори был креолом. Креол — это что-то среднее между киборгами устаревшего типа и людьми, не адаптированными к местным условиям.

Обыкновенному человеку было достаточно провести более пятнадцати секунд под открытым небом — кровообращение тут же замедлялось, начинались сбои в работе легких. Ультрафиолетовое излучение было крайне губительно для кожи. Если бы бедняге даже и посчастливилось вернуться на Землю, кожа бы все равно слезла. Киборгов поставляли на Марс с Земли. Многочисленные операции полностью изменяли человеческий облик, приспособлявая к «жизни» на марсианской поверхности. Если, конечно, безрадостное существование машины кто-то осмеливался назвать жизнью.

Учитывая все это, креолы были прекрасным «компромиссом». Те операции, которые в свое время претер-

пел Джори, были вполне доступны марсианской медицине. Креол как продукт двух миров вмещал в себе их лучшие черты. Выглядел он в общих чертах, почти как люди. Он мог легко перемещаться по поверхности, почти не отличаясь от своих «неприспособленных» друзей и родственников.

Незащищенный, он часами находился под ультрафиолетовыми лучами и не испытывал при этом чувства дискомфорта. Вот поэтому быть креолом на Марсе считалось большой удачей. Еще одним плюсом считалась удвоенная заработная плата креолов. Платили вдвое, а работа совсем пустячная — устилать делянки пленкой с пророщенными семенами моркови.

— Джори ден Острайкер, — неожиданно прозвучал в его ушах голос Сети.

Еще одним признаком креолов были нейтральные имплантаты, обеспечивающие непрерывную звуковую и визуальную связь с локальной кибернетической Сетью.

— Что случилось?

Джори не приходилось даже произносить слова. Достаточно было подумать.

— Для вас есть особое задание. Совсем недавно с Земли прибыл очередной корабль.

— Вы что, не видите, что я сейчас занят?

— Не забывайте, что условия нашего контракта весьма подвижны. Заканчивайте работу, вас ждет новый объект.

— У этого объекта есть имя?

— Некая Деметра Коглан. Совсем недавно прилетела с Земли.

— А-а... девушка. Это хорошо.

В коре его головного мозга уже появилось изображение круглолицей девушки с темными волосами, завязанными в «конский хвост».

Механический голос монотонно бубнил, считывая данные с какого-то файла:

— Деметра Коглан, 28 лет, имеет хорошие связи с правительством Техсахомы. Три с половиной года проучилась в Школе дипломатических отношений Техасского университета в Остине. Но степень так и не получила. Похоже, семья — ее единственный финансовый источник. На ее счету сейчас... данные недоступны. Мисс Коглан заявляет, что прибыла на Марс исключительно в целях туризма. Однако у нас есть причины сомневаться в этой информации. Сейчас мы пытаемся установить связь с Землей.

— Так-так-так... девушка богата, — просвистел Джори. — Мне все больше нравится ваше срочное задание.

— Джори ден Острайкер, мы вас предупреждаем. Это очень опасный клиент. Будьте осторожны.

— Само собой разумеется. Она говорила, сколько заплатит за мои услуги?

— Вы сами назначаете цену. Конечно, она должна быть разумной. Правительство Марса готово пойти вам навстречу.

— Вот здорово! Где мне искать мисс Коглан?

— Она остановилась в «Золотом лотосе», но в данный момент отсутствует в гостиничном номере, где-то гуляет. Очевидно, там еще не установлены датчики. Мы выясним ее местонахождение к тому времени, как вы закончите свою работу на участке.

— Превосходно. Буду ждать дальнейших распоряжений.

— Мы так и думали, что предложение вас заинтересует. — Голос замолчал так же внезапно, как и появился. Джори снова был один.

Вот так. Оказывается, сажать морковку на Марсе еще более выгодно, чем это может показаться на первый взгляд.

Бар «Пурпурная королева»
Коммерческий модуль 2/4/7
7 июня

В поисках людей Деметра Коглан забрела в бар под названием «Пурпурная королева». Бар находился на втором уровне, в конце шестиугольного коридора, и напоминал огромный куб. Около дюжины столиков, ни одного стула. Даже бармена нигде не было видно. Вместо него стоял вездесущий бар-автомат, среди местных жителей известный больше под названием «Мистер Миксер».

Деметра долго раздумывала, не заказать ли ей «маргариту» а-ля Техсахома, но, засомневавшись в алкогольно-кулинарных способностях здешней машины, остановила свой выбор на обыкновенной кружке пива.

Вначале Деметре показалось, что все столики заняты. Присмотревшись, она поняла, что это иллюзия (впрочем, как и многое другое на Марсе). Только у половины посетителей были руки и ноги. Остальные же являлись голограммами. Своему появлению в баре «Пурпурная королева» они были обязаны крохотным прожекторам, вмонтированным в зубчатые края столиков. Таким образом реальные посетители мирно беседовали со своими приятелями, которые в данный момент могли находиться в любом уголке Марса. Немного жутковато было смотреть на эти странные компании и осознавать, что «настоящие здесь» являются простыми фантомами «где-то там».

Похоже, никто не горел желанием заводить знакомство с новенькой. Сама обстановка не располагала к общению: унылая камера, безликое нагромождение столов. Все здесь говорило: «Допивай скорей свое пиво и будь таков. Не забывай — тебя ждут дела». Властная «Королева» не была особо щедра на аудиенции. Да, подумала Деметра, современная культура стала слишком деловой.

Вот она и допивала пиво, молча, сначала маленькими глоточками, потом все быстрее и быстрее, убеждаясь, что ей вовсе не улыбается перспектива поболтать о том о сем с голограммой. Лучше уж одиночество. А ведь доктор Ли, по сути, является ее единственным знакомым на Марсе. Когда в кружке не осталось ничего, кроме пузырьков пены, Деметра тихонько поставила ее на столик и пошла бродить дальше.

Поднявшись этажом выше, Деметра заметила заинтересовавший ее указатель: «Город Куполов». Она подумала и решила, что посетить такой «город» будет довольно занятно. Ей совсем не хотелось спать, несмотря на то что она была на ногах уже почти полные земные сутки. Небольшая усталость вызывалась разницей во времени: на Марсе сутки длиннее земных на тридцать семь минут.

Такое течение времени объяснялось скоростью вращения Марса вокруг своей оси: кроме того, в тоннелях повсюду горел свет. Может быть, поэтому Деметра чувствовала себя одним из пузырьков неистово искрящегося потока энергии. Ей пришлось в голову подняться на поверхность и посмотреть, что там делает Солнце. Может, хоть это как-то поможет ей сориентироваться?

Первым указанием на то, что она покидала подземную коридорную систему, была площадка на наклонно установленном трапе с дверью, которая вела в шлюзовую камеру. Обе пневматические двери открылись одновременно, но Деметра заметила, что они готовы захлопнуться при первых же признаках падения давления. Панели, насколько можно было судить, представляли собой бронированные пластины.

Очевидно, тарсис-монтианцы — или как там они себя сами называли? — опасались, что взрывная декомпрессия может сопровождаться атомным нападением.

Над шлюзом ситуация с давлением непонятным образом изменилась. У Коглан заложило уши, она почув-

ствовала некое подобие нагнетания атмосферы. Нечто подобное испытываешь, когда надеваешь скафандр и насос начинает закачивать воздух.

Место соединения скалистой породы Марса и сооруженных людьми куполов было скрыто слоями фибerglassа и стальной обшивки. Сделав несколько шагов, Деметра заметила у себя над головой прозрачный пластик. Материал немного прогнулся: не слишком сильно, чтобы рухнуть под собственным весом, но все же вполне достаточно, чтобы определить: внутреннее давление воздуха — это все, что его поддерживает. Колебания пластика указывали еще и на то, что по ту сторону купола дует ветер. Деметра не сомневалась, что конструкторы не ограничились одним лишь слоем тонкого материала, отделяющим пригодный для дыхания воздух от углекислого газа, гуляющего по марсианским просторам. Но ей вдруг стало понятно, что мгновенно закрывающиеся двери шлюзовой камеры отнюдь не излишняя предосторожность.

Судя по тому, какой свет проникал через ультрафиолетовый «потолок», она решила, что солнце уже значительно ближе к горизонту, чем было тогда, когда она ходила к Космическому Фонтану. Чтобы проверить свою догадку, Деметра стала искать окно.

Первый купол достигал метров пятидесяти в поперечнике и двадцати в высоту. Пространство было отгорожено стеной высотой в человеческий рост.

Деметра заметила, что крохотные комнатки непосредственно под платформами скромно прикрыты чем-то вроде тента. Если бы не это, то обитатели жилых модулей — рабочих мест? — могли бы наслаждаться видом тихого неба из ткани купола.

Коглан обошла вокруг, пытаясь отыскать стену периметра и взглянуть на поверхность планеты с естественного уровня. В какой-то момент ее блуждающий взгляд

упал на дверь одного из модулей, которая оказалась прикрыта не полностью. Внутри Деметра увидела типичное внутреннее убранство офиса: маленький стол, В/Р-терминал, стул, полку для дисков и нечто, похожее на старомодный складной стол, но с парой компьютерных «мышек» и интерфейсной панелью. Табличка с внешней стороны двери гласила: «Служба эксплуатации-Д2. Водные ресурсы».

Очевидно, службы управления в Тарсис Мон участвовали в распределении помещений лишь во вторую очередь. Если бы на купол упал метеорит, то первыми откинули бы лапки как раз бюрократы низшего уровня. Деметру это не удивило — такой принцип действует везде.

Насколько можно было судить, в этом куполе окна, выходящие наружу, вообще отсутствовали. Она прошла через тоннель к следующему, оказавшемуся чем-то вроде гаража. Дальняя стена имела выход в шлюз, загерметизированный массивной фибергласовой дверью. В «гараже» находилось несколько «ходунов», различавшихся размерами в зависимости от количества «ног» и напоминающих насекомых. Деметра вспомнила, что читала где-то о преимуществах именно такого способа передвижения перед колесным. Ведь здешний рельеф отличался неровностью, а дорог на Марсе никогда не было. Кроме того, в условиях низкой гравитации силы сцепления здесь были гораздо меньше, чем на Земле, так что колеса и гусеницы зачастую просто пробуксовывали. Гораздо надежнее в таких условиях «ноги».

«Ходуны» в гараже стояли с открытыми люками и поднятыми панелями доступа. Под панелями копошились люди и роботы. Наверное, решила Деметра, гараж по совместительству выполнял и функции ремонтной мастерской.

Лишь дойдя до третьего купола, она обнаружила окно во внешний мир.

Это был своего рода гимнастический зал, приспособленный к условиям низкой гравитации, с шестами, трамплинами и даже бассейном, наполненным голубой водой. Высота зала позволяла заниматься спортом без опасения врезаться в потолок. Понятно, что в тоннелях такого вида деятельность была бы невозможна. Пройдя через дверь, Деметра сразу почувствовала, как ее комбинезон пропитывается влагой. В нос ударил сильный запах хлора. Зал практически пустовал: вероятно, все находились на работе, с нетерпением ожидая конца смены, чтобы предаться удовольствиям.

Через прозрачные участки дальней стены можно было увидеть природный ландшафт. Деметра обратила внимание, что гонимая ветром пыль еще не успела слишком повредить стекло. Она подошла ближе и постаралась отыскать горные вершины, охранявшие Долину Маринера, то место, куда ей так хотелось попасть, но их не было видно из-за кривизны поверхности.

Повернувшись, Деметра направилась к западной стене, чтобы полюбоваться закатом. На Земле более плотная атмосфера смягчала сияние солнца, так что при желании каждый мог смотреть непосредственно на распухший диск далекой красной планеты. На Марсе тонкий слой разреженного воздуха не допускал такого эффекта, но пластиковое окно было снабжено светофильтром — чего Деметра не ожидала, — и она тут же установила регулятор на максимум. После такой меры предосторожности уже ничто не мешало наблюдать за серебристым диском, имевшим диаметр в половину того, что был виден с Земли.

— Мисс Коглан? — раздался сзади высокий мужской голос.

Деметра, конечно, понимала, что такое звучание вызвано избытком гелия в здешней атмосфере. Но все равно незнакомый голос был слишком высок и даже женственно пискляв.

— Да?

Она обернулась и увидела стоящего перед ней молодого мужчину. Бронзовая кожа, подтянутый мускулистый живот... Что-то подсказывало Деметре, что и попка у него не хуже. Чем-то незнакомец напомнил ей Давида Микеланджело. Все та же красота физического тела. Незнакомец вполне мог бы служить прекрасным наглядным пособием по анатомии.

— Мне сказали, вам нужен проводник. Думаю, я вполне подойду. Меня зовут Джори ден Острайкер.

Юноша был почти полностью обнажен, если не считать серых кожаных шортов в обтяжку и пары легких туфель из того же материала. Да еще рабочий пояс. Тоже кожаный.

Голова у Джори была совершенно лысая. Затылок блестел под тусклыми лучами, как медный котелок. Откуда-то с шеи свисали тоненькие кисточки, похожие на косички. Они свободно болтались у Джори между лопатками и делали его похожим на средневекового китайского мандарина. Когда он слегка повернулся, Деметра поняла, что это переплетенные провода.

— Да. Они посоветовали мне. То есть я сама... — Поначалу она даже растерялась.

Внешность незнакомца так заинтересовала Деметру, что она все продолжала его разглядывать. Маленькая бородка, аккуратно подстриженные усики. Впрочем, нет. Это не бородка. Только сейчас Деметра рассмотрела в уголках его рта крохотные липучки, на которых держалась дыхательная маска.

Еще более необычно выглядели уши продолговатой формы: они стояли торчком, прямо как у немецкой овчарки. В самом центре ушной раковины были вмонтированы крохотные кнопки. Это как раз благодаря им Джори мог слышать малейшие шорохи как на поверхности Марса, так и в условиях нормального атмосферного давления Земли.

— М-м... Кто вы такой, собственно говоря? — наконец нарушила Деметра неловкую паузу.

— Я-то? Креол, — ухмыльнулся юноша. — Слыхали про таких? Существ, идеально приспособленных для работы на Марсе.

— Ах, так вы киборг...

— Э, нет, детка. Киборг — сплошная куча железа, проволоки и другой дряни. У них же компьютер вместо мозгов. А я, можно сказать, человек. Усовершенствованный человек.

— Ясно. Так вы — мой прокси? Это вашими ушами я буду слушать, смотреть вашими глазами? А что еще вы можете делать вместо меня?

— Вы, наверное, не поняли, мисс. Я точно такой же человек, как и вы. Почти такой же. Я просто буду вас сопровождать туда, куда вам заблагорассудится отправиться. Со мной вы не потеряетесь. Я знаю Марс как свои пять пальцев.

— И Долину Маринера тоже знаете?

— Бывал там тысячу раз. Никак не меньше.

— Мы можем отправиться прямо сейчас?

Внезапно глаза Джори остекленели. Голова откинулась в сторону, совсем как у робота. Деметра не знала, бывают ли у креолов припадки, но раздумывать было некогда. Она ринулась к парню в страхе, что тот сейчас упадет.

Но помощь не потребовалась. Столь же внезапно взгляд креола снова стал осмысленным.

— Не сегодня, мисс. Все прокси в пределах досягаемости уже разобраны. Мне удалось заказать парочку на завтра.

— Парочку?! — изумленно переспросила Деметра. — Вы что, имеете в виду виртуальную реальность?

— А вы что думали, леди! Конечно, я мог бы и вправду туда отправиться. Но вы даже не представляете, насколько это опасно! Ночью на Марсе ужасно холодно, да и вообще — вы должны понимать! Не маленькая!

С этими словами он одарил Деметру таким взглядом, от которого у нормального человека мурашки побежали бы по коже. Злобно вращающиеся глазные яблоки... Сырой воздух, насыщенный химикатами. Жуть!

— Я все понимаю, — холодно ответила Деметра. А про себя подумала: «Ты бы так понимал!»

Марсианский каталог

7 июня

По громким булькающим звукам, проникающим в аудиоадаптер, Конфетка «догадалась», что Деметра Коглан опять отправилась в душ, в очередной раз забыв снять свой заветный титановый браслет.

Шум струящейся воды, резкие перепады температуры. Для Конфетки это было не внове. Но даже самому водонепроницаемому кибер-слуге вряд ли пришлось бы по вкусу подобное обращение.

Показания приборов докладывали о малейшем шаге, предпринятом Деметрой. Вернувшись в «Золотой лотос», она направилась в ванную. Раздалось хлопанье дверей, из чего Конфетка заключила, что хозяйка уже вымылась и пришла в свою комнату. Неожиданно раздался грохот — титановый браслет обо что-то ударился. Скорее всего Деметра ложится спать. Пора и Конфетке подзарядиться на ночь. А теперь... похоже, хозяйка включает комнатный терминал.

Так оно и оказалось. И скоро мягкий голос Деметры подтвердил, что Конфетка не ошиблась.

— Соединение с Сетью, пожалуйста.

— Да, Деметра, — тут же откликнулась верная Конфетка.

— Конфетка, я же не с тобой разговариваю.

— Хорошо. Нет проблем, Деметра.

— Мисс Коглан? — прозвучал голос терминала.

Конфетке он показался каким-то замедленным и низковатым. Слишком низок для женского, но и на мужской не похож, решила она. Однако вслух не сказала, зная, что в таких случаях лучше держать мысли при себе.

— Примите сообщение и передайте в оцифрованном виде на Землю... — давала указания Деметра Коглан.

Конфетка прислушалась. Надо временно отменить режим подзарядки батарей. Отдыхать будем позже, решила она. А пока надо внимательно слушать все, что скажет хозяйка, и по возможности запомнить кодировку этого файла в Сети.

Станный голос опять зазвенел в ночной тишине комнаты:

— Готово. Диктуйте адрес.

— Грегор Вайс. Главный инспектор, корпорация «Марсианское развитие», Тексахома, Даллас... Остальную информацию найдете в справочнике... Дорогой Грегор...

Деметра замолчала, подыскивая слова.

— М-м... Я благополучно прибыла на Марс. В местечко под названием Тарсис Мон. Оно еще известно тем, что здесь находится главный космический лифт. Терминал!

— Да, мисс, — откликнулась Сеть.

— Вообще-то это ваша задача — отредактировать мое послание... Вставить парочку запятых, где нужно, поменять предлоги. И вовсе не нужно регистрировать каждый мой вздох.

— Как скажете, мисс.

— Итак, продолжайте. Я подсунула им эту историю, которую вы с дедушкой придумали. Ну, что я нуждаюсь в длительном отдыхе. Пока никто ничего не подозревает. Кроме компьютерной системы, никто даже не в курсе, что я уже на Марсе. А ей, похоже, до меня и дела нет. Меня заставили пройти медицинский осмотр на наличие инфекционных болезней. Все нормально. Я прошла. Ну вот. Начните новый абзац. Я разузнала, что товари-

щи из Зеландии всю осваивают район Долины Маринера. Тут на Марсе полно их агентов. Карту мне пока достать не удалось, но я уже заходила в Сеть и видела сайты. Я почти уверена, что это та самая территория, которая нам нужна. Очень похоже на спутниковые данные, которые ты заставлял меня запоминать на Земле.

Абзац. Они всю копаются в так называемом, кавычки, Большом Каньоне, кавычки... Терминал! Здесь нужны пунктуационные знаки, а не сами слова. Хорошо? Хотят приспособить это место для будущих жилых помещений, а также для производства продуктов питания. Кажется, в их планы входит создание воистину грандиозного комплекса. Так вот, Грег, я думаю, они еще не вычислили, что район Долины Маринера (а там ведь сейчас самая нижняя точка на Марсе) — то самое место, где можно без проблем наращивать атмосферное давление. Быстрее, чем где-либо еще на поверхности планеты. Там подземные воды и другие перспективы. Не знаю пока, насколько зеландцы гибки в своих решениях. Как они отнесутся к нашей программе подземных работ? — Терминал! «Подземных» — это одно слово! Убери дефис! О Боже! Такой тупой машины я еще не встречала... Грег, я думаю, зеландцам бы не понравилось, если бы мы запрудили водой вырытые ими тоннели.

Абзац. В любом случае завтра мне предстоит маленькое виртуальное путешествие в этот район Марса. Какие-то прокси. Когда вернусь, расскажу, что у них там творится. Короче, эти прокси покажут мне территорию. Тогда реакция зеландцев на наш проект станет более понятной. Жди более подробной информации завтра. Абзац. Что касается всего остального — ой-ах-а! — да это же зовок! Тупица, не надо печатать — еще раз повторяю: вернись и сотри — да не все предложение — безмозглая машина!

...Абзац. Что касается всего остального, обрадуй дедушку, скажи ему, что я в прекрасной форме и уже полностью оправилась после операции. И пусть он не волну-

ется. Я не собираюсь «подарить» ему в ближайшее время маленьких Когланов. Это служебная командировка. Никаких романов на борту корабля. Хотя, Грег, если уж быть откровенной, то искушения есть и на Марсе. Не далее как сегодня я познакомилась с одним весьма симпатичным пареньком. Ну просто сексуальный бог. Кожа цвета шоколада...

Конфетке так и не удалось насладиться рассказом о сексуальном марсианском пареньке. Последовавший глухой звук полностью отрубил поступление дальнейшей информации. Звук этот был ей хорошо знаком. Означал он, что хозяйке не нужны посторонние «уши». Даже люди имеют право на личную жизнь. Звучит парадоксально, верно?

Еще какое-то время Деметра рассуждала о сексе, зная, что Конфетке ничего не слышно. Но неужели она не понимала, что вместо Конфетки ее слушает сейчас вся Сеть? Да, люди — странные существа, подумала Конфетка. Ладно, пора на отдых.

Подзарядка...

Глава 3

НЕ УЧИ УЧЕНОГО

«Золотой лотос»

8 июня

Утренний душ приятно освежил Деметру Коглан после первой ночи, проведенной на Марсе. Поставленные в ванной счетчики ни на минуту не позволяли забыть, где она находится: двадцать пять секунд, чтобы намылить голову, пять секунд на... и так далее, и тому

подобное. Время — деньги. Приняв душ, Деметра спустилась в столовую, которая больше напоминала простой кафетерий. Наступало время завтрака. Яйца всмятку (если это были они), овощи, сосиски и в придачу почему-то китайские палочки.

Деметра пошла за ложкой, но вернулась с ее жалким подобием — на длинной-длинной ручке болталось узенькое «суденышко». Как ею пользоваться, она не знала. Поэтому недолго думая пустила в ход пальцы. Какая культура, такие и манеры, успокоила она себя.

До встречи с Джори, как там его по батюшке, оставался еще целый час. Поразмыслив, как провести это время с пользой, Деметра решила повесить свой уровень интеллектуального развития, еще раз пообщавшись с терминалом.

Вообще-то она куда с большим удовольствием отправилась бы на прогулку с верной Конфеткой. Что ни говори, а та умела держать язык за зубами, если, конечно, ее не забывали об этом предупредить. Но предстоящее задание очень много значило для Деметры, а Конфетка при всем желании не могла бы предоставить видеоинформацию и хороший стереофонический звук. Альтернативы не было. Оставался терминал.

Деметра вернулась в свою комнату и включила экран. Он тут же замигал, словно радуясь предстоящему общению.

— М-м... — помедлила Деметра. Ни в коем случае нельзя возбуждать у Сети подозрения. Спросить о важном небрежно, как бы между прочим, — не так-то просто. — Мне бы хотелось получить какую-либо информацию о других туристах.

— Все чужаки числятся в списке № 4, — ответила машина.

«Чужаки!» Не слишком ли много позволяет себе Сеть?

Деметра приступила к поискам «чужаков». В списке № 4 их оказалось всего семеро: пятеро прибыли из Север-

ной Зеландии и двое из Объединенной Кореи. Она запросила досье, и желательно с фотографиями.

Зеландцы не представляли никакого интереса: две женатые пары да один холостяк. Всем далеко за пятьдесят.

Уильям и Джейн Брейданы уже подали официальную заявку на получение марсианского гражданства. Двое других — Питер Уэндалл и его жена, — похоже, приехали навестить как раз этих самых Брейданов. Жили они все в самом отдаленном районе Элизиума. Дополнительные данные показали, что четверо «чужаков» не просто друзья: Джейн Брейдан приходилась Питеру родной сестрой. Да... они мало походили на шпионов.

Деметра не располагала особой информацией о работе Северозеландского агентства по экономическим сношениям, в мире бизнеса просто — СЗАЭС. Но что-то подсказывало ей, что оно не стало бы бросать деньги на ветер: оплатить дорогу на четверых да еще внести арендную плату за двух будущих граждан Марса. И все это чтобы заслать одного шпиона? Нет, в агентстве явно не дураки сидят, подумала Деметра. К тому же район Элизиума и Долину Маринера разделяет весьма порядочное расстояние. На таком расстоянии особо не повлияешь на строительство каньонов. Если ты, конечно, не волшебник.

В окошке терминала проплыли одно за другим четыре лица. Чем-то они даже были похожи: густые брови, волевые подбородки, подтянутая гладкая кожа, живой взгляд. Глядя на них, можно было с уверенностью сказать, что работа — соль их жизни. Это она поддерживает в форме, не дает расплыться телу и духу. Настоящие пионеры, первопроходчики, подумалось Деметре. Видать, получили первоклассное образование. Наверное, если таким поручить починить сломавшийся водяной насос, то они вспомнят все формулировки из курса школьной физики и добьются-таки своего — починят насос.

Ладно, с этими все ясно. А вот холостяк, Альфред Манн... Так-так-так. Никакого отношения к той четверке не имеет. На Марс приехал пополнить свой багаж астрономических знаний. В Тарсисе находится уже довольно долго. Успел слетать на Фобос, где и провел последние шесть месяцев в обсерватории, наблюдая за звездами. Этот тоже абсолютно безвреден, решила Коглан.

А вот корейцы сразу привлекли ее внимание. В списке они значились как хозяин со слугой — что само по себе довольно странно для представителей одной из самых демократичных наций в мире. Хотя вообще-то в ведении Объединенной Кореи находилась только территория, примыкающая к Сеулу — от Кэсона на севере до Инчхона на юге. Ее правильнее было бы назвать городом-государством.

Хозяина звали Сак Иль Сан. Зарабатывал он себе на жизнь довольно древней профессией плебоя. Его слуга, Чанг Квок До, значился в списке как «вассал семьи Сан».

На экране проплыли две желтые, косоглазые, типично азиатские физиономии, которые вполне могли бы сойти за агентов министерства иностранных капиталовложений Великобритании.

Пока Деметра внимательно изучала заинтересовавшие ее базы данных, на экране высветилось новое сообщение:

— За последние двадцать четыре часа на поверхности Марса еще одним «чужаком» стало больше. Нэнси Кунео, из Северной Зеландии, спускается сейчас в Тарсис Мон на «Космическом ветре». Через тридцать шесть часов ее ноги ступят на здешнюю «землю».

Смотри-ка ты! Для путешествия на Марс выбрала самый короткий путь — на Фонтане «Суматра»: видимо, покидала Землю в спешке. Зачем же так спешить? Ответ напрашивался сам: шпионка! На сей раз сомнений быть не могло. Столь поспешный вылет отметал их последние крупницы. Нэнси отрекомендовала свой статус как дове-

ренное лицо компании «по финансовым вопросам». Но почему же тогда ей лично пришлось оплачивать билеты? В общем, с ней все понятно. Хотя...

Когда на экране замелькали фотографии, Деметра пришла в недоумение. Шпионка оказалась настоящей старушкой! Указанный в досье возраст (сорок два года) явно был вымыслом. Деметра даже увеличила снимок, пристально вглядываясь в паутинки морщинок в уголках глаз и рта. Да... «шпионке» не меньше шестидесяти. Даже супердорогая пудра не скрывала дряхлость кожи и ее нездоровый цвет.

Ну что ж, оказывается, не все шпионки юные и сексапильные. Бывают и исключения из правил. Например, Нэнси Кунео.

Коглан еще раз взглянула на снимок, стараясь как можно лучше запомнить внешность Кунео. Перечитала краткую биографию. Кто бы мог подумать, что ей придется выслеживать старушку!

Выключив терминал, Деметра посмотрела на часы и заторопилась. Она опаздывала на встречу с Джори уже на целых десять минут.

Сборный пункт № 4 **Восточная сторона Тарсиса** **8 июня**

А в это время Джори ден Острайкер прогуливался по поверхности недалеко от другого своего рабочего участка. Шум работающих процессоров издали достигал его чутких ушей. Процессоры были ноймановские, сверхмощные. Джори подошел поближе и остановился, залюбовавшись на их работу. Урожай на этот раз превысил все ожидания. Показатели выросли на двадцать пять процентов.

— Заслуга усовершенствованного нового проекта, — пояснил голос из Сети.

— Да-а. Фантастика! Каждый раз изумляюсь! Клянусь, их изобрел гений!

Джори потянулся, чтобы достать ближайший к нему процессор. В тот же миг процессор выключился. Все как предусмотрено программой.

— Соедините меня с терминалом бара «Пурпурная королева», — попросил Джори.

— А вы знаете код? — спросил все тот же голос, не имеющий ни пола, ни возраста.

— Нет. Это ваша задача — его вычислить. — Джори чуть помедлил и добавил: — Отрабатывайте свои бабки, ясно?

— Еще как, мистер! «Пурпурная королева» на линии. Говорите...

Бар «Пурпурная королева»

8 июня

Когда Деметра, как и было условленно, пришла в бар «Пурпурная королева», Джори там не оказалось. Можно было бы, конечно, попросить его заскочить за ней в отель, однако Деметра пока не хотела проверять, чем может закончиться их с Джори встреча не на нейтральной территории.

Да, собственно, и сейчас встречи не получилось. Деметра проконсультировалась с Конфеткой — оказывается, опоздала она всего на одиннадцать минут. Не настолько же Джори глуп, чтобы не подождать даму. Да и в конце концов, кто кому платит?

Деметра направилась к ближайшему терминалу, чтобы послать запрос, но не успела протянуть руку к кнопке, как экран зажегся, и на нем возникло изображение Джори ден Острайкера, беззаботно улыбающегося в ка-

меру. Судя по качеству картинки и наличию едва зарубцевавшихся шрамов на лице Джори, фотография была из какого-то идентификационного архива.

— Привет, Деметра, — раздался голос из громкоговорителя.

— Джори? Где вы?

— Работаю. Послушайте, я не забыл, что у нас встреча, но, боюсь, ее придется отменить. Мне не удалось раздобыть прокси в Долину Маринера. Нынче тоже все разобраны, даже туристские модели. Может, перенесем на завтра?

— Черт! Все планы насмарку!

— Да бросьте, совсем нет. Вы могли бы виртуально побыть со мной здесь, на сборном пункте. Посмотрите, как я работаю. Ведь моя работа помогает колонии существовать.

— Ну... хорошо. А как мне попасть в виртуальность?

— Ваш терминал должен иметь выход в виртуальность. — Джори говорил уверенно, словно знал это наверняка. — Там под клавиатурой специальный ящичек.

Деметра проверила.

— Здесь закрыто!

Щелк!

— Уже нет. Теперь возьмите шлем, перчатки и надевайте их.

Деметра надела шлем и перчатки и поправила микрофон.

— Что теперь?

— А теперь я подключу вас к ближайшему прокси — он в четырех километрах отсюда.

Лицо Джори на экране стало медленно таять в появляющихся ярких, насыщенных красках, и скоро в поле зрения Деметры возникли черные уступы скалистых гор, распластавшихся на розовых песках под бескрайним белым арктическим небом. Деметра не ожидала столь

резкой смены картинки и от неожиданности даже дернулась. Двигательный сенсор, вмонтированный в шлем и соединенный с сенсором ее прокси, дублировал изменение положения головы Деметры. Бинокулярные камеры теперь были повернуты прямо вверх, в небо. Оттуда смотрело огромное Солнце. Пара световых фильтров приглушила его пронзительно яркие лучи, от чего возникло впечатление темного ночного неба. Деметра медленно опустила голову, и ее прокси тоже. Снова скала. И розовый песок. Снова краски дня.

Да, не так-то легко привыкать к виртуальной реальности. Деметра уже семь месяцев не подходила к компьютеру, да и ожидала она от марсианской продвинутой машины гораздо большего. Ничего не поделаешь. Придется смириться с тем, что есть.

— Скажите, а здесь можно присесть? — спросила она у Сети. Или у Джори? А впрочем, не все ли равно?

Из задней стены бесшумно выплыло что-то вроде табуретки. Деметра в изнеможении опустилась на сиденье.

— Научите меня передвигаться, — попросила она.

— Работайте локтями. «Ползите». Имитируйте движение полугодовалого ребенка. В ваши перчатки вмонтированы крошечные манипуляторы. Их задача — дублировать все ваши телодвижения. Чтобы повернуться влево, работайте левым локтем, направо — правым. Ваш проводник позаботится о координации движений и даже затормозит там, где это нужно.

Когда Деметра попробовала пошевелить руками, прокси затрусил вперед по каменистой дорожке. Переведя дух, она посмотрела вниз, и дыхание снова перехватило: огромные руки методично загребали при ходьбе воздух — раз-два, раз-два... Это были руки не человека (ведь никто бы не осмелился назвать человеком чудовище Франкенштейна). Хуже всего было то, что тело этого монстра ощущалось как свое собственное, создавая иллюзию ре-

альной прогулки по марсианским ущельям. «Ноги» у чудища были ничуть не лучше. Вздывая клубы пыли, стальные паучьи лапы, волосатые из-за обилия чувствительных проводков, победно маршировали по зыбучим пескам.

— Джори! Как мне найти тебя здесь?! У меня ведь даже нет карты.

— Не волнуйтесь, мисс. Я снабдил вашего проводника поисковой программой. Через десять минут увидимся. А пока наслаждайтесь прогулкой. — В его словах звучала едва слышная издевка.

— Но как же?..

Неоконченная фраза повисла в воздухе. Джори уже не слышал ее. Он ушел доделывать свою работу. Только давящая тишина осталась в наушниках.

Деметру разбирало любопытство, что же произойдет, если она не будет следовать данным ей инструкциям и направит безобразную машину вот, например, на ту скалу.

Ответ не заставил себя ждать. Прокси приблизился к крутому откосу и остановился. Деметра понимала, что угол наклона слишком велик для робота. Если бы он продолжил идти вперед, то непременно перевернулся бы вниз головой из-за смещения центра тяжести. Как же эта тупая машина найдет выход из ситуации?

Тут она увидела, как «ноги» ее проводника начали медленно сгибаться. Очень скоро вместо двух конечностей образовалась одна: эластичная шестигранная опора. Паучьи ноги переплелись в стальную клетку.

Не успела Деметра и глазом моргнуть, как прокси сделал стремительный прыжок и покатился. Пейзаж начал бешено вращаться, а недавно съеденный завтрак подступил к горлу. «Полет» длился всего доли секунды, и скоро они снова бежали по розовым марсианским пескам. Завтрак медленно вернулся на место.

Через несколько минут они оказались среди пустынной долины, чуть восточнее подземного комплекса. Гор-

ные отроги величаво вздымались ввысь, чувствуя себя здесь полными хозяевами.

Коглан медленно перевела дыхание. Долина кишела морскими крабами. Каждый такой крабик по форме чем-то напоминал маленькую лошадиную подкову. Темные горбатые тельца с устрашающими шипообразными хвостами медленно змеились по ближайшим холмам, стекаясь в одну шевелящуюся кучу. Это ужасное зрелище напомнило Деметре брачный период у паукообразных. Групповое изнасилование времен палеозоя. Ну прямо настоящий город эпохи трилобитов.

Деметра слышала, что на Марсе есть целые колонии одноклеточных организмов, размножающихся преимущественно в силикатных грибах. Ей попадались статьи о существах, когда-то существовавших на Земле, а потом одичавших, — например, песчаная крыса, или просто песчанка. Усилиями современной биоинженерии ее приспособили к жизни в условиях Марса, сведя к минимуму дыхательные потребности. Много чего слыхивала Деметра о марсианской живой природе. Но такое...

— Что за странные существа? — спросила она у Джо-ри, содрогнувшись.

Тот стоял рядом с извивающейся кучей крабов и проделывал с одним из маленьких «чудовищ» какие-то непонятные штуки. Деметра подумала, что он вынимал из них яйца. Теперь, когда она видела креола, ее глазомер работал лучше: панцирь в поперечнике достигал целого метра.

— Мы зовем их Джонни, — ответил креол, поворачиваясь лицом к Деметре — точнее, к ее прокси. — Но это, так сказать, местный диалект. Официальное название: ноймановский процессор.

— Это что-то вроде животного? — спросила Деметра.

— Конечно, нет. Это — машина. Но осмелюсь заметить, что для машины она довольно умна.

И Джори подробно объяснил Деметре функцию «крабов». Частично это касалось освоения марсианских почв, частично — размножения минералов. Двигались они за счет преобразования солнечной энергии в электрическую. Это стало возможным благодаря специальным микросхемам, вмонтированным в структуры их панциря. Если не считать чипов, обеспечивающих двигательную функцию, а также устройства, считывающего информацию, то можно было сказать, что крабы состояли в основном из рта и внутренностей.

Назначение «рта» состояло в химическом анализе марсианских почв. В основе лежали те же принципы газовой хроматографии, что использовал доктор Ли, впрыскивая специальный состав в кровь Деметры. «Кишки» крабов представляли собой последовательность крохотных сепараторов.

В то время как устройство ползло по поверхности, «рот» заглатывал на пробу встречавшиеся камушки и песчинки. Если их химический состав совпадал с данными, записанными в его микропроцессорных мозгах, краб усаживался и начинал «лакомиться» найденной «пищей».

Первичная переработка «съеденных» сплавов, силикатов и других органических соединений происходила внутри самого панциря. Это был своего рода инкубатор, где из проглоченных кусков возникали части будущего краба. Хвост работал как своеобразный рычаг, выталкивающий эти своеобразные запчасти. При помощи двух микроманипуляторов, встроенных в переднюю часть панциря, он же потом и собирал из них нового ноймана. Появившиеся на свет таким образом «потомки» тут же начинали свою самостоятельную жизнь, уползая в поисках «еды». Породивший же их механизм начинал набивать желудок чистыми металлами и кристаллическими элементами. Вначале эта «пища» скапливалась в

панцире, затем поступала в кишки. Находящиеся там репликационные механизмы попросту переваривались.

И вот когда каждый кубический сантиметр под панцирем заполнялся восстановленными минералами, «краб» приползал «домой» — туда, откуда когда-то начал свое странствие. Долина, на которую смотрела Деметра, как раз и была одним из таких мест.

— Нойман как бумеранг — рано или поздно возвращается. И не один, а с потомством, — закончил Джори свою лекцию о процессорах.

С этими словами он поднял железный панцирь одного из «крабов» и вытащил два диска, по окраске напоминающих медные. Далее он извлек что-то типа стеклянной колбочки и несколько петель из тончайшего волокна. Все это Джори засунул в потайные карманы своего пояса.

— У этих крабов очень полезная начинка. Жалко выбрасывать, — пояснил Джори. — Не говоря уже о самом панцире. Он из мягкого железа. А форму поддерживают эластичные волокна. Очень ценная штука.

— А зачем нужен панцирь? Разве нельзя обойтись без него? — полюбопытствовала Деметра.

— Из-за смерчей. Здесь, на Марсе, это довольно частое явление. К тому же перепады температур и давления. Здесь нет океанов, как на Земле, которые бы регулировали уровень влаги и тепла. Да и полюса довольно далеко отсюда.

— Значит, панцирь выполняет защитную функцию?

— Ну... не совсем. Он отвечает за координацию в пространстве и обеспечивает двигательную функцию. Такая вот аэродинамика. — Джори лениво растягивал фразы, в то время как его пальцы копались во внутренностях краба. — На самом деле все очень просто и гениально. Чем сильнее ветер, тем устойчивее наш нойман. Тем глубже он проникает в землю и находит нужные вещества в коре.

Если бы не было «панциря», вихри подхватили бы бедных крабиков, и больше бы мы их не увидели.

— А как же прокси? — Деметра рассказала, как ее механический проводник при первой же опасности сгруппировался и просто покатился по отвесному склону. — Почему они не теряют координацию, не сбиваются с выбранной траектории? В какой-то момент я думала, что нас закружит в марсианских пустынях, как перекаати-поле.

Джори только пожал плечами:

— Ничего странного. Прокси намного умнее, чем нойманы. Даже если ими никто не управляет. Они умеют сами посылать сообщения в Сеть, соединяться с сетевым провайдером, ну и многое другое. Если оборвать контакт со своим проводником, ты получишь массу острых ощущений. Гарантирую!

Деметра смутно помнила, что Сеть строго-настрого наказывала ей во всем повиноваться прокси. Никто бы не погладил ее по головке, потеряй она во время прогулки своего механического проводника. Эти мысли мелькнули в ее мозгу и улетели прочь.

Она взглянула на Джори.

Тот тщательно изучал сброшенный крабом панцирь на наличие трещин и царапин. Вот маленькая зазубринка на клешне, а вот еле заметная дырочка со стороны шипообразного хвоста. Покачав головой, Джори начал разбирать ноймана на запчасти и бросать их в большую сумку. Но вот его рука нащупала что-то, видимо, очень важное. Бережно-бережно креол вытянул крохотную пластинку и положил в карман своих шорт.

— Что это? — не удержалась от вопроса Деметра.

— Мозг. В нем запечатлена вся информация о том, где нойман был и что он видел. Мы «скормим» его Сети, а уж она скопирует эти данные на карту Марса. Ты понимаешь, Деметра, наша топографическая программа пополнится новой информацией! Потихоньку, шаг за

шагом, мы освоим всю поверхность планеты. Будем знать местность как свои пять пальцев.

— А можно... я помогу?

— Конечно, если хочешь. Это очень просто.

Джори показал, где нужно подцепить чешую краба. Он научил ее отличать перерабатывающее устройство от продуктов этой переработки, поврежденный «процессор» от «здорового». Скоро Деметра уже довольно быстро сортировала крабов... Манипуляторы, встроенные в перчатки, работали как ее собственные руки. Немного трудновато было скоординировать движения, да еще неприятный вид паучьих лап продолжал шокировать Деметру Коглан. Однако, несмотря на это, работа шла довольно бойко. Джори снабдил ее щипцами, ими было удобно разламывать жесткую чешую. Сумки для запасных частей он подвесил к выступающим коленям ее прокси.

— А куда девать неповрежденный каркас? — спросила Деметра.

Она наконец нашла один такой: ни царапинки, ни щербинки.

— Давай его сюда.

Джори достал из коробки какой-то странный механизм. Похоже на сталь, но с кристаллическими вкраплениями. Любопытная Деметра заглянула в коробку и увидела еще с десяток подобных «штук». Она перевела вопрошающий взгляд на креола. Ловкими движениями пальцев Джори в мгновение ока втиснул странный механизм в старый каркас. Деметра чуть не ахнула: получился новый «краб» — с таким же точно жадным ртом, как и у старого. Джори осторожно опустил его на землю у своих ног.

Какое-то время краб лежал неподвижно, очевидно, впитывая энергию Солнца. Но вот проворные клешни зашевелились, и маленький монстр, слегка покачиваясь, пополз навстречу неизведанным пространствам...

— Что это значит? — изумленно спросила Деметра.

— Поколение № 2. Усовершенствованный тип. В основе лежит все та же программа: ползти вперед и размножаться. Единственное отличие от нойманов старого типа в том, что этот никогда не вернется. Это не просто старина Джонни. Это настоящий Джонни Яблоневого Семечко.

Тут креол улыбнулся, заметив устремленный на него непонимающий взгляд девушки.

— Это старая история. Мне рассказывали ее еще на Земле, — пояснил он. — Как, ты никогда ее не слышала?.. А впрочем, не важно. В общем, новый Джонни не столь механистичен. У него биологическая «упаковка». Такого раньше не было... Да и программа отличается: этот крабик обречен на вечные странствия по марсианским пустыням и горным кряжам. Он будет ползти по зыбучим пескам, пока кто-то или что-то насильственно его не уничтожит.

— А для чего предназначены эти новые процессоры? И вообще какова их природа?

Джори зачем-то осмотрелся, словно боялся сболтнуть что-то лишнее при свидетелях.

— Важны две составляющие — водоросли и бактерии. И те, и другие генетически изменены. В теперешнем своем состоянии они практически бессмертны. Бактерии были обнаружены микробиологами в районе Антарктики. Температура там достигает таких же низких отметок, как и на Марсе, и в воздухе практически отсутствует влага.

Так вот, если эти две разновидности скрестить, то получится что-то вроде лишайника. Джонни их высаживает и высевает на специально предназначенной для этого территории. Водоросли впитывают соли, лучи и углеродосодержащие составляющие. Бактерии выполняют не менее важную функцию. Они помогают выделяться влаге, как из атмосферы, так и из слоя вечной мерзлоты. Ну а Джонни просто незаменим: его отходы постоянно пополняют почву органическими элементами.

— Значит, практически безотходное производство... И ты это ешь?

— Как тебе только такое в голову пришло? — Слова Деметры, казалось, шокировали невозмутимого Джори. — Это ведь работа для будущего. Мы делаем все, чтобы изменить эту бесплодную планету. Когда в атмосфере станет больше свободного кислорода, мы сможем выращивать овощи прямо под открытым небом. А если почва будет насыщена органическими элементами, это не только значительно повысит ее урожайность — она сможет удерживать больше тепла, излучаемого Солнцем. Расчеты показывают, что, когда нам удастся поднять среднюю температуру почв в районе экваторов, создание водоемов не покажется таким уж нереальным... Но температура должна быть не менее 270° по шкале абсолютной температуры.

Деметра не верила своим ушам.

— И что, ты хочешь сказать, что в один прекрасный день по Марсу потекут *реки*?

— А почему бы и нет? Ведь кое-где на Марсе почва нагревается достаточно сильно. Я считаю, наш проект в принципе осуществим.

— А как же атмосферное давление? — не сдавалась Деметра. — От твоих рек не останется и следа. Космос втянет их в себя, вот и все.

Джори слегка нахмурился:

— Ну, кое-что останется, Деметра. В низинах все же установится необходимый баланс атмосферного давления и температур. Конечно, это будет не скоро: нойманы делают свое дело не спеша. Но наши расчеты показывают, что такие времена наступят. Цифры — вещь упрямая. С ними не поспоришь, Деметра...

Та и не пыталась спорить. Повернувшись к шевелящейся куче «крабов», она глубоко задумалась. Вне всяких сомнений, Джори был серьезен. Он действительно

верит, что однажды Марс станет неузнаваемым: проснет-ся жизнь среди мрачных скал и безбрежных песков. Почему же тогда в своей родной Тексахоме ей так часто приходилось слышать, что все марсианские поселенцы — лентяи и скептики? Что они еле работают без всяких надежд на результат?.. В корпорации «Марсианское развитие» поговаривали, что освоение Марса — очередная политическая афера, затеянная для вымогательства денег у налогоплательщиков.

Сам дедушка Коглан также считал марсианских колонистов недальновидными лентяями. Все, на что они годны, так это бесцельно сажать семена, которые никогда не взойдут, обтесывать каменные глыбы да играть день-деньской в виртуальные игры.

Да у них просто мозгов не хватит на действительно стоящий проект. А если его и разработают, то где уж им взять настойчивости для его воплощения?..

Но вот она — реальность. Деметра созерцала ее своими собственными глазами. И вот он — Вполне Реальный Проект.

Ей только что оказали доверие...

Да, конечно, пройдет немало лет, прежде чем Марс преобразится. И конечно, проект, разработанный на родине, в Тексахоме, звучал куда грандиознее.

Громадные астероиды предлагалось раздробить где-то в южных нагорьях Марса. Тогда гигантские пылевые облака надолго повиснут в нижних слоях атмосферы. Постепенно это приведет к существенному повышению температуры. Потепление, в свою очередь, будет способствовать накоплению в воздухе влаги. Прольются обильные дожди. Они будут идти полгода — целую половину марсианского года!.. Такой эксперимент достаточно провести два раза, и вот тогда...

Рассказывая о проекте, Джори не раз употреблял громкое слово «мы». Интересно, кого он имел в виду?

«Наши расчеты...» Что-то пока Деметра не видела ни одного представителя местного правительства, озабоченного проблемой плодородия марсианских земель. Одни бездельники. Суют нос в чужие дела, вынюхивают, кто чем надушился, воруют деньги с лицевого счета, устраивают никому не нужные медосмотры. Так, незаметно для себя, Деметра облупила добрую сотню «крабов» — не без помощи Джори, конечно. Около десятка новых Джонни уже отправились бороздить марсианские просторы своими цепкими клешнями...

Креол отложил в сторону инструменты и уселся на песок, скрестив ноги. Утро давно уже уступило место марсианскому полудню.

— Ты когда-нибудь занималась виртуальным сексом? — с нарочитой небрежностью спросил он у Деметры.

— Ха! Уж не себя ли ты предлагаешь? — Деметра изо всех сил пыталась сохранить самообладание. — Электронные тела или еще какое-нибудь извращение похлеще?

— Кожные электроды. В твоей комнате должна быть парочка, — пояснил Джори. — Все происходит в твоей голове. Тело в этом никак не участвует. Но ощущения вполне реальные. Еще одно преимущество виртуального секса — это то, что ты можешь быть кем захочешь, хоть мужчиной. Я не против...

— Так ты что, правда предлагаешь мне?..

— Ну, только... электроды... Знаешь...

— Джори, ты что, покраснел? — Деметра сфокусировала электронные глаза прокси на лице креола, стараясь заметить следы смущения. Однако оттенок его кожи затруднял эту задачу. Но все равно Деметра была почти уверена в своей догадке. — Джори, да ты залился краской!..

— Забудь все, что я сказал! — прозвучал сдавленный ответ.

— О нет, Джори. Ты знаешь... Я никогда не соглашусь заниматься этим с машинами. Это раз! Меня опре-

деленно устраивает тот факт, что я родилась на свет женщиной. Это два! И вообще ты первый начал этот разговор — это три!!!

Креол посмотрел исподлобья прямо в глаза ее прокси и ухмыльнулся. Сообразив, что их разделяют десятки километров, Деметра успокоилась. На таких, как Джори, нельзя ругаться — никогда не знаешь, что они выкинут в следующий момент. Еще немножко, и этот парнишка оседлал бы ее стального проводника. «Нет уж, премного благодарна, но у меня найдутся дела поважнее», — подумала Деметра...

Дела делами, но, похоже, сегодня вечером ей будет что поведать своему дневнику...

Глава 4

КАК ЗНАКОМИТЬСЯ С НОВЫМИ ЛЮДЬМИ И ОКАЗЫВАТЬ НА НИХ ВЛИЯНИЕ

Административный офис

Солюс Планум

9 июня

По марсианским меркам кабинет выглядел роскошно. Обтянутые органическим пластиком стулья походили на настоящие с кожаным верхом. Эффект кожи достигался нарисованными на искусственно выращенных волокнах стежками. Краску, очевидно, доставили прямо с Земли, заплатив при этом приличную сумму денег. В кабинете также стоял двухметровый квадратный стол с желтоватым резиновым покрытием. Однообразная желтизна кое-где

оживлялась росчерками полос цвета угля. Да, вся эта обстановка обошлась кому-то весьма недешево...

Роджер Торвей не сразу понял, что перед ним настоящее дерево. Не виртуальный письменный стол, а самый обыкновенный. Впрочем, на Марсе все обыкновенное выглядело куда сказочнее, чем чудеса кибернетики. В данном случае было трудно сказать, кто так здорово потратился на ремонт офиса. Скорее всего платила фирма. А заказывал все это великолепие Боган Димелович Остров. Временно исполняющий обязанности секретаря Остров был подотчетен самому мэру Солюс Планум, некоей Людмиле Петровне. Если быть точным, то он не совсем секретарь — статус его был повыше. Но и до главного помощника явно не дотягивал. Почему временно? Да потому, что все в жизни временно: высокие посты, награды, почести... Все меняется. Неизбежной остается лишь Гражданская Служба. Как понятие. Как ячейка структуры социума. К такому выводу пришел Торвей.

— Откровенно говоря, полковник Торвей, мне кажется, вы не понимаете, о чем меня просите. Не меня. Администрацию. — Остров натянуто улыбнулся, словно желая тем самым подвести черту под необдуманной просьбой Торвея. — Импортировать полторы тысячи килограммов очищенного трития и тяжелого водорода нам не под силу. Да поймите же, не в нашей это компетенции. Кроме того, слишком дорого обойдется. Вы даже не представляете...

— Не дороже, чем ваш письменный стол, — вырвалось у Торвея.

Не стоило этого делать. А вдруг его компьютер подключен к Сети. Убедившись в отсутствии связи, Роджер с облегчением вздохнул.

— Я осознаю величину возможных затрат. — Вместо ответной улыбки у Торвея получилась гримаса. — Но вы ведь знаете, я не милостыню пришел просить. Если

Солюс Планум возьмется оформить заказ и лицензию на вывоз, я готов предложить вам взамен эксклюзивные права на публикацию моих мемуаров. Как первого человека... — тут он немного замялся, — человека, чья нога ступила на Марс. С полным обзором поверхности, тех ее уголков, о которых колонисты и не слыхивали...

— Полковник Торвей, мы совершенно не заинтересованы в публикации ваших мемуаров. Кто их будет читать? Марсиане? Да их даже на картинку не заставишь посмотреть, не то что читать. Им и дела нет до вас и ваших мемуаров.

— Тогда... я бы... мог... — Роджер с трудом произносил слова, отчетливо осознавая, что с ним будет, если Солюс Планум согласится на его следующее предложение. — Я мог бы дать разрешение подключить свои сенсоры к виртуальным машинам... Людям будет интересно прочувствовать все то, что довелось испытать первому человеку на Марсе...

— Такие виртуальные игры уже существуют, полковник, — с раздражением передернул плечами Остров. — Я и сам играл в такую игру раз или два. «Обхитри тупой компьютер» или «Попробуй выжить среди полярной мглы». Да на рынке сейчас такого добра навалом, никто не берет! Оно, конечно, занятно — острые ощущения и все такое прочее, но... Знаете, полковник, вашими похождениями уже никого не удивишь — есть программы и покруче.

— Ладно, если игры устарели, то... — сдавленно произнес Торвей. От ярости он чуть ли не скрежетал зубами. К счастью или к несчастью, в титановой челюсти Роджера их давно уже не было. — Я понимаю, что вам тут в колонии не до нас... Вы сыты по горло территориальными притязаниями земных государств. Я мог бы быть вам полезным в этом плане. У меня сохранились кое-какие контакты с правительством.

Но Остров только покачал головой. Приклеенная улыбка не сходила с его напряженного лица.

— Полковник Торвей, мы преклоняемся перед вашим мужеством, вы выполнили свой гражданский долг, и выполнили его с отличием. Но это было пятьдесят лет назад. С той поры столько воды утекло... Теперешняя ситуация в корне отличается...

— Разрешите мне переговорить с представителем НАСА. Вот увидите...

— Такой организации больше не существует, полковник.

— Тогда с ее преемником!.. Ведь должно же быть какое-то объединение по исследованию космического пространства!.. Так. Погодите... Наша лаборатория располагалась в Оклахоме, но главный штаб был в Хьюстоне... Значит, сейчас подобная организация находится, наверное, в Техасоме...

— Корпорация, занимающаяся освоением марсианских земель, действительно работает в Техасоме, — довольно кисло произнес Остров. — И это действительно наша головная боль. Все те же претензии, что и в вашу бытность, полковник. Как бы нам хотелось, чтобы чиновники поменьше нас доставали. Но вы тут бессильны. Готов поручиться, что ваше тело, ваше оснащение и даже ощущения вам больше не принадлежат. Это теперь *их* собственность. На вас потрачены миллиарды долларов — или как там называются теперешние денежные единицы? Прошли те времена, когда вы могли распоряжаться самим собой. Да если мы вас пошлем на Землю вести переговоры, они быстренько наложат на вас свою когтистую лапу — ваш компьютер и пикнуть не успеет.

— Мне все ясно.

Роджер Торвей выпрямился, уселся поудобнее на роскошном «кожаном» стуле и одарил Острова одним из своих коронных взглядов. Улыбка киборга так часто остается незаметной для окружающих...

Ладно. Гражданский администратор сам затеял игру в статуи, прикидываясь непонимающим простачком. У Роджера Торвея много разных игр в запасе. Вот, например, такая: «А ну-ка выстави этого киборга из моего офиса».

Для Роджера не составляло труда сидеть без движений часами, днями. За последние десять минут разговора ни один мускул его огромного измученного тела не дрогнул. Разве что челюсть да «губы», а вернее, то, что от них осталось. Да еще механическая гортань — и то только потому, что ему пришлось уговаривать Острова. Да, нелегкая работенка предстояла местным амбалам. Сдвинуть с места стотридцатикилограммовую кучу железа, которая к тому же еще и упирается.

Роджер продолжал смотреть на Острова своим красным немигающим взглядом. Ни на секунду не позволял он промелькнуть Человеку в своих безжизненных фасеточных глазах. Это его последняя козырная карта: рассерженный киборг, негодующая громадина из пластика и железа...

— Роджер, это не поможет, — прозвучал мягкий голос Дорри.

Ее образ возник так внезапно... Она сидела рядом, нежно касаясь тонкой ладонью руки Торвея. Сквозь непроницаемые покрытия он чувствовал ее успокаивающую прохладу.

— Этот человек бессилен помочь тебе, милый, — продолжала Дорри. Ее голос тихо баюкал. — Это *маленький* человек. Он всего лишь винтик огромной бездушной машины. Он пытался поговорить с начальством. Они в курсе твоих проблем с фузионным генератором. Но они запретили Острову помогать тебе.

«Кто это они? — возник в голове у Торвея безмолвный вопрос. — Мэр? Начальники других колоний? Люди из Тексахомы? Кто?!»

В тот же миг на лице Дорри отразилась волна беспокойства. Ее приборы забарахлили, искажая линии прекрасного лица.

— Роджер, я не знаю. — Постепенно все пришло в норму. — Роджер, будь снисходителен к этому маленькому человеку, ладно?..

С этими словами Дорри исчезла. Ее образ бесшумно растаял, как будто его и не было.

Торвей уже не выглядел таким суровым.

— Мистер Остров, я понимаю, что вы ничем не можете мне помочь.

На лице гражданского администратора промелькнуло явное облегчение.

— Я уверяю вас, полковник, мы никогда не забудем ваших заслуг перед человечеством. Мы все преклоняемся перед...

— Я буду иметь это в виду.

Роджер, даже не протянув на прощание руку, повернулся к ближайшей двери. Его больше ничто не держало в душной атмосфере офиса. Уж лучше снова окунуться в прохладный чистый вакуум обретенного на Марсе мира...

Бар «Хоплайт»

Коммерческий модуль 1/7/7

9 июня

— Ты непременно должна познакомиться с моими друзьями.

С этими словами Джори свернул в административное крыло.

До этого момента Деметра даже и не предполагала, что у креола есть друзья. Похоже, идея знакомства только что посетила этого непосредственного парнишку.

За столиком, очевидно, предназначенным для «своих» — прямо как у нас на Земле! — сидели двое: мужчи-

на и женщина. Мужчина был блондином необычайно высокого роста. Никак не меньше двух метров, определила Деметра. Он просто не помещался на маленьком стульчике, который по сравнению с ним казался детским. Опершись на миниатюрный столик, он потягивал пиво, лениво взирая на окружающих из-под белесых кустистых бровей. Деметре он почему-то напомнил бандита, выматривающего, чьей бы зарплатой поживиться.

Его спутница, изящная темноволосая женщина, почти не уступала ему в росте. Длинные волосы ниспадали на плечи блестящим черным водопадом. Всякий раз, как она поворачивала голову, в волосах искрились крохотные звездочки. Тонкие черты лица и смуглая кожа выдавали в ней уроженку Полинезийских островов.

— Лоло! Элен! — радостно закричал Джори при виде этой странной парочки. — Как здорово, что я вас застал.

С этими словами креол устремился к их столику. Деметра еле поспевала.

— Деметра Коглан, имею честь представить наших выдающихся гидрологов: Лоло Мицуно и Элен Сорбелл. Иногда мы даже пытаемся сотрудничать: я в меру своих сил выполняю разные задания на поверхности.

— Привет, — только и сказала женщина.

— Здравствуйте, мэм, — произнес мужчина.

Наверное, Лоло — это все же блондин, решила Деметра. Не может же он быть Элен...

— Деметра прибыла на Марс совсем недавно, — оживленно болтал креол. — Она из штата Техасома, — многозначительно добавил он.

— А в чем заключается работа гидролога? — попыталась поддержать разговор Деметра, присаживаясь рядом.

Больше свободных стульев не было. Джори, слетав к соседнему столику, вернулся с маленьким стульчиком и тут же на него плюхнулся, скрестив за спиной руки.

— Мы ищем воду, — кратко ответила Сорбелл.

— Элен преувеличивает, — подал голос ее спутник. — Это она ищет и находит. А я просто иду и копаю.

— Ну и я, конечно, помогаю, — все никак не мог успокоиться креол.

— Вы и вправду из Техаса? — спросил Мицуно, пристально глядя на Деметру.

Искорки интереса заплясали в его настороженных глазах.

— Да. Из Тексахомы, если быть точной.

— И знакомы с настоящими ковбоями?

Выразительным жестом Лоло описал вокруг головы форму ковбойской шляпы.

— Лоло неравнодушен к старому Дикому Западу, — пояснила Сорбелл.

— Ну, знаю парочку водителей. Они занимаются поставкой замороженных продуктов.

Тут блондин слегка наморщил лоб.

— А как насчет родео? — с надеждой спросил Мицуно.

— Последний раз это было в девяносто шестом, совпало с актом по защите животных.

— Ну, тогда, значит, у вас запрещено стрелять.

— Совершенно верно. Мой дедушка в то время как раз ушел в отставку.

— Понятно.

— Жаль, конечно...

Разговор заклинило на той критической отметке, когда все с умным видом разглядывают скатерть и не могут сказать ни слова.

Было уже десять часов утра по местному времени. Деметра подумала, что неплохо бы заказать что-нибудь на завтрак. Только она начала прикидывать, чего бы ей сейчас хотелось, как ее размышления прервал громкий голос Джори:

— Ребята, жаль вас покидать, но, кажется, мне пора. Срочное спецзадание...

Спецзадание, похоже, пришло откуда-то из-за стены. Взгляд креола был устремлен в неизвестном направлении, считывая незаметную для всех остальных информацию.

Загребев стульями, паренек махнул на прощание рукой и был таков.

Оставшись одна со своими новыми знакомыми, Деметра принялась их внимательно разглядывать. Парочка, что и говорить, неординарная. В их обращении друг с другом ощущалась удивительная простота и непосредственность. Их словно соединяли невидимые нити, невзирая ни на какие расстояния. Чувствовалось, что они очень близки.

«Интересно, они любовники?» — подумала про себя Деметра.

Решив возобновить увядший разговор, она спросила:

— Мицуно... Похоже на японскую фамилию. Но ваша внешность как-то не соответствует...

— Я финн. Мои предки жили за Полярным кругом. Может быть, поэтому я сейчас занимаюсь поисками марсианских ледников, — пошутил Мицуно.

— Вот это да, — протянула удивленная Деметра. — А вы хоть иногда говорите на своем родном языке?

— Сейчас уже никто его не помнит. Все перешли на русский из-за простого произношения. Или на английский — из-за примитивной грамматики.

— Ясно. А вы? — обратилась Деметра к его темноволосой спутнице. — Как вы находите воду? Просто выходите с волшебной палочкой, и там, где она коснется поверхности, начинает бить родник?

— Не совсем... Я — кибер-дух, — помедлила с ответом Сорбелл. — После того, как Лоло посылает серию акустических сигналов, я смотрю на базу данных... и тут же начинаю вынюхивать, из чего может выйти толк.

Деметра и раньше слышала о так называемых кибер-духах. Виртуальная реальность, с которой они работали,

представлялась большинству людей и вовсе нереальной — внутренние молекулярные структуры, ламинарные потоки вод и прочее. Смотря на пески и скалы, кибер-духи как бы видели их внутреннюю структуру, ощущали, что они в себе таят. Такие вещи были не под силу даже всемогущим сетевым компьютерам. Да, они могли табулировать звуковые сигналы, вводить их в таблицы, моделировать матрицы на основе полученных данных. Но такая пустяковая штука, как Человеческая Интуиция, была неподвластна их механическому мозгу.

Зато у Элен Сорбелл с интуицией все было в порядке. Она вела свою хозяйку только ей известными тропами, помогая найти выход даже из самого запутанного лабиринта данных. Она указывала своим магическим пальчиком на какой-нибудь неприметный пустырь и говорила: «Здесь есть вода». Другими словами, компьютеры отличались от людей именно отсутствием Творчества.

— ...И вот я просто беру все необходимые инструменты и иду бурить землю в том месте, где мне скажет Элен, — подвел итог Мицуно. — В некотором роде то, чем мы занимаемся, — Авантюра с большой буквы.

— Мне это хорошо знакомо. Все мои техасские предки были авантюристами. А в моих жилах как-никак течет их кровь, — призналась Деметра.

Мицуно широко улыбнулся, и она поняла, что только что выдержала в его глазах какой-то важный экзамен.

— Извините, дорогие дамы, но мне надо ненадолго отлучиться. Пойду внесу свою скромную лепту в круговорот воды в природе.

С этими словами он направился к выходу.

Заметив непонимающий взгляд Деметры, Элен пояснила, что тот имел в виду туалет.

Деметра наконец решила воспользоваться возникшей возможностью поговорить с Элен тет-а-тет. Как давно она не вела подобных разговоров.

— Элен... Вы с Лоло обручены?.. Или вы просто...

— Мы просто, — парировала та. — Влюбленность, страсть, противостояние... Все это имеет место быть.

— Так он свободен?

— Ну, в общем, да...

Сорбелл немного помедлила с ответом.

— Я не знаю никого свободнее, чем Лоло. Это вовсе не значит, что он легкодоступен. Одно время мы были очень близки. Вначале работали вместе... практически друг у друга в мозгу. Сблизились ментально, а потом и физически. Это было просто здорово. Сейчас... мы больше... Ты знаешь, Деметра, я не буду ревновать, если ты захочешь ему понравиться... Дружба, секс... Да что угодно. Только не причиняй ему боль. Если ты это сделаешь, тебе несдобровать. Я ясно выразилась, надеюсь?

— Вполне, — выдавила из себя улыбку Деметра.

— Мы понимаем друг друга. Ну да ладно. Ты уже успела познакомиться с Марсом? — сменила тему Сорбелл.

— Только из окна. Мне понравилось спускаться на Космическом Фонтане — масса острых ощущений... И я уже путешествовала с прокси.

— Где же вы с ним побывали? — весело спросил вернувшийся Мицуно.

— О, недалеко... Соседняя долина... Я помогала Джори чистить крабов.

— Знаменитые нойманы, — кивнула Сорбелл, дав понять, что предмет разговора ей хорошо знаком.

— И это все? — не поверил Лоло.

— Ну, мы планировали с Джори поехать в Долину Маринера, но всех прокси разобрали, и наше маленькое путешествие пришлось отложить.

— Не имею ничего против прокси... Но если вы действительно хотите прочувствовать Марс, вам нужно вступить с ним в реальный контакт — ощутить песок на ногах...

— На *ногах*? — удивилась Деметра.

— Ну хорошо — на ботинках, — уступил Лоло.

— Я слышала о сафари. Говорят, это очень дорогое удовольствие.

— Есть и более дешевый вариант. Например, рабочая экспедиция. Завтра я как раз отправляюсь изучать новые места на предмет наличия подземных вод. Элен возлагает на них большие надежды. Могу взять вас с собой в качестве помощника. Будете охранять сандвичи. Ну как, звучит заманчиво?

— Еще как! — воскликнула Деметра.

— Значит, договорились. Только мне еще будет нужно уладить это официально. Вам выдадут отдельный воздушный баллон... Уайетт, ты меня слышишь? — повернулся Мицуно к ближайшему оптическому устройству.

Деметра уже перестала обращать внимание на механические глаза, фиксирующие каждый ее шаг.

— Все улажено, мистер, — раздался безликий голос из соседнего воздуховода. — Деметра Коглан, туристка из Техаса, будет сопровождать вас десятого июня дробь одиннадцать тридцать по марсианскому времени.

— Кто это только что говорил? — спросила изумленная Деметра.

— Уайетт, кибер, который *как бы* является нашим начальством, — ответила Элен.

— А почему вы его так называете? Звучит довольно странно.

— Это сокращенный вариант, для удобства. Полное название — У-4-Административный Терминал.

— Позволь с тобой не согласиться, дорогая, — вмешался Лоло. — Его полное *имя* — Уайетт Эрп. И он *как бы* спускает законы нашему маленькому офису, ну а уж наше дело — подчиняться...

— А когда вы успели его включить? — недоумевала Деметра.

— Включить? — Лоло сделал вид, что не расслышал. — Мисс Коглан, вы разве не знали, что на Марсе машины включены постоянно? Им не требуется отдых, как людям. Они всегда на чеку. Все, что вам нужно, — это обратиться на себя их внимание. Любая, даже самая тупая машина тут же вступит с вами в диалог...

— Всегда на чеку? Это что-то новенькое...

Тут Деметра покривила душой: ее личный хроно был на чеку и днем, и ночью... Правда, Конфетка отличалась довольно хорошим воспитанием и подавала голос только в исключительных случаях, выходила на контакт с Сетью лишь по личной просьбе хозяйки. Всегда на чеку. От одной этой мысли становилось жутко... У Деметры даже мурашки побежали по коже, стоило ей представить, как огромное неусыпное око Сети наблюдает за каждым ее движением. Слышит каждый вздох. Готово откликнуться на малейший призыв. Только помани пальцем, и Механический Глаз лениво прижмурится, и Безликий Голос назовет тебя по имени...

Бр-р...

Деметра попыталась успокоить себя тем, что многие города на Земле тоже оснащены всякими прослушивающими устройствами. Человеку и там не давали расслабиться личные кибер-слуги, терминалы в общественных местах плюс так называемые «Комитеты по обеспечению круглосуточной безопасности граждан». И все же это было слабым утешением. На Земле еще оставались места, где можно было укрыться от Недремлющего Ока. Когда становилось совсем невмоготу, приходила на помощь Природа: бескрайние поля, реки, горы... На Марсе же Природы попросту не было. Одни тоннели плавно переходили в другие, и отовсюду взирали бездушные светящиеся глаза терминалов. Для того чтобы прогуляться, нужно было заказывать механического уродливого проводника или как минимум надевать скафандр.

Деметра почувствовала, как каждая клеточка ее тела напряглась при мысли, что здесь она как в тюрьме — под постоянным присмотром. Надзором. Прослушиванием. *Подслушиванием...*

Ее тревожные размышления прервал беспечный голос Элен:

— Не правда ли, это очень удобно?

Думая, что ослышалась, Деметра взглянула на свою новую подругу. И встретила совершенно искренний взгляд. Открытый. Непосредственный. Как у ребенка.

Глава 5

ПОДЗЕМНЫЕ ПРИЗРАКИ

Долина Маринера глазами прокси

9 июня

Подключившись к своему прокси, Деметра обнаружила, что смотрит на какие-то непонятные горизонтальные линии.

Слои коричневатого-красного цвета чередовались с красновато-коричневыми. Это были не просто полосы — они имели мелкозернистую структуру. Чем-то напоминает дешевый шоколад с клубничной начинкой, подумала Деметра. Сообразив, что рассматривает объект под сильным увеличением, она перефокусировала оптическое устройство и дала проводнику команду отодвинуться назад. Прокси уже давно поджидал ее в Долине Маринера и, по всей видимости, успел сунуть куда-то свой нос.

Изображение постепенно пришло в норму, и Коглан начала понимать, что находится в одном из ущелий. Прямо перед ней были глиняные пласты большой про-

тяженности. Кое-где можно было разглядеть вкрапления железной руды. Спрессованные огромной силой давления, они практически сливались с камнем и только местами выходили наружу благодаря постоянным ветрам и, может быть, течению подземных вод.

— Хм-м... Что бы это могло означать? — с явным интересом пробормотала Деметра.

Она отправилась в путешествие за две тысячи шестисот километров от «Золотого лотоса». Неужели все это только для того, чтобы полюбоваться на какую-то каменную стену?

Сегодня спозаранку к ней заявился Джори ден Острайкер. Деметра никак не могла взять в толк, откуда он узнал ее адрес. Она ни разу не упоминала, что остановилась в «Золотом лотосе», и уж тем более этаж и номер комнаты. И вот он был здесь и с довольным видом общал ей, что ему наконец-таки посчастливилось достать парочку прокси. Правда, они сейчас далековато от того района, куда хочет попасть Деметра... Но их можно забрать... Все можно устроить.

Джори отвел ее к ближайшему терминалу, который позволял путешествовать виртуально, и вот...

Перед ней простиралась бескрайняя каменная стена — довольно скучное зрелище. Вдоволь налюбовавшись, Деметра уже была готова отозвать своего прокси и посмотреть, что же собой представляет эта местность сверху. И вдруг... крохотный кусочек непонятного происхождения — очень похоже на стекло — привлек внимание путешественницы. Он прятался от посторонних глаз в абсолютно неприметном глиняном пласте...

Деметре приходилось слышать об очень древних месторождениях стекла на Марсе — обнаружили их еще первые колонисты. Может быть, и это — остаток древней породы, так неожиданно попавшийся ей на глаза. Нет, не может быть... Хотя, с одной стороны, осадочный

слой убедительно говорил о том, что когда-то здесь текли подземные воды. Значит, атмосфера Марса была более плотной. Постепенно ее слой становился все тоньше и тоньше, пропуская вредоносное ультрафиолетовое излучение. Как следствие в почве теперь много кремнезема. Нет, обнаруженная ею стеклянная капсулка навряд ли имеет таинственное прошлое.

А вдруг это живой организм? Какие-нибудь морские ракушки или что-то в этом роде?

Деметра решила присмотреться повнимательнее. Взяв загадочный объект крупным планом, она начала выискивать различные виды симметрии, присущие всему живому. Но и тут ее ждало разочарование. Симметрия полностью отсутствовала, будь то двусторонняя, радиальная или пятигранная... Незвестный прозрачный предмет миндалевидной формы упрямо скрывал тайну своего происхождения. Что ж, придется оставить его в покое. Но вначале неплохо было бы отсканировать эти загадочные залежи...

Эффект превзошел все ожидания Деметры. Тысячи миндалевидных глаз смотрели на нее из огромного каменно-глиняного пласта. Все они находились практически на одной и той же горизонтальной линии. Как будто чья-то древняя рука в незапамятные времена выпустила целую обойму самородков...

Так что же они собой представляют?

Деметра выставила вперед когтистую лапу прокси и потрогала загадочные камешки. Это мало что ей дало, так как прокси был предназначен для далеких прогулок и не имел ручных манипуляторов, обеспечивающих хорошие тактильные ощущения. Ковыряться же в пластах земли правой ногой было не очень-то удобно. Закончилось это тем, что один представитель неизвестного месторождения сорвался и скатился вниз.

— Что ты там делаешь? — неожиданно раздался голос Джори. — Неужели ищешь месторождения?

— Угадал, — покорно отозвалась Деметра.

— Ну ты даешь! — изумился Креол. — Да наши люди годами перекапывают почву в поисках каких-либо древних форм жизни ракообразных, моллюсков... А ты наивно полагаешь, что можно вот так прийти, поковыряться в обломке скалы и сделать Открытие Века?

— Ладно, проехали, — неохотно протянула Деметра. А про себя подумала — чего еще можно ожидать от туриста? Да, быстро же она освоилась со своей ролью шпионки...

— Да ты наивна, как младенец, — продолжал подтрунивать Джори.

А Деметра все стояла, стараясь как можно лучше запомнить форму и саму структуру отколовшегося камня. Она бы, конечно, предпочла воспользоваться записывающими возможностями ее прокси. Но она боялась, что со стороны это будет выглядеть слишком подозрительно. Итак, она целиком положилась на свою память.

Отколовшийся кусочек размером значительно превосходил большой палец, был почти прозрачным, совсем как настоящее стекло. Кое-где на нем еще оставались серые следы прилегавшей породы. Хоть Деметра и не была геологом, но все же кое-что понимала в формировании месторождений. Заинтересовавшие ее природные залежи явно не вулканического происхождения. Скорее всего причина возникновения этого загадочного «камня» состояла в следующем: его породило небывалой силы давление, а спустя какое-то время просто вытолкнуло из слоев мантии гигантским потоком магмы.

Почему-то в мозгу всплыло давно слышанное слово — кимберлит. Всплыло. И осталось.

Времени раздумывать почти не оставалось — креол, должно быть, уже заждался ее. Пообещав себе, что обязательно сюда вернется, Деметра развернула своего прокси и... ее пронзила ужасная догадка: она не первая, кто

созерцает эту каменную глыбу. Тот, кто оставил здесь прокси, должно быть, тоже заметил странные вкрапления неизвестной горной породы. А если заметил, то уж наверняка сделал интересные выводы. А может... может, он не придал этому такого значения, как Деметра. Увы, ей оставалось только строить предположения.

Поглощенная своими невеселыми мыслями Деметра все-таки отвернулась от стены и перефокусировала линзы так, чтобы в окуляр попадала вся долина. Оказалось, что их с Джори машины находятся на небольшой возвышенности, совсем рядом с Северной Стеной. Дальше открывался вид на Долину Маринера: изломы земной, вернее, марсианской коры, крутые обрывы...

Перед тем как предпринять это путешествие, Деметра посетила Большой Каньон у себя на родине — правда, сделала она это виртуально. Так вот, он не шел ни в какое сравнение со здешней поистине грандиозной системой. Впечатлявшая землян конструкция представляла собой узкий, испещренный морщинами-ущельями лоб. Здесь же перед Деметрой простиралась поистине гигантских размеров борозда, рассекающая чужую Красную планету.

— В какой стороне ведутся работы? — спросила у Джори Деметра.

— Отсюда примерно два километра. Сначала налево — и вниз, — показал тот рукой.

— Ты не в курсе, Лоло с Элен здесь бывали?

— А что им, собственно, тут делать? — не понял Джори.

— Ну как... Судя по всему, здесь когда-то было много воды...

— И не только здесь. Вода была во многих местах. *Когда-то*. Но это вовсе не значит, что она есть там сейчас.

— О, я просто подумала. Впрочем, ладно. Пойдем посмотрим на сам район, где ведутся подземные работы.

— Ну, тогда вперед! — И они направили своих стальных «коней» по отвесной каменистой дороге навстречу неясно брезжившему свету.

Район подземных каньонов глазами прокси 9 июня

Дорога под ногами Джори и Деметры резко уходила вниз. Спускаться становилось все труднее. Тем не менее скоро вдалеке замаячила неясная груда машин, бурящих и сверлящих марсианские склоны. Яркие вспышки неоновых светов непривычно оживляли угрюмость здешнего пейзажа. Повсюду стоял грохот. Огромные машины разгуливали среди каменных обломков, с остервенением вгрызаясь в неподатливую почву. Время от времени откуда-то сверху проникали рассеянные солнечные лучи. Очевидно, как раз шла смена рабочих групп, занятых на этом участке.

Кое с кем из них Джори был знаком. Парочка креолов, остальные — контрактники из ближайших марсианских колоний. Все они уже давно сотрудничали с корпорацией «Шеллан». Джори не привык быть праздным наблюдателем и поэтому чувствовал себя немного не в своей тарелке. Честное слово, ему вовсе не хотелось выставляться перед Деметрой.

Остановившись на самом краю обрыва, они молча наблюдали, как работают люди и машины.

Последние носили название «ходуны» и действительно впечатляли. Достаточно внушительных размеров (разве что чуть поменьше битком набитых экскурсионных автобусов), они были специально предназначены для работы на поверхности Марса. На них никак не отражались вредоносные излучения. Воздуха и еды хватало недели на две. Рабочие не жаловались на отсутствие комфорта, у них даже

имелись отдельные кровати. Сейчас эти механические монстры загребали полные ковши красновато-коричневой марсианской грязи пополам с камнями и сгружали все это в кучи. Немного понаблюдав, Деметра поняла, что машины работают в четком, хорошо отработанном ритме. Стальные лапы гребли не все подряд. Они тщательно отсортировывали пустую породу и...

...загружали пустую породу из тоннеля в продолговатые, размером около десяти метров, пузыри из прозрачной пленки. Другая машина на дальнем краю поля выдувала эти самые пузыри из быстро отвердевающей эпоксидной смолы, выдавливая их на песчаную утрамбованную грунтовку.

— Зачем они закапывают эти купола? — спросила Деметра.

Голос показался ей каким-то чужим, дребезжащим. Сказывался высокий диапазон частот. Реально их с Джори разделяло не больше метра — сидя за соседними терминалами в «Золотом лотосе», они могли легко коснуться друг друга рукой. Однако прокси устанавливали другие правила общения.

— Своеобразная защита, — как-то невнятно пробормотал Джори. Похоже, он и сам не был уверен в том, что говорил. — Здесь и метеориты падают, и... всякие там ультрафиолетовые излучения... Ну, сама понимаешь, легче сохранить эти сборные домики под землей, чем потом их чинить.

— Что-то я тебя не понимаю... Какие еще домики? Там что, будут жить люди? А почему же тогда вы никак не защищаете от метеоритов своды в Тарсисе? Они ведь куда важнее, да и построили их давно. Почему же...

— Эй, послушай! И чего ты такая любопытная? Во все готова сунуть свой нос! Я и сам не в курсе, зачем они это делают. — Явно раздраженный Джори смешно замахал передними лапами прокси в воздухе, видимо, совер-

шенно забыв, где он находится. — Это все зеландцы со своим новым проектом. Такого на Марсе еще не было...

— Отлично. Впредь постараюсь не докучать тебе своими дурацкими расспросами, — жестко сказала Деметра. — Я просто думала, что со мной опытный проводник. Оказывается, я ошиблась.

— Не злись. Я здесь всего-то второй раз. Откуда мне знать?

— Ладно. Скажи лучше, можно ли спускаться в эти тоннели?

— Только не сюда!.. Иначе нас просто растопчут.

— Какая жалость!

— погоди расстраиваться. Это вовсе не означает, что мы не можем посмотреть, что делается внутри. У них тут есть монитор, на котором все видно. Достаточно подключиться к одной из машин, и ты сможешь не только увидеть, но и ощутить всю прелесть процесса бурения.

— А что, здесь такие вещи разрешаются? — неуверенно спросила Деметра.

— Ты меня удивляешь! Разве у вас на Земле не принято смотреть, как кто-то работает?

— Ну, если учесть зевак на тротуарах, — загадочно протянула Деметра, — то, наверное, ты прав...

— А что это за штука — тротуар? — невинно полюбопытствовал Джори.

«Золотой лотос»

9 июня

Джори показал Деметре, как подключиться к монитору одного из буров. Но прежде чем это сделать, он удостоверился, что прокси легко подчиняется всем командам. Для пущей безопасности креол временно отключил двигательные функции. Так было куда надеж-

нее. Теперь, даже если Деметра нечаянно дернется, ее прокси не свалится в разверстую пасть ущелья.

Что и говорить, там, на самом дне, слившись воедино с рычащей машиной, уже было трудно разобрать, чьи зубы вгрызаются в черный пласт горной породы. Деметре казалось, что это ее локти упираются в жесткие, нависающие со всех сторон стены тоннеля. У нее возникло ощущение, будто она собственноручно копается в марсианских каменных внутренностях.

Закончив работу, железный зверь неловко попятился к выходу из ущелья. Из-за возникшего перепада давления Деметре показалось, что ее шлем стал раза в три меньше, неимоверно сдавив голову.

— Что и говорить, впечатляет! — призналась Деметра.

Перед ее взором теперь простирался весь тоннельный комплекс, состоящий из пересекающихся подземных галерей.

— О да-а, — с восторгом протянул Джори, снимая с головы шлем.

Послышался характерный щелчок.

— Вот, пожалуй, и все. Больше тут смотреть нечего.

Его голос уже не дребезжал у Деметры в ушах, а спокойно доносился с соседнего терминала. Правда, не совсем спокойно... Легкое дрожание выдавало нервное напряжение. Деметра и сама еще не вполне отошла от сотрясавших ее тело вибраций. Что-то определенно должно было случиться...

В следующее мгновение рука креола нежно и тепло коснулась ее шеи. На мгновение задержавшись, легко заскользила вниз... Деметра почувствовала, как сладко напряглось тело — стоило только вспомнить безупречную красоту упругих мышц Джори. Интересно, каков он без своих кожаных шортиков и этого дурацкого пояса?

— Здесь где-нибудь можно уединиться? — спросил он внезапно охрипшим голосом.

— Только в моей комнате... — в тон ему прошептала Деметра.

Едва они вошли, как она быстрым взглядом окинула свое скромное жилище. Мутный глаз вездесущего компьютера был начеку. Машинам не нужен отдых, вспомнились Деметре слова Лоло Мицуно. Неприятный холодок закрался в сердце...

Она быстрым шагом направилась к шкафу, открыла дверцу и вытащила теплый шерстяной джемпер. Он сослужил ей хорошую службу в дни непогоды на Земле, пригодится и на Марсе. Правда, несколько для иных целей. Деметра завесила им назойливый механический глаз, замотала рукавами колонки и отступила, тихо торжествуя. Оставалась Конфетка. Но с ней проблема решалась намного проще. Деметра сняла титановый браслетик и накрыла его стеклянным стаканом. Пусть отдохнет. Ведь машина...

Она не успела додумать эту мысль до конца, потому что в тот же миг ее настойчиво обвинили горячие руки Джори. Он увлек Деметру к кровати и там продолжил исследовать ее расprostертое тело. Ощущая его губы, Деметра подумала: «Какой ребенок! Он почти ничего не весит!» и тут же вспомнила, что они на Марсе. Здесь ведь сила тяжести почти втрое меньше земной! И все равно он ребенок...

Звук рвущейся ткани вернул ее в реальность — Джори надоело расстегивать бесчисленные пуговицы на ее комбинезоне.

— Подожди...

Чуть наклонившись, она нащупала рукой застёжки на сандалиях. Расстегнула. Сбросила на пол. Туда же полетели носки. Через мгновение и весь комбинезон бесшумно заструился вниз, обнажая ее девическое стройное тело... Выпрямившись, она встретила взглядом с глазами креола. Его шорты и пояс куда-то исчезли... Все

происходило *слишком* быстро... Деметра не любила секс без прелюдий, но у нее уже не осталось сил сопротивляться, и она вяло опустилась на кровать. В тот же миг его член едва ли не уперся ей в лицо...

«*Слишком* быстро...» — назойливая мысль все не уходила...

Тогда Деметра просто откинулась назад и раздвинула ноги, выгнула спину и невероятным усилием воли отбросила последние крохи сомнений, которые слабо пытались кружиться в ее сознании. Пусть впитывает тело, пусть оно каждой клеточкой откликается на этот сумасшедший ритм. Пусть оно, и только оно, станет центром вселенной для них двоих.

Стремительные волны желания поднимались и опускались, затихали и рождались вновь — с каждым новым движением этого мускулистого ребенка. Казалось, он заполнил собой все пустоты ее тела. Казалось, этому не будет конца.

Деметра потеряла ощущение времени. Но вот наступил отлив. И улеглись волны. Джори в изнеможении припал к ней, и какое-то время она просто держала их двоих с какой-то материнской самоотверженностью.

«Какой он легкий, — снова изумилась она. — Ребенок...»

А он теперь действительно искал ласки и нежности у нее на груди...

Когда его рука снова начала поглаживать ее правый сосок, Деметра мягко отстранилась:

— Хватит, Джори.

— Но почему? Тебе не понравилось?

— Все... было просто здорово. Но... одного раза вполне достаточно.

— Одного раза никогда не бывает *вполне* достаточно, — прошептал он и вновь потянулся к ее груди.

Деметра легонько его оттолкнула. Сделать это было совсем нетрудно — он был легкий как пушинка.

Свернувшись калачиком (почему-то он напомнил ей эмбрион), Джори засунул правую руку между ног и что-то там нащупал. Последовал короткий щелчок, и все его мужское достоинство куда-то исчезло. Как будто никогда и не бывало. Деметра в шоке воззрилась на его абсолютно гладкий, как у девушки, живот и, обретя дар речи, изумленно спросила:

— Как ты это сделал?

— Что?

— Ну... Куда ты запихнул свой член?

— А, это, — как бы между прочим рассмеялся Джори. — Видишь ли, это еще одно преимущество креолов.

С этими словами он опять запустил туда руку, и на сей раз Деметра услышала треск застегиваемой липучки.

— Абсолютно герметично, — произнес он с ленивой улыбкой.

У Деметры к горлу подступила тошнота. Какая-то чужая, незнакомая доселе волна пыталась завладеть ее существом. Этот молодой беспечный мальчишка вдруг предстал перед ней в образе уродливого чужака, нелюдя.

— А чего это ты завесила экран? — неожиданно сменил он тему.

— Не люблю секс в присутствии посторонних глаз и ушей, — последовал холодный ответ.

— Чьи уши ты имеешь в виду? — не понял Джори.

— Сети. Компьютеров. Киберов. Они ведь всегда на чеку.

— Деметра... Но ведь это же всего-навсего *машины*... Разве ты не успела привыкнуть к ним в Техасе?

— На Земле все не так страшно. От них еще можно укрыться.

— Это ты так думаешь, — мягко заметил креол. — В любом случае не относись к этому так серьезно. А я распоряжусь, чтобы в следующий раз тебя ничего не смущало.

— Ты все принимаешь как само собой разумеющееся, — сказала Деметра.

Это его «в следующий раз» неприятно ее кольнуло. И все же она решила не лезть в бутылку и поэтому продолжила уже довольно мирно:

— Сеть ведь обладает высоким уровнем интеллекта?

— Как сказать, — задумчиво протянул креол.

— Ну, вот ты лично полностью доверяешь получаемой из Сети информации? Или если ты отдаешь ей какой-то приказ, откуда тебе знать, выполняет она его или нет? Монитор-то может погаснуть. Но невидимый глаз все равно будет следить. Разве не так?

— Может, и так. Но ты-то об этом не узнаешь. Так какая тебе разница?

— Узнаю. Я это кожей буду чувствовать.

Джори вздохнул.

— Какой ты сложный человек, Деметра... — Его лицо на минуту стало задумчивым, что вообще-то было для него крайне нехарактерно. — Я никогда еще не встречал таких сложных людей.

«Мы, люди, все такие», — чуть было не вырвалось у нее. Деметра вовремя сдержалась. Несмотря ни на что, ей не хотелось его оскорблять.

— Земляне — сложный народ, — только и произнесла она.

— Да... Другая культура. Более старая. Более... *странная*, — подытожил Джори.

Тут он внезапно оживился.

— Послушай, а что, если мы завтра опять отправимся в Долину? Только надо будет заранее зарезервировать наших прокси. А то их прежние владельцы наверняка захотят снова воспользоваться их услугами. Судя по всему, их очень привлекает Тарсис Мон.

— Джори... Какая жалость! Завтра я не могу. Я уже пообещала Лоло Мицуно отправиться с ним на поиски воды. Но кто они, эти люди?

Деметра старалась изо всех сил сохранять самообладание. При одном только воспоминании о таинственном месторождении она вся напряглась как струна.

— Некий мистер Сак со своим слугой, — небрежно отозвался Джори.

Деметра похолодела.

— Мистер Сан, — почти бессознательно поправила она креола.

— Да ты, оказывается, лучше меня обо всем осведомлена, — удивился тот.

— Вовсе нет. Просто я вспомнила, что корейцы всегда ставят фамилию на первом месте. А уж потом имя.

— Я не зна-ал, — зевнул Джори. — Мистер Сан...

В следующее мгновение он уже сладко посапывал во сне. Ребенок...

Глава 6

НА ГОРИЗОНТЕ ПОЯВЛЯЮТСЯ ТЕНИ

Шлюзовая камера

Тарсис Мон

10 июня

Шлюзовый комплекс производил впечатление весьма солидного, прочного здания. Он не шел ни в какое сравнение с ненадежными пластиковыми сводами, раздувающимися от малейшего дуновения ветра. Комплекс был возведен из сборных панелей, скрепленных двутавровыми балками. Снаружи эту грандиозную конструкцию подстраховывала надежная решетка. Твердая почва под ногами также способствовала уверенности. Казалось, эти стены простоят века и никакие перепады давления им не помеха.

С самого утра Деметра чувствовала себя немного не в своей тарелке. Вчерашняя интрижка с Джори оставила после себя неприятный соленый привкус...

Она намеренно не стала просить креола остаться на ночь. И не потому, что ей не нравилось заниматься с ним любовью. Как раз наоборот. Просто... это была не любовь. Соприкосновение, борьба, совместное путешествие — все что угодно, но не любовь. Это даже нельзя было назвать нормальным здоровым сексом. Деметра ничего не имела против секса, искренне считая его отличным способом более близкого знакомства, прекрасной возможностью на кого-то повлиять. Но то, что произошло между ними вчера, больше походило на неумелое изнасилование, которому она и не пыталась противостоять.

Она... А может быть, *он*? Вопрос оставался открытым. Есть такие люди, которые бросают вызов всем, с кем их сводит судьба. Они даже в постели торопятся и торопят других, предвкушая новые победы.

Они не признают прелюдий. Им недоступны тонкие ощущения. Они сразу приступают к делу. В таких случаях все происходит как бы на ощупь. Вот и у них с Джори получился «одноразовый» секс. Чем-то он напоминал растворимый кофе, наспех проглоченный обед в ресторанчике быстрого питания. К тому же Деметра винила себя за то, что потеряла обычное самообладание. Конечно, когда выпускаешь из рук ситуацию, нечего удивляться тому, что она становится неуправляемой.

Да, вообще-то Деметру всегда привлекала твердость мужской руки. Твердость. Уверенность. Но не грубость.

Но она сама хороша. Не устояла в решающий момент. Поддалась накатившей волне желания. Деметра была почти уверена, что виной тому стало нервное возбуждение после виртуальной поездки на прокси. Впечатления, которые они с Джори получили на дне тоннеля, оказались слишком сильными. И как только люди

там работают!.. Наверное, они там все евнухи или сплошные интеллектуалы. А может, и то, и другое вместе.

К концу дня Деметра чувствовала себя как выжатый лимон — и физически, и морально. Ее даже не хватило на то, чтобы продиктовать трафаретное вечернее послание в корпорацию. Она и не заметила, как заснула. Сейчас Деметра уже совершенно не помнила, что рассказала терминалу, а что нет. Она точно упомянула о предстоящей экспедиции на марсианскую поверхность... что же еще?..

Ее не покидало ощущение, что она упустила что-то важное. Что-то связанное с месторождениями. Или ей все приснилось?.. «Ладно, подумаю об этом потом, — решила Коглан. — А сегодня меня ждет захватывающее путешествие в обществе Лоло Мицуно, которое наверняка окажется не только интересным, но и полезным».

В ожидании Лоло Деметра принялась внимательно разглядывать длинный наклонный коридор. Начинался он глубоко внизу, под землей, и плавно поднимался вверх, переходя в закрытую шестиугольную нишу. Деметре она чем-то напомнила кабину лифта огромного многоэтажного дома в Далласе. Погрустив о родине, она снова продолжила свои наблюдения.

Шесть кодовых дверей наводили священный трепет: некоторые были снабжены сервоприводом, на других же красовались ручки. Справа от двери находился цифровой дисплей с множеством датчиков. Вверху висел нарисованный красной краской предупреждающий знак. Надпись дублировалась на семи языках. Прямо перед входом в кабину лифта имелась маленькая стальная подножка. Все двери были строго пронумерованы. Освещение тут было довольно яркое — по-видимому, для того чтобы глаза постепенно привыкали хотя бы к отраженным солнечным лучам.

Лоло все не появлялся, и Деметра с удвоенным вниманием стала вглядываться в снующих туда-сюда лю-

дей. Как только одна из дверей открывалась, Деметра тут же старалась заглянуть внутрь, чтобы посмотреть, кто приехал.

Вообще-то это было не очень вежливо. Столкнувшись пару раз лицом к лицу с выходящими из лифта незнакомцами, она решила поменять тактику и наблюдать за теми, кто отъезжает. Однако людские спины ей тоже мало о чем говорили.

Махнув на все рукой, Деметра переключила свое внимание на сами кабинки. Они постоянно открывались, впуская и выпуская марсианский народ; порой это были грузовые отсеки, не содержащие ничего, кроме скафандров. Но раз или два она видела роскошно отделанные мини-комнатки с удобными стульями, цветным монитором и множеством всевозможных датчиков.

Деметре никогда не приходилось надевать скафандр. И это несмотря на то что она преодолела двести восемьдесят миллионов километров от Земли до Марса. Естественно, у нее накопилось множество вопросов. Некоторые из этих вопросов даже немного ее смущали. Можно ли надеть скафандр прямо на комбинезон? И если нет, то ей что, придется раздеваться в присутствии Мицуно? Интересно, а нижнее белье тоже надо снимать? И вообще что у них тут на Марсе позволено, а что нет?..

Может быть, здесь совершенно другие правила приличия...

Поглощенная своими мыслями, Деметра не сразу заметила характерный профиль Лоло. Голова с золотистой копной волос, резко очерченным волевым подбородком и чуть раскосыми глазами величаво плыла над серой суетливой толпой. И вот он уже стоит рядом, такой неправдоподобно высокий, что Деметре пришлось высоко задрать голову, чтобы лучше его видеть.

— Какой же вы высокий, — с восхищением произнесла она.

— Двести двадцать сантиметров. Это примерно семьдесят три дюйма, если не ошибаюсь. Надеюсь, слово «дюйм» достаточно распространено в ковбойской среде, — пошутил Лоло.

— А вот и нет. Истинный ковбой все меряет футами. — Немного помолчав, Деметра потеряла замлевшую шею. — Признавайтесь, мистер Мицуно, ваши родители наверняка были небоскребами.

— Небо... чем? А-а, вы имеете в виду высотные здания... Нет... Я первый такой. Мои родители эмигрировали сюда с Земли, и ростом они были не больше вашего, — смерил ее взглядом Лоло. — Невысокий рост во многом объясняется сильным земным притяжением. Мы — новое поколение. Мы родились на Марсе. Вот и «вымахали», как любила говаривать моя мама...

— А что же тогда случилось с Джори? — не подумав, выпалила Деметра.

И тут же прикусила язык, горячо надеясь, что Мицуно не обидится за своего друга.

— Джори — креол. Я думаю, вы в курсе, что это означает. Он, конечно, тоже родился здесь, на Марсе. И он такой же человек, как и мы с вами. Просто перенес пару операций. Делается это обычно после того, как завершается половое созревание. Зато теперь ему вполне комфортно живется в здешних суровых условиях. Вы наверняка обратили внимание на его абсолютно непроницаемую кожу. Но вы даже и представить себе не можете, каким изменениям подверглась его эндокринная система.

Деметре вовсе не хотелось вдаваться в интимные подробности физиологии креола, поэтому она поспешно сменила тему разговора.

— Так куда же мы сегодня направляемся?

— В местечко под названием Гармония Мунди, указанном в марсианском каталоге под шифром SQ-6981.

Уайетт приготовил для нас «ходун» среднего размера... Сюда, пожалуйста. Дверь номер пять.

Продолжая рассказывать о предстоящей поездке, Лоло подвел Деметру к шлюзу. На дисплее высветилось: «Заказано Л. М.».

— Отлично, Уайетт,пусти нас, — проговорил Лоло прямо в маленькое углубление в стене.

Девушка догадалась, что там вмонтирован микрофон.

— Введите нейронные данные, — прозвучал бесстрастный голос машины.

Маленький квадратный экранчик ярко засветился.

— Идентифицируй по голосу, Уайетт, и открывай. Этого вполне достаточно.

Уайетта не пришлось долго уговаривать: сработал сервопривод, и двери бесшумно раздвинулись. Мицуно отступил, пропуская даму вперед. Едва войдя в кабинку, Деметра тут же ухватила за первый попавшийся скафандр.

— Ты что? — удивился ее спутник.

— А разве здесь не опасно находиться без скафандра? С нами ведь может...

Не говоря ни слова, Мицуно подвел ее к контактному коврику на внутренней стенке кабины и несколько раз повернул ключ. Стена откинулась, и перед взором Деметры предстал грузовой отсек. Выглядел он весьма скромно: никакой отделки под дерево или дорогостоящей обивки — все тот же пластик и стальные ручки. Рядом с дверью стояли две скамеечки и складной столик. Чуть подальше находился пульт управления. Деметру удивило минимальное количество приборов — она ожидала намного большего. В крохотные иллюминаторы были видны красные пески марсианской пустыни. Громоздкие железные конструкции, возведенные людьми, тонули в их дымно-розовом мареве.

— Скафандры нам понадобятся только на поверхности, — объяснил наконец Лоло. — А пока можно расслабиться.

Он удостоверился, что внешняя дверца кабинки надежно закрыта, и приглашающим жестом махнул в сторону одной из скамеек, а сам удобно устроился на консоли. С минуту Мицуно внимательно изучал панель управления, потом сделал полный оборот ключом. Похоже, этот человек действительно на «ты» с марсианской техникой.

— Твои впечатления от Марса? — между делом спросил он у Деметры.

— Снаружи он кажется довольно большим, но внутри это просто клетка. Не понимаю, как здесь живут люди.

— Да уж... Их *жизнь* по большей части виртуальна. Но и виртуальное пространство — это тоже пространство, Деметра.

Тут она впервые обратила внимание, что Лоло почти не смотрит на мелькающий в иллюминаторах пейзаж. Так недолго и врезаться во что-нибудь!

— Как вы умудряетесь вести машину и одновременно разговаривать? Вам же не видно, что делается впереди.

Она махнула в сторону носовой части «ходуна».

— А зачем? Уайетт лучше меня знает дорогу. Программа предусмотрит все возможные отклонения от курса и в конечном итоге благополучно обогнет препятствия. Где нужно — притормозит, но столкновения не допустит.

Успокоившись, Деметра снова начала разглядывать холмистую поверхность, в отдельных местах испещренную острыми черными скалами. «Ходун» беззвучно несся вперед, и она, как ни силилась, не могла рассчитать загадочную траекторию его движения. Вскоре Коглан оставила эту затею и, опустившись на скамейку, просто расслабилась.

Несмотря на довольно холмистую местность, по которой бежал «ходун», их кабину совсем не качало. У Деметры возникло ощущение воздушной подушки меж-

ду внешней и внутренней поверхностью машины. Дорога то шла под откос, то снова резко взмывала вверх, а пол под ногами оставался подозрительно неподвижным.

— Ничего себе колясочка! — восхищенно произнесла девушка. — Едет как будто по абсолютно ровной поверхности.

— Это все нейтральные компенсаторы. Вмонтированные в «ноги» «ходуна», они сглаживают все колебания. А со стороны эта конструкция напоминает танцующего паука.

— А вы что, видели его когда-нибудь? — удивилась Деметра. — У вас же на Марсе полная стерильность! Неужели тут выжил хоть один паук?

— Дело в том, что мы их специально разводим. Они пожирают мошкар.

Внезапно кабинка накренилась вперед; потом резко дернулась назад. Деметре стоило больших трудов удержаться на своей скамейке. Почему-то ей пришло в голову, что похожие ощущения можно испытать только верхом на верблюде.

— Ха! Рановато мы похвалили машину, — рассмеялся Мицуно. — Уайетт, что там у тебя?

— Прости, Лоло, — совершенно бесстрастно откликнулся компьютер. — Это была крысиная норка.

— Только не говорите мне, что и на Марсе водятся крысы! — фыркнула Деметра.

— Нет, мисс Коглан Деметра Сериз, — обратился к девушке Уайетт. И откуда он только узнал ее полное имя? — Крыс здесь нет, а норками мы называем углубления в породе неизвестного происхождения.

— Ладно... Сойдет и «норка», — не стала спорить Деметра.

Ага, опять что-то связанное с геологией... Но неясно забрезжившая мысль тут же потерялась где-то в глубинах ее мозга.

— В следующий раз полетим на дирижабле, — проворчал Мицуно.

— Экспедиции на расстояние менее чем четыре тысячи километров не могут быть предприняты на подобном транспорте. Так гласит закон нашего департамента, — чопорно парировал Уайетт.

— Да я же пошутил, старина.

Машина не ответила, «надувшись».

Когда они прошагали еще несколько километров, Лоло спросил:

— А чем вы занимаетесь у себя на Земле?

— Я студентка. Прошла иностранные дипломатические курсы.

— Это как-то связано с военной службой?

— О нет! Мы занимаемся урегулированием мирной ситуации на планете. Видите ли, на Земле очень много различного рода организаций: государственного характера, экономических, экологических ассоциаций. Их задача в том, чтобы поддерживать дипломатический баланс в современном деловом мире. Вообще это не такая уж и плохая профессия, правда!.. Если я все-таки напишу свой диплом, то с помощью дедушки могу занять какой-нибудь консульский пост или получить выгодное место в посольстве. В принципе я могу выбирать любую страну, с которой поддерживает отношения правительство Тексахомы.

— Если напишете диплом? — мягко переспросил Мицуно в тон Деметре. — А почему вы до сих пор его не написали?

— Со мной... произошел несчастный случай.

— Простите. Где же вам хотелось бы приступить к своей новой работе? — деликатно сменил он тему, не желая касаться неприятных для Деметры подробностей.

— Ну, я еще не решила. Время терпит. Если честно, мне бы хотелось отдохнуть от машин. Это значит — по-

ехать куда-нибудь на Сейшелы или Гавайские острова. По уровню развития эти регионы официально преодолели самую примитивную стадию развития. Вообще-то меня не пугает такая перспектива, но дедушка говорит, что профессиональный рост там крайне сомнителен. Обстановка слишком ортодоксальная. Еще можно махнуть в Дакоту или Дель Фуэго... Конечно, условия там не ахти, но зато как дипломат я получила бы огромное количество привилегий. Меня бы всюду сопровождала охрана, если это можно назвать привилегией. Я бы практически бесплатно покупала все, что пожелаю, в лучших магазинах. Не стояла бы в очередях. Можно даже машину парковать в запрещенном месте...

— Парковать? — недоуменно переспросил марсианин.

— Ну... временно оставлять автомобиль на стоянке.

— Ах да. Об автомобилях я кое-что слышал. Неужели и вы водите?

— Вообще-то пока я пользуюсь дедушкиным автомобилем, но как только устроюсь на работу в посольстве, у меня будет свой личный.

— А почему бы вам не поискать работу на Марсе? — предложил Лоло. — Согласитесь, где как не здесь проявлять искусство *иностранной* дипломатии? И условия не такие первобытные, как в вашей Дакоте.

— В том-то и дело, что здесь все *слишком* иностранное. Как вы вообще живете? Ни с одной из здешних колоний как следует не налажена связь. Да и ваше правительство — не более чем кучка незаконно вторгшихся на чужую планету людей, которых и не видно-то нигде. К чему такая секретность?

— Да, — нехотя согласился Лоло. — Если уж говорить начистоту, на Марсе и размещать-то негде эти ваши посольства. Сколько наций насчитывается сейчас на Земле?

— Около тысячи трехсот. Число меняется каждый день.

— Ну вот. Теперь представьте, сколько места займут посольства. Никаких тоннелей не хватит. Да и марсиане, я думаю, не придут в восторг от того, что каким-то социальным иждивенцам надо предоставить льготы. Только не обижайтесь, — быстро добавил Лоло. — Я уверен, что у вас на Земле работа этих людей действительно востребована.

— Возможно, марсиане и не нуждаются в наших услугах. За несколько дней, проведенных здесь, они показали мне очень приветливыми.

— Это потому, что вы — гостя. И вы платите за то, чтобы вас развлекали.

— Наверное, вы правы...

Деметра уже настолько освоилась с ролью студентки-туристки, что почти позабыла о настоящей цели своего приезда.

— Хотя, — медленно произнес Лоло, — когда я слышу слово «дипломат», то у меня почему-то возникают ассоциации со словом «шпион».

И он лучезарно улыбнулся, словно стараясь смягчить резкость своих слов.

— Неужели здесь есть за кем шпионить? Не представляю места скучнее Марса, — невинно откликнулась Деметра.

На самом деле оба они знали, что шпионов тут полно и с каждым днем становится все больше. Они разнюхивают, разведывают, выдвигают застарелые территориальные претензии. И тем не менее Коглан продолжала притворяться, явно получая удовольствие от этой игры.

— Голые скалы да песок... За ними, что ли, шпионить?

— Не только, — заметил Лоло. — Вы забыли про воду, минеральные ресурсы...

Минералы... геология... У Деметры опять возникло ощущение, что она забыла что-то очень важное. Но как ни напрягалась, вспомнить не удалось. Ладно, потом.

Занятая интересным разговором, девушка не сразу заметила, что «ходун» остановился. За окном перестали мелькать скалы, и теперь во все стороны простиралась бескрайняя лимонно-желтая пустыня.

— Мистер Мицуно, прибыли! — прозвучал металлический голос Уайетта.

— Отлично! Ну а сейчас немного разомнемся!

С этими словами Лоло направился к шлюзовой двери.

Прежде чем выйти, он показал Деметре, как надеть скафандр. Все скафандры были стандартного размера, поэтому миниатюрной девушке он оказался довольно велик. К сожалению, внутренний обогрев не был предусмотрен. Конечно, без скафандра она бы и минуты не протянула на поверхности, но и в нем срок пребывания весьма ограничен. Огромный шлем крепился на кольцо на уровне шеи, поэтому его вес практически не чувствовался. Деметра сразу это оценила. В целом космическая одежда пришлась ей по вкусу.

Перед тем как натянуть герметичные рукавицы, она сняла свой титановый браслетик и затолкала его в один из внутренних карманов. Зачем подвергать Конфетку резким температурным перепадам? Она еще сослужит ей верную службу.

Полностью экипировавшись, Лоло и Деметра вступили в шлюз. Девушка сразу же приготовилась к крутому спуску. Во время путешествия ей казалось, что от земли их отделяет ну никак не менее трех метров. Когда же внешняя дверь бесшумно открылась, она с удивлением воззрилась на единственную маленькую ступеньку. Не веря своим глазам, Деметра оглянулась на машину и удивилась еще больше: чтобы им с Лоло было удобнее спускаться, та присела на «корточки». Ее железные «колени» острыми шпильями выступали над кабинкой управления.

— Итак, каков наш план действий? — поинтересовалась Деметра после того, как настроила вмонтированные в шлем радио-антеннки на нужную частоту.

— План прост и гениален одновременно: я ищу воду или подземные ледники, а ты мне помогаешь.

С этими словами Мицуно приблизился к машине с той стороны, где у нее находился «живот». Там между двух ножных шарниров был спрятан маленький люк. Открыв его, Мицуно вытащил несколько алюминиевых чемоданчиков и поставил их на песок. Коглан стало любопытно, что же находится внутри, и она подошла поближе. В глубоких разъемах лежали какие-то странные серые штуки, по форме напоминающие тыквочки. К каждой «тыквочке» снизу были приделаны «ножки», а сверху — крохотное табло для регистрации данных.

— Что это такое?!

— Транспондеры.

— А что с ними делать?

— Вот тут-то и начинается *твоя* часть работы. Тебе придется взять одну из этих тыквочек и перенести ее на триста метров вон в том направлении. — Лоло показал на восток. — Потом вернешься за другой и отнесешь ее на запад на то же расстояние. Ну а потом, как ты уже, наверное, догадалась, останутся север и юг.

— Превосходно. *Моя* часть работы мне понятна. А чем будешь занят в это время *ты*?

— А я буду наблюдать, как ты работаешь.

Сквозь прозрачное стекло шлема было видно, как Мицуно ухмыльнулся.

Не вдаваясь в дальнейшие объяснения, он протянул ей одно из записывающих устройств. Довольно ошутимое по весу, оно все-таки не было тяжелым.

Делать нечего, и, осторожно ступая, Деметра направилась навстречу дымчатой линии горизонта. Она шла, отсчитывая шаги, стараясь держаться как можно более

прямо. Задача эта была довольно трудная, поскольку то здесь, то там попадались большие камни. Деметра переступала через них и шла дальше. Преодолев небольшой подъем, она очутилась в песчаной низине. Оглянувшись — не увидела ничего, кроме простирающейся лимонно-желтой пустыни. Лоло с машиной как будто сквозь землю провалились.

— Лоло! — позвала Деметра, немного испуганно.

— Что?

— Тебя отсюда совсем не видно!.. А как работают эти штуки? Считывают то, что попадает в их поле зрения?

— Нет. Они регистрируют малейшие колебания поверхности и сравнивают их с собственными инерциальными свойствами.

— Ясно.

И Деметра снова начала мерить почти метровыми шагами марсианские пески. Наконец она остановилась и перевела дух. Посадила тыквочку на землю, согнув ей ножки так, как показывал Лоло, и включила записывающее устройство. Выпрямившись, Деметра увидела странное зрелище. Вначале она подумала, что ей просто продолжает мерещиться всякая дурь после вчерашнего перенапряжения. Но нет. На горизонте танцевали какие-то странные тени. Облаченные в черные обтягивающие трико, с развевающимися на ветру накидками, они походили на крылатых демонов. Все, кроме одной ярко-зеленой фигуры. Деметре она напомнила изваяние смеющегося Будды. Только почему-то в руках у странной фигуры было зажато что-то наподобие зонтика.

Как жаль, что в шлеме отсутствует увеличительное оптическое устройство! Сейчас бы оно очень пригодилось Деметре, помогло бы отличить обычный мираж от пугающей яви... А может, это и есть мираж, с надеждой подумала она. Но как же быть с зеленой фигуркой. Наверяд ли это обычная пыль, подхваченная ветром...

Вернувшись к Мицуно, Деметра рассказала о своем странном видении.

— Ты успела сосчитать, сколько их там танцевало?

— Трое. Или, может быть, четверо... Я подумала, что это просто мираж, но вот одна из фигур — такая большая, с зонтиком, как у Мишлен Ман, — никак не могла быть обыкновенным искажением пространства.

— Подожди-ка.

Мицуно переключил свой радиомикрофон на другую частоту. Какое-то время Деметра безмолвно наблюдала за движениями его губ. Разговор, похоже, затянулся. Наконец она услышала голос Лоло:

— На сегодня приключения можно считать законченными. Сходи и забери транспондер, договорились?

— Это еще зачем? Мы что, уже не ищем воду?

— Здесь ее нет. Они сказали, что это место — сухое и бесплодное.

— Они?.. *Кто* это они?

От чересчур серьезного тона, с которым Мицуно произнес последние слова, Деметру даже в жар бросило.

— Киборги, которых ты заметила на горизонте.

— Так это были киборги?! Я думала, их уже не осталось в живых...

— Они ведь потенциально бессмертны.

— И всезнающие, как боги?

— Ну, что-то в этом роде... Только когда дело касается Марса.

— Так ты предлагаешь просто собрать вещи и убраться восвояси? А давай подойдем к ним и познакомимся! Это было бы интересно!..

— Это не очень хорошая идея, Деметра. Мудрость гласит: не приближайся к киборгам, если они сами тебя не зовут. А эти, похоже, не горят желанием с нами общаться.

— Разве они опасны? Мне они вовсе не показались всемогущими. Парочка из них довольно костлявые...

— Послушай, Деметра, чтобы быть сильными, им не нужно есть мясо, как нам с тобой. Киборг — это в основном провода, антенны, соленоиды и прочая разная дрянь. И даже если он кажется тебе костлявым, то это не значит, что он не может в мгновение ока продырявить твой скафандр... Тогда твоя песенка спета. Ты не сможешь дышать здешним воздухом. Для них же он — родной.

— Ясно. Нам лучше всего незаметно исчезнуть. Что-то мне не хочется возвращаться за тем транспондером.

— Не волнуйся, все будет в порядке. Пригни голову и делай свое дело. Тебя не тронут.

— А может, я постою здесь?

— Дем, я же ведь не знаю точно, где ты его оставила.

Последний аргумент Лоло прозвучал довольно убедительно, и Деметра покорно повернулась к таинственному горизонту и снова начала отмерять шаги. Найдя тыквочку и отключив ее, она все же осмелилась взглянуть туда, где совсем недавно танцевали тени.

Горизонт был девственно чист. Призраки исчезли.

Бар «Хоплайт»

10 июня

Прибыв в «Хоплайт», Элен Сорбелл первым делом направилась к столику Лоло и Деметры. Пустые тарелки и стаканы красноречиво свидетельствовали о том, что эта парочка здесь уже давно. Уайетт уже успел рассказать Элен об их неудавшейся экспедиции в Гармония Мунди.

Кибер просто не мог отказать себе в удовольствии первым сообщить столь важную новость. И в то время как Элен пыталась проанализировать новые данные, он продолжал брюзжать по поводу старых.

— Как же так, — не мог понять Уайетт, — ведь все было тщательно перепроверено. Откуда же взялись геологические и сейсмические аномалии?

Пока он напыщенно болтал, Элен задавалась вопросом: «А известна ли вся эта информация киборгам?» Элен надеялась, что нет, так как они не лучше, чем Уайетт, умели держать язык за зубами.

— Эй, ребята, — махнула рукой Сорбелл.

— Элен! — радостно воскликнула Деметра.

— Прости, что так вышло, — начал было извиняться Лоло.

— Да ничего. С кем не бывает. Слушай, а с чего это твои киборги взяли, что там нет воды? Они что, бурили землю?

— Роджер сказал мне, что само место имеет аномалии.

— Ну да, — хмыкнула Элен. — Уж кто-кто, а Роджер знает все.

Всю свою жизнь она только и занималась тем, что изучала различные геологические образцы и акустические матрицы. С утра до ночи копалась в базах данных и все же не владела и половиной тех знаний о Марсе, что хранились в кибернетическом мозгу Роджера Торвея.

— Лоло, а что он там, собственно, делал?

— Мне показалось, что он о чем-то совещался со своими приятелями, включая ту русскую девицу по фамилии Штев. В общем, он вежливо попросил меня не совать свой нос в дела киборгов.

— Я не ослышалась? Один из них действительно был Роджер Торвей — полковник?

— Ну да, — ответил Лоло. — А что, ты его знаешь?

— Да... Он сам из Техсахомы. Мне довелось побывать в тех местах, где его сделали. Говорила же я, что надо подойти к нему и поздороваться. Все-таки он почти что мой земляк.

— Деметра у нас учится на дипломата, — снисходительно пояснил Лоло. — У нее навязчивая идея, что со всеми надо налаживать дружеские контакты. — С этими словами он повернулся к Коглан. — Деметра, Торвей больше не тексахомец. Он теперь марсианин до мозга костей. И потом, когда правительство делало из него киборга, твоя родная Оклахома являлась частью Соединенных Штатов. В то время Торвей служил в военно-воздушных силах, летал на самолетах, и все такое прочее. Но однажды вступив на Марс, он практически слился с ним. Теперь это его вторая родина.

— Вы рассказываете мне историю Земли, — улыбнулась Деметра.

— Это и наша история тоже, — присоединилась к разговору Элен. — Каждому марсианскому ребенку известно о так называемой эре колонизации.

— И все-таки мне непонятно, — сказал Лоло, — почему американские и русские ученые не позволяют марсианам нормально размножаться. Они ведь поставили себе целью создать истинно марсианскую расу. Так зачем же делать из них евнухов?

— Ну, это же очевидно, Лоло, — пожала плечами Коглан. — Дети, рожденные естественным путем, не смогли бы выжить в условиях Марса.

— Почему ты так считаешь? А как же нойманы?

— Не забывай, что это машины. Их специально проектировали для...

— Так и киборги — машины, детка.

— Это совсем другое, — по-прежнему стояла на своем Деметра.

— А вот мне непонятно, — вставила Элен, — почему ваше правительство сделало производство киборгов своей ведущей политикой. Конечно, вы утерли нос русским, но в то же время подорвали свою экономику.

— А по-моему, тут все понятно, — сказала Деметра. — Они получили возможность исследовать Марс.

— Для этого не обязательно быть киборгом, — разумно указал Лоло. — Обычные люди тоже вполне могут с этим справиться. Вспомни нашу сегодняшнюю экспедицию.

— Лоло, но ведь в то время на Марсе еще не было ни колоний, ни условий для жизни, питания. Даже дышать было нечем. Только такая самодостаточная единица, как киборг, могла приспособиться к подобным обстоятельствам.

— Однако в первой экспедиции Торвея сопровождали вполне обычные люди. Например, его личный врач. И они прекрасно выжили. Им хватило и еды, и воздуха.

— И все же я уверена, что у ученых была веская причина для создания киборгов — разработанные ими программы...

— Ты уверена, что они разрабатывали программы? — не дал ей договорить Лоло.

— Он имеет в виду, что это компьютеры все разработали.

— А так как они сами себе хозяева, то эти программы были созданы с учетом их интересов, — подытожил Лоло.

— Может, довольно сказочек про всемогущую Сеть, — немножко надменно произнесла Деметра. — Сеть — это живое существо. Сеть — это Бог. Сеть — это следующая ступень в эволюции людей и машин... Неужели вы верите в эту ерунду? Видит Бог, что и у меня достаточно причин не доверять машинам. Но я не наделяю их человеческими качествами и так же не считаю их за демонов. Да, я общаюсь иногда со своим титановым браслетом, а вы с этим вашим Уайеттом, но от этого машины не перестают быть машинами — просто связкой прочных силиконовых пластинок, набором мудреных микросхем!

Выпалив все это, Деметра замолчала, вызываясь глядя на своих собеседников.

— Ты действительно так думаешь? — тихо сказала Элен. И немного помолчав, добавила: — Джори гово-

рит, что ты даже говорить о сексе не можешь, если в комнате включено окно терминала.

— У Джори слишком длинный язык, — сухо ответила Деметра. — Он прав, конечно. Но я с тем же успехом не стала бы заниматься любовью и в присутствии своей кошки. Это ведь не значит, что она все понимает.

— И все же ты должна признать, — сказал Лоло, — что земные ученые допустили большую ошибку, когда пошли на поводу у машин.

— Удивляюсь я тебе, Лоло! Разве не эти же самые машины облегчают тебе сейчас жизнь? У тебя есть необходимое оборудование для сейсмических тестов. У тебя есть прекрасный проводник — этот твой Уайетт. В любое время дня и ночи он говорит тебе — «расслабься, все будет в порядке». Так что машины, которые ты ругаешь, приносят больше пользы, чем вреда. Это неиссякающий источник знаний, это мудрый голос предков. Киборги хоть немного, да помогли освоению Марса, хоть чуть-чуть, да прибавили планете дружелюбия...

— Может, ты и права, — нехотя согласился Лоло.

Его голос звучал уже не столь уверенно, как раньше.

— Естественно, права. Я вовсе не отрицаю, что Сеть умна и даже *хитра*, если хотите. Но в ней нет ничего человеческого. Не знаю как вы, — сказала Элен, переводя разговор в другое русло, — а я бы чего-нибудь выпила...

«Золотой лотос»

10 июня

В тот вечер Деметра никак не могла собраться с мыслями и отправить домой толковое сообщение. Сильная усталость и несколько коктейлей в баре «Хоплайт» мешали сосредоточиться. Недолго думая, Коглан решила облегчить себе задачу: пусть машина задает ей вопросы

о дневной экспедиции, а потом сама оформляет их в разборчивое письмо. В компьютерной программе даже заложены способности имитировать присущий только Деметре разговорный стиль. Вот оно — еще одно преимущество компьютерных технологий! Наутро Деметре останется только отредактировать вечерний файл. В случае чего она может обратиться и к Конфетке. Верная кибер-служанка легко составит подробное описание для хозяйки, за исключением тех моментов, которые она провела в ее нагрудном кармане.

Коглан прекрасно понимала, что если полагаться только на возможности кибернетики, то и глазом не успеешь моргнуть, как разучишься думать самостоятельно. Все это так, но...

Но в тот вечер она возблагодарила Бога за то, что на свете есть машины.

— Где вы сегодня были? — осведомился безразличным голосом терминал.

— Какая-то Гармунди... сверяйтесь с картой, там есть такое название. Мы отправились на геоло... Нет, на гидрологическую экспедицию. Искали подземные воды.

За этими словами последовал зевок.

— Вы что-нибудь нашли?

— Нет. Мы встретили... Вернее, увидели там киборгов, которые посоветовали нам убираться оттуда подобру-поздорову. Лоло сказал, что у них было какое-то деловое совещание. Только чашки кофе не хватало! Поговорить мне с ними так и не удалось — ай-х-и...

Тут Деметра зевнула, чуть не вывихнув при этом себе челюсть.

— А что еще Лоло Мицуно говорил о киборгах?

— Ну... что они опасны, необщительны и крайне вспыльчивы. И при этом очень сильны.

— Нам это известно. Можете вспомнить еще какие-то подробности?

— Пожалуй... А, он считает, что вся эта идея с киборгами с самого начала была неудачной.

У Деметры уже закрывались глаза. Похоже, что толку из этого сообщения выйдет мало, несмотря на невероятные усилия машины.

Она снова зевнула, уже не в силах сохранять вертикальное положение, добралась до кровати и в изнеможении опустила голову на подушку.

— Теперь прослушайте ваше сообщение с самого начала, — заученно произнес металлический голос.

Но Деметра уже сладко посапывала во сне.

Да... машины не знают усталости... Совсем другое дело — люди.

Глава 7

ШЕПОТ И КРИКИ

120 километров восточнее Гармония Мунди

11 июня

— Роджер, они вовсе не собираются устраивать революцию, — наконец проронила Федя.

Это были ее первые слова за последние три долгих, безмолвных часа. Все это время она старалась не отставать от Торвея, стремительно шагавшего вперед. Ни один звук не нарушал повисшую над пустыней тишину, только две пары ног без усталости вздымали лимонно-желтые пески.

— Я не имею в виду революцию, — возразил Торвей. — Акция протеста. Демонстрация силы. В конце концов они ведь тоже могут извлечь определенную пользу из генератора на Деймосе.

— Значит, *не* революция... — задумчиво прошептала Федя. — Но любое выражение протеста предлагает смелую власть.

— Ну, это уж слишком!

В голосе киборга зазвучала неприкрытая горечь. Как ненавистны ему эти человеческие чувства: зависимость, долг, несвобода. Как мешали они сейчас ему просто идти вперед и делать то, что он считал нужным.

— Роджер! Ты сам себя стараешься обмануть. Но факт остается фактом. Нас создали для мирных целей: наблюдать, исследовать, снабжать людей информацией. Мы не имеем права диктовать им свои условия. Мы не имеем права вредить.

— Я не хочу никому вредить!.. Просто... просто перестать помогать им на какое-то время. Пусть эта кучка бюрократов почувствует, как мы нужны на Марсе. Пусть увидит, какой враждебной и неуютной станет эта планета! Может, хоть тогда они нас оценят!

— Роджер, а тебя не смущает, что вначале кому-то придется умереть? И все, чтобы доказать твою нужность?..

— Ну...

— Поведай-ка мне еще раз ту смешную историю про омлет и яйца, — вдруг ни с того ни сего захихикала Федя.

Этот скрежещущий смех кому угодно подействовал бы на нервы. Даже киборгу.

— Перестань! Как ты можешь! Я говорю абсолютно серьезно.

— Значит, то, что серьезно для тебя, для других должно быть очевидно?

— Что ты на сей раз имеешь в виду?

— Попробуй угадай...

И снова тишина. Целых восемь километров брели они по марсианским пескам, не проронив ни слова. Роджеру с его исключительно обостренным чувством

времени долгие часы казались секундами. Он мог бы молчать и вдвое дольше без особого напряжения...

Скоро пустынный пейзаж сменился крутыми холмами и оврагами, наполовину изъеденными эрозией.

— Поставь себя на их место, — наконец снова проскрежетала Федя. — Это единственный выход.

— Не понимаю тебя.

— Выясни, что нужно людям.

— Я пытался. И не раз. То, что я предлагал, не сработало.

— Ты предлагал то, что имеешь, а не то, что им нужно. Это разные вещи.

— Федя, я продавал себя! С молотка... Все самое дорогое...

— Видимо, им нужно другое.

— Да...

Роджер знал, что она права. Но кто разберется, в чем нуждаются марсиане? Это «нечто» *есть* у киборгов, но пока они не догадались его предложить. Что же это такое?..

«Русская чайная»

Коммерческий модуль 2/0/1

11 июня

Еще во время вчерашнего разговора с Деметрой Элен Сорбелл упомянула некоего корейца, явно равнодушного к гидрологии.

Мистер Сан прилетел на Марс совсем недавно, но уже успел проявить весьма активный интерес к исследованиям новых друзей Деметры.

Нужно обязательно встретиться с этим корейцем и выяснить, что у него на уме, решила Коглан. После экспедиции в Гармония Мунди им найдется, о чем погово-

рить... Элен обещала прямо завтра познакомить ее с мистером Саном.

Встретились они в «Золотом лотосе», и Сорбелл повела ее в «Русскую чайную», которая славилась на весь Тарсис Мон.

Чайная располагалась двумя уровнями выше, и пока они поднимались, гидролог рассказывала Деметре о тамошних церемониях.

— Чай у них здесь просто отвратительный. И неудивительно. Если бы ты знала, как они его готовят! Бр-р... Сначала целую неделю кипятят в настоящем русском самоваре — его привезли из самого Петрограда, чистое серебро, а тяжеленный... Так вот, когда в нем уже можно ложку ставить, его разбавляют водкой, виски, лимонным соком, в общем, всем, что под руку попадется. Ну и забористое пойло получается, я тебе скажу!

— Как же туда народ ходит? — удивилась Деметра.

— Ну, видишь ли, — пожала плечами Элен, — это место считается элитным. Вот и ходят — выставляют себя напоказ. Одно слово — туристы.

— А я вот впервые слышу об этой чайной.

— Местная публика без ума от их пирожных. Рассыпчатые, в основном сахар и масло... если, конечно, этот суррогат можно назвать маслом...

Сорбелл насмешливо улыбнулась.

— Элен, у тебя удивительный дар — портить людям аппетит, — пошутила Деметра.

— Что-то мне твои слова напоминают. Да, кстати! Если тебе надоели бесконечные вылазки на марсианскую поверхность, то я настоятельно рекомендую посмотреть наши энергетические спутники. И особенно последний, что сейчас строится в районе Скъяпарелли. Это виртуальное чудо. Потрясающие ощущения. Если хочешь, я могу все устроить.

Деметра помедлила с ответом. В голове у нее роились тревожные мысли. Какие такие ее слова напомни-

ли Сорбелл об орбитальных спутниках? А вдруг еще вчера сболтнула что-то лишнее? Почему Элен так хочет, чтобы она отправилась в виртуальное путешествие?

Просто голова идет кругом. Нет, нельзя быть такой подозрительной. Скорее всего это не более чем дружеский совет; встреча со шпионом еще впереди. Не стоит так напрягаться.

С этими мыслями Деметра и переступила порог знаменитой «Русской чайной». Белые скатерти, начищенное серебро, звон фарфора... Впечатляли стены: уродливые черные полосы на абсолютно белом фоне изображали голые деревья в суровую зиму. У Деметры, однако, возникло подозрение, что художник никогда в жизни не видел ни одного дерева. Да... странное место.

Где-то в глубине пели скрипки — ненастоящие, как и все на Марсе. То ли это была цыганская музыка, специально для царской трапезы, то ли простой казачий хор. Разобрать было трудно. Деметра уже приготовилась с достоинством встретить официантов, облаченных в черные брюки для верховой езды, белые кушаки и красные шелковые блузки. К счастью, обслуживание здесь не отличалось от других марсианских ресторанчиков — все тот же ненавязчивый автомат «Мистер Миксер».

Элен сразу направилась в главный зал, минуя ряды аккуратных белых столиков. Деметра покорно следовала по пятам за своей спутницей. Она издалека узнала в полном молодом человеке мистера Сана. Прошло всего три дня, как она видела его фото в справочнике так называемых чужаков. Надо сказать, оригинал слегка отличался. Узкие глазки еще больше утопали в жирных складках, кожа оказалась желтее и на фоне серого костюма выглядела очень нездоровой. Деметра украдкой искала глазами его слугу, но не обнаружила никого, кто бы соответствовал образу Чанг Квок До. Возможно, тот отлучился на кухню и как раз заказывал очередной

деликатес для своего хозяина: какую-нибудь жареную собаку или кошку.

— Добрый день, Сан! — поздоровалась Элен. — Рада вам представить свою хорошую знакомую Деметру Коглан. Деметра тоже недавно прилетела с Земли. Деметра, Сак Иль Сан — наш почетный гость из Объединенной Кореи.

Молодой человек сделал неуклюжую попытку встать. Но то ли ему помешал слишком близко придвинутый стол, то ли избыточный вес, но так попыткой дело и ограничилось. Вежливо улыбнувшись, отчего глазки сузились еще больше, Сак Иль Сан протянул Деметре руку. Выставленный вверх большой палец почему-то напомнил Деметре взведенный курок. Опять эти шпионские мысли, нервно подумала она.

Рука корейца оказалась мягкой и влажной.

— Буду очень рад, если прекрасная леди составит мне компанию, — хрипло произнес Сак.

Сославшись на неотложную работу, Элен оставила Деметру наедине с новым знакомым. Какое-то время тот лишь угрюмо улыбался.

— Я так понимаю, мисс Коглан, вы тоже интересуетесь природными ресурсами этой необычайной планеты? — издалека начал кореец. Однако постепенно его вопросы становились все более конкретными. — Какое совпадение, что мы побывали в одних и тех же местах! Взять хотя бы Долину Маринера...

— Уверю вас, мистер Сан, мой интерес носит сугубо познавательный характер.

— Ах да. Познавательный. Я видел ваши данные в справочнике туристов. Вы ведь посещали дипломатические курсы, правда? Не собираетесь ли вы включить в свое резюме также знания геологии?

— Хорошая мысль, мистер Сан.

— Полагаю, у вас уже есть все необходимые данные для получения степени.

— Не совсем, — уточнила Деметра.

— Но тем не менее вы хорошо знаете свое дело, иначе бы не взялись за такое задание.

— О каком задании вы говорите?

— Ну как же, вы ведь прибыли сюда вынюхивать, чем занимаются северозеландцы на Марсе. Ведь правительство претендует на те же самые территории. Впрочем, как и Объединенная Корея.

— Сэр, у вас излишне богатое воображение.

— Разве? Значит, Техсахома не заинтересована в...

— Нет, я имею в виду особое задание. Вы хорошо это придумали. Хотела бы я, чтобы кто-то оплатил мою туристическую поездку. Но на самом деле...

— На самом деле, мисс Коглан, ваш дедушка как раз этим и занимается. И все для того, чтобы вы «держали ухо остро». Я не знаю, какие там еще красочные выражения любит использовать ваш дорогой дедушка, но уж, наверно, он не поскупился на всевозможные наставления.

— Все равно я не понимаю, зачем моему дедушке столь серьезно наставлять меня. Это ведь обычная развлекательная поездка, — невинно сказала Деметра.

— Не надо играть со мною в прятки, детка. — Сак Иль Сан доверительно накрыл маленькую руку Деметры своей огромной пятерней. — Мне прекрасно известен ваш августейший дедуля — очень влиятельная политическая фигура, по крайней мере официально. Элвин Бертран Коглан наверняка будет избран на главный руководящий пост в Остине. Официально он уже возглавляет так называемую партию «независимых». Собственно, в их-то руках и сосредоточена вся власть в их городе.

— Ну...

— Неужели вы скажете, что это ложь? — блеснул кореец белозубой улыбкой.

— Нет, не стану кривить душой. Просто мы, тексахомцы, не привыкли обсуждать чужие планы. Может

быть, это и суеверие, но у нас считают, что такие разговоры небезопасны. До поры до времени лучше держать рот на замке. Это еще одно красочное выражение моего дедушки, можете его включить в свою коллекцию, — улыбнулась Деметра.

Боже, ей начинает нравиться словесная дуэль с корейцем.

— Давайте поговорим начистоту, моя дорогая. Так ведь выражаются американцы? Так вот, у нас с вами одинаковые задачи: выяснить, чего хотят зеландцы, и по возможности помешать осуществить их грандиозный план. «Ставить палки в колеса», так ведь у вас говорят? — Деметра едва раскрыла рот, как Сак жестом остановил ее. — Конечно, подобные действия с нашей стороны не сразу разрушат их планы. Ведь, в конце концов, что мы собой представляем? Так, крохотные песчинки в огромной выжженной пустыне. Пройдет не меньше сотни лет, а то и две сотни, пока планета изменит свой облик так, как того хотелось бы. Однако не стоит отчаиваться. И раз уж мы здесь — давайте ковать железо, пока горячо!

— Мистер Сан, надеюсь, я правильно поняла вас. Вы говорите мне открытым текстом, что прилетели сюда шпионить? — Деметра широко раскрыла удивленные глаза.

— Ну конечно! И правительство Кореи щедро оплачивает мои скромные услуги. А вам разве не платят? — вкрадчиво произнес Сан.

Коглан почему-то вспомнился один из преподавателей, Симонсон. Он читал лекции по промышленному шпионажу, экономической теории и частенько любил говорить что-нибудь эдакое: «Бойтесь данайцев, дары приносящих». Должно быть, он имел в виду как раз таких, как Сак Иль Сан.

— Ну и, — с улыбкой продолжал кореец, — кому же из зеландцев вы отдаете предпочтение? Кто удостоился

честь попасть под ваш неусыпный надзор? Может быть, фермеры из Элизиума? Или звездочет на Фобосе? Да, а как насчет новенькой? Кажется, ее зовут Кунео?

— Если учесть, сколько мне платят...

— Ах да, вы остановили свой выбор на Кунео. Так я и думал. Ее живо интересует все связанное с Долиной Маринера. И уж конечно, ей известны все секретные планы тексахомского правительства по преобразованию марсианской атмосферы. Стоит ей разнюхать, за чем охотимся мы, и она сделает все возможное, чтобы здорово навредить. Вплоть до агитации местного населения: мол, эти люди очень опасны, и их непременно надо выставить с Марса. Только вот куда? В худшем случае — куда-нибудь в заброшенную марсианскую пустыню. Эта женщина способна на все...

— А вы не преувеличиваете, мистер Сан? Звучит как в дешевой трагедии.

— Вы мне не верите? Ну, тогда убедитесь сами. Разве это не глаза фанатика?

Сак Иль Сан указал Деметре на женщину, одиноко сидевшую за соседним столиком.

Отдаленное сходство с портретом из досье, конечно, имелось. Только оригинальные черты лица оказались куда тяжеловеснее, фигура — более оплывшей и неповоротливой. Кудрявые рыжие волосы до плеч составляли резкий контраст с угрюмым черным шлемом на фотографии. Что и говорить, разница потрясающая! Но на то Кунео и шпионка! Что ей стоит надеть парик и изменить внешность до неузнаваемости?

Не доверять корейцу у Деметры не было оснований.

— Если это действительно Кунео, — начала Коглан, — и если она и вправду так опасна, то зачем же вы в полный голос говорите о своих подозрениях, в то время как шпионка находится в двух шагах от нашего столика?

Вся эта справедливая тирада осталась без ответа: кореец лишь безмолвно показал Деметре на маленькую белую коробочку, практически незаметную на такого же цвета скатерти. От любопытных глаз коробочку скрывали и другие привычные ресторанные атрибуты типа настольной вазы с бумажными цветами. Вообще-то наблюдательная Деметра заметила ее сразу, но особого значения не придала, решив, что в ней находится какое-нибудь лекарство.

— Фазовый преобразователь, — пояснил довольный Сак, — удивительный приборчик! Любой звук в радиусе полутора метров он втягивает и потом выдает в виде невнятного шума. Штука совершенно незаменимая для каждого мало-мальски уважающего себя шпиона. Как это правительство Техсахомы не догадалось вручить вам нечто подобное? — Кореец поднял вверх указательный палец и слегка повысил голос. — Мое личное мнение гласит: все зеландцы воняют хуже, чем протухшие яйца.

Кунео в это время как раз поднесла к губам чашку чая, скользя безразличным взглядом по лицам Деметры и ее собеседника. Ни малейшего намека на уважение, ни малейшего знака уязвленной гордости.

— Вот видите, — торжествующе произнес Сак. — Она ничего, кроме шума, не услышала.

Уже потом Деметре пришло в голову, что даже такой маленький приборчик, вероятно, соединен с Сетью. Скорее всего его работу регулируют другие, более мощные киберы через набор сложных алгоритмов. Нет сомнений: их разговор с корейцем, умело поглощенный белой шутовщиной, пополнил резервуары сетевых данных.

— А вы любите жить, рискуя. Не правда ли, мистер Сак? — напоследок задала вопрос Коглан.

— Я просто люблю жить. И точка. Это мой девиз. Можете написать его на моем надгробном камне, если хотите. Но, пожалуйста, зовите меня просто Сак... Мне будет очень приятно, договорились?

И хотя интуиция подсказывала Деметре, что этому смешному толстому корейцу не стоит особо доверять, он уже успел произвести на нее весьма выгодное впечатление.

Глава 8

СКРЫТЫЙ СМЫСЛ

Четвертый уровень

Тоннель № 21

12 июня

Вот уже два часа Джори томился у входа в «Золотой лотос», а Деметры все не было. Чтобы избежать назойливых вопросов, он занялся «починкой» вмонтированного в стену сенсора. Благо рабочий пояс с инструментами всегда при нем, выручает в самых непредвиденных ситуациях.

Вообще-то креолы могли спокойно разгуливать по подземному комплексу, никто бы и слова не сказал. Но Джори вовсе не улыбалась перспектива становиться мишенью для любопытных взглядов зевак — будь то люди или машины. Да и с милицией объясняться не больно-то хотелось.

Сегодня у Джори выходной. Он его выпросил специально для того, чтобы откорректировать работу почечных фильтров и устранить возникший электролитный дисбаланс. «Дисбаланс» был не более чем выдумкой, как и вышедший из строя сенсор. Довольный собой и своей богатой фантазией креол теперь тихонько копался в хитроумном устройстве.

Все, что ему было нужно, — это снова увидеть Деметру Коглан.

Прямо он сказать об этом ей не мог, и вот пришлось сочинять всякие небылицы. А что, он вполне может чинить сенсоры и все, что ему вздумается. Никто и не заподозрит, что это чисто его инициатива. Зато, когда появится Деметра, он как бы невзначай окажется рядом.

Может, план и не особо гениален, но для креола сойдет.

Дверь девятого модуля отворилась, и на пороге возникла Деметра. Джори, который уже давно успел вскарабкаться на стену, обернулся. Продолжая ковыряться в розетке, он приветственно кивнул своей новой подруге. Лицо его сияло, как у ребенка.

— Джори?! Как ты здесь оказался?

Удивлению Деметры не было границ.

Тот бесшумно спрыгнул, словно большой и гибкий кот.

— Я-то? Чиню вот... м-м... — Позабыв все слова, он показал на стену. — Этот...

— Прямо у моей двери? Ну и совпадение!

— Я... я просто соскучился, и... мне захотелось тебя увидеть...

Джори застенчиво опустил голову и уперся взглядом в пальцы ног.

Раньше креола совершенно не волновал тот факт, что его затвердевшая и давно огрубевшая кожа словно толстый панцирь обтягивает ступни. Не смущали слоновьи складки на подошвах, перепончатые пальцы — в конце концов это делалось для его же удобства. Марсианские пески и острые камни рикошетом отлетали от этих уродливых широких «лап».

Креола не нуждался в ботинках, да ему бы и не удалось их натянуть. И вот сейчас Джори невесело созер-

цал свое уродство, то и дело посматривая на хрупкие узкие ступни Деметры, затянутые светлой кожей нарядных туфельек. Чем-то она напоминала креолу грандиозную лань. Да, контраст был разительным.

— Джори, мне не кажется, что это — хорошая идея.

— Но я думал...

Что он думал? Что он и экзотическая пришелица с Земли могут быть вместе? Может, он думал, что ее богатая, влиятельная семья не попытается вернуть свою наследницу? Что они обзаведутся хозяйством в Тарсисе и будут влачить жалкое существование на его жалованье? Шестой рабочий разряд — это, конечно, неплохо для Марса, но не для Деметры. А может, он думал, что она будет рожать ему детей и потом, когда им исполнится двенадцать, добровольно позволит, чтобы их изуродовали, как и папашу?

Так что же он такое думал?

— Я думал, я тебе нравлюсь, — просто ответил Джори.

— О, Джори... — Ее взгляд затуманился от подступивших слез. — Ты и вправду мне нравишься! Ты замечательный друг. Но сегодня у меня плотное расписание, и я не могу...

— Деметра, у меня для тебя маленький сюрприз, — выпалил Джори.

Все получалось совсем не так, как он задумал.

— Сюрприз? Но...

— Да пойдем же! — Он крепко схватил ее под руку и устремился вперед, да так быстро, что Деметра еле успевала. — Пойдем, я покажу тебе.

— Неужели нельзя просто рассказать?

— Тогда это перестанет быть сюрпризом...

Джори так спешил, что ей трудно было сохранять равновесие. Стараясь как можно быстрее переставлять ноги, она буквально вцепилась в него, чтобы не упасть. Они неслись по узкому коридору, сворачивая то на-

право, то налево. Все это время креол не переставал болтать:

— Я хорошо запомнил тот момент, когда ты призналась, что не любишь, когда компьютеры видят, как ты занимаешься... занимаешься чем-то личным. Ну, вот я и подумал: надо найти такое место, где их любопытных глаз просто нет. В комплексе пока что не все прослушивается и просматривается... Нужно только как следует поискать, и такое место обязательно найдется. Место, где тебе будет уютно... и мне тоже. Если, конечно, ты захочешь... снова быть *со мной*...

Он болтал и болтал без умолку. А ведь именно от этого когда-то предостерегала Джори его мать. Она частенько говаривала: «Лучше *казаться* дураком, чем открыть рот и развеять все сомнения». Возможно, мама и права. Но Джори почему-то чувствовал, что с Деметрой все иначе. Обычные слова, объяснения много значили для этой земной девушки — только бы в них звучала искренность. А уж она сама разберется, чего стоит произносящий их человек.

Пока креол готовил ее к сюрпризу, они успели спуститься на два уровня ниже и пересекли необычайно широкий проход. Вдвое шире и выше среднего по величине тоннеля, он представлял собой начало грандиозной реконструкции всего подземного комплекса. Когда строительные работы завершатся, ему дадут гордое название Аркады. В этих стенах будет не один коммерческий модуль...

Деметра и не заметила, как округлые, достаточно комфортабельные тоннели Малого Тарсиса сменились мрачными угловатыми стенами его строящегося тезки. Малый Тарсис представлял собой что-то вроде жилой деревушки вокруг перевалочной станции. Но стоило выйти за пределы его уютных тоннелей, как взгляду представал совсем другой Тарсис Мон — новый гран-

диодный комплекс, возводимый силами марсиан под сводами известного вулкана.

Еще двадцать стремительных шагов, и вот уже остались позади пронумерованные освещенные коридоры, электрические датчики и настороженные окошки терминалов; перед Джори и Деметрой оказалась мрачная стальная дверь с четырьмя продолговатыми защелками.

— Это шлюз? — спросила Деметра.

— Не совсем.

Ловко обхватив пальцами головки болтов, Джори повернул их на сорок пять градусов, пока защелки не освободились.

Затем он налег на дверь и сильно толкнул ее. Дверь открылась, и Деметра тут же почувствовала наступившую разницу в давлении. Там, в незнакомом темном пространстве, еле слышно шелестел марсианский ветерок, похожий на чьи-то тихие вздохи.

Джори взял Деметру за руку и преступил через порог.

— Подожди! — испуганно отпрянула она. — Ты, конечно, можешь дышать этим воздухом, а я нет!

— И ты тоже можешь! Успокойся... Воздух совершенно нормальный, почти девятьсот миллибар.

Креол пошарил за дверью и вытащил заранее припасенный фонарик. Яркая вспышка осветила нависающие со всех сторон серые скалы; кое-где параллельно полу были видны неровные зазубрины, как будто кто-то неудачно пытался зубами разгрызть твердый камень. Пытались, но так и не проникли достаточно глубоко в недра материнской породы. Похоже, что этот тоннель прорубали вручную — ведь совсем рядом жили люди. Сюда не привезешь множество гигантских буров, которых Джори с Деметрой посчастливилось увидеть в До-

лине Маринера. Вот это махины! Здесь такие просто не поместятся.

— Как холодно!

Из рта Деметры буквально валил сизый пар.

— Подожди... Сейчас ты мигом согреешься.

Джори снова увлек свою спутницу вперед. Пройдя примерно двадцать метров, они свернули налево и уперлись в еще одну дверь, теперь уже без навороченных замков, а с обыкновенной щеколдой. Эта дверь оказалась последней; за ней начиналась неправильной формы пещера, совсем дикая, совершенно необжитая. В холодный серый камень еще не успели вмонтировать ни одно из достижений современной цивилизации.

— Ну, вот мы и пришли, — со смешком объявил Джори.

— Это и есть твой сюрприз?

В голосе Деметры звучали подозрительные нотки.

Вместо ответа креол посветил фонариком на утрамбованную землю. В одном месте было предусмотрительно наброшено какое-то подобие одеяла. Обладай вы хоть каплей воображения, вы сразу бы поняли, что это — постель. И не просто постель, а удобная и достаточно мягкая!

— Ну что, теперь видишь? — торжествовал Джори. — Никаких тебе микрофонов, сенсоров, газоанализаторов! Сюда даже не во что газу просочиться!

Он резкими взмахами фонарика выхватил из тьмы низкий нависающий потолок и грубые, неотесанные стены.

— Ну и что из всего этого следует? — *как бы* не поняла Деметра.

— Ты же сама говорила, что не любишь, когда за тобой шпионит Сеть. Ну вот, здесь тебя никто не увидит!..

— Любовное гнездышко? Так надо понимать?

В голосе Деметры не прозвучало и намека на энтузиазм, но Джори это ничуть не смутило. Произнесенную ею фразу креол принял за срочный сигнал к действию. Его ловкие пальцы быстро пробежали по нежному изгибу ее шеи и заструились ниже настойчивой волной прикосновений. Он крепко прижал к себе девушку, но на этот раз она не собиралась так легко сдаваться.

— Джори...

Но тот как будто и не слышал. Деметра ощущала дыхание креола на своих губах, липучки его дыхательной маски приятно щекотали ей подбородок.

— Нет, подожди... — задыхаясь, проговорила она, изо всех сил стараясь высвободиться из-под пресса его настойчивых губ. — Я не расположена...

Джори на мгновение оторвался от девушки, но только затем, чтобы снять с ее левого запястья крохотный титановый браслетик.

— Извини, совсем забыл про твой хронометр.

Зажав его в ладони, креол расстегнул нагрудный карман Деметры и запихнул туда браслетик. Все, теперь даже Конфетка не подслушает их интимный диалог. Двумя пальцами Джори все еще держался за молнию на кармашке, а остальными легонько щекотал ее левый сосок.

Уже не в силах сдерживать подступившую волну желания, он рванул вниз ее розовый комбинезон и крепко прижал к себе продолжавшую вяло сопротивляться девушку. Через несколько секунд креол уже вошел в нее. Почувствовав, как заполняется внутри невыносимая пустота, Деметра слегка отстранилась: ей не хотелось бездумно смотреть в серый потолок. Хотелось хотя бы краешком глаза взглянуть на так поразившие ее в прошлый раз его мужские достоинства. Он тогда порвал ее одежду, и вообще...

— Пожалуйста, будь осторожен, — тихо попросила она.

«Золотой лотос»

12 июня

В свой номер Деметра вернулась в полушоковом состоянии. Подумать только, все ее планы пошли кувырком в какой-то маленькой подземной пещерке! А ведь они казались такими незыблемыми...

Еще утром она приняла твердое решение не видиться больше с юным креолом, но всего каких-то пять минут наедине не оставили от ее решения и следа. Ощущать гладкую прохладу его кожи и не возжелать близости — это слишком даже для закаленных нервов шпионки!

Нет... Надо во что бы то ни стало оборвать эту... связь?... интрижку?... роман? Да-что-бы-это-ни-было! Хватит! Ничего у них не выйдет. Это абсурд. А даже если бы и вышло — страшно представить, как ее любимый дедуля будет рвать и метать! Хотя... и из его ярости можно извлечь свои плюсы...

Ладно, она подумает об этом потом. А сейчас ее единственная мечта — залезть в кровать, натянуть на голову одеяло и спать... спать... Как минимум неделю.

Деметра даже не стала принимать душ, успокоив себя тем, что все-таки почистила зубы. Она взяла пустой стакан и потянулась к запястью, механически нашаривая знакомую титановую застежку.

Ах да... Конфетка же еще с утра томится в нагрудном кармане!

Не успела Деметра извлечь ее на свет Божий, как та зазвенела всеми серебряными бубенцами своего мелодичного голоса:

— И чем это вы там занимались? До меня доносились какие-то стра-а-анные звуки... И довольно *долго*, тебе не кажется?

— Заткнись, Конфетка, — без всякого выражения сказала усталая Деметра, накрывая браслетик стаканом.

Оттуда донеслось сдавленное:

— Ну хорошо, Деметра! Подожд...

— Ну что еще?

Рука со стаканом застыла в воздухе.

— Для тебя сообщение с Земли. Закодированное.

— С этого терминала можно прочитать?

— В принципе да... Но этот тупица, — Конфетка имела в виду, конечно же, комнатный терминал, — вряд ли сможет раскодировать информацию. А я могу! Будешь слушать текстовый файл?

— Ладно, давай. Не тяни.

Деметра поудобнее уселась на кровати. Со сном придется повременить.

— Коглан от Вайса. Совершенно секретно, — начала диктовать Конфетка, звеня тонким серебристым голоском. — Надеюсь, *мне-то* можно доверить этот секрет?

— Читай!

— Надежные агенты из Окленда докладывают *сзаэ*-секреченную информацию тчк. Еще в конце октября на Марс вылетели представители коммерческого контингента в консульском статусе тчк. Это значит, что абсолютно в любую минуту они могут как снег свалиться тебе на голову тчк. Извини, что не сообщил раньше тчк. Дата их вылета скрывалась, и ее совсем недавно самоотверженно выяснили тчк... Деметра, что все это значит? — не поняла Конфетка.

— Заткнись и дай мне подумать.

— Хорошо, Деметра.

Где же находится этот Окленд? И с каких пор у Грегора Вайса там агенты? И какое дело до них ей, Деметре? Вот так задачка... «Самоотверженно выяснили». Это вполне может означать, что кому-то пришлось пожертвовать жизнью, но добыть-таки секретные сведения, сообщить их в Даллас и уже оттуда отправить ей на Марс. А она вот сидит на своей подвесной кровати и сама в подвешенном состоянии, с Конфеткой в руке, и никак не может расшифровать это сверхважное письмо!

И вдруг Деметру осенило пока еще неясное предощущение разгаданной тайны:

— Оклэнд. Конфетка, ну-ка произнеси по буквам...

— О-К-Л-Е-Н-Д. Пишется так же, как слышится.

Но Деметра уже не слушала ее приторный звон... Что-то определенно проклевывалось! Оклэнд! Это ведь столица Северной Зеландии... А ведь там как раз заправляет Северозеландское Агентство по Экономическим Сношениям (СЗАЭС). Ага... Присвоенный делегатам дипломатический статус дает им все карты в руки, все права на переговоры, касающиеся оспариваемых территорий. А что остается ей, Деметре? Ее же просто вышвырнут из игры, как никчемную пешку.

Ладно, это всего лишь предположение. Теперь надо найти ему подтверждение в кодировке Вайса.

— Конфетка, прочти еще раз.

Кибер-слуга безропотно повиновалась хозяйке, с теми же интонациями процитировав загадочное сообщение землян.

Да уж, вполне в духе Вайса — секретный сленг телеграфистов девятнадцатого века! Но как же быть с грубой орфографической ошибкой в самом начале письма: «сзаэсекреченную информацию»? Это уж совсем не похоже на Грегора, привыкшего скрупулезно взвешивать каждое слово.

Сзаэсекреченную информацию...

СЗАЭСекреченную информацию!!!

— Конфетка! Комбинация букв СЗАЭС — встречается где-нибудь в тексте?

— Ну конечно, Деметра. В самом первом предложении. Я же тебе уже два раза читала.

— Как-то невнятно ты читала! Надо посмотреть, что с твоим лингвочипом...

— Без наездов, Деметра, договорились? Скорее всего надо проверить, что там с твоими ушами...

Глава 9

ВИРТУАЛЬНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

«Золотой лотос»

13 июня

На следующее утро Деметра проснулась вся в холодном поту. У нее сдавило горло, а сердце бешено колотилось. Ситуация на Марсе неотвратно выходила из-под контроля. Об этом явно свидетельствует вчерашнее сообщение Вайса. Заделавшись дипломатами, северозеландские шпионы, очевидно, собираются предпринять какую-то политическую акцию. Если этот замысел удастся, то они станут полновластными хозяевами Долины Маринера.

Деметра уже почти неделю как на Марсе, а что она сделала за это время? Да можно сказать, ничего. Ну, прокатилась пару раз на прокси, посмотрела, так сказать, местные достопримечательности да познакомилась с парочкой здешних жителей. Этого явно недостаточно... Но *что* она могла сделать?

Официально она числится туристом. У нее нет дипломатического статуса, а если бы и был, то его негде подтвердить. Похоже, на Марсе отсутствуют формальные правительственные структуры. Конечно, и здесь есть административные «шишки», например, мэр Солюс Планум, похоже, из числа самых влиятельных местных лиц. Но ведь существующую систему нельзя назвать государством в чистом виде. Скорее прослойкой муниципальной бюрократии.

Местные власти занимаются вопросами коммуникаций, налогообложения, регистрацией всякого рода информации о планете, а также поддержанием инфраструктуры. Местные власти... У них нет имен. Все это делает безликая Сеть.

У Деметры попросту не укладывалось в голове, как можно налаживать дипломатические отношения с кучкой киберов, пусть даже и всемогущих. Но ведь северозеландцам это уже практически удалось!

А что, если... А что, если и ей попробовать заставить эти безмозглые компьютеры плясать под ее дудку? Кое-какая информация у нее имеется, да и новые знакомые могут помочь!

Осенившая Деметру идея подействовала как спасительный глоток воды, принеся с собой небывалое облегчение. Деметра вскочила со своей висячей «кровати», отчего та с шумом отлетела к стене.

Коглан ринулась в душ; сегодня ее совершенно не напрягали счетчики — ей и одной минуты хватило на то, чтобы умыться. Завернувшись в мохнатое полотенце, Деметра присела наконец позавтракать.

Гидрологическая лаборатория

13 июня

Следуя по пути наименьшего сопротивления, Элен Сорбелл проскользнула сквозь узкую расщелину горной породы. Все пространство вокруг было заполнено шероховатыми гранулами. Каждая гранула представляла собой малюсенькую песчинку не больше миллиметра в диаметре — в реальности такая крохотулька запросто исчезла бы у Элен под ногтем мизинца. Та бы ее и не заметила.

Однако виртуальные масштабы совершенно уравнили гидролога Сорбелл с объектами исследования. Теперь ее сознание, превратившись как бы в точку, медленно проплывало между мельчайшими частичками породы.

На какое-то время Элен добровольно стала крохотной капелькой воды. Что только не сделаешь ради эксперимента!

Она искала глиняный субстрат, который с большой долей вероятности залегал в недрах пустыни Агнус Деи, что в двухстах километрах юго-западнее Тарсиса.

Теперь надо опуститься еще глубже... Элен легко заскользила, наслаждаясь прелестями виртуального движения. Где-то впереди гордо поблескивали залежи кварца и полевого шпата. А вот они уже совсем близко — и Элен, перекувырнувшись через «голову», благополучно приземлилась — нет! — приклеилась к самому нижнему слою сверкающего пласта. Что-то твердое, неровное неприятно щекотало «спину», и Сорбелл в поисках лучшего положения просочилась сквозь толщу породы и оказалась «над».

Приспособившись к силе притяжения, сознание гидролога устремилось к внешнему периметру исследуемого пласта. Еще один «кувырок», и Элен очутилась на границе двух слоев. Через новый слой просочиться оказалось не так просто: расстояние между частичками резко сократилось. Похоже на алюминий и силикат магния; ромбовидные пласты составляли не более трех микронов в диаметре.

Такую «лепешку» удобнее исследовать, если растечься по ней, проникнуть в каждую пору. Что Элен и не преминула сделать — благо чудеса виртуального мира позволяли практически все. Похоже... похоже, ее приключение подошло к концу — это глина.

— Чем это ты занимаешься?

Прозвучавший неожиданно голос нарушил окружающий Элен вакуум. Голос доносился откуда-то слева. Та обернулась, но собеседника не увидела, да и не могла она его увидеть — ведь у капли нет глаз.

— Кто со мной говорит?

— Да это то же я, Деметра!

— А... Привет.

— Я помешала?

— Да! — От раздражения Элен чуть не перешла на крик. Но сдержалась. — Не то чтобы мешаешь, но... как ты сюда попала?

— Один из твоих сотрудников одолжил мне виртуальный шлем и перчатки. И сказал, где ты. Слушай, а что это за место? Похоже на астероидное поле!

— Если хочешь знать, мы в самом сердце пустыни, на пятьдесят метров ниже уровня поверхности планеты. Во всяком случае, если доверять компьютеру, то это так.

— Уайетту?

— Нет. Этот компьютер — шишка поважнее Уайетта.

— Элен, а что ты на сей раз ищешь?

— Пытаюсь обнаружить, куда подевалась вода... если, конечно, она когда-то здесь была, — объяснила Сорбелл. — Похоже, я наткнулась на залежи глинозема.

— Где? — заинтересовалась Деметра.

— Как раз под тобой. Ты застряла где-то в песчаном слое. Спускайся ко мне.

— А как? Я не понимаю...

— Если не умеешь обращаться с перчатками, просто *плыви*.

Молчание. Через минуту голос Деметры снова позвал:

— У меня не получается, Элен. Я тебя не *вижу*. Поднимись лучше *ты* ко мне.

— А зачем тебе меня видеть? Здесь это вовсе не обязательно. Почему бы нам просто не поговорить? — Гидролог поудобнее «распласталась» на глиняной лепешке. — Что тебе надо?

— Ну, понимаешь... Просто поговорить, конечно, можно, но... Кто-нибудь может нас подслушать?

— Надеюсь, ты не имеешь в виду кибера, под чьим мудрым руководством мы сейчас занимаемся виртуальными раскопками?

— Да-да...

— Ну, тогда не волнуйся. К твоим наушникам никто посторонний не подключится.

— Элен, я знаю, ты можешь мне помочь. Ты ведь опытный программист. Как можно получить доступ к парочке сетевых терминалов? Так, чтобы они докладывали обо всей получаемой информации? Ну, хотя бы в ближайшие два-три дня. Элен, это *очень* важно!..

— А какие именно терминалы тебя интересуют?

— Один в номере некой Нэнси Кунео, туристки из Северной Зеландии. На Марсе она, как и я, «иностранка»... И еще мне нужна информация, поступающая на терминалы нашего знакомого Сака. Одно окно расположено у него в комнате, а другое — у слуги, Чанг Квок До, или как его там?

Какое-то время Сорбелл помолчала, очевидно, обдумывая слова Деметры. Наконец:

— Так, значит, Лоло был прав насчет тебя... Ты шпионка?

— Элен... Мы тут *все* шпионы... Сак Иль Сан подтвердил это без всяких зазрений совести. Он и про Кунео мне сказал, только я вычислила ее еще раньше. И знаешь, Элен, я нисколько не сомневаюсь, что мой терминал тоже прослушивается. Поэтому и мне нужно какое-то оружие против них, хоть одна козырная карта. Понимаешь?

— И ты рассчитываешь, что я...

— Ты ведь накоротке со всякой техникой, Элен! Да у вас тут практически все — гении. Можно сказать, живут у компьютеров за пазухой. Но ты... Тебе удалось проникнуть *внутри* их механического существа!

— Мы не внутри компьютера, Деметра! Это всего лишь еще одна виртуальная возможность! Исследовать почвы, путешествовать на прокси — ты можешь все это делать, не слезая со стула!..

— Что бы ты ни говорила, Элен, я знаю: если есть хоть одна живая душа на Марсе, способная мне помочь, — так это *ты!*

— Ну ладно. Не буду отрицать, что кое-что понимаю в компьютерах. Но... с чего ты решила, что я буду *тебе* помогать шпионить? Сак — мой друг, а эта Кунео мне тоже ничего плохого не сделала. Разве что... я не люблю шпионов...

— Элен! Да мы *не за тобой* шпионим, а друг за другом. Все дело в политике — и не марсианской, а в земной! Просто стечением обстоятельств мы втроем оказались именно здесь и сейчас.

Элен Сорбелл была не просто умным, талантливым гидрологом. Кроме всего прочего, она обладала превосходной интуицией. За годы работы ей не раз приходилось воссоздавать из мельчайших крупинок информации полную реальную картину. Будь то события, план местности или же чьи-то тайные мотивы. Вот и сейчас ее последние сомнения растаяли: Деметра лжет. Все, что она говорит, выглядит слишком запутанно. *Действительность всегда гораздо проще*. Жаль, конечно... Ей и вправду была симпатична эта земная девушка. Ну что ж, придется солгать и ей...

— Можешь сколько угодно играть в прятки со своими дружками, Дем. Но не впутывай в это меня. Мне не нужны проблемы с милицией.

— Элен, рано или поздно тебе придется принять чью-то сторону. Нельзя быть хорошей для всех.

— Что ты имеешь в виду, Деметра?

— А то, что ситуация на Марсе стремительно выходит из-под контроля. Еще день или два — и все просто взорвется!.. Я не могу посвятить тебя в подробности, *пока...* я сама ими не владею. Но то, что может случиться, повлияет на всю геоло... нет, метеороло... то есть

гидрологию... Тьфу ты! Все не то! На всю среду! На весь Марс! Изменит *весь* природный баланс планеты...

— Изменит к лучшему? — безнадежно спросила Элен, видимо, предчувствуя ответ.

— Далеко не к лучшему, Элен!

— Ясно. И ты что, единственный человек, который в силах предотвратить это таинственное нечто?

— Я думаю, да.

Элен Сорбелл помолчала с минуту, обдумывая услышанное.

— Деметра, ты мой друг. Но сейчас ты говоришь, что те, кого я тоже считаю друзьями, на самом деле — враги. И теперь я в полной растерянности — не знаю, кому из вас верить. Понимаешь?

— Еще как.

— Ну тогда... я подумаю над твоей просьбой.

— Спасибо.

И Деметра исчезла так же незаметно, как и появилась. Элен ощутила, что осталась совсем одна в самом сердце огромной пустыни.

Солнечная электростанция № 4 глазами прокси 13 июня

Весь Тарсис Мон с его подземными комплексами, машинами и людьми энергетически зависел практически от одного-единственного спутника. Генерируя около семи тысяч мегаватт электроэнергии, он снабжал ею поистине громадное поселение да еще Космический Фонтан. Находился спутник на ареосинхронной орбите в пятистах километрах восточнее Тарсиса. Это оптимальное расстояние. Как пояснил Деметре приторно-услужливый голос виртуального кибера, более близкое расположение спутника нарушило бы

экологический баланс на самой верхней станции Тарсиса.

Однако для полноценного функционирования Фонтана требовался достаточно большой проход, так как ежедневно приходилось принимать и отправлять огромное количество кораблей. И конечно, то, что преобразователь солнечной энергии был удален далеко на восток, создавало определенные неудобства. Но разработчикам удалось устранить и микроволновые лучи, испускаемые спутником. Они падали не прямо, а под углом — гораздо западнее. Прямоугольная площадка, которая и являлась его «мишенью», располагалась почти рядом с тоннельным комплексом.

Самое начало виртуального путешествия показалось Деметре Коглан необычайно трудным. Зрительные рецепторы никак не могли адаптироваться к бегущим механическим картинкам. К сожалению, ничего другого не предвиделось: это было обычное вступление к технической части, рассчитанное, очевидно, на инженеров-гениев. Киберы не хотели облегчить новичку вхождение в запутанный виртуальный мир. Перед глазами мелькали точечные линии, изображающие углы падения лучей и векторы орбит; цифры и стрелочки показывали пространственно-временную размерность; различные цвета обозначали энергетические потоки, структурное давление и термический баланс.

После утреннего разговора с Элен Сорбелл Деметре было особо нечем заняться, и она решила воспользоваться давним советом подруги и отправиться поглазеть на орбитальные спутники.

«Может быть, Элен и в восторге от всех этих технических эффектов, но лично меня они ничуть не привлекают», — мрачно размышляла Деметра.

А в это время педантичная машина нудно вещала, что для поддержания нормального энергобаланса коли-

чество солнечной энергии, поступающей на Марс, должно вдвое превышать земную норму. И все потому, что Марс так сильно удален от Солнца. Для поддержания ежедневной цифры в 7,58 гигаватта, площадь полупроводниковой территории станции № 4 равняется двумстам десяти квадратным километрам. Магнитные двигатели обеспечивают постоянный контакт с Солнцем полиморфных силиконовых проводников; отклонение составляет всего семь секунд. Диодная сеть станции, отвечающая за поступление энергии, охватывает расстояние в сто тридцать километров марсианской поверхности; электрокондиционеры установлены практически повсюду...

Закончить киберу не удалось, так как Деметре стало совсем неважно от его монотонного журчания.

— Извините, не могли бы вы прерваться на секундочку? — спросила она, стараясь быть как можно тактичнее.

— Да? — ответил кибер после небольшой паузы.

— Может, мы на том и закончим урок по электротехнике и отправимся *посмотреть* на это место?

— Не прослушав информацию в полном объеме, вы вряд ли осознаете истинный масштаб этой станции, — настаивал кибер.

— Ничего страшного. Я предпочитаю сначала *увидеть* то, о чем вы полчаса разглагольствуете.

— Раз... лагольствуете? — Машина была явно озадачена. — Такой словарной единицы нет в...

— О'кей, можете не продолжать. Соедините меня с ближайшим прокси. А свои данные поберегите для кого-нибудь поглупее, с меня хватит, ясно?

— Как скажете.

В тот же миг вместо темного фона, на котором мигали точки и стрелочки, изображающие комплексную модель станции, возникло звездное небо.

Деметра устремила взгляд на песочно-желтоватый Фобос, который, лениво вращаясь, проплывал мимо.

Затем немного опустила голову и увидела свои «руки». Уродливые манипуляторы этого прокси отличались от всех предыдущих. Каждая «рука» состояла из двух параллельно скрепленных пластинок, которые методично сжимались и тут же раскрывались. Механическая пасть сжималась всякий раз, когда прокси цеплялся за очередную перекладину огромной лестницы. Лестница крепилась к внешней стороне длинной трубы, в диаметре достигающей двух метров.

Коглан медленно скользила взглядом все выше и выше, наблюдая монотонное восхождение прокси по лестнице, устремленной в бесконечность. Шаг... еще шаг... и еще... и еще.

Она так сильно запрокинула голову, что почти потеряла равновесие. Вернее, половина ее. Та половина, из плоти и крови, что сидела перед монитором компьютера в «Золотом лотосе». Другая взбиралась по бесконечной лестнице, протянувшейся, сколько хватало глаз. Казалось, ступеням не будет конца — и вся ее жизнь теперь состоит из бесконечного восхождения.

Неимоверным усилием воли Деметра сдержала подступившую тошноту и отвернулась от бегущего ряда ступенек. И зажмурилась от нестерпимо яркого света, хлынувшего откуда-то слева. Через несколько секунд сияние сделалось более приглушенным — видеочипы постепенно приспособились к новой картинке. Деметра наконец поняла, что сияние исходит от солнечных батарей; цветовая гамма полностью соответствовала самому верхнему слою атмосферы Земли. Солнечный свет улавливался миллионами катодов и отражался в огромном золотом пятне, которое и предстало взору Деметры.

Шестиугольные солнечные батареи были поистине гигантских размеров: каждая грань не меньше одного километра. Точную протяженность определить оказалось довольно сложно, так как Деметра смотрела на них сбо-

ку. Угол зрения не очень-то удобный для созерцания гексаэдров: трудно было увидеть объем, форма казалась плоской. Ослепительно синие грани сверкали на фоне черного неба.

Если бы Деметра не отказалась от нудной лекции кибера, то сейчас бы знала, что форма гексаэдра является самой приемлемой для покрытия такой большой площадки (или что такую большую площадь удобнее всего заполнить солнечными батареями в форме гексаэдров). Деметра повернула голову в сторону лестницы: бесконечности стало еще больше, еще больше звезд...

Тогда она снова взглянула на гексаэдры: они показались еще более плоскими.

Попыталась посмотреть вниз, туда, откуда прокси начал свой методичный неуклонный подъем, но не смогла — не хватило мощности двигательного сенсора.

Еще пятьдесят шагов, ничем не отличающихся друг от друга: манипуляторная «пасть» с ожесточением вгрызалась в ступеньки... Все! Хватит с нее!

И Деметра решительно подала голос:

— М-м... Оператор!

— Да, мисс Коглан.

— Скажите, а чем еще интересен этот прокси, кроме того, что он катает на «закорках» туристов?

— Этот прокси входит в так называемый персонал ремонтников. Он следит за состоянием опоры спутника, а также за поверхностью гексаэдров. Их целостность в любую минуту может быть нарушена метеоритным дождем. Из-за интерполяции.

— *Спасибо.* А есть у вас прокси, которые умеют не только взбираться по лестницам, а например, парить в воздухе и вести наблюдение оттуда? Вообще есть у вас хоть что-нибудь интересное?

— Подобные операции допустимы только в случае реального происшествия. Конечно, у нас имеется достаточно интересная информация...

— Нет, благодарю. С меня, пожалуй, хватит подобной информации. Хотя... Этот спутник работает на полную мощность? Я имею в виду — его конструкция не подлежит видоизменению?

— Солнечная электростанция № 4 впервые была запущена 19 декабря 2039 года. На полную мощность заработала...

— Хватит, довольно... Но у вас ведь есть и не совсем достроенные станции. Например, в районе Скъяпарелли. Деметра вдруг вспомнила слова Сорбелл.

— Да, вы правы. Это будет уже шестая станция.

— Мне бы очень хотелось посмотреть, как ведутся конструкторские работы. Не могли бы вы дать мне какого-нибудь прокси, чтобы...

— К сожалению, прокси для туристов пока не предусмотрены этим проектом.

— Ну, «вмонтируйте» меня тогда в любого робота, который занят строительными работами. С меня вполне хватит визуальной информации.

— Хорошо. Мы посмотрим, что можно сделать, — нехотя ответил кибер.

Картинка в очках Деметры резко дернулась и исчезла. Вместо нее возникла новая: со всех сторон Деметру окружали руки. Если, конечно, можно назвать руками эти пучки шевелящихся механических конечностей. На какое-то мгновение Коглан ощутила себя как бы в центре цветка, а вокруг — сотни тычинок. Правда, некоторые больше походили на клешни, сжимающие неровные куски металла; они так и норовили поскорее избавиться от этого груза, задвинув его туда, куда нужно. Другие «руки»-тычинки заканчивались инструментами, напоминающими сварочные дугообразные электроды.

Прямо у Деметры перед носом находилась огромная стена, в которую хитроумные устройства с шумом вбивали панели.

Все это даже отдаленно не напоминало иссиня-золотые просторы станции № 4, прочерченные мерцающей катодной паутиной. Металлические штуки, то и дело проплывающие у нее перед глазами, были какими-то угловатыми, резкими, а в толщину доходили всего до нескольких сантиметров. Листовая сталь?

Но что-то уж больно странное багровое свечение в местах сварки... Скорее похоже на какой-то сплав.

Любопытной Коглан хотелось бы видеть намного больше, но двигательными сенсорами управляла не она, а программа, что запустила работу этой машины. Однако кое-какое представление о месте, где трудился робот, у Деметры сложилось, так как тот постоянно поворачивался, чтобы взять новые куски металла. Они находились в огромном пустом цилиндре, несколько десятков метров в диаметре.

Закрытое со всех сторон пространство освещалось яркими прожекторами. Скорее всего робот возводил внутри цилиндра дополнительные стены.

Интересно, зачем на солнечной электростанции такая гигантская двойная бутыль? Из того, что ей сообщил дотошный кибер, Деметра поняла, что подобные спутники полностью автоматизированы, поэтому вблизи не предвидится людских колоний. Да и устройства для трансформаторов и микроволновые консоли не так уж велики. Максимум три-четыре метра.

Ладно. Для каких же целей может служить двойная ограда, подобная той? Возможно, она предохраняет от астероидных дождей какие-то особо хрупкие компоненты? Весьма может статься... Ведь рядом пояс астероидов. Нет. Что-то не сходится.

Эта конструкция не похожа на марсианскую орбитальную станцию, заключила Деметра. По крайней мере, насколько поняла она, солнечные спутники работали на полную мощность и время от времени подвергались текущему ремонту. Эти же «бункеры» совершенно не соответствуют данному принципу.

— Оператор? На что я сейчас смотрю? Это что, станция-гибрид с реактором?

Внезапно в очках потемнело. Не осталось ни звезд, ни «рук», ни цилиндра. Ничего. Это «ничто» заполнило собой все пространство сознания Деметры. Послышался щелчок виртуальных перчаток, и они вяло обвисли. Наушники наводнил монотонный низкий шум.

Полное отсутствие всяких ощущений длилось довольно долго — может, тридцать минут, а может, часов, а может... Наконец послышался знакомый голос кибера:

— Извините за технические неполадки. Вас подключили не к тем данным.

— О, так это была не станция № 6?

— Нет. Мисс Коглан, а какое впечатление у вас сложилось о местной геологии?

— Геоло... — Язык Деметры словно прилип к гортани. Какое-то время она не могла вымолвить ни слова. — О чем вы говорите?

— Да так, ничего... На этом ваше виртуальное путешествие по марсианским орбитальным станциям закончено. Приятного отдыха, мисс Коглан!

Жужжание в наушниках резко оборвалось, и картинка погасла, легонько шелкнув. Никаких таблиц, никаких цифровых данных, подводящих итог космического путешествия. Ничего.

Деметра вяло стащила шлем с рукавицами. И почувствовала ужасную усталость.

Коммерческий модуль 2/9/6

13 июня

Доктор Ван Ликсин несказанно удивился, когда Сеть сообщила, что ему нужно провести внеплановый прием. Имя и фамилия пациента показались ему странными:

— Коглан? Деметра? — переспросил док, старательно роясь в памяти. — А я его знаю?

— Это девушка — туристка, прилетела с Земли, — продребезжал безликий голос кибера. — Вы обследовали ее на прошлой неделе. Теперь у нее появились какие-то странные симптомы, и она снова хочет вас видеть.

— Ну ладно, зовите ее, — вздохнул Ван Ликсин и закрыл развлекательный файл, который с большим интересом читал до того, как побеспокоила его Сеть.

На экране появилась нейтральная заставка, а доктор Ли выжидающе уставился на дверь.

Он сразу же узнал молодую женщину, переступившую порог его офиса. Пухленькая, европейского вида девчушка. Кажется, перенесла несколько месяцев назад черепно-мозговую травму.

— Добрый день, мисс Коглан. Рад вас видеть. Надеюсь, взаимно.

— Здравствуйте, доктор Ли. — Пациентка присела на краешек стола, не удостоив вниманием стоявшее рядом кресло. — Я бы хотела... м-м... ну...

— Я вас слушаю.

— Ну, в общем, когда я была у вас на приеме, может, помните, я жаловалась на... проблемы ментального характера.

— Минуточку.

Ван повернулся к монитору и нашел заархивированную «историю болезни» Деметры Коглан. Да... Действительно, жалобы на периодически возникающую «неспособность сосредоточиться». В последнее время возникают все реже и реже.

— Вы жаловались на периодическую рассеянность, не так ли?

— Именно так, док. И еще сонливость. А с тех пор, как я прибыла на Марс, у меня возникли дополнительные трудности, связанные с адаптацией: стала забывать простейшие вещи.

— С тех пор, как вы прибыли? — тут же ухватился Ли за ключевое слово. — А до этого проблем с памятью не было?

— Не припомню. Вполне возможно, что виной тому другая культура, новые люди... Но все-таки со мной происходят какие-то необъяснимые загадочные вещи. Например, ну, дважды я была близка с мужчиной совершенно незрелым. Даже немного отталкивающим, совершенно мне чуждым.

— Он что, не вашей расы?

Вану Ликсину приходилось слышать, что большинство американцев, особенно те, что живут в Техасоме, страшные ксенофобы.

— Он... Этот самый... Креол...

— Ах, креол... Неудивительно, что вас потянуло на контакт со столь экзотической личностью.

— Это только поначалу. Теперь мне кажется каким-то незрелым и совершенно предсказуемым.

Доктор Ли улыбнулся:

— Вы не первая, кого удалось соблазнить чужакам... пусть даже киборгам.

— Да, наверное, вы правы. Но чем тогда объясняется мое полуистощенное состояние?

— Не забывайте, марсианские сутки длиннее земных.

— А то, что я чувствую себя как зомби?

— Пардон?

— Ну, такое ощущение, будто голова летает в облаках отдельно от тела, — пояснила Деметра. — Только я начинаю что-нибудь говорить, как забываю слова или вообще перескакиваю на другую тему. Как будто у меня вместо мозгов вата.

Доктор попытался представить себе, что такое «вата», но у него ничего не вышло.

— То есть возобновились старые симптомы? — наконец спросил он. — Опять не можете сконцентрироваться?

— Да.

— А что вы принимали на Земле сразу после травмы?

— Коканол.

Доктору Ли это лекарство было очень хорошо известно: синтетический алкалоид, производное кокаина, он усиливал работу нейротрансмиттеров. Считалось, что коканол не вызывает привыкания, но доктор Ли придерживался иного мнения на этот счет. Уж слишком много пациентов на его веку жаловались на подобные симптомы. Все они когда-то принимали коканол.

Стараясь придать лицу непроницаемое выражение, док сказал:

— Ясно.

«Ясно», и ни слова больше.

— Понимаете... тогда, на Земле, коканол просто спас мне жизнь. Это может показаться преувеличением, но только благодаря ему я смогла концентрировать внимание на чем-то одном больше девяноста секунд.

Док вспомнил, что в клинических тестах существует множество любопытных определений мозговой деятельности пациентов, принимающих коканол: мозг сравнивался с лазером, который даже кирпичную стену проникал своим лучом. Да, ситуация непростая: прописать или не прописать коканол? Честь врача категорически против подобных прегрешений...

Но ведь Деметра Коглан не его пациентка — ее привело сюда всего лишь стечение обстоятельств. И не он первый начал опасное лечение. Ладно, он даст ей то, что она просит. Если, конечно, сетевые данные подтвердят поведенную девушкой «историю болезни». Приняв решение, доктор Ли с облегчением вздохнул:

— Как временно лечащий вас терапевт я могу прописать вам коканол и проконтролировать сетевую доставку. Прямо к вам в отель.

— Спасибо, доктор Ли. — Скользнув по нему мимо-летней улыбкой, девушка прыгнула со стола. — Это все? Я могу идти?

— Да. Мне известен ваш номер счета, так что вы свободны.

— Тогда прощайте.

С этими словами Деметра выскользнула и из кабинета, и из его жизни.

«Золотой лотос»

13 июня

Доктор Ли сдержал слово: когда на входе в «Золотой лотос» Деметра прижала свой большой палец к контактному коврику — а это была обычная идентификационная процедура, оберегающая отель от незваных гостей, — кибер-привратник объявил, что ее дожидается посылка.

Деметра забрала ее в свою комнату. Высыпав содержимое на кровать, она с удивлением обнаружила, что лекарства хватит на целый месяц. Деметра облупила одну капсулку и силой прижала к нежной коже за левым ухом. Капсулка лопнула и, мгновенно впитавшись, не оставила на шее и следа.

Практически сразу же в горле разлился знакомый алкогольный привкус — медикамент поступил в кровь. Через две минуты Деметра почувствовала, как прояснилось у нее в голове, перестали путаться мысли, ожило сознание.

— К вам посетитель, — объявил терминал.

— Да? Кто же?

— Лоло Мицуно, гидролог.

— Пусть войдет.

Дверь бесшумно откинулась, и на пороге возник высокий мужчина. Он улыбнулся, но как-то натянуто.

Улыбку словно сдерживали невидимые ниточки беспокойства. Об этом же говорил и язык тела: руки на бедрах выжидающе замерли.

— Лоло!

Деметра так и устремилась ему навстречу в надежде на дружеское объятие. Или нечто большее. Хотя бы чуточку большее.

Но Лоло не дал ей приблизиться: как искуснейший гимнаст, поймал Деметру за руки и теперь удерживал ее на весьма почтительном расстоянии. Все те же нити беспокойства сковывали улыбку.

— Как хорошо, что я нашел тебя. Ты... хорошо провела день?

— Ну, в общем-то неплохо.

Деметра оглянулась и окинула взглядом свои более чем скромные апартаменты. Даже присесть негде, кроме подвесной кровати. Но это же смешно! И она предложила Лоло:

— Может, пойдем в так называемый вестибюль и поговорим там?

— Хорошая идея.

Минуя бесчисленные коридоры отеля, Деметра все никак не могла расслабиться. Вот-вот Мицуно начнет свой допрос — ведь Элен явно успела поведать ему об утренней просьбе Деметры. Когда-то он сам открыто обвинил ее в шпионаже, а теперь у нее хватило глупости самой во всем сознаться. Да и кому! Его напарнице, ближайшему другу... Нечего и думать, что они помогут Деметре, не зная ее тайных мотивов. Значит, Лоло с минуты на минуту начнет их выяснять.

Зря она выложила все Сорбелл. Теперь, когда кока-нол почти привел в порядок ее запутанные мозги, Деметре стали приходить на ум новые здравые мысли. Гидролог — вовсе не единственная живая душа, способная ей помочь. Есть еще верная Конфетка. Уж она-то смо-

жет покопаться в сетевых данных и выудить для своей хозяйки необходимую информацию. Деметра почти не сомневалась, что в архивах наверняка хранятся копии всех межпланетных сообщений. Любая квазиправительственная система — даже такая, как на Марсе, — не станет уничтожать важные данные в целях собственной же безопасности.

Надо во что бы то ни стало убедить Мицуно, что Сорбелл неправильно ее поняла. В крайнем случае Деметра готова отрицать сам факт вхождения в геологическую базу данных пустыни Агнус Деи. Мало ли что могло помешаться Элен — это ведь *виртуальная* реальность, может, у кибера началась икота... Да мало ли что!

О! Вот оно — слово, которое никак не могла вспомнить Деметра: геологический! ГЕОЛОГИЯ! Как долго и безуспешно вертелось оно на языке, и вот наконец-то...

Коглан мысленно поздравила себя с удачным визитом к доктору Ли. Коканол воистину творил чудеса!

А вот и вестибюль! Решив, что наступление — лучшая тактика, Деметра едва ли не толкнула Лоло в кресло, а сама картинно уселась на диванчик. Соблазнительно поджав одну ногу, она повернулась к Мицуно и спросила:

— А что вы делали сегодня?

— Как обычно — осматривал подземные трубы на предмет эрозии, посыпал галькой трубопроводы.

— Вы что, снова делали вылазку на Марс?

— Да нет же. Все это доступно благодаря спутниковой связи. Я обхожу свои владения в виртуальном шлеме и рукавицах. Вот и вся премудрость.

— Похоже, здесь все так работают, — прокомментировала Деметра со знающим видом.

— А, так вы поднимались на солнечные электростанции?

— А откуда вам это известно?

— Сеть не держит в секрете развлекательные прогулки туристов. Мне рассказала Элен.

— Ах, это она...

— Ну и какое представление у вас сложилось о марсианской программе орбитальных станций?

— Мне удалось посмотреть далеко не все. Да и то, что я видела, довольно скучно. Голубые силиконовые просторы, испещренные тончайшими проводками. Если честно, то мне эта конструкция показалась какой-то примитивной.

— А вы видели новую станцию?

— Которую из них?

Деметра не сразу сообразила, о чем идет речь.

— Та, которая еще в процессе разработки.

— Вроде бы нет. А что по этому поводу говорит сетевой журнал?

— Ничего.

— Ну, значит, точно нет... Мне показали какую-то странную штуку, но с солнечной электростанцией у нее явно мало общего. — Мысли Деметры еще немного путались, пытаясь играть в чехарду. — Скорее всего вышла накладка в Сети. Попросту говоря, кибер «лопухнулся».

Все это время Лоло Мицуно задумчиво рассматривал щебечущую Деметру. Заметив это, она неловко замолчала.

— Что-нибудь не так?

— Все больше убеждаюсь, что вы не любите компьютеры.

— Я ими пользуюсь. Я не обязана их любить. Не в моем характере впадать в сентиментальность.

— А как же это?

Лоло жестом указал на маленький титановый браслетик.

— Она всего лишь машина, Лоло! Просто инструмент.

— Она? У этой штучки даже есть имя?

— Ну есть... Я зову ее Конфетка. Просто мне так больше нравится, да и удобнее. Согласитесь, звучит намного

короче и приятнее, чем клеточный хронограф-активатор со стенографическими функциями.

— Да уж конечно.

Мицуно снова как-то странно улыбнулся.

Что же означает эта улыбка? Неужели он думает, что Деметра ведет двойную жизнь, играя в прятки с сетевым дьяволом? Ведь ходят же истории о пропащих душах, продавших себя в рабство отвратительному механическому МЕФИСТО. Им теперь везет в политике и бизнесе, в любви и на войне — но они потеряли себя. Подумать только, а ведь и Деметра может подойти к ближайшему терминалу, ввести заветную комбинацию и в мгновение ока заполучить интересующую ее информацию о Кунео, Сак Иль Сане. Да обо всех шпионах мира, только пожелай! Но ведь в Сети ничто не пропадает бесследно. И потом, кто поклянется, что и эти шпионы не вступили в сделку с кибернетическим дьяволом?

Да бабушкины сказки, все это!

И вдруг Деметре так захотелось, чтобы этот красивый, мужественный человек думал о ней хорошо! Чтобы она выглядела нормальной, желанной женщиной в его глазах! Ведь он — *человек* в полном смысле этого слова! Первоклассный специалист. Восхищается ее ковбойскими корнями... И он *свободен* — так сказала Сорбелл, а уж кому, как не ей, знать...

— Лоло... Не так давно со мной произошел несчастный случай, и виной тому было одно из этих суперсовременных кибер-устройств, — начала Деметра, решив сыграть на сочувствии. — Своего рода мини-парикмахерская. Только что-то вышло из строя, перегорело, и... ножницы вонзились прямо мне в голову. Теперь я понимаю, что наши «силиконовые друзья» далеко не всегда безупречны. И... частично мой визит на Марс объясняется тем, что я просто нуждаюсь в отдыхе. В реабилитации, как говорят медики.

— О!.. — В голосе Мицуно зазвучало неподдельное сочувствие. — Так, значит, у вас все еще...

— Болит? Нет, все почти в порядке. Правда.

— Это хорошо. Вы голодны? Что, если нам устроить маленький обед?

Деметра вся замерла, ожидая, что вот-вот с его губ сорвется имя «Элен»...

Но нет.

— В баре «Хоплайт» можно заказать бифштекс с бобами, — предложил Лоло.

— Из настоящего мяса?

У нее даже потекли слюнки.

— По цвету очень напоминает настоящее, — пожал плечом Лоло.

— Вы, как всегда, в своем репертуаре. — Деметра поднялась с диванчика и игриво добавила: — Подождите одну минуточку. Мне надо переодеться.

Глава 10

ПОСЛЕДНИЕ ИГРЫ

«Марс Юкопия»

Коммерческий модуль 1/5/9

14 июня

Первая неделя пребывания на Марсе оказалась необычайно бурной и ответственной: встречи, знакомства, путешествия, всего не перечесать. Когда впечатления потихоньку улеглись, Деметра решила преподнести себе маленький подарок: заняться покупками. Для этих целей лучше всего подходил тарсианский магазинчик «Марс Юкопия» — чем-то он напоминал марокканский базар-

чик. Завезенные товары не облагались пошлиной и поэтому стоили достаточно дешево.

В большинстве своем местные прилавки украшало устаревшее барахло: давно вышедшие из моды итальянские платья, изрядно поношенные и приведенные в божеский вид уже тут, на Марсе; вечерние джемперы, изображающие скафандр, с многочисленными резиновыми вставками — шутка явно не удалась. Цвет здешней одежды имитировал красноватый марсианский пейзаж, только на два тона ярче. В общем, сплошная безвкусица, хотя... Минуточку!

Не веря своим глазам, Деметра выудила из груды безделушек просто умопомрачительное кольцо... Неужели подделка? Если даже и так — это явно работа мастера!

Прозрачные цветы из тончайшего стекла, начиная от самых маленьких, размером с пуговки, и кончая большими выпуклыми лепестками... Удивительная цветовая гамма: нежно-розовый оттенок, как выгодно он отличается от приевшихся серо-голубых тонов! Тончайшее силиконовое покрытие — единственный отпечаток Марса — защищало хрупкое произведение искусства от ультрафиолетовых лучей.

Дрожащими пальцами Деметра нащупала ценник. Должно быть, кругленькая сумма. Даже по земным меркам такое ожерелье стоило бы целое состояние, а уж на Марсе...

От неожиданности Деметра чуть не выронила кольцо: нулей на ценнике оказалось намного меньше, чем уже успели нарисовать ее тайные сомнения.

Две тысячи новых марок.

Краденое!

— Подделка, — произнес чей-то голос за плечами Деметры.

Оглянувшись, она увидела чрезвычайно низкорослую женщину — едва ли выше ста сорока сантиметров.

Серенький шерстяной костюмчик, сразу видно — очень дорогой, туфли из настоящей кожи, на высоченной платформе. Коротко подстриженные выющиеся волосы естественного светло-русого оттенка схвачены сзади гребнем. Но даже при всем внешнем лоске она напоминала простую крестьянку: квадратное обветренное лицо с тупыми чертами, явно деревенский загар...

Деметра сразу узнала это невыразительное лицо — за прошедшую неделю она успела изучить его во всех возможных ракурсах. И опять новый парик — Нэнси Кунео меняла их как перчатки.

— А откуда вам известно, что это подделка? — недоверчиво спросила Деметра, инстинктивно прижав к себе кольцо.

Нэнси потянулась к стеклянным бусам и нечаянно задела руку Деметры. Какие же у нее мозоли! Должно быть, часто имеет дело с оружием, с неприязнью подумала девушка.

Внимательно вглядываясь в тончайшие радиальные прожилки, Кунео заметила:

— Если бы эта штука была настоящей, то вместо линейных прожилок мы бы сейчас созерцали что-то вроде годичных колец. Как на дереве. Вот это — работа природы. Здесь же постарался человек, хоть и необычайно талантливый.

— Понятно...

— Колье и правда симпатичное, но оно не стоит таких денег.

Пожилая женщина улыбнулась. Но какая же холодная это была улыбка: в бездушных бусах тепла намного больше, чем в ее глазах!

— Спасибо за рекомендацию, — столь же холодно поблагодарила девушка, небрежно положив кольцо обратно.

— Вы ведь Деметра Коглан, не так ли? Из Тексахомы?

Отрицать было глупо, да и незачем. Видимо, не одна она воспользовалась услугами Сети. Наверное, Кунео изучала лицо Деметры не менее тщательно.

— Да, мое имя мисс Коглан. Позвольте узнать ваше? — с издевкой произнесла Деметра.

Почему бы и не поиграть напоследок в кошки-мышки?..

— Меня зовут Нэнси Кунео. Но зачем спрашивать, если вы и так знаете? — Кунео снова одарила свою собеседницу ядовитой улыбкой. — Наша встреча отнюдь не случайна. Я специально выбрала этот базарчик... Личные вопросы лучше решать на нейтральной территории, вы так не считаете?

Пока Деметра собиралась с мыслями, Кунео, не дожидаясь ответа, продолжила:

— Мне известна причина вашего пребывания на Марсе. — При этих словах ее улыбка стала еще ехиднее. — Все «шишки» в Тексахоме места себе не находят от волнения: что же замышляют проклятые зеландцы? Во что они превратят Долину Маринера? Ну, я права? Вас послали сюда шпионить?

— С чего вы взяли?

— Ах, так, значит, вас это не касается?

— Конечно, касается. Это касается любого американца, не только меня. Не забывайте, что мы имеем право на эти земли еще с тех пор, как на них ступила нога капитана Уильяма Шофера. Уроженец Техаса, он первым воздвиг здесь флаг, ну и все такое!

— Вы, должно быть, видели подобные картинки в школьных учебниках?

— Естественно! — не собиралась отступать Деметра.

— Но ведь флаг Соединенных Штатов не является символом сегодняшней Тексахомы?

— Тем не менее мы — уроженцы Техаса. Техас — наша родина, мэм.

— Ладно, не будем спорить. Так, значит, вы просто болеете за свою страну, без всяких официальных на то полномочий?

— Да, мэм. Именно так, мэм.

— Как же ты еще молода, детка.

Кунео легонько прикоснулась своей шероховатой ладонью к нежному запястью девушки. Уже потом Деметра сообразила, что даже такое невинное прикосновение может иметь серьезные последствия.

— Мэм, какое отношение имеет ко всему этому мой возраст?

Но Кунео, похоже, была слишком увлечена собственным монологом.

— И о чем только думал Элвин Бертран Коглан? Ай-ай-ай! Послать единственную внучку на такое непростое задание! Девочка, да вы же простая пешка в игре сильных мира сего! Неопытная малышка! В следующий раз, когда решите поиграть с кем-то в «шпионов», помните мой совет: не пытайтесь все объяснить, если кто-то вас заподозрит. А свои сказочки про ковбойское детство держите при себе — они слишком наивны!..

— Я...

Деметра открыла было рот, но тут же его захлопнула, решив воспользоваться мудрым советом «бабушки Кунео».

— Карты на стол, детка! Какой смысл прикидываться, что ничего не понимаешь?

Деметра задумалась над прозвучавшим предложением, но ненадолго. На стол — так на стол! Терять ей и правда нечего.

— Мой дедушка говаривал так, если видел, что игрок три туза в рукаве припрятал.

На этот раз Кунео рассмеялась совершенно искренне:

— Мудрый у вас дедушка, мисс Коглан! Такому па-лец в рот не клади. Ладно, шутки в сторону, Деметра. Нам нужно объединиться. Даже всемогущая история не в силах дать ответ, у кого больше прав на Долину Мари-нера. Представители Северной Зеландии как-никак тоже успели здесь побывать. И заметь, продержались целых шесть месяцев!

— А потом двинулись на восток, в горы, где и нашли свою смерть, — напомнила Деметра. — К тому же офици-альных бумаг так и не оставили.

— Опять колкости? Дитя, да ты же не усваиваешь уроков!

Деметра с болью закусил губу, только бы не нагру-бить этой выдавшей виды бабуле. А та с довольным ви-дом продолжала:

— В любом случае я думаю, тебя бы не особенно сму-тил документ, заверенный Организацией Объединенных Наций. Вы там, в своей Тексахоме, все равно гнули бы свое. Как, впрочем, и наш корейский друг, небезызвест-ный вам мистер Сак. Тот с пеной у рта готов доказывать, что именно его страна имеет куда больше прав на Доли-ну Маринера, чем все наши вместе взятые. Объясняет это катастрофической плотностью населения в Корее и, конечно, всячески старается обходить щекотливый фи-нансовый вопрос. Только представь, какая сумасшедшая сумма понадобится, чтобы переправить на Марс милли-оны корейцев! А ты знаешь, откуда все пошло? Когда-то одна китайская ракета — без людей, заметь! — опусти-лась на Марсе, за целых полпланеты от Долины Мари-нера! Для нас с тобой это не аргумент, это — ниточка, за которую хватает утопающий. Однако Сак Иль Сан себя таковым не считает!

Кунео немного помолчала и добавила:

— Между прочим, СЗАЭС готово обеспечить пол-ную финансовую поддержку по освоению так называ-

емого марсианского Большого Каньона. И еще учти: это *наше* агентство возглавляет строительные работы новой орбитальной станции. Пока этого никто не знает, даже твой дорогой дедуля. Как ты думаешь, что из этого следует?

Кунео бросила торжествующий взгляд на свою собеседницу, но, не дождавшись и намека на ответ, продолжила:

— Ничего! Ровным счетом ничего! Ведь мы не дождемся при жизни расцвета марсианской долины! Мы сами превратимся в прах, прежде чем окупится весь этот сумасшедший проект! Так какой смысл нам топить друг друга? Не лучше ли объединить силы — а места всем хватит! Мы вполне можем разработать новый общий проект — своеобразного «общегития». Я думаю, это как раз то, что на уме у твоего дедушки?

Последние слова Кунео повисли в воздухе.

Наконец Деметра собралась с духом и нарушила затянувшееся молчание.

— Мне неизвестны тайные замыслы дедушки. Вот.

— Ладно, пусть так. Есть еще и другой вариант. Скажи, чем плоха территория южнее долины? Она ближе к полюсу, там климат куда более благоприятный, водоснабжение лучше. Предложи вашему правительству в Техасах немного переориентироваться. Уверена — вы не прогадаете!

— Но ведь там преимущественно сухие ледники?

— Само собой, но я говорю о корке, удерживающей углекислый газ. Впрочем, тебе лучше переговорить с представителями торговой делегации. Они вот-вот прибудут из Северной Зеландии. — При этих словах у Деметры бешено забилося сердце. — Очень толковые люди. Знают свое дело. Не сомневаюсь, вы прекрасно поладите. Никак не возьму в толк, зачем двум нациям искать

конфронтации? Мы ведь можем действовать сообща, направить силы на общее благо!

— Вполне возможно, эти ваши «делегаты» милые люди, но не понимаю, какое отношение они имеют ко мне. — Деметра решила, что чем скорее она распрощается с Кунео, тем лучше. — Я — обыкновенная студентка, приехала отдохнуть, оправиться от чудовищной травмы, посмотреть достопримечательности и — купить что-нибудь на память о Марсе... — Деметра с явным сожалением погладила прохладное колье, — ...и купила бы! Если бы мне вовремя не дали полезнейший совет!

— О какой травме вы говорите?

— Травма головы. Можете узнать подробнее из моего резюме. В Сети наверняка есть информация такого рода, — сказала девушка и сама подумала, что Кунео, наверное, уже лучше Деметры знает ее биографию. — В прошлом году я неудачно сходила в парикмахерскую. Автостримобиг. Слыхивали про такую штучку? Что-то в ней перегорело, и в результате пострадала моя голова. Сильнейшие разрывы мягких тканей. Шрамы остались до сих пор — слава Богу, хоть волосы отросли! Да слава Богу, что я вообще осталась в живых!

— Бедняжка!

Деметра тихо торжествовала, понимая, как лихо она сыграла на сочувствии. Даже такая прожженная шпионка, как Кунео, глядишь, и поверит в сказку о девочке-туристке. Но не тут-то было! Кунео вкрадчиво добавила:

— Будьте осторожны на Марсе! Здесь ведь куда опаснее, чем на Земле. Никогда не знаешь, что случится с тобой завтра.

Сахарная улыбка и металлический голос. Глаза — два пистолетных дула — метко прицелились в Деметру.

Невольно отпрянув от Кунео, та произнесла:

— Не волнуйтесь. *О себе* я позабочусь.

Бар «Хоплайт»**14 июня**

В то утро Элен Сорбелл решила устроить себе ленч пораньше, пока не навалился трудовой день со своими заботами и проблемами. Самым удобным местом считался «Хоплайт», перекусить там можно было быстро и недорого. Остановив свой выбор на сэндвиче с морепродуктами и кружке безалкогольного эля, Сорбелл заметила Деметру Коглан. Та сидела за одним из столиков и вяло ковыряла вилкой марсианскую еду: салат не салат, но что-то очень на него похожее, только с вермишелью.

— Привет, Деметра!

— Элен!.. Как я рада видеть тебя.

Голос девушки не оставлял сомнений в ее искренности. Отложив вилку, она подвинулась, чтобы Сорбелл могла присесть рядом.

— Послушай, Деметра, твоя вчерашняя просьба...

— О! Сделай одолжение — забудь о том, что я наговорила.

— Правда? Это здорово, потому что... случись какие-либо неприятности, я могла бы лишиться работы. А кибер-духам не так-то просто устроиться на хорошее место...

— Я же сказала, забудь наш разговор!..

Элен недоверчиво посмотрела на подругу — а вдруг та еще злится? Нет, непохоже — на лице Деметры играла затаенная улыбка.

Элен с облегчением вздохнула. Значит, можно сменить тяжелую для обеих тему.

— Ты все еще встречаешься с Джори?

— Будь моя воля, не встречалась бы...

— Да? Я и не знала, что у вас какие-то проблемы.

— Ты меня извинишь, если я не буду вдаваться в подробности? Дело в том, что они не такие уж приятные, а Джори все-таки твой друг.

— Скорее знакомый. Ну да, мы с Лоло однажды здорово его выручили, взяв под свое покровительство. У Джори были разногласия с начальством.

— А-а... Ну, тогда ладно. Возможно, мне просто надо выговориться... Джори — он такой ребенок и в то же время не по-детски настойчив. Порой бывает даже груб. Как такие вещи могут сочетаться, просто ума не приложу!

— Не забывай, что он — креол. Все операции, которые ему пришлось перенести, не прошли бесследно. Одному Богу известно, что претерпела одна только гормональная система, не говоря уже о нервной!

— Да, все это так, — задумчиво произнесла Деметра. — Но иногда Джори становится необычайно чувствительным, если даже не сказать — сентиментальным!.. Вот не далее чем на прошлой неделе он преподнес мне сюрприз. Я как-то обмолвилась при нем, что не могу заниматься сексом, когда на меня пялятся машины. Ну и Джори специально разыскал такое место, где еще не то что компьютеры — даже воду не успели провести.

— О! — только и смогла произнести Сорбелл.

Гидролог как-то сразу вся обмякла и бессильно откинулась на спинку стула. Мысли вихрем закружились в голове. Каким образом Джори удалось обнаружить... Постой-ка, постой-ка... А вдруг это совсем не то место?

— А где это, Дем? — поинтересовалась она с преувеличенным вниманием.

— Вообще-то я не следила по карте, когда он меня туда вел.

— Ну хоть приблизительно!.. Внутри комплекса или снаружи? Выше или ниже?

— Внутри! Это точно было внутри... Несколькими уровнями ниже, чем «Хоплайт». Мы еще проходили мимо

таких грандиозных построек — что-то вроде торгового центра.

— Опиши, пожалуйста, поподробнее.

— Впечатляющая аркада. В таких обычно располагаются магазинчики, кафетерии, отель для приезжих, ну и все такое прочее. Естественно, этот комплекс еще совсем пустой, он ведь только строится.

— Так... А ваше любовное гнездышко где-то поблизости?

— Примерно пятьдесят метров пройти. Там сейчас работы временно приостановлены...

Элен с облегчением вздохнула. Слава небесам, это совсем другое место! Нет, все-таки providение заботится о ней, хоть и не так часто, как хотелось бы...

— Деметра, а что, он сказал тебе, что там вас не увидят машины? Никто не сможет подслушать?

Внезапно до Элен дошел весь комизм сложившейся ситуации. Огромным усилием воли она заставила себя сохранять серьезный вид.

— Ну да. Там голые скалы — ни тебе проводов, ничего!

— Так-то оно так, но... ведь с тобой был *Джори*!

— Что ты хочешь этим сказать?

— Он же сам насквозь прослушивается и просматривается! Сеть наблюдает за ним денно и ночью! Все двадцать четыре часа в сутки! Спит он или бодрствует — он всегда на глазах у машин, которые ты так ненавидишь. Мощный стереозвук, экран в полный рост — твой титановый браслетик и в подметки Джори не годится...

— А он сам знает об этом?

— А как же, Деметра. Креолов ставят в известность, прежде чем...

— Как он только посмел! Негодяй!

— Джори лишь кажется ребенком, Деметра. Глядя на это нежное личико эльфа, и не подумаешь, что у него

еще есть *мозги*. Да, он не совсем приспособлен к социуму. Понимаешь, о чем я?

— Еще как!

Деметра изо всей силы запустила в стену сначала вилку, а потом и неудавшийся вермишелевый салат. Они со звоном отскочили от холодного камня, принеся с собой едва слышное эхо.

«Она что, сошла с ума? Да, пожалуй, эту женщину лучше не настраивать против себя», — решила Элен.

Жилой модуль 2/6/34

Уровень «С»

14 июня

Распорядок дня Кемаля Эргана не отличался особой оригинальностью. Обедать он ходил домой, как это раньше делал его отец, а еще раньше отец его отца, ну и так далее... Сам обед также был достаточно традиционным: легкие закуски, шпинат, шашлык. Что касается марсианской кулинарии, то она тоже не блистала разнообразием: кресс-салат, выращенный благодаря чудесам гидропоники, тушеное мясо ящериц; стаканчик домашней «рецины»; черные сигареты «Собрание» — и плевать Эрган хотел на то, что в них нет фильтра!

Все это наспех преподносилось его женой Глорией. Двух-трех слов им почти хватало, чтобы удовлетворить жажду общения. Вздремнуть полчаса после обеда и снова приступить к своим обязанностям баллистического инженера — вот все, что нужно обычному человеку. Работал он на Космическом Фонтане, и этот традиционный скучный обед, за которым следовал короткий отдых — своего рода сиеста, — был, по сути, единственной возможностью немного освежиться и расслабиться. Правда, сегодня расслабиться что-то никак не удавалось.

Его любимое гороховое пюре как следует не размяли, на язык то и дело попадалась шелуха, не успевшая раствориться в суррогатном масле. Но верхом наглости было то, что закончились сигареты, а Глория даже не позаботилась о том, чтобы пополнить домашние запасы. Да как она смеет! Могла бы сказать, Эрган бы сам подсуетился. А теперь вот как без сигарет?!

Когда он гневно потребовал от жены объяснений, та даже не сочла нужным извиниться и сказала всего-навсего:

— Контрабанда.

А ведь на языке вертелось: «Не хочу видеть эдакую дрянь в своем доме!»

Глорию Чан никто бы не назвал образцовой женой. Да, в ее глазах читались крохи уважения, но и то только тогда, когда в них сурово смотрел муж. Да, она была податлива в постели. Но, как и все китайцы, Глория жила с глупым чувством превосходства над окружающими — не исключая и Эргана. Причем сама умом не блистала.

Будучи довольно невежественной, Глория не знала ни тонкостей рациона питания, ни секретов изготовления вин. Она и духом не ведала, чем там занимается ее муж на работе, что он там делает на своем Фонтане, принимает ли, отправляет ли грузы. А ведь именно работа Эргана позволяла им не просто безбедно жить на Марсе, но даже порой купаться в мимолетных волнах роскоши. На роскошь претендовала не одна Глория, а вся ее огромная и крикливая семья, заполонившая почти весь уровень подземного комплекса. Вместо благодарности китайцы во все совали свой желтый нос и при этом ни в грош не ставили кормившего их «турка». Дурачье!

— Ты же знаешь, что пара сигарет после обеда — это все мое удовольствие, — попрекнул Эрган свою жену.

— Этой дрянью провонял весь дом!

— А какой смысл в доме, если хозяин не может делать с ним все что заблагорассудится?

— Не забывай, что я тоже здесь живу!

— Да что тебе сделается от одной сигареты? Раньше тебя это нимало не волновало!

— Еще как волновало! Просто не хотела с тобой связываться!

— А теперь, значит, захотела? — Красноречием Эрган никогда не отличался. Особенно в минуты перебранки. — Хватит жаловаться!

— Хочу и жалуюсь. Имею полное право. У меня все волосы пропитались табачным дымом. Около твоего дома так и крутится полиция — вынюхивает, чем тут пахнет! Даже еда воняет!

— *Твоя* еда всегда воняет и без сигарет.

— Свинья! Неблагодарная турецкая свинья!

Да, похоже, тут двумя-тремя словами не обойдешься. Перепалка явно затягивалась. Обед Кемаль Эрган получил сегодня еще быстрее, чем обычно, — тарелка с пюре со свистом пролетела у него над головой и с шумом разбилась о стену. Эрган на этот выпад жены только пожал плечами:

— *Тебе* же убирать...

— Я сейчас *тебя* уберу! — взывала Глория и схватилась за нож, направив его мужу прямо в живот.

Разделяли их каких-то полтора метра да обеденный стол. Нож был тупой, специально предназначенный для размазывания бобового паштета. Таким ножом и нарочно не порежешься. Да и Глория к таким делам не привычная. Куда уж ей! Эрган злобно ухмыльнулся.

— Й-и-ха!

Глория Чан сделала резкий выпад в сторону. Слегка подбросила нож и со знанием дела прицелилась в живот Эргана. Отведя локоть чуть влево, швырнула нож, как тарелку с пюре, — неумело, неловко. Эрган попытался

увернуться, но нож все-таки угодил ему в плечо. Эрган удивленно заморгал, ощутив, как что-то холодное поползло у него по груди. Кровь и что-то еще — остатки паштета и масла. Так, теперь еще костюм стирать, переодеваться. А скоро уже на работу...

Яростно сощутив глаза, Эрган кинулся к жене. Глория быстро увернулась, выскользнула из квартиры и пустилась наутек по коридорам комплекса, неистово крича:

— Помогите! Убивают!

Именно это и было на уме у обезумевшего Кемаля Эргана.

Второй уровень

Тоннель № 6

14 июля

Как раз в это время Деметра Коглан возвращалась к себе в номер. Вопли о помощи достигли ее ушей, но не сразу проникли в сознание, которое до сих пор было затуманено слепой яростью от двуличия креола. Когда же до девушки наконец дошел смысл этих безумных криков, оглашавших весь второй уровень, она ринулась на помощь вопреки всякому благоразумию. Хоть в ком-то осталась человечность, хоть кого-то не затронуло безразличие урбанизированной людской колонии двадцать первого века!

Коридоры здесь были гораздо уже, чем в той части комплекса, где разместили Деметру, — это явно указывало на привилегированное положение живущих здесь людей. Начинался частный сектор. Более продуманная планировка тоннелей, серый невзрачный камень уже не так подавляет.

В поисках истошно вопившей жертвы Деметра лихорадочно металась из одной шестиугольной камеры в

другую, но никак не могла понять, откуда же исходил крик. Всполошились и забеспокоились и другие обитатели второго уровня, но весьма своеобразно: «на помощь пришли» только их глаза да кончики любопытных носов, торчащие из щелочек приоткрытых дверей.

Марсиане трясутся над своей личной неприкосновенностью и потому стараются ни во что не вмешиваться, но они никогда не упустят возможности поглазеть на скандал у соседей. А Деметра все неслась вдоль узкого тоннеля, как вдруг откуда-то из-за угла появилась запыхавшаяся молодая женщина. Не разбирая дороги она налетела на Деметру, которая едва успела выставить вперед руки, чтобы хоть как-то смягчить падение.

— Пусти! Он убьет меня! Я это знаю!

Судорожно хватая руками воздух, женщина попыталась встать с пола. По ее безукоризненной высокой прическе Деметра догадалась, что жертва — китаянка. Выбодившись от бьющейся в истерике женщины, Коглан привстала на одно колено и, оглядевшись, увидела толпу сбегавшихся марсиан. Очевидно, они решили на какое-то время забыть о личной безопасности и теперь пытались удержать истошно кричащую китаянку.

— Что здесь происходит?

— Кого убили?

— Подождите-ка, а это случайно не Глория Чан?

— Помогите! Убийца! — в который раз взвизгнула женщина и, сбросив цепи удерживающих ее рук, вырвалась из толпы.

А спустя еще секунду появился и так называемый убийца. Он выскочил из той же самой шестиугольной камеры, что и китаянка: черные широкие слаксы, белая рубашка, забрызганная кровью. В районе предплечья торчит рукоятка кухонного ножа. Лицо, искаженное слепой яростью, даже темные усики встали дыбом. Убийца!

— Держите его!

— Да это же турок!

— Он убьет ее!

— Убийца!

На деревянных, с трудом сгибающихся ногах мужчины протопал мимо Деметры. Его остервенелый взгляд, разыскивающий в толпе китаянку Глорию Чан, навел на степенных марсиан тихий ужас. Но больше всего зевак гипнотизировал торчащий из предплечья нож. Паратройка смельчаков попытались-таки схватить разбушевавшегося турка, но, не устояв на ногах, упали, увлекая за собой соседей. Началась потасовка. Скоро все «спасатели» смешались в одну огромную вопящую кучу. Исходящий от кучи нечленораздельный шум мало напоминал нормальный человеческий язык.

Стараясь не попадать в кольцо мельтешащих рук и ног, Деметра потихоньку отползла к стене и в изнеможении прильнула к ее холодному камню.

— Конфетка, вызови полицию или кого-нибудь еще. Надо же как-то остановить эту заваруху.

— Не беспокой-и-с-с-я-а...

Конфетка так и не успела закончить одну из своих вежливых фраз — чья-то рука словно клещи вцепилась в запястье Деметры. Титановый браслетик оторвался и отлетел куда-то в самую гущу дерущейся толпы. Серебряный отблеск в темноте тоннеля — вот и все, что осталось на память от верного хронометра.

Деметра забилась в самый угол, свернулась маленьким незаметным калачиком. Как только настанет хоть минутный перерыв в этой безумной потасовке, она тут же уползет отсюда — благо дверной проем рядом!

Так она лежала в ожидании затишья, когда коридор стал заполняться газом. Не теряя ни секунды, Деметра тут же прижала к лицу плотный рукав комбинезона, но было уже слишком поздно: газ успел проникнуть в дыхательные пути. Сознание отключилось.

Муниципальная тюрьма**14 июля**

Элен Сорбелл медленно пробивалась сквозь изломанный пласт аспидного сланца, когда откуда-то сверху до нее донесся самодовольный голос Уайетта:

— Вас просят зайти в милицию.

— Что? Прямо сейчас?

Ни нотки удивления не прозвучало в вопросе Сорбелл.

Все ее чувства и эмоции поглотил мощный поток геологических данных. Ей не хотелось покидать вновь обретенное виртуальное пространство.

— Уайетт, ты знаешь, *зачем* я там нужна?

— Какая-то чужестранка попала в переделку. Она сейчас за решеткой и ссылается на ваше имя. Сказать, что вы заняты?

— А кто эта чужестранка? Подожди-ка, не говори. Уж не Деметра Коглан?

— У женщины частичная потеря памяти. Во время потасовки у нее пропали все документы и личный хронометр. Хотя да, она упоминала имя Коглан.

— Скажи им, что я сейчас буду.

Прежде чем ответить, Уайетт немного помедлил:

— Мисс Сорбелл, а вам не кажется, что ваша работа в Департаменте имеет куда более важное значение, чем опека какой-то «ночной бабочки»?

— Уайетт! Где ты нахватался таких слов? — удивилась Элен. — Деметра — моя хорошая знакомая. А теперь быстренько отсоедини меня и передай то, что я велела. Хорошо?

— Очень хорошо, — надулся кибер.

Элен было необходимо самой появиться в милиции, дабы подтвердить личность задержанной. Тюрьма располагалась на самом нижнем уровне подземного комп-

лекса. Когда Сорбелл прибыла туда, первое, что бросилось в глаза, — это милиционеры в мрачной серой униформе, сновавшие туда-сюда. Вдоль нависающей холодной стены рядами лежали матрасы, а на них — укрытые белыми простынями спящие люди. Кое-где на белой ткани проступали кровавые пятна. Повсюду суетились медики: кто-то пытался наложить швы на рваные раны, кто-то поспешно накладывал гипс.

Картина, открывшаяся взгляду Элен, очень напоминала последствия набега тонгов: лица пострадавших были преимущественно китайской и среднеазиатской национальности. Это ужаснуло Сорбелл, так как она всегда считала, что эти люди, населявшие данную территорию Тарсиса, одни из самых мирных граждан.

— А где же чужестранка? Ну, девушка с Земли, — спросила она у первого же милиционера.

— Вот в том направлении, пожалуйста.

Он указал туда, где коридор плавно спускался вниз.

Элен направилась на поиски Деметры, вглядываясь в каждую камеру, насколько это позволяла решетка. Оттуда смотрели вялые лица, еще не вполне оправившиеся от газовой атаки. В основном китайцы и азиаты. Некоторые заключенные даже пытались улыбнуться, признав в Сорбелл свою. Нет, Деметры среди них не было. И вдруг из шестой по счету камеры донесся знакомый голос:

— Элен! Я здесь!

Словно маяк в ночи, вспыхнуло лицо земной девушки — она одна явно выделялась из толпы своими тонкими европейскими чертами.

— Деметра, как ты умудрилась сюда попасть?

— Нечаянно оказалась в самой гуще потасовки. Представляешь, шла по своим делам, а тут...

Интуиция подсказывала Элен, что подруга не говорит всей правды, но решила пока не настаивать.

— Посмотрю, что можно сделать, — пообещала она и отправилась на поиски милиционера.

Проверив личность Деметры Коглан, Элен согласилась взять ее под временное поручительство. Все уладилось быстрее, чем она ожидала, но вначале ей все-таки пришлось выслушать длинную и нудную лекцию о своей ответственности за арестованную Деметру.

— Я должна сопровождать тебя в суд, если будет назначено слушание, — объясняла она по дороге.

Вскоре женщины миновали мрачные серые стены, череду стальных дверей и наконец-то очутились в общественном коридоре.

— Они вызовут меня в качестве свидетеля?

— Нет. Ты предстанешь как обвиняемая. Понимаешь, ты переступила пределы своей зоны и послужила причиной возникших беспорядков.

У девушки перехватило дыхание.

— Но... я ведь всего лишь пыталась *помочь*! Эта женщина истошно кричала на весь комплекс, вот я и кинулась на помощь!

— И разожгла этнический конфликт.

— Да нет же! Во всем виноват тот уса́тый мужчина! И нож... Они сказали, что он — турок...

— Ты *видела* этого человека?

— Да, он пробежал совсем рядом со мной, на расстоянии вытянутой руки! Он гнался за китайкой, хотел ее убить.

— Ножом?

— Нет. Нож торчал из него. Вот отсюда.

Деметра ткнула себя сложенными щепотью пальцами чуть повыше левой груди.

— Похоже на семейные разборки. Ну, в этом случае судебного разбирательства, может, и не будет. Конечно, если достаточно свидетелей подтвердят твою историю.

— Такое часто случается? — помолчав, спросила Деметра.

— Чаще, чем хотелось бы. Живем ведь все вместе. Как селедки в бочке, постоянно под землей. Неудивительно, что у людей сдают нервы. Вот и вспыхивают время от времени подобные драки, — невесело ответила Элен.

— А что будет этим двоим, которые учинили все это дело?

— Допросят с пристрастием. А потом наденут «домашние» браслеты.

— Домашние?

— У вас что, на Земле таких нет? Они обеспечивают неусыпный контроль над личностью. Сеть видит их, куда бы они ни направлялись. И вся штука в том, что и пойти-то никуда нельзя. Сразу после работы — домой. Поэтому браслеты и называются домашними. Только попробуй показаться в общественном месте, сразу нагрянут вооруженные до зубов милиционеры.

— Мило. И как долго длится эта «домашняя терапия»?

— Несколько недель. Достаточно, чтобы произвести неизгладимое впечатление на психику и поменять некоторые схемы поведения. А если преступление было вызвано употреблением алкоголя или наркотиков, то и их запретят на время домашнего ареста.

— Как же это удастся проконтролировать? — улыбнулась Деметра. — Неужели достаточно строгого предупреждения?

— Дело в том, что, кроме браслета, нарушителям спокойствия приходится еще претерпеть небольшую операцию: под кожу вшивается антабус. Достаточно капли спиртного или самой маленькой дозы наркотика — и летальный исход обеспечен. Вот такая суровая терапия. Пока что никому не удавалось ее избежать.

— А вы, похоже, знаете, как держать толпу под контролем, не правда ли? Довольно жесткие методы...

— А что нам остается, Деметра? — пожала плечами Сорбелл. — Подумай только, что бы произошло, если бы обезумевшая толпа докатилась до верхних уровней и ненароком высадила дверь? Здешний климат — не подарок. Это не то, к чему ты привыкла в своем Техасе.

— Да уж, — невесело отозвалась Деметра. — С Марсом шутки плохи.

«Золотой лотос»

14 июня

Деметре определенно не хватало общества Конфетки. Прекрасно осознавая, что ее бывшая «слуга» не больше, чем машина, она все-таки продолжала скучать. Недоставало привычной вечерней процедуры, когда она укладывала свой хронометр «спать», накрыв его стеклянным стаканом. На самом деле Деметра вовсе не боялась, что Конфетка доложит в Сеть, о чем болтает ее хозяйка. Это просто помогало чувствовать себя нужной. Хоть кому-то. Пусть даже Сети. И вот сегодня она совсем одна. И некому помочь ей отправить сообщение Грегору Вайсу. Один безликий равнодушный терминал.

— Грегор, все лопнуло. Больше мне нечего сказать.

Деметра лежала ничком на кровати, лишившись последних остатков сил. Она даже не потрудилась сесть перед терминалом и продиктовать сообщение, как это делала обычно. К чему условности?

— Корейскому агенту все про меня известно. Даже такому недотепе, как он, хватило пяти минут, чтобы вычислить так называемую шпионку. Позор. А эта Кунео из Зеландии пронюхала про меня еще раньше. Изображая из себя добренькую тетеньку, вывалила прямо-таки

гору разных советов на тему «Как шпионить, чтобы тебя никто не заподозрил». У меня такое ощущение, что я попала в решето. Только соберешься что-то сделать, как тут же кто-то толкает в бок и предупреждает, что нехорошо соваться в чужое дело. Я даже почти не чувствую человеческого присутствия. Как будто одни машины бездушно взирают и контролируют каждый шаг!

Деметра немного помолчала и, решив быть откровенной до конца, продолжила свою невеселую речь:

— Абзац. Я честно пыталась попасть в Долину Маринера, но ничего у меня не вышло... Я была там только виртуально, но прокси — это не предел мечтаний, если хочешь увидеть *все*. Похоже, единственный способ добраться туда лично, во плоти, — это так называемое сафари с местными носильщиками и слонами — пусть даже и механическими. Но это дорогое удовольствие, Грегор, — миллион новых марок. У тебя случайно не завлялся миллиончик, а? Уверена, что нет...

Абзац. Короче, Грегор, *я хочу домой*. Марс — не для меня. Слишком много людей задыхается в его тоннелях. Здесь даже воздух давно протух. Я не могу им дышать. Не могу! Пожалуйста, закажи мне билет домой. Я согласна на любой транспорт — только заведи меня из этого муравейника. Он становится опасен.

Деметра замолчала, думая, что бы еще такое добавить. Добавлять было нечего.

— Конец сообщения. Зашифруйте и отправьте... Терминал?

— Слушаю, мисс Коглан.

— Выключите, пожалуйста, свет.

У нее не оставалось сил даже доползти до ближайшего выключателя, перед глазами все расплывалось.

— Не беспокойтесь, мисс Коглан.

Свет потух, оставив Деметру наедине с ее невеселыми мыслями.

Глава 11

ЗА ПОМОЩЬЮ К БЫВАЛЫМ

«Золотой лотос»

15 июня

На следующее утро Деметра, как ни странно, испытала необычайный прилив оптимизма. Слава Богу, наступил ее последний день на Марсе! Даже если завтра не получится покинуть эту планету, то она хотя бы получит ответ от Грегора Вайса. Для начала и этого хватит.

Раз все так хорошо складывается, то почему бы не попытаться выяснить еще что-нибудь о пресловутой долине. Это будет завершающим аккордом, решила Деметра. «И надеюсь, удачным», — добавила она про себя.

Немного поразмыслив, Коглан пришла к выводу, что единственным человеком — человеком или компьютером? — способным ей помочь, является Роджер Торвей, первый негласный гражданин Марса, обладатель громкого титула «Проводник, внесенный в Книгу рекордов Гиннесса». Будучи самым старшим из киборгов, он наверняка знает то, что другим и не снилось.

Да, конечно, выйти на прямой контакт с Торвеем — значит плюнуть на все местные условности, так называемые табу здешней культуры. Ну и что?

Деметра поудобнее устроилась у терминала и решила просмотреть список жителей Марса. К сожалению, такового не оказалось, умалчивались даже имена очень известных людей.

— Терминал?

— Да, мисс Коглан?

— Подключите меня к Роджеру Торвею.

— Полковник Торвей не является пользователем этой Сети, мисс.

— Да? А я думала, что все киборги подключены к Сети.

— Вы почти не ошиблись, мисс. Это касается всех *недавно* произведенных киборгов. Но процессоры Роджера Торвея были установлены раньше, чем появилась сама Сеть.

— Ясно. Ну, тогда выясните, где он находится, и подсоедините меня к ближайшему прокси.

— В радиусе ста километров от Роджера Торвея вы не найдете ни одного прокси для туристов.

— Дайте мне тогда *рабочую* машину, я заплачу сколько скажете.

— Мисс, поблизости от Торвея нет *ни одного* прокси. Ни рабочих, ни предназначенных для туристов.

— Что у вас вообще есть?! — разъярилась Деметра. — Ладно, я *пойду сама*. Введите меня в какой-нибудь компьютер. Да, еще мне нужна хорошая карта местности и хороший хронометр, чтобы рассчитать точное время прибытия.

— По личной просьбе полковника ни один «незванный» механизм не имеет права к нему приближаться. В любом случае Торвей способен развить очень большую скорость, вполне достаточную, чтобы от вас убежать.

— Черт бы вас всех побрал, — заявила Деметра довольно вяло. Боевой дух ее уже почти покинул. — Тогда пошлите срочное сообщение, вызовите тревогу, соединитесь с ним самим как-нибудь!

— Вы понимаете, что это не так-то просто? Неужели ситуация требует столь быстрого решения?

— МЕФИСТО... Я *приказываю* вам соединить меня с коммуникационным модулем Роджера Торвея.

— Одну секундочку, мисс.

Район Гелиополиса

15 июня

А в это время Роджер Торвей и Федя Михайловна Штев разглядывали странное овальное углубление в красноватой латеритовой почве. Углубление очень напоминало крысиную нору. Но откуда тут взяться крысам?

Вполне возможно, что странная впадина имеет вулканическое происхождение. Да, но ведь ближайшие вулканы, недавно прекратившие свое действие, находятся в тысяче километров отсюда.

Края у норки были довольно гладкие, как раз такие и мог оставить маленький зверек во влажной глинистой почве где-нибудь на берегу реки. Но это на Земле. Здесь же, на Марсе, почва сухая, как камень. Да и размеры углубления слишком большие. Насколько знал Роджер, животные не могли оставить после себя такую огромную нору.

Торвею никогда не приходилось видеть в здешних условиях живое существо больше муравья, не говоря уже о крысах.

— Загадка, да? — спросила Штев.

— Похоже на следы ветра, — высказал предположение Роджер.

— Такие глубокие? И к тому же единственные в своем роде. Посмотри, вокруг ничего подобного больше нет.

Федя обвела взглядом раскинувшийся пустынный пейзаж.

— Да, загадка, — наконец согласился Роджер.

Он уже собрался порассуждать на эту тему, как вдруг линия горизонта зажглась кроваво-красным цветом. Свечение имело явно инфракрасную природу. Раньше Роджер подумал бы, что это трюки местной метеорологии. Раньше. Сорок лет назад. Время и опыт говорили, что данное явление никак не зависит от того, что происхо-

дит с погодой. Сквозь розовый свет проступили неясные очертания человеческой фигуры: Дорри Торвей.

— Роджер, выйди на контакт с Сетью, — прозвучали слова в голове Торвея.

«Скажи им, что сейчас не лучшее время», — произнес он, не раскрывая рта.

Достаточно было подумать — компьютер мгновенно передавал ментальные сигналы на любое расстояние.

Дорри покачала головой:

— Нет, милый, это действительно важно.

Роджер издал нечто похожее на механическое рычание, да так громко, что Штев обернулась.

— Что случилось?

— Извини, Федя Михайловна... Просто сетевым бездельникам опять что-то понадобилось.

— Так выясни, *что* им нужно. Наверное, только ты и можешь это дать. Роджер, не теряя свой шанс.

И правое натруженное веко русского киборга еле заметно дернулось. Мясистая мембрана порядком износилась за годы, проведенные на Марсе. Но все же Торвей понял, что Федя заговорщически ему подмигивает. Только ему одному...

— Возможно, ты и права... Дорри, ну что там у них?

Роджер понизил громкость голоса.

Медленно-медленно хрупкий образ Дорри начал таять в пурпурной дымке. Таять и преобразаться. Она как-то уменьшилась в росте, вся ее суровая безупречная красота уступила место более плавным, округлым формам; на подбородке появилась ямочка, сгладились выступающие скулы... Короткие черные волосы стали неудержимо виться и расти и вскоре сами собой заплелись в толстую косу. Все эти метаморфозы, возможно, и омолодили женщину, но одновременно унесли с собой необъяснимо прелестную утонченность.

— Полковник Торвей? — заговорила наконец пухлая девушка.

Странно, изображение было трехмерным, но почему-то казалось статичным. Черты лица какие-то ненастоящие, напоминают куклу, лишь наполовину оживленную. Лишь губы шевелятся, да в ярко-зеленых глазах то и дело вспыхивают маленькие искорки. Почему же кажется, будто слова произносит кто-то за кадром? И тут Роджер понял, чем объясняется странный эффект полунемого кино: сигналы, поступающие в его компьютерную видеосистему, имеют двухмерную основу. Очевидно, Сеть считывает видеоинформацию из личного досье или любого другого документа. Это плохо. Он никак не мог узнать кукольное лицо с шевелящимися пухлыми губами.

— Кто ты?

Тут же красноватая вспышка осветила Торвея, выхватив из тьмы его обращенное к горизонту лицо, широко расставленные локти. Ладно, если Сети угодно показать его собеседнице именно в этом ракурсе — пожалуйста. Да хоть в каком угодно! Роджер посреди красных песков пустыни, Роджер в своем ужасающем костюме летучей мыши; Роджер — герой, принесший жертву во имя своей страны, отдавший все человеческое и все же — способный иногда на улыбку.

— Меня зовут Деметра Коглан. Мы с вами никогда не встречались, хотя несколько дней назад я видела вас в Гармония Мунди.

Роджер прекрасно помнил это место. Как, впрочем, каждую пядь исхоженной им за пятьдесят лет марсианской земли. И хоть помнил не он сам, а его компьютер, даже в его силиконовых глубинах не остался образ этой странной земной женщины. Да, он был в районе Гармония Мунди, но видел там лишь Лоло Мицуно, гидролога, который уже давно работает в Тарсисе. Он еще помещал их разговору с Федей, почти ничего не решающему, но все же обоюдно нужному разговору. Мицуно интересовала вода.

— Я вас не помню.

Бесплодное общение с двухмерной картинкой начало раздражать Торвея. Одно дело, когда приходит Дорри, и совсем другое... Он ведь может прямо сейчас переключить мозг в режим компрессии времени, и эта женщина растает... без следа.

— Как я уже говорила, мы никогда не встречались лично. Но примерно неделю назад я помогала Лоло Мицуно в экспедиции, и там...

Внимание Роджера снова вернулось, работа мозга постепенно вошла в нормальный ритм. Он попытался вспомнить, действительно ли кто-то сопровождал гидролога пять дней назад. Конечно, если его многочисленные сенсоры не зарегистрировали присутствие этой женщины, то и вспоминать бесполезно. Все просто как день. Однако тогда он вполне мог не придать значения какой-то далекой и незначительной человеческой фигуре... Что ж, вполне может быть...

— Скажите, такое долгое вступление действительно нужно?

Ответные мысли женщины тут же оформились компьютером в произнесенные слова:

— Нет, конечно.

Кукольное личико, кукольная улыбка. Хорошо хоть честно призналась. Видать, не кривит душой.

— Что я могу для вас сделать? — сдался наконец Роджер.

— Мне нужна кое-какая информация о Долине Маринера. А именно: если бы получилось повысить влажность марсианской атмосферы на двадцать процентов при разложении на элементарный водород и кислород в верхних слоях атмосферы, то можно ли рассчитывать на то, что в низменностях долины установятся условия пригодные для жизни? Как на Земле. Я понимаю, что на такой вопрос в состоянии ответить лишь компьютер, но...

— Я и есть компьютер, — сказал Роджер.

Кукольное личико придвинулось ближе, практически нависло над ним, закрыв все небо.

— Мне нужно знать, примет ли геология долины такие атмосферные изменения? Не произойдет ли необратимой просадки почв? Или, может быть, есть абсорбент, который впитает в себя всю воду, и мы опять окажемся там, где и начинали? Или...

— Довольно, мисс Коглан!

Роджер сделал останавливающий жест. Должно быть, слишком резкий, потому что кукольное лицо тут же замерло, застыли зеленые глаза и пухлый рот. Какое-то время только они и были видны на фоне розоватого ландшафта — тело и большая часть головы просто-напросто растворились. Постепенно картинка пришла в норму.

— Да? — еле слышно прошептали женские губы.

— Я провел в долине достаточно времени — почти целый земной год, — сказал Роджер. — Это было где-то в середине двадцатых... Да, я мог бы детально описать весь ландшафт, каждую его черточку, но в толк не возьму, почему вы у *меня* об этом спрашиваете? Все мои воспоминания хранятся в памяти машин. Вам достаточно пойти в любую виртуальную библиотеку, нажать на соответствующие кнопки, и программа вам все расскажет и покажет. Или возьмите прокси для туристов и исследуйте местность сами. Что может быть вернее?

— Я уже пробовала. — При этих словах черты лица земной девушки стали жестче, голос упрямо зазвенел в голове Торвея. — Я не понимаю, на что я смотрю. Что означают все эти пласты, прослойки... Ваша виртуальная программа не больше чем сухой справочник. А справочник не может вынести суждение, поделиться опытом, живыми знаниями, полковник... Только вы можете.

Роджер задумчиво провел рукой по краю норки. Кто знает, видно ли было в мониторе этот странный жест? Какая разница...

— Да... Настоящие знания и опыт... — угрюмо протянул Торвей.

Тут чья-то мощная рука властно потрясла его левое плечо. Он и забыл, что рядом Федя.

— Спроси, от лица кого она ведет переговоры, — просвистел в ушах шепот киборга. — И сколько она готова заплатить. Одна встреча с тобой, должно быть, влетела ей в кругленькую сумму. — Ухмылка киборга обнажила стальные зубы. — К тебе не так-то легко пробиться, *товарищ*.

— Мисс Коглан... Вы говорите об изменении водного баланса в марсианской атмосфере... Согласитесь, что это весьма непростая операция. Не будем сейчас вдаваться в возможные последствия... Скажите только, какую организацию вы представляете?

— Я... м-м...

Лицо почти полностью исчезло. Одна розовая дымка мягко струилась на горизонте.

— Подождите, — быстро проговорил Торвей.

Со своим доступом к сетевым данным он мог и сам в два счета выяснить, кто она такая.

— Можете не называть, на кого вы работаете, но... правильно ли я понял: вы готовы *заплатить* за искомую информацию?

Очертания женского лица снова проступили на фоне марсианского неба. На губах заиграла улыбка. Ожил кукольный пухлый подбородок с крохотной ямочкой.

— Конечно. Если информация действительно ценна, то в разумных пределах мы заплатим. Только... никогда бы не подумала, что киборгам нужны деньги.

— Деньги? Нет. — Роджер прикинул, сколько может стоить поставка полутора тысяч килограммов дейтерий-третийного топлива на Фобос с последующим подключением к Тарсианскому Фонтану. — Нет, мне не нужны деньги в чистом виде. Но я думаю, мы можем договориться на приемлемых условиях.

— Очень хорошо. — Улыбка снова озарила лицо девушки. — Но как мне выйти с вами на связь?

— А как вам это удалось сейчас?

Девушка помедлила, замаявшись. Она снова начала потихоньку исчезать.

— Я... это...

— Ладно. Я введу ваши инициалы в список моих близких знакомых, имеющих право на контакт.

— Спасибо!

Лицо Деметры Коглан снова явственно проступило в дрожащем воздухе. Роджер заметил зардевшиеся от румянца щеки.

— Не берите в голову, — посоветовал он девушке.

Она захотела сказать что-то еще, но передумала и лишь благодарно кивнула. В этот момент контакт оборвался, и перед глазами Роджера снова появился пустынный марсианский пейзаж.

Но где-то в глубинах его кибермозга еще долго-долго парила легкая улыбка земной девушки.

«Золотой лотос»

15 июня

Образ Роджера Торвея давно растаял, а Деметра продолжала неподвижно сидеть в кабине виртуальной связи, не снимая перчаток и шлема. Даже тончайшие слои силикона и оптического волокна не могли скрыть задумчивость, проступившую на ее лице, и удивительно трезвый взгляд — довольно редкое явление после виртуальных разговоров.

Деметра никак не могла понять, каким образом осуществлялось общение с Торвеем. Ни малейшего движения с ее стороны, а ощущение такое, как будто задействовано все тело от кончика носа до пяток. Что же это за механизм взял на себя роль проводника?

С ним не сравнится ни один самый продвинутый прокси. Но где же место его дислокации? Непонятно. Роджер Торвей — в самом сердце пустыни. Значит, загадочный механизм должен располагаться где-то поблизости и постоянно перемещаться. Тот огромный зеленый киборг рядом с Торвеем, похоже, не имеет ни малейшего отношения к поддержанию контакта. Находясь все время позади полковника, он не мог осуществлять связь.

Деметре показалось, что и сам Торвей, и его зеленый спутник напроць лишены всего человеческого. Бесстрастные лица, похожие маски — ни единого движения губ. Полное отсутствие бровей. Даже веки ни разу не дернулись. Слова оформляются в строгие законченные фразы где-то в глубинах электронного мозга. Голосовые же связки при этом остаются совершенно неподвижными. Фасеточные глаза, их внимательное красноватое поблескивание — бр-р-р, это не человек, это какое-то насекомое изучало Деметру своим пристальным немигающим взглядом. Насекомое, готовое в любой момент наброситься и откусить своей жертве голову — если бы, конечно, она там реально была!.. Что ни говори, а все-таки виртуальные путешествия имеют свою прелесть.

Пообщавшись с Джори ден Острайкером, Деметра думала, что и киборги не сильно от него отличаются. Более усовершенствованные, и только. На самом же деле все оказалось совсем не так. Немигающий механический взгляд киборгов ясно давал понять, что им не интересна ни Деметра Коглан, ни какое-либо другое земное существо.

Ноль эмоций. Все ее желания, планы, все ее обещания для них не больше чем иллюзия. Игра теней, пыль на ветру. Деметра вдруг ясно ощутила, что живых лю-

дей — и на Земле, и на Марсе — киборги воспринимают как совершенно инородную протоплазму. Недостойную их внимания. Может быть, эта чудовищная отстраненность объясняется весьма почтенным возрастом? Торвею сейчас где-то под девяносто. Он лишь немного старше дедушки Деметры. Но между ними есть огромная разница. Торвею удалось обмануть смерть. Он не постареет, болезнь не источит то, что осталось от его тела. Разве что сломается когда-нибудь. Но и это не конец. Износившиеся составляющие немедленно заменят более новыми, современными. Полковник виртуально бессмертен...

Похоже, именно этот факт, наряду с отсутствием бровей и мимики, так сильно ужасал Деметру, затрудняя всякое общение.

И все же... И все же он согласился помочь! «На обоюдоприемлемых условиях». Значит, он в чем-то нуждается! И у него, оказывается, есть слабинка, как у любого живого существа. *Изначально* живого. Теперь бы нащупать эту слабинку, и если назначенная Торвеем цена по силам тексахомскому бюджету, то...

— Привет, Деметра!

Перед глазами Коглан возникло широкое крестьянское лицо Нэнси Кунео: изображение не было объемным. Видимо, Кунео воспользовалась обычным, не виртуальным терминалом.

— Здравствуй, Нэнси. Что случилось? — сказала Деметра, а сама подумала, что собеседница скорее всего видит сейчас не ее, а всего лишь скромную белую надпись на темном фоне: «Видеоизображение недоступно».

— Прибыла делегация из Северной Зеландии. Помнишь, я говорила тебе, что они приедут обсуждать вопросы освоения Долины Маринера? Так вот, в шесть часов намечается что-то вроде маленького банкета. Буду

очень рада, если и ты почтишь нас своим присутствием. Там будут практически все.

— Все? — скептически переспросила Деметра.

Безапелляционное утверждение Кунео заставляло предположить, что и Роджер Торвей, и тот огромный зеленый киборг тоже явятся на церемонию.

— Я имею в виду всех видных людей комплекса.

— Хорошо. Я буду.

— Только... Деметра...

— Да?

— Не могла бы ты сменить свой комбинезон на что-нибудь более праздничное, светлое. Я, конечно, понимаю, он практичен, удобен, но для такого приема это слишком неформальный вариант. До шести еще уйма времени, ты вполне можешь купить экстравагантное красивое платье, более приличествующее случаю.

— Так я что, гвоздь программы? — вкрадчиво произнесла Деметра.

— Милочка, я просто не хочу, чтобы ты чувствовала себя не в своей тарелке.

«Ах да, вы ведь так заботитесь о моем комфорте, совсем как стая акул в Далласском аквапарке», — подумала Деметра.

— Значит, жду тебя ровно в шесть.

— О'кей. — И Коглан оборвала связь с Кунео.

Но не успела она снять очки и шлем, как картинка перед глазами снова зажглась.

На этот раз собеседник оказался более приятным: напряженно вглядывающийся Лоло Мицуно.

— Привет, Лоло! Ты что, меня не видишь? Дело в том, что я как раз пыталась отключиться, но Сеть успела передать твой сигнал. Что у тебя на мониторе?

— Картинка, что и говорить, весьма странная. Ты похожа на чревоушателя — взгляд в одну точку, а лицо — сплошная неподвижная размалеванная маска.

— Да, Лоло, ты умеешь сделать девушке комплимент!

— Прости!..

— Ладно, не бери в голову. Судя по всему, Сеть воспользовалась моим фото из досье. Интересно, как это у нее получилось?

— Сеть и не на то способна...

Молчание тягостно повисло в воздухе. Наконец Деметра нарушила затянувшуюся паузу:

— Ты мне звонил?

— Да. Хотел предложить тебе вместе пообедать сегодня. Как насчет...

— Здорово!.. Я бы с удовольствием, но...

— Другие планы?

Деметра отрицательно помотала головой в шлеме, но тут же спохватилась, что Лоло, должно быть, не видел этот жест.

— Снова политика, Лоло. Позвони ты минутой раньше, и я бы, не задумываясь, приняла приглашение. Но я уже пообещала быть в другом месте. Работа — прежде всего, понимаешь?

— Что за работа?

— Шпионские делишки. Ты разве уже забыл?

— Ах да!

На лице Лоло проступила едва заметная усмешка пополам с уязвленной гордостью. Кто-кто, а обидчивые мужчины всегда утомляли Деметру...

— Подожди! Я с удовольствием встречу с тобой, — попыталась спасти ситуацию Деметра, — но не сегодня, а завтра в шесть, идет?

— Идет.

— С тебя угощение.

— Нет вопросов.

— Только пусть это будет дорогое угощение, например, омары.

— А что это такое?

— Морские ракообразные, в отварном виде, под соусом. Тебе бы понравилось. А вместе с шампанским — ну просто объедение! Да, послушай. Поскольку на Марсе омары не водятся и никто не догадался импортировать их с Земли, то оставляю меню на твое усмотрение. Надеюсь, ты не подведешь.

— Еще бы, будь спокойна, — улыбнулся Мицуно.

— Тогда до завтра.

— До завтра!

Деметра поскорее сняла шлем с очками, пока не замаячила чья-нибудь еще физиономия.

Надо сверить часы с Конфеткой. Ах да, Конфетки больше нет. Придется уточнить в Сети.

— Тринадцать часов сорок шесть минут, — прозвучал безликий равнодушный голос.

Ничего себе! До банкета остается всего четыре часа, а ей еще надо выбрать новое платье!

Отель «Красные пески»

Коммерческий модуль 3/9/15

15 июня

Гарри Ортис чувствовал, что становится староват для всяких политических межпланетных дел. Семьдесят девять лет как-никак. Все чаще мучает забывчивость, трудно подолгу концентрировать внимание, да и вся эта светская болтовня, типа сегодняшнего банкета, начинает потихоньку раздражать.

Гарри возглавлял делегацию северозеландских дипломатов. Когда они только высадились на Марсе, их уже встречали местные финансовые воротилы. Похоже, Тарсис Мон управлялся такими вот маленькими

«шишками»: каждый незаменим в какой-то своей сфере, будь то поставка воды, переработка отходов или мелиоративные работы. Правительства в прямом смысле этого слова здесь не было. Во всяком случае, Гарри его не заметил. Самые уважаемые и влиятельные люди — а их было всего трое — стояли во главе проекта создания Космического Фонтана. Эти сильные мира сего сразу удостоили Гарри и его группу своим «высочайшим» вниманием.

Конечно, на Марсе были и другие человеческие поселения — Тарсис Мон не единственный, — и вполне возможно, что где-то на этой планете и существовала официальная государственная структура. Кажется, Нэнси Кунео упоминала мэра, стоящего во главе Солюс Планум. Некая Людмила Петровна. Напротив ее имени даже значилась огромная красная звезда, свидетельствующая об особом социальном статусе этой дамы. Очевидно, этот человек возглавлял весь южный регион Марса.

Но вот сегодняшняя вечеринка, похоже, будет кишмя кишеть всякими мелкими сошками типа заведующих барами, отелями и прочее, и прочее. Эти люди совершенно не понимают ценности грядущего проекта, воспринимают грандиозную идею как простое коммерческое состязание. Их скудные умишки озабочены исключительно финансовыми вопросами. «В общем, не видят они дальше своего носа», — предавался невеселым мыслям Гарри Ортис.

Медленно потягивая джин-тоник, он наблюдал за прибывающими гостями. Шевеление огромной разноликой толпы сделалось со временем единственным развлечением стареющего дипломата. Было интересно, наблюдая за парочками, строить разные предположения на интимную тему: например, для кого же этот вечер завершится не в одиночестве. С особым

вниманием Гарри приглядывался к группам по трое — здесь его интерес носил особый характер. Было ясно как день, что эти-то люди как раз и обсуждают деловые вопросы.

Внезапно в толпе началось какое-то движение. Гарри увидел, как лица всех присутствующих медленно поворачиваются в одном направлении — как передается по залу вспышка удивления, оставляя после себя светящийся след. Словно загадочный электрон — он незаметен сам, но видна траектория его движения.

Толпа расступилась, пропуская вперед Нэнси Кунео, за которой следовала молодая женщина. Ортис сразу понял, что именно она является этим загадочным электроном, взбудоражившим местную публику. И вовсе не изысканная красота ее лица привлекла всеобщее внимание — лицо, кстати, было довольно типичным, — а необыкновенно короткий алый наряд. Прямо-таки до неприличия короткий.

Начать с того, что сама она была практически девчонкой и вот теперь шла под изумленными взглядами толпы, гордо неся свое полуприкрытое цветение юности. Эластичная ткань цвета спелой клубники соблазнительно облегала каждый миллиметр ее тела, ни один изгиб не оставался незамеченным. Не похоже, чтобы девушка потрудились надеть нижнее белье, хотя, возможно, подобный эффект достигался необычной фактурой ткани. Одно непродуманное движение: наклон больше, чем требуется, стремительный поворот тела — и публика ахнет.

Гарри Ортис был готов спорить с первым попавшимся, что экстравагантная клубничка так весь вечер и не присядет — если она, конечно, настоящая леди.

Ортису было достаточно одного взгляда, чтобы с уверенностью сказать — этот наряд стоит бешеных денег:

как минимум тысяча новых марок за грамм ткани. Да... Никаких денег не жалко, раз эффект превосходит все ожидания. Даже Гарри, в свои семьдесят девять с хвостиком, почувствовал, как новые соки заструились в его одряхлевшем теле.

На фоне сексапильной «клубнички» Нэнси Кунео терялась целиком и полностью. Сразу стал заметен истинный возраст северозеландской шпионки — правда, Гарри Ортис и так всегда догадывался, что возраст у нее весьма почтенный. Положение не спасал даже кудрявый рыжий парик, явно претендующий на экстравагантность. И почему все жертвы экологического эксперимента на острове Рауля, резко облысевшие в результате атмосферных изменений, обладают столь дурным вкусом? Посмотреть на их парики — дрожь берет. А Нэнси Кунео к тому же напялила вечернее платье со множеством вставочек и смешных воланчиков. Умора! Она вполне могла сойти за потешного гнома, если бы не сияние девушки в клубничном платье: это ослепительное сияние затмило и воланчики, и вставочки, и смешные гномьи кудряшки.

— Гарри! У меня для тебя сюрприз! — поприветствовала Кунео старого знакомого.

— Нэнси!

— Познакомься с Деметрой Коглан. Она прилетела из Суверенного государства Техсахома. Внучка самого Элвина Бертрана Коглана.

— Неужели? Знаю, знаю старину Элвина. Рыцарские поединки в Генеральной Ассамблее... Как же, помню, помню...

— Деметра, а это — Гарри Ортис. Старший аналитик СЗАСЭ.

— Правда? — переспросила девушка.

Ортис сразу уловил характерный ковбойский акцент — так говорят только в Техасе. Даже избыток гелия в здешних тоннелях не сбил его с толку.

— Что же вы такое анализируете? — продолжал звенеть нежный голосок мисс Коглан.

— О, влияние экономических факторов, потоки личности, падение и рост валютных курсов, в общем, все, что может обработать и любой компьютер.

— Вы, несомненно, найдете много общего с Деметрой, — самодовольно ухмыльнулась Кунео.

И, не сказав больше ни слова, удалилась к другим гостям.

Ортис и Коглан недоуменно уставились друг на друга, не понимая, что же такого «общего» нашла между ними Нэнси Кунео. «Разве что неуемное желание сорвать с себя одежду и предаться безумному сексу прямо здесь, на полу?» — подумал Гарри Ортис. Но навряд ли Деметра Коглан выбрала бы в партнеры именно его, Гарри...

Так что же у них может быть общего? Оставалось только гадать.

— Скорее всего Нэнси имела в виду компьютеры, — осмелилась наконец предположить Деметра.

Ортис непонимающе склонил набок голову.

— Ну, вы же с ними работаете?

— Вообще-то я этого не говорил. Предпочитаю работать собственной головой. Ненавижу машины.

— Ах вон оно что! Ну, значит, Нэнси права... Дело в том, что я тоже далека от любви к «всемогущим» киберам.

— Надо же! В наше время это редкость: двое, можно сказать, земляков пересекаются на чужбине, и оба не поддерживают общепринятый лозунг «Наши механические друзья»...

— Я не всегда так относилась к машинам, — медленно произнесла Деметра. — По крайней мере все было несколько иначе, пока не произошел несчастный случай...

— Что же случилось?

Гарри постарался вложить в вопрос изрядную долю сочувствия. Не больше и не меньше, чем положено для такого банкета, как сегодняшний.

— Я делала стрижку в автостримобиле. Вам, конечно, известно это чудо цивилизации.

— Безусловно.

— Так вот, что-то в этом механизме перегорело, и ножницы вонзились мне прямо в голову...

Оррис недоверчиво посмотрел на ее роскошную косу, свисавшую чуть ли не до пояса.

Должно быть, сомнение отразилось на его лице, так как Деметра поспешно добавила:

— Уже почти два года прошло. Сначала больница, потом долгие месяцы реабилитационного лечения. Я и сюда-то приехала, чтобы отдохнуть как следует. С тех пор я никому не позволяю даже притрагиваться к моим волосам, не то что стричь. И, конечно, травма не прошла бесследно. Так говорят врачи. Нарушение моторных реакций, ухудшение слуха. Сейчас почти все пришло в норму — благодаря стараниям медицины. Всякие там межклеточные трансплантаты... вы и не представляете, чем сейчас «набита» моя голова. Порой меня начинает «штормить» — что-то там, видно, заклинивает, — сразу приходится принимать меры. Вот так.

— Правда? — Гарри поймал себя на том, что невольно начинает копировать техасский акцент. — Как-то мне довелось нырять со скубой. Было это рядом с Маленьким Барьерным Островом в заливе Хаураки.

— Извините, а что такое скуба?

— Это саморегулирующийся аппарат, позволяющий дышать глубоко под водой. Вырабатывает кислород из

выдыхаемого человеком углекислого газа. Ну так вот, только я погрузился почти на сорок метров, как что-то в этом хитроумном приспособлении заело, и вместо кислорода стал поступать углекислый газ. До сих пор неясно, почему это произошло. В общем, я уже начал пускать пузыри. К счастью, друзья были неподалеку и, увидев, как мое тело безжизненно всплывает, послали на берег сонограмму. Когда наконец меня подобрала лодка, я уже был почти покойник, весь синюшного цвета, голова болталась где-то между колен.

— Надо же! Вы хорошо выглядите для человека, который едва не утонул!

— Да, но значительная часть мозга необратимо пострадала. Сначала отравление углекислым газом, а потом — нехватка кислорода. Короче, у меня в голове теперь тоже полно всяких имплантатов, как и у вас.

— Это с их помощью вы решаете сложнейшие компьютерные задачи?

— Ну... — помедлил с ответом Ортис, — у меня просто есть к этому природные способности. Хотя я страсть как не люблю компьютеры.

— Здесь мы до неприличия похожи.

— Я ненавижу технические штучки вовсе не потому, что ими напичкана моя голова...

— ...а потому, что именно они стали причиной моей головной боли.

— Да! Как же вы правы!

Нэнси Кунео оказалась права: у этой сексапильной землянки и стареющего дипломата действительно оказалось много общего. Впрочем, Нэнси как шпионке со стажем просто полагалось знать все и обо всех. Интересно, что же ей еще удалось пронюхать про внучку Элвина. Хотя можно выяснить и самому.

— Выпьете что-нибудь?

— Да, конечно. На ваш вкус.

«Золотой лотос»**16 июня**

Когда Деметра наконец вернулась в свой номер — а было это поздно ночью, ее уже ожидало сообщение от Грегора Вайса. К счастью, на этот раз текст не был зашифрован. К счастью — потому что только верная Конфетка обладала незаурядными способностями разгадывать хитроумные коды Грегора. Конфетка героически погибла под ногами разбушевавшейся марсианской толпы; может быть, кто-то подобрал ее — металл все-таки довольно ценный...

Итак, что же пишет Грегор?

— К сожалению, Деметра, мы не можем удовлетворить вашу просьбу о смене местонахождения. — Стилль сообщения был крайне официальный. — Вашему дедушке не удалось организовать внеплановый перелет. Поэтому все остается в силе — отдыхайте, любуйтесь достопримечательностями и, самое главное, наслаждайтесь самим процессом.

Вот так. Любуйтесь достопримечательностями. Уж кому-кому, а Деметре хорошо известен тайный смысл этих слов. Означали они следующее: «Делай то, что тебе поручено». Вот так. И точка. Деметре казалось, что она наяву слышит насмешливый тон Грегора. Этот тон предполагал, что Вайсу порядком надоело ныть неудавшейся шпионки, что она, мол, устала и хочет поскорее отделаться от спецзадания, в то время как другие тайные агенты, которым она и в подметки не годится, продолжают потеть, выполняя гражданский долг где-нибудь в Мехико или Нью-Йорк-Сити.

Как ни странно, даже насмешливый отказ Грегора Вайса не особенно огорчил Деметру. От ее вчерашнего упаднического настроения не осталось и следа: завтра она обедает с самым привлекательным холостя-

ком в Тарсисе, а сегодня... Сегодня у нее нашлось «много общего» с самим главой северозеландской делегации!

Ситуация налаживалась. Хоть и медленно, но верно.

Глава 12

ВАЛГАЛЛА

«Золотой лотос»

16 июня

Деметра Коглан долго раздумывала, надевать ли свой экстравагантный клубничный наряд на свидание с Лоло.

С одной стороны, он уже не блистал безупречной новизной: немного помялся и утратил свою первозданную свежесть.

С другой стороны... можно попробовать постирать это клубничное чудо. Вряд ли весь процесс вместе с сушкой займет больше пяти минут.

А с третьей стороны, чтобы с достоинством носить подобные вещи, требуется особое искусство. Не так-то просто, поверьте, контролировать каждое свое движение и постоянно втягивать живот.

А совсем с другой стороны, она соскучилась по своему старому доброму комбинезону — уж в нем-то чувствуешь себя вполне уютно.

С четвертой? пятой? — Деметра уже сбилась со счета, — но уж точно с самой важной стороны, она ведь встречается не с кем-нибудь, а с Лоло Мицуно! А этот симпатичный марсианин успел перевидать все ее свитера: голубой, фиолетовый, серый. Не говоря уже о ком-

бизнесоне. Наверное, воспринимает ее как какого-нибудь мальчугана или подростка. Пора мистеру Мицуно сменить свое мнение! Кроме того, разве это по-женски — надеть столь сексапильный наряд всего однажды. Ему теперь что, пылиться?

Казалось, вопрос решен.

Но оставалась нерассмотренной еще последняя, чуть ли не самая главная сторона — хочет ли она спровоцировать Лоло?

Вряд ли.

Хотя как сказать.

И Деметра надела-таки платье цвета спелой клубники.

«Шез Гереро»

Коммерческий модуль, I/16/2

16 июня

Лоло Мицуно сразу ощутил подступающие волны желания — с первых же секунд, как волшебное видение под названием Деметра Коглан возникло в золотом сиянии вестибюля. Он и до этого знал, что Деметра — довольно симпатичная девушка, наверняка пользующаяся успехом среди земляков-ковбоев. Но в ней ни на йоту не было утонченности, изысканности, той сдержанной грации, которая в свое время привлекла его в Элен Сорбелл. Остроумие, искренность, мальчишеский задор — вот она, Деметра. Но сегодня...

Сегодня... Сверхкороткое платье цвета спелой клубники не только не скрывало прелести девичьей фигуры — оно подчеркивало каждый изгиб, каждую линию чувственного молодого тела. Розово-алое сияние платья, розово-алое сияние губ, ослепительно белая кожа. Глаза — зеленые, словно нежные листочки созревшей, сочной клубники!

Боже! Он тут же забыл, что когда-то относился к этой женщине как к другу, как к сестре. Он уже сейчас чувствует себя поэтом, а ведь еще и минуты не прошло!..

Для сегодняшнего обеда Лоло выбрал самый лучший ресторан в Тарсис Мон, да и, пожалуй, на всем Марсе. Столики, затянутые тщательно выглаженной белой тканью, имитируют накрахмаленные скатерти. Вилки, ножи — все из чистого серебра; завезены с Земли еще по старым ценам. Бокалы для вина хоть и не из настоящего стекла, но блистают, словно только что отшлифованные кристаллы. Меню — сплошь блюда испано-французской кухни. Как во Франции — соус не покрывает кушанье, а размазан под ним на тарелке, и как в Испании — пряности, правда, выращенные в оранжереях. Правда, на этом чудеса местной кулинарии заканчивались: вся остальная еда была самая обыкновенная, марсианская, — сплошные суррогаты с претензией на заморский вид.

Весь вечер Мицуно не мог проглотить ни кусочка — еда, дорогостоящая еда попросту застревала в горле. Он знал, что сделанный заказ нанесет ощутимый удар по его кошельку. Но сегодня Лоло был очарован Деметрой. Как неожиданно эта земная девушка с губами цвета спелой клубники и озорными зелеными глазами стала центром его вселенной!

Сияние девичьих обнаженных плеч затмило не только серебро столовых приборов, но и утонченные лица средневековых дам, неумело выписанных на свежоштукатуренных стенах рестораника. Тонкий аромат вин мгновенно и верно утонул в легком облаке духов, а если бы кому-то из присутствующих женщин вздумалось раздеться и исполнить зажигательный танец в обнаженном виде — Лоло бы их даже не заметил.

Деметра потихоньку пробовала принесенные блюда — гордость местных поваров — и мелкими глоточками по-

тягивала красное вино. Одна крохотная капелька, словно росинка, на мгновение сверкнула на верхней губе и растаяла, еще больше оттенив клубничную сочность. Лоло нес какую-то ерунду, а она лишь улыбалась. Тогда, когда положено. Настоящая леди.

И вот кремовый десерт съеден. Деметра отодвинула тарелку и снова обратила на Лоло сверкающие майской зеленью глаза.

— Спасибо... за вечер.

— Но он ведь еще не совсем закончился, правда?

— Нет.

Всего лишь одно слово. Сказанное тихим голосом. Озаренное легкой, едва заметной улыбкой и понимающим взглядом. Нет. Тайный смысл которого — да.

Всего лишь одного слова оказалось достаточно, чтобы напрочь забыть об ответственности и забрать с собой эту чудную девушку — туда, где позволено бывать только избранным. Эту «иностранку», эту шпионку, это существо из другого, земного, мира, над которым он, Лоло Мицуно, совершенно не властен.

— Пойдем.

Он встал, нежно и уверенно протянув ей руку.

Однако было не похоже, чтобы Деметра спешила покинуть надежный стул.

— Куда?

— Тебе понравится. Идем.

И они пошли. Сначала долго поднимались вверх, все ближе к поверхности, туда, где тоннели сплошь и рядом заставлены оборудованием, а потом — вниз, в рабочие пролеты. Там хранились водные и воздушные запасы планеты. Лоло и Деметру со всех сторон окружали огромные емкости, по четыре тысячи мегалитров каждая; емкости эти были вырублены прямо в серых холодных скалах, специальные покрытия защищали содержимое от частых пылевых вихрей и препятствовали испарению.

Сырая темнота воздуха освещалась редкими прожекторами, лениво роняющими свой тусклый свет. Под ногами хлюпала болотная зелень водорослей — древний след эпохи протозоя, предшественник всех человеческих поселений на планетах Солнечной системы.

Лоло тихо удивлялся той безропотности, с которой следовала за ним его земная подруга: ни жалобы по поводу сырости и темноты, ни раздраженного жеста. Казалось, она вся — одно сплошное ожидание, один немой вопрос.

Когда цистерны с водой закончились, парочка очутилась в галерее незаконченных тоннелей, которые простирались на целых два уровня. Мицуно знал, что работы прекратили из-за непригодности почв: красно-ржавая земля изобиловала железом, а оно было слишком хрупким, непригодным для обработки. И вот, вместо того чтобы раздвигать пределы по горизонтали, Тарсис Мон продолжал расти вглубь. Отказ от строительства тоннелей не был подтвержден официально — рабочие просто махнули на трудности рукой.

И вот наконец показалась стальная дверь, отгораживающая от внешнего мира потайной уголок, куда Лоло привел Деметру. Прежде чем открыть дверь, гидролог помедлил.

— Вообще-то вначале положен *тщательнейший* обыск, но...

Деметра только улыбнулась, задорно сверкнув в темноте белыми зубами. Развела руки и картинно покружилась. Ее обнаженные ноги и руки мерцали отраженным светом капелек воды и всем своим видом, казалось, говорили: «Что может скрываться под *таким* платьем? Ну, неужели не понятно?..»

— Да, — ответил Лоло на этот немой вопрос. И тут он впервые за вечер обратил внимание на запястье Деметры. — А где же твоя прекрасная Конфетка?

— Потерялась. Два дня назад.

Мицуно решил, что и под кожей у нее навряд ли есть «жучки» — эти мелкие сетевые шпионы. Ведь доктор Ликсин обследовал ее тщательнейшим образом и ровным счетом ничего не обнаружил. Конечно, никто не застрахован от просчетов, но если уж и док ошибся, то, значит, современные технологии вживления биочипов поистине фантастичны!

Мицуно открыл дверь. Петли призывно закрипели, и взгляду Деметры открылась просторная комната, завешенные плотной тканью стены — так приглушались звуки, да и тысячелетняя пыль осыпалась не столь стремительно. Лоло долго нашаривал выключатель — свет сюда провели тайком, впрочем, здесь все было *тайком*.

Заглись три лампочки, огороженные решеткой, осветив нехитрое убранство пещерки. Старые, давно списанные атрибуты мебели не сочетались ни по цвету, ни по стилю — их наспех притащили и оставили в этих серых каменных стенах, хотя должны были направить на переработку. Однако, несмотря на убогость, здесь витал уют. Несколько стульев, кушетка, низкий столик и старинная кровать, которую даже потрудились застелить какой-то застиранной тряпицей...

— Вот это да! — восхищенно воскликнула Деметра. — Все так по-домашнему! Намного более милое местечко, чем то, куда водил меня Джори... — Тут она резко осеклась, осознав, что сболтнула лишнее. — Прости...

— Ничего, — улыбнулся Лоло. — Это для меня не новость. Ты не волнуйся, здесь так же тихо и безопасно. Ни киберов, ни устройств оптоволоконной связи. Им не удастся подслушать или... подсмотреть.

Деметра согласно кивнула.

— У тебя здесь можно привести себя в порядок?.. Душ или...

И хотя от цистерн с водой их отделяло не такое уж большое расстояние, принять душ было невозможно —

еще не провели трубы. Так что и у необжитого места есть свои недостатки. Однако Лоло взял ее за руку и подвел к одной из выемок в стене. Отвернул тяжелую ткань, и в образовавшемся алькове Деметра увидела биотуалет и железную ванночку. Лоло взял ее, очевидно, собираясь наполнить водой из находящейся поблизости цистерны.

— Подождешь?

Деметра тихо кивнула, провожая глазами его удаляющуюся фигуру.

Когда он вернулся, девушка уже стояла в самом центре комнатки. Свет от трех зарешеченных лампочек равномерно падал на обнаженные руки и плечи, создавая причудливую игру теней. Она широко расставила ноги и, слегка покачиваясь на высоченных каблуках, смотрела на Лоло — молча, с вызовом.

Гидролог приблизился и только тут заметил, что ало-розовое платье уже не так плотно облегает ее девичий стан, слегка ниспадая. Лоло нерешительно улыбнулся.

Глубокий вздох, и алая ткань с едва слышным шелестом упала вниз. И вот маленькие упругие груди смотрят на Лоло — так же удивленно и открыто, как и ее глаза. До Лоло дошло, что она уже давно сняла платье и только придерживала его руками, дожидаясь, пока придет он. В своем беззвучном полете легкая ткань вначале опустилась до уровня бедер, трепеща алым флагом, и тут же упала к ногам.

Деметра стояла совершенно обнаженная: если, конечно, не считать губной помады да туфель на умопомрачительно высоких каблуках. Она по-прежнему дрожала в ожидании его рук.

— Ну?..

Медленно выходя из состояния глубокого транса, Мицуно приблизился к девушке. Нежно погладил ее шелковистую кожу и, почувствовав приближение знакомой волны желания, крепко обхватил упругое тело,

кремово-нежное в тусклом отраженном свете. Словно желая быть еще ближе, Деметра сама прижимала к себе его руки. Наконец Лоло оторвал ее от пола, и она, ощутив, что теперь полностью находится в его власти, обвила ногами сильное мускулистое тело и приникла к нему, нежно-нежно. До постели в тот раз они так и не успели добраться...

В одном из тоннелей немного восточнее Тарсиса 16 июня

Деметра все еще нежилась в постели, когда Лоло удался в так называемый альков, служивший одновременно и туалетом, и ванной. Пока тот облегался в уже знакомую Деметре железную ванночку, она всячески старалась отвлечься, только бы не слышать этот звук. Вот бы где пригодился фазовый преобразователь мистера Сана. Однако и это чудо шпионской техники не все-сильно — пощадив чуткий слух Деметры, интимные звуки не замедлили бы появиться в Сети. И кто знает, быть может, в полном сопровождении видео.

— Ты говорил, что тщательно обыскиваешь приходящих сюда людей. — Деметра попыталась хоть как-то заглушить дребезжание струи о железную поверхность. — И много девушек у тебя здесь перебывало?

Из-за ширмы раздалось едва слышное ворчание. Но только когда надоедливое капанье стихло, Лоло счел нужным ответить:

— Ну, ты ведь понимаешь, что само место не располагает к стыдливости?

— Вообще-то да, — согласилась Деметра, ожидая, что Мицуно как-то продолжит тему.

Он молча вышел, все еще совершенно голый, и присел на краешек кровати. Дотронулся до соблазнитель-

ного изгиба ее колена, начал медленно поглаживать низ живота...

— Ну так что?..

— Что? — немного сонно переспросил Лоло.

— Неужели у каждого жителя Тарсис Мон есть свои тайные «апартаменты»?

— Не у каждого, но у многих... Это нормальная человеческая реакция на слишком *общественный* образ жизни. Что можно противопоставить общему? Только личное. Вот мы и стараемся найти местечко поуютнее. Не думаю, что государство пострадает, если у него и украдут парочку квадратных метров.

— Что-то мне не верится, что киберам ничего не известно о ваших тайниках, — с сомнением протянула Деметра.

— Конечно, Сеть в курсе. Ведь экскаваторы, бурившие местные скалы, были полностью под ее контролем. Да и потом, когда обнаружилось, что почвы непригодны для дальнейшего строительства, здесь вмонтировали парочку мониторов. Им ведь надо знать обстановку: а вдруг обвал или еще что-нибудь?.. Но мы, Деметра, оказались хитрее — научились блокировать записывающие возможности машин. Теперь они слышат только то, что выгодно нам.

— Значит, ты признаешь, что приходишь сюда отдохнуть от компьютеров?

— Ну да. Есть ведь такие вещи, в которые не хочется посвящать наших «механических друзей». Это место как раз и существует для тайных дискуссий и для других интимных занятий.

— И ты хочешь сказать, что здесь не бывают креолы? — продолжала давить Деметра.

— Бывают. У всех креолов длинный нос, и чтобы им не приходилось совать его не в свое дело, мы сами приглашаем их время от времени. Устраиваем маленькие ве-

черинки. Они неровно дышат на симпатичных девушек, как ты, наверное, уже успела заметить. Мы и киборгов привечаем. Расхожее мнение утверждает, что киборг — всего-навсего куча железа, но это не так. Как это ни странно, у киборгов есть нервы, так что мы стараемся вести себя вежливо и не оскорблять их. А Сети по большому счету наплевать на наши игры в личную жизнь...

— Все равно это опасно — приводить сюда этих невольных сетевых шпионов: они же насквозь прослушиваются и просматриваются! Что же остается в таком случае от вашей *личной* жизни? Не понимаю.

— Ну, это как сказать. — Лоло пожал плечами. Он все больше и больше погружался в ленивую дремоту. — Понимаешь, Деметра, бдительное око Сети куда легче усыпить показным сотрудничеством, нежели прямыми действиями.

Деметра вспомнила свои уроки шпионского искусства и целый перечень возможной расшифровки того, что такое «прямые действия». Интересно, что под этим понимают любители вроде Лоло Мицуно. Как они собираются защищать свое укромное местечко от недремлющих механических глаз? Выяснять так выяснять. И Деметра решила на прямой вопрос:

— А кого ты имеешь в виду, когда говоришь «мы»?

— Мы — это те, кто не доверяет компьютерам. То есть не вполне доверяет. Так же, как и ты.

— Но я просто их *не люблю!* О каком доверии может идти речь?

— Не вижу большой разницы, — зевнул Лоло.

— Ладно, наверное, ты прав, — нехотя сдалась Деметра. — Но все же...

Громкий храп Лоло не дал ей закончить фразу. Ничего удивительного. Они оба здорово утомились за этот вечер.

Деметра еще раз внимательно осмотрела комнату. Нет, не похоже, чтобы она предназначалась только для

вечеринок и секса. Здесь явно собираются заговорщики; возможно, они даже подолгу скрываются. Тут полно ящиков с консервами. Есть и скафандры на случай непредвиденной ситуации. Да... не все она знает о Лоло Мицуно. Далеко не все...

А вот «они» уже раскусили Деметру Коглан, неудавшуюся маленькую шпионку.

Хорошо это? Или плохо?

Трудно сказать... С этими мыслями Деметра и сама не заметила, как заснула, сладко уткнувшись в плечо Лоло Мицуно.

Глава 13

ДЕЙСТВИЯ НАОБУМ

Отель «Красные пески»

17 июня

Гарри Ортис отчего-то проснулся прямо посреди ночи. Сел на кровати, напряженно вглядываясь в глухую темноту, пытаясь понять, что же могло его разбудить.

Ничего. Все тихо.

Если это и был шум, то он давно умолк. В комнате было тихо. Но Гарри продолжал прислушиваться. Ничего — кроме участвовавших ударов сердца.

Глаза уже привыкли к ночному мраку, и он какое-то время напряженно оглядывал пустую комнату в поисках разбудивших его теней. Постепенно Гарри начал различать слабое свечение фосфоресцирующего глазка терминала. Днем и ночью активный диод отбрасывал на потолок тусклую продолговатую тень. Сквозь двер-

ные щели узкими лучиками сочился свет из коридора. Да еще зеленоватое мерцание приборов в ванной... Все как обычно.

Не могла его разбудить эта игра призрачных теней. Почему же он проснулся?

— Который час? — спросил Ортис у своего личного хроно, лежащего на прикроватном столике.

— Час двадцать семь ночи, — прозвучал бесстрастный голос.

Когда-то Гарри вздумалось запрограммировать его на совершенно нейтральный лад, лишить одинаково и мужских, и женских интонаций. Как бы ему хотелось сейчас услышать ответ, хоть отдаленно напоминающий человеческий.

Что же происходит? Почему он все-таки проснулся? Это могло и должно было произойти в четверть третьего, а потом в полпятого. Каждую ночь его регулярно будили в одно и то же время скрытые внутренние часы. Он привык к этому. Он привык лежать до самого утра с открытыми глазами и считать минуты — тут ничего нельзя было поделать.

Но сегодня, в двадцать семь минут второго...

Странно.

Гарри провел рукой по груди. Рука сделалась холодной от липкого пота. Вытерев дрожащие пальцы о пушистый край одеяла, Ортис встал и подошел к комнатному терминалу. Уселся.

— Терминал?

— Да, советник Ортис? — откликнулась машина.

— Соедините меня с Деметрой Коглан. Она проживает в «Золотом лотосе».

— Ее гостиничный номер пуст. Мисс Коглан отсутствует, — ответил терминал на тон выше.

— Будьте добры, поищите ее.

— Данная функция недоступна в текущем режиме.

И словно предлагая новые возможности, на экране высветилось меню интерперсональных контактов, реализуемых системой.

— МЕФИСТО... найдите девчонку.

Пауза. Гарри Ортис представил, как Сеть лихорадочно просматривает всю имеющуюся в наличии видеоинформацию, благо мониторы установлены на каждом повороте тоннелей.

Он просто ощутил, как она «вынюхивает» шпионку, сопоставляя разные запахи с известным ароматом ее духов, как она прислушивается, пытаясь идентифицировать звук ее шагов из сотен тысяч, раздающихся сейчас под каменными сводами Тарсиса. Вот-вот всемогущая Сеть отсортирует нужную информацию, отсеет левые данные.

Бесстрастный голос кибера прервал полет его фантазии:

— Мисс Коглан не обнаружена в Тарсис Мон.

Цветное меню погасло. Экран снова сделался безжизненно-серым.

— Она покинула Тарсис? Когда?

— Неизвестно. Отъезд не зарегистрирован.

— Проверьте все проданные за последние двадцать четыре часа транзитные ваучеры. А также все взятые на прокат скафандры, — проинструктировал кибера Ортис.

— Повторяем. Она не могла покинуть Тарсис. Все выходы тщательно охраняются.

— Странно... Очень странно... А где ее видели в последний раз?

— Ресторан «Шез Гереро», коммерческий модуль 1/16/2. — И на экране появились рекламные фотографии внутренней обстановки двухзвездочного ресторана. Столики, стоящие слишком близко друг к другу, пол, выложенный серыми плитками, свежоштукатуренные стены с жалкими копиями старинных картин. Картины, по всей

видимости, призваны навевать мексиканский колорит, а может быть, и дух юго-запада Северной Америки.

— Когда это было? — продолжал допрос Ортис.

— Вчера, между половиной седьмого и восьмью вечера.

— А потом? — с надеждой спросил дипломат.

— Потом... Мисс Коглан уже не стало в комплексе.

— Ей удалось ускользнуть незамеченной... Понятно.

Гарри задумчиво опустил на кресло. Картинка ресторана исчезла, и снова перед глазами серый монитор.

— С кем она обедала? Одна?

— Нет. Мисс Коглан сопровождал Лоло Мицуно.

Экран опять зажегся, и взору Гарри предстал высокий сероглазый блондин с волевым подбородком.

— Ни разу его не видел.

— Мицуно — гражданин Марса. Он здесь родился и сейчас работает гидрологом второго разряда в Тарсианском Департаменте природных ресурсов. За последние восемь дней он был неоднократно замечен в обществе мисс Коглан. Административный терминал У-4, под руководством которого работает Мицуно, сейчас как раз выясняет истинный характер их отношений.

— Подготовь отчет и для меня, — дал распоряжение Ортис. И, несколько подумав, добавил: — Он, случайно, не стоит на учете?

— Пожалуйста, уточните, что конкретно вас интересует.

На экране вспыхнул яркий калейдоскоп красно-зеленых квадратиков.

— Криминальные разборки... Может быть, психопатические наклонности, странная сексуальная ориентация, развращение малолетних, похищения, изнасилования, ну и тому подобное.

— Нет, в подобных делах Мицуно замечен не был, — констатировал терминал.

- Да-да. Интересно.
- Что-нибудь еще? — спросил кибер.
- Не сейчас. Я дам знать, если идеи появятся.
- Хорошо.

Резкий щелчок, и экран погас. Исчезло всякое свечение, мерцание — абсолютно все, что могло бы помешать Гарри спокойно отойти ко сну. Неужели и всевидящий глаз тоже решил отдохнуть?

«Золотой лотос»

17 июня

— А! Наконец-то ты появилась!

Не успела Деметра и шага ступить в центральном фойе, как ее оглушил чей-то резкий окрик.

Все это время она крадучись пробиралась по коридорам четвертого уровня, жалась как воришка к стенам. Такие меры предосторожности объяснялись довольно просто: шестой час утра, время завтрака, а она еще не переодевалась со вчерашнего вечера. Клубничного цвета платье, теперь уже изрядно помятое, высоченные каблуки... Блуждающая по лицу улыбка, спутанная копна каштановых волос, ниспадающих на обнаженные плечи... Да, вид более чем экзотичный.

Именно поэтому веселый окрик для Деметры был равносильен звуку полицейской сирены.

Словно пойманная с поличным воровка Деметра медленно подняла голову и встретила глазами с Сак Иль Саном, который, видать, уже давно устроился на длинной коридорной банкетке. Кореец чем-то напомнил ей разгильдяя-школьника, которому море по колено: скрещенные ноги, руки свободно лежат на коленях... И все-таки — шаловливый школьник или Будда? Наверное, Будда в подростковом возрасте, подумала Деметра.

— А, Сак, это ты... Привет! — нехотя поприветствовала она корейца и тут же почувствовала его пронзительный взгляд на своем полуобнаженном теле.

Что он высматривает? Следы бурно проведенной ночи?

— Что-то ты поздновато, — констатировал Сан.

— Да.

— Я звонил тебе. Безрезультатно. Везде искал тебя. Но никто не знал, где ты.

— Я была у друга в гостях.

— А у него есть терминал?

— Мы... его отключили.

— Очень неразумно с вашей стороны. Мне нужно было сообщить тебе крайне важную информацию.

— Какую же информацию?

Внезапно на лице корейца отразилась полнейшая пустота — так бывает, когда нечего сказать. Будда-восьми-классник, которого застали врасплох, Будда, пойманный на лжи. И хотя замешательство Сака длилось всего какую-то долю секунды, Деметре хватило и этого. Но вот узкоглазое лицо преобразилось, зажглось озорным огнем.

— Я хотел поговорить с вами о прибывающей делегации из Северной Зеландии.

— Я уже пообщалась с ними. И что из того?

Пауза.

— Вам не показалось, что они представляют угрозу?

— Для *этого* понадобилось звонить мне среди ночи?!

— Было всего два часа. Я не мог заснуть.

— Неужели замучила совесть?

— Ошибаетесь, милая. Я беспокоился о вас, о вашем будущем.

— Спасибо, но о себе я сама могу позаботиться.

— Но ведь вы не представляете, как опасны эти так называемые дипломаты. Они держат в тайне свой истинный замысел относительно Марсианского Каньона.

— Это мне и без вас известно.

— Не злитесь. Я всего лишь хочу помочь. Мне кажется, было бы небезынтересно изучить устройство их новой орбитальной станции. Увидите, что ее реальная энергетическая мощность в три раза превосходит гласную информацию. Где бы вы еще об этом узнали?

Пока Сак Иль Сан говорил, Деметра наблюдала за выражением его лица. Расслабленный профиль корейца напомнил ей беззаботный полумесяц. Возникло ощущение, что его совершенно не беспокоят ни политические интриги, ни что-либо другое. Доброжелательный подросток, Будда-миротворец — как не похож он сегодня на изошренного шпиона!

— Я, конечно, ценю вашу помощь... — сказала Деметра.

Но уж слишком неловко прозвучала в ее устах эта вынужденная ложь.

И вдруг она заметила странный блеск в глазах Иль Сана. Масленный блеск. Все ясно. Эти узкие щелочки, извиваясь, ползли по ее обнаженным плечам, рукам... Ощупывая, оценивая. Какая тут политика? Какой Будда?

— Мне нужно идти, — холодно произнесла Деметра, приближаясь к двери, ведущей в номер.

Она слегка потерла кончики пальцев, чтобы отпечаток получился более верным, и прижала их к контактному коврику.

Кореец тоже поднялся с банкетки и двинулся к ней.

— Я сама.

Деметра инстинктивно выставила вперед локоть, словно защищаясь.

Сак Иль Сан остановился и недоуменно пожал плечами.

— Европейские женщины не в моем вкусе, — солгал он.

— Тем более прощайте. Да, спасибо за совет.

Кореец еле заметно кивнул, повернулся к Деметре спиной и шумно удалился в темноту коридоров.

А она проскользнула в комнату и, захлопнув тяжелую дверь, с облегчением вздохнула.

Долго, очень долго она не покидала своего обретенного убежища в страхе, что кореец вернется. Наконец решила выйти. Горячий душ — вот то, что ей нужно. Она будет нежиться под его обжигающими струями, пока не надоест, и плевать на всякие там счетчики!

«Русская чайная»

17 июня

Деметра заказала тосты — пожалуй, единственное, что не удалось испортить марсианским поварам. Она не спеша намазывала их местной пародией на масло, которое благодаря добавлению эмульсии имело бледно-желтый цвет. Конечно, она бы не отказалась от настоящего сыра, а еще лучше вяленой рыбы, например, лосося с луком и каперсами.

При мысли о таких деликатесах у нее даже слюнки потекли!

К сожалению, это только мечты. Откуда на Марсе взяться настоящей рыбе, если не считать экспериментов по разведению карпа? Да и те временно приостановлены из-за расширения генной лаборатории. И хоть марсиане старательно выращивали лук — сорт был не тот.

Куда там до больших красноватых головок, в изобилии завозимых в Тексахому с Бермудских островов.

— Так вот вы где, Деметра.

Она так быстро обернулась, что даже расплескала чай. Густой сладкий напиток растекался по скатерти темно-красной лужицей. Выбеленная ткань мгновенно впитала это чудо русской кухни. Теперь на ней красовалось уродливое пятно бурого цвета.

— Ну вот! — раздраженно воскликнула Деметра, набрасывая на испорченную скатерть салфетку.

— Мне очень жаль, — сказал Ортис, аналитик из Северной Зеландии. Порывшись в карманах, он вытащил носовой платок и протянул его девушке. — Я вижу, что испугал вас, — добавил он извиняющимся тоном.

— Именно это вы и сделали!

— Простите еще раз, я не хотел. Видите ли, Деметра, я повсюду искал вас, и когда наконец увидел, то не смог сдержать невольный возглас удивления.

— Как, и вы тоже?

— Не понимаю.

Стоило одну ночь провести у знакомых, как буквально все переполошились. Что же происходит? — подумала Деметра. Так ли уж случайна эта встреча с Ортисом, как кажется на первый взгляд?

— А почему вы не оставили сообщение в моем номере?

— Там не было *вас*. Для кого же оставлять сообщение? Вас не было и в отеле. Такое ощущение, что вас не было нигде.

Гарри позволил себе присесть на свободный стул рядом с Деметрой, стараясь держаться подальше от испачканного края скатерти.

Как истинный джентльмен поправил блюдечко и чашку своей дамы и, потянувшись к белому фарфоровому чайнику, спросил:

— Вам еще подлить?

— Будьте так любезны. Вы знаете, Гарри, в моих пра-
вилах *отвечать* на звонки. Что же такое экстренное вы хотели мне сообщить?

Но мысли Гарри, похоже, витали далеко от «Русской чайной». С отсутствующим выражением лица он продолжал наполнять чашку, не замечая, что она вот-вот переполнится.

— Гарри?

Девушка попробовала вывести своего собеседника из оцепенения.

— Простите. Я задумался.

— Вы хотели меня видеть. Зачем? — настойчиво повторяла Деметра.

— Ах да... В общем, это касается вашего плана. Я имею в виду план изменения атмосферного состава планеты, который так настойчиво пытается провести в жизнь корпорация «Марсианское развитие». Вы хоть понимаете, что последствия могут стать необратимыми?

— А как же ваш проект под громким названием «Каньон»? Затопить все низины — это, по-вашему, хорошо? — не осталась в долгу Деметра.

— *Это* ни в какое сравнение не идет с тем безумством, которое затеяло правительство Тексахомы. Взрывать астероиды! Жизнь на Марсе и без того необычайно хрупка! Если нарушить существующий баланс, то человеческим колониям придет конец.

Тут Деметра решила немного пофилософствовать.

— Почему вы так считаете? Колонии вырыты глубоко под землей и надежно защищены. Туда не проникают вредоносные излучения. Даже если произойдут глобальные изменения атмосферного давления и состава воздуха, их никак это не коснется. Даже если эти изменения будут длительными. Ну, подумаешь, над поверхностью станет больше пыли и испарений! Изоляция выдержит.

— А ветры? — сказал Ортис. — Возросший уровень влажности полностью изменит экологический баланс и повлечет за собой многократное увеличение кинетической энергии. И вы совершенно не берете в расчет те виды деятельности, которые имеют место на поверхности или под куполами тончайшего пластика. Добыча газа, выращивание нехитрого урожая, поиски природных ископаемых и многое другое. На этом держится марсианс-

кая экономика, а ваш «астероидный проект» возьмет и разрушит все в мгновение ока.

— Не волнуйтесь, наш проект существует только на словах, — сердито буркнула Деметра. — Это просто идея.

— Плохая идея, позвольте заметить. Попытка повлиять на геологию и атмосферу Марса — сплошное безумие. Да это пустая трата времени, денег и усилий! Если и будут положительные результаты, то они не сравнятся с потерями... А какая опасность! И сколько беспокойства! Да вы же и сами все прекрасно понимаете.

— Но какое-то время, требуемое для проекта, люди могут переждать на Земле. Не так ли?

— Ага! И рискнуть всем, что они создали на Марсе?

— Теперь я понимаю: вы прилетели сюда защищать свой благоразумный план от нас, сумасшедших тексахомцев, швыряющихся астероидами?

— Не совсем верно. У нас стоит другая задача: прояснить кое-что в мирных переговорах.

— Неужели? — Деметра резко насторожилась. — Переговорах?

— С правительством, конечно.

— Так здесь его нет.

— Простите...

Ортис потянулся к одному из тостов и принялся картинно размазывать по нему желтоватую массу, претендующую на название «масло». Он возил ножом по хлебу до тех пор, пока тот не соскочил ему на палец и не обмазал его бледным марсианским суррогатом. Гарри задумчиво посмотрел на испачканный палец и, не меняя выражения лица, слизнул капельку масла.

— Я не совсем понял, что вы имеете в виду...

— Я уверена, что понимаете. Здесь ведь самоуправление. Все так заняты собой и своим делом, что им не до формирования правительственной структуры. У людей просто нет времени для дипломатии и нет места для дипломатов. С кем вы тут собираетесь вести переговоры?

— Вообще-то одной из колоний управляет мэр, — заявил Ортис.

— Солжус Планум? Гарри, все это видимость. Отрезать ленточки на церемониях открытия новых тоннелей, толкать торжественные речи в пользу очищения воздуха — это не значит управлять страной. Да, этой Людмиле Петровне подотчетна сфера здешней экономики, огромный бюджет в пять тысяч новых марок. Но стоит начать переговоры, как она тут же побежит за указаниями к тем, кто поставил ее у власти.

— Вы сами-то пробовали?

— Это не мои проблемы. Но мне прекрасно известно, что Людмила Петровна и шагу не ступит без одобрения вышестоящих засекреченных лиц.

— Хорошо. Мы обратимся к избирателям. Проведем крупную общественную кампанию. Сформируем выгодное для нас мнение...

— Не получится, Гарри. Здесь не к кому обращаться. Выборов не было уже лет двадцать.

— Ладно. На что вы намекаете?

Голос Ортиса зазвучал на удивление покорно.

— Ну хорошо, отвечу вам. Вас сюда прилетело довольно много, так? Для того чтобы мило побеседовать с марсианами, верно? Только вот стол переговоров есть, а садиться за ним не с кем... Верно? Так не кажется ли вам, что все это выглядит довольно глупо: какая-то *увеселительная* поездка получается. Неужели разведка работает так плохо, что вас не поставили в известность?

Деметра подумала о Нэнси Кунео, которая прибыла на Марс всего день спустя после нее самой и уж гораздо раньше, чем делегация Ортиса.

— Нас, — нарочито медленно начал Гарри, — нас ввели в заблуждение относительно здешней обстановки.

— Кто же посмел ввести в заблуждение столь важных персон?

— Думаю, вас это не касается, Деметра.

Но Деметра не сдавалась:

— Нет скажите кто? Представители Северной Зеландии в Долине Маринера? Или некое засекреченное лицо, выдающее себя за вашего тайного агента? Кто?

— А что здесь делаете *вы*, собственно говоря? — задал Гарри встречный вопрос.

— Все просто. У меня каникулы.

— Далековато вас занесло. Слишком далеко для увеселительной поездки, — парировал Ортис. — Особенно если учесть вашу специализацию. Будущий дипломат как-никак.

— Мне не удалось окончить курсы.

— А как же полномочия, которые вам столь щедро вверили в Суверенном государстве Тексахоме? Не говоря уже о...

— Ложь!

— ...не говоря уже о временной неприкосновенности за подписью самого Элвина Бертрана Коглана, члена Генеральной Ассамблеи ООН.

— Просто дедушка очень обо мне печется.

— Надо думать. — Ортис сурово покачал головой. — В ваши планы входит нечто грандиозное, раз вам понадобилась такая защита!

— Боже правый! — вздохнула Деметра. — Ладно! Так или иначе, Кунео с корейцем давно уже все разнюхали. Да! Я здесь для того, чтобы наблюдать за вами! Для того чтобы шпионить. Довольны?

Как ни странно, в улыбке Гарри было гораздо больше дружелюбия, чем триумфа.

— За чем же тут шпионить, Деметра?

— За тем, как вы пытаетесь отобрать у нас Долину Маринера. Компьютерные расчеты показывают... — Неожиданно в глубинах ее памяти всплыла какая-то очень важная мысль о компьютерах и их прогнозах.

Но мысль тут же утонула, вытесненная лихорадочными попытками объясниться. — Расчеты показывают, что ваши представители делают все возможное и невозможное, только бы присвоить официальные права на долину. Якобы эти права вытекают еще из экспедиции Потантера.

— Деметра, вы ошибаетесь, — мягко сказал Гарри Ортис. — Все разработки в районе Большого Каньона имеют чисто коммерческий интерес. После благополучного завершения проекта там будут жить как марсиане, так и земляне — абсолютно всех национальностей. В планы нашего правительства не входит обращение в северозеландское гражданство поголовно всех людей, населяющих долину. Ни де-юре, ни де-факто. Само собой разумеется, им придется соблюдать разработанный устав, подтвержденный ООН.

— Как же! — скептически воскликнула Коглан. — Если проект сугубо коммерческий, зачем им строить орбитальную станцию, мощность которой в три раза превосходит официальные данные?

— А кто вам сказал, что это Северная Зеландия стоит за строительством станции? Опять компьютерные расчеты?

Деметра отрицательно покачала головой и сверкнула озорными глазами:

— Сорока на хвосте принесла.

— Ладно, Бог с вами, — сдался Ортис. — Но скажите на милость, если вам прекрасно известно, что правительства на Марсе нет и что мы собираемся завладеть Долиной Маринера, то... Как вы думаете, у *кого* мы будем просить поддержки?

При этих его словах Деметра ощутила полнейшее замешательство.

Долгое-долгое молчание. И наконец растерянно:

— Не знаю. Правда. Мне и в голову не приходило...

Глава 14

ТАЙНОЕ МЕСТО

Восточное резервное хранилище 17 июня

Наступил полдень, и Деметра, решив, что Лоло и Элен уже успели погрузиться в работу, отправилась на свою секретную вылазку. Повторяя вчерашний маршрут, она осторожно ступала по скользкому от водорослей настилу, как воришка, прислушиваясь к каждому звуку. А их было множество: вода, капающая из сточных труб, гулким эхом оглашала мрачный, заполненный цистернами тоннель...

Вот и знакомая стальная дверь, а на ней — огромный металлический засов и тумблер блокировки. Деметра никак не могла вспомнить, была ли заперта дверь вчера. Чрезмерная увлеченность сексуальной прелюдии, очевидно, усыпила ее бдительность. Деметра ухватила за холодную сталь замка и попробовала слегка подергать его стержень. Однако это не помогло, так как толстая скоба крепко его держала.

Тогда она стала рассматривать маленький черный циферблат. Сорок беленьких отметин, каждая пятая — пронумерованная, завертели под треугольной стрелочкой, выгравированной на ободке. Повернув замок чуть вверх, Деметра прочитала серийный номер: «АВ-2301435-УА». Это был фирменный криптоновый замок.

Девушке тут же вспомнились уроки шпионского искусства: практически у каждого подобного замка, помимо цифровой комбинации, существует еще и буквенная. Например, всем «Криптонам» серии «УА» соответствует следующий ряд чисел: 7-14-38. Повернуть направо, налево и опять направо, потом вернуться и повторить все сначала.

Конечно, комбинацию можно и сменить. Чтобы разобраться в этой процедуре расшифровки, что продавцу, что покупателю требуется не меньше двадцати минут. Далеко не всем захочется возиться.

Деметре хватило пятнадцати секунд. Дверь распахнулась под ржавый скрип петель.

Девушка нащупала в темноте выключатель, и помещение озарилось тусклым светом маленьких зарешеченных лампочек. Повсюду заплесали тени. Осторожно ступая, она прошла мимо кровати и занавешенного плотной тканью туалета, направляясь к противоположной стене. Интуиция подсказывала, что здесь явно устраивались не вечеринки. Что-то грозное, пугающее витало в сыром пещерном воздухе.

Вчера она полностью исчезла из поля зрения машин. Всего каких-то девять часов, а переполошился весь комплекс. А почему же киберы не устраивают панику, когда кто-то отправляется на поверхность или просто тихонько сидит в своей комнате? Значит, на эти девять часов она перестала существовать для «жучков», терминалов и прочей механической паутины, которой затянут весь комплекс.

Деметра пощупала темную ткань, служившую своеобразными обоями. Похоже на акрил. Подцепив ногтями краешек, попыталась оторвать плотное волокно от каменной стены. Неожиданно в глубине показались тоненькие металлические проводки. Стараясь сохранять самообладание, Деметра развела края ткани еще больше и увидела, что вертикальная сеть из проводов соединяется с точно такой же горизонтальной, параллельной полу сетью. Причем в последнюю был впаян толстый стальной стержень, уходящий в глубь скалы как минимум на десять сантиметров.

Для чего вся эта металлическая паутина? Так называемый щит Фарадея — ряд параллельных проводов, соединенных по краю, заземляется общим концом.

Используется для блокировки электростатических зарядов и для поддержания нужного напряжения — не происходит контакта между тем, что находится по разные стороны щита. Такой щит может сослужить хорошую службу, если применяется в целях защиты содержимого комнаты от электролитной коррозии, которую может вызвать, например, наличие подземных вод. Еще такой щит может отражать посторонние шумы и вибраций, препятствующие нормальному поступлению радиосигналов.

А вот интересно, способно ли такое устройство полностью блокировать электромагнитные волны? Сделать происходящее в этих стенах недоступным для отдаленных сенсоров? Неужели все, что находится здесь, нельзя увидеть, прослушать? Неужели здесь бессильна телеметрия?

Познания Деметры в области физики были невелики и ограничивались лишь краткосрочными курсами для младших дипломатов. Но она смутно помнила, что еще в XX веке, когда телекоммуникационные сигналы шли через медные кабели, антикоррозийные устройства, расположенные по другую сторону обшивки, вовсе не препятствовали электромагнитному контакту. То есть они не блокировали прослушивающие механизмы.

Да, очевидно, этот металлический каркас выполняет какие-то свои секретные функции. Должно быть, предохраняет от переменного напряжения тока или еще что-нибудь...

Вряд ли он скрывает происходящее внутри от чужих ушей и глаз.

Что и требовалось доказать.

Деметра еще вчера обнаружила в комнатке консервы и спасательное оборудование, а сегодня, копаясь в складках маскирующей стены ткани, почувствовала, как откуда-то снизу дует. Раз есть сквозняк, значит, поблизости должно быть и отверстие.

Продолжая выгружать из тайника консервы вперемжку со скафандрами, Коглан постепенно разгребла эти шпионские завалы. Вскоре перед ней открылся узкий проход в полутемное помещение.

Протяженностью в три метра или чуть больше, оно освещалось такими же крохотными зарешеченными лампочками. Занавешенное уже знакомой Деметре темной тканью новое помещение было начисто лишено всякого уюта. Одинокий столик из переработанного пластика и какие-то неизвестного назначения приборчики.

Стараясь ничего не трогать, Деметра внимательно изучала открывшуюся взгляду картину. Постепенно ей становилось ясно, какую функцию могли выполнять все эти штучки.

Вот эта коробочка, например, очень напоминает источник энергии. Довольно большая, прямоугольная, с красным выключателем впереди. Позиций выключателя всего две: ноль и единица. От коробочки отходит черный кабель.

А что же это такое? Плоский ящик, опоясанный параллельными кабелями, которые подсоединяются к гнезду модулей. Последние были похожи на запоминающие устройства компьютера. Плоская конструкция ящика убедила Деметру в мысли, что внутри него находится щит с вручную составленной цепью. Медно-золотая проводка с впаянными в определенные места гнездами.

Наглядный пример ручной работы изобретательной кибернетики. Единственный экземпляр, бриллиант в своем роде, как и ее Конфетка.

«А вот это гнездо модулей — наверное, память», — подумала Деметра. Только что же с ними случилось? Керамические ящички были надломлены, явно повреждено содержимое. Видно, что их долго и тщательно чистили, приводя в порядок, — повсюду следы эпоксидного клея. Работа сумасшедшего гения!

Загадкой оставалось то, как же вся эта система приводится в действие; нигде поблизости ни клавиатуры, ни дисплея, ни даже шлема с перчатками. И похоже, соединение с сетевыми ресурсами тоже отсутствует. Деметра поискала глазами какую-нибудь антенну, но и ее здесь не было.

Оставался единственно возможный вариант: Сеть напрямую принимает электромагнитные излучения приборов. Их достаточно просто включить.

— Вот негодай! — громко выругалась Деметра, имея в виду, конечно, Лоло Мицуно.

Несмотря на все уверения, на явное сочувствие и нежность, он все-таки солгал! Вот оно — доказательство его лжи: куча аппаратуры на пластиковом столике, провода и кабели, опоясавшие это уютное местечко, которое ей «должно понравиться» и куда нельзя войти без тщательного обыска! Подлец!

Подсчитав количество запоминающих устройств и поделив на четыре, Деметра пришла к выводу, что скорость передачи данных была поистине огромна. Все-все, что происходило здесь между ней и Лоло, поступало в Сеть меньше чем через наносекунду посредством электромагнитной интерферометрии.

— Непревзойденный подлец!

Бар «Хоплайт»

17 июня

Лоло Мицуно и Элен Сорбелл только что затронули свою излюбленную тему гидрологии и теперь горячо обсуждали странные данные, полученные из Хелла Планитии.

— Ты знаешь, что вкрапление оливина в осадочном слое невозможно, — рассуждал Лоло. — Я знаю, что это невозможно. Оливин имеет вулканическое происхождение.

ние. Если бы он проник в породу, то там нарушилась бы вся внутренняя структура. Мы оба это знаем. Так и передай своему киберу.

— Я пробовала, Лоло. Но он — упрямый малый.

— Хорошо. Может быть, Уайетту удастся его переубедить. Должен же босс хоть немного прочистить его диодные мозги!

— Так вот ты где!

Грозный оклик принадлежал Деметре Коглан, которая с размаху уселась прямо на их столик. Молнии, излучаемые ее зелеными глазами, сказали Лоло, что эта разъяренная фурия не имеет ничего общего со счастливой женщиной, еще десять часов назад дарившей ему свои ласки.

— Деметра! Как здорово, что ты пришла!

— Ты мне объяснишь наконец, для чего предназначена та пещера? — потребовала она без каких-либо предварительных объяснений.

— Какая пещера?

На лице Лоло отразилась маска полной невозмутимости.

— Лоло, о чем она говорит? — встревожилась Элен.

— Я говорю об укромном местечке, где мы... — Деметра бросила взгляд на побледневшую Элен, но, сжав челюсть, проронила: — Где мы провели ночь.

— Лоло! — Элен чуть не задохнулась. — Ты привел ее в наше...

Но Мицуно не дал своей подруге договорить:

— Дем, я же объяснял тебе. Ты, наверное, забыла. Мы ходим туда, чтобы расслабиться, обсудить личные вопросы. Мы не делаем из этого никакой тайны.

Десять секунд потребовалось Деметре, чтобы обдумать следующую реплику.

— Хорошо. Тогда объясни мне, почему все так переполошились, когда я туда отправилась.

— Кто переполошился?

— Сан — этот корейский плейбой, Ортис, советник из Северной Зеландии. Они оба ни с того ни с сего принялись разыскивать меня посреди ночи. Только вот нигде не смогли найти.

— Ну, кажется, я упоминал, что та часть комплекса не так хорошо оснащена компьютерами, — медленно сказал Лоло. Он еще пытался заставить ее замолчать отчаянным подмигиванием. Неужели она не понимает, что их разговор сейчас слушает Сеть?! — Так вот, Деметра. Там нет терминалов, не налажена аудиосвязь. Вполне возможно, что твои друзья просто не смогли с тобой связаться.

— Ты лжешь, — резко оборвала Деметра. — Там стоит компьютер. И какой!..

Лоло буквально ощутил, как напряглась Элен Сорбелл.

— Неужели?

Мицуно неестественно нахмурил лоб — еще одна отчаянная попытка передать сигнал об опасности. Ну, как она не понимает?

— С чего ты все это взяла?

— Я видела, потому и говорю.

— Когда же?

— Сегодня. Я снова была там.

— Зачем тебе понадобилось ходить туда еще раз?

Деметра ответила не сразу.

— Я искала... сережки. Думала, что потеряла их.

Мицуно попытался припомнить, были ли на Деметре украшения, но не смог. Он хорошо помнил ее обнаженную, но в одежде... нет, он не помнил, были ли на ней сережки.

— Могла бы сказать мне. Я бы поискал.

— Ты, как всегда, занят, — пожала Деметра плечами. — И потом, ты не просил меня больше не наведываться в это укромное местечко.

— Как же тебе удалось открыть дверь?

— Дешевый цифровой замок. Меня таким не удивишь. Как-никак я училась справляться с подобными штучками.

— Училась? Где?

— На курсах для дипломатов.

— Скажи лучше — шпионов!

— Пусть так!

— Да, жаль, конечно, что пришлось воспользоваться таким старинным замком, — попробовал отвлечь ее Лоло от опасной темы. — Просто электронное устройство, реагирующее на нейронные отпечатки, там установить невозможно. Из-за отсутствия энергоснабжения.

— Ну надо же! А для компьютера энергоснабжения почему-то хватает!

Лоло посмотрел прямо в глаза Деметре, стараясь вложить все невысказанное в этот взгляд.

— Дем, если там есть компьютер, как ты говоришь, то для меня это новость. Может, ты видела что-то другое и приняла это другое за компьютер?

— Я не настолько глупа, как ты думаешь, Лоло!

— Деметра, послушай... — попробовала унять ее Элен. Но Коглан даже и не посмотрела в ее сторону.

— Коридор забит испорченной электроникой, — не теряла надежды Элен. — Составляющие терминалов, виртуальное оборудование, старые киберы. — Всю свою речь она сопровождала отчаянными подмигиваниями. — Некоторые компьютеры даже не успели разобрать на запчасти, так и выбросили. Но ни один из них не работает. Понимаешь?

— И ты тоже с ним заодно.

По тону Деметры можно было догадаться, что она ничуть не удивлена.

— Что ты имеешь в виду, Деметра?

— То, что вы оба пытаетесь скрыть!

С этими словами Деметра поджала губы, встала и с оскорбленным видом вышла.

— Что ты натворил, Лоло.

— Даже не знаю, что и сказать, но чувствую, что-то срочно нужно предпринять.

— Сегодня же!

Это была не просьба. Это был приказ.

«Золотой лотос»

17 июня

Не успела Деметра войти в свой номер, как почувствовала прикосновение чьей-то руки. Даже не нужно было оборачиваться — она и так знала: это Лоло Мицунно. Пришел объяснять то, что и так давно понятно. Девушка резко вырвалась из его объятий.

— Лоло, уходи. Мне все ясно.

Дверь приоткрылась, но она почему-то медлила, не решаясь переступить порог.

— Деметра, послушай, я хочу тебе кое-что показать.

Он снова дотронулся до ее локтя, но теперь уже очень мягко.

— Зато я не хочу...

Она застыла, не в силах пошевелиться. Стояла и смотрела в дверной проем: там приглушенно поблескивал глаз терминала, там ее кровать, одежда, там душ. Даже тупую машину можно научить посылать толковые сообщения. Даже в эту чужую кровать можно забраться и забыться безрадостным сном. Только бы все от нее отстали...

— Что? *Что* ты хочешь показать?

— Я не могу *сказать* тебе это...

Лоло изо всех сил моргал, дергал бровями, как тогда, в чайной. Что это с ним, нервный тик?

— Пойдем со мной.

Он увлек ее вперед по коридору, нежно-нежно. Деметра перестала сопротивляться. Только вздохнула и спросила:

— Далеко еще?

— Ты знаешь дорогу.

— Ладно. Подожди, я закрою дверь...

Когда позади остались три уровня и четыре перекрестных тоннеля, девушка чуть замедлила шаг и сказала:

— Если ты воображаешь, что едва мы окажемся в том месте, как я начну тебя *обслуживать*, — то глубоко ошибаешься.

— У меня и в мыслях не было. Дело совсем в другом.

— Но ты сам говорил, что комната предназначена для *отдыха*.

— И для этого тоже. Поверь, нам *есть* о чем поговорить.

— Мы уже как-то говорили с тобой. Помнишь, в баре «Хоплайт»?..

— Я имею в виду *личный* разговор.

С этими словами Лоло направился вниз по коридору, оставляя Деметре всего два варианта: либо так и продолжать стоять и глядеть на его удаляющуюся спину, либо поспешить туда, куда он ее зовет. Она предпочла последний.

Вот уже и контейнеры с водой остались позади, и перед ними — знакомая до боли стальная дверь с цифровым замком. Набирая код, Лоло загородил его собой, и уже когда дверь ржаво закрипела, показал Деметре комбинацию и спросил:

— Ты ее знала?

— Нет.

— Так как же тебе удалось?

— У меня свои методы.

Мицуно покачал головой:

— Да, осторожность нам не помешает.

Они вошли, и Лоло щелкнул выключателем. Зарешеченные лампочки тускло осветили скромное жилище: все на своих местах, просто безукоризненный порядок. Да, видать, Деметра еще та шпионка! По крайней мере следов не оставляет...

— Ну и где же ты увидела компьютер?

— Вон за той кучей реквизита есть потайная комнатка. Там еще стоит такой симпатичненький столик, а на нем — компьютер.

Мицуно облегченно вздохнул.

— Да, работенку ты проделала немалую, — произнес он и направился к задрапированной стене и начал разгребать скафандры. Освободил проход, согнулся и осторожно ступил в открывшееся затемненное пространство. Деметра молча последовала за ним.

— А вот и компьютер, — весело произнес Лоло, вплотную подойдя к столу.

— Конечно. Все как я и говорила. Вот оно — доказательство твоей лжи.

— Деметра, послушай. Я не лгал. Он не был включен, когда мы занимались любовью.

— Как это? Ты же сам сказал, что машины всегда начеку.

— Все, кроме этой. — С этими словами Лоло потянулся к переключателю, повернув его в сторону единички. Ничего особенно не изменилось, разве что от проводки заструилось еле заметное тепло. — Вот теперь начеку и эта машина.

— А как с ним соединяться? — спросила Деметра. — Я так и не смогла понять.

— Очень просто. Он реагирует на голос, как и твой хронометр.

— Так он нас слышит.

— Да, я все слышу, — раздался неимоверно глухой и ржавый звук, чем-то напоминающий скрежетание старой газонокосилки.

Да, того, кто создавал эту машину, явно не заботило программирование хоть мало-мальски приятной личности.

— А как вас зовут? — Девушка осмелилась задать еще один вопрос.

— Лета.

— Что за странное имя!

— Идея принадлежит Элен, — посмеиваясь, пояснил Лоло. — Она решила немного пошутить. Дело в том, что Лета — это мифическая река в Древней Греции. Считается, что тот, кто хоть раз окунулся в ее воды, все тут же забывает.

— Забывает о чем?

— Да обо всем. Обо всем, что слышал, видел, чувствовал. Лета — это наша память. Мы приходим сюда, сообщаем Лете определенную информацию и можем со спокойной совестью о ней забыть. Помнить — задача Леты. Помнить и соотносить с другими известными данными.

— А кто это «мы»?

— Я, Элен, доктор Ли... Помнишь, тот самый, который тебя обследовал? Ну и еще парочка энтузиастов.

— Группа заговорщиков?

— Что-то в этом роде. Революционеров.

— Против кого же вы собираетесь восстать? На Марсе ведь нет правительства. По крайней мере я видела только несколько административных шишек. Так против кого же?

— Против машин. Мы им не доверяем.

— Но, однако, это не мешает вам прибегать к их помощи. Лета, например.

Деметра махнула рукой в сторону компьютера.

— Лета не такая, как все. Элен сама собирала ее. Прямо здесь, по частям, которые мы с большим трудом доставали. Предварительно стирая все старые данные. Она не напичкана всей той дрянью, что и другие компьютеры. Она полностью надежна и, уж конечно, не является жалким придатком Сети. Лета — наше дитя, рожденное и вскормленное прямо здесь.

— Но ведь это опасно. Зачем вам неприятности?

— Лета же нас и охраняет. Она помогает нам беречь наши находки, наши тайны от любопытных глаз Сети. Раньше мы пользовались в этих целях карандашом и бумагой. Притворялись даже, что увлекаемся искусством. Но Сеть все равно что-то заподозрила. В конечном итоге, чтобы не привлекать ее внимание, мы решили смастерить Лету. Теперь она — своего рода хранитель.

— Милая история! — сказала Деметра. — Но ведь Сети про нее известно.

— А вот и нет! — резко ответил Мицуно.

— Да это невозможно. Лета излучает электромагнитные поля низкой частоты, как и любой другой прибор. Ты, что ли, забыл, какие чувствительные у Сети сенсоры?

— Дем, здесь полная изоляция.

— Да уж конечно! Видела я твою пародию на Фарадея! Может, вся эта система и поддерживает статическое электричество, но оно не в силах полностью заблокировать полевые излучения. Да если на расстоянии километра есть хоть одно считывающее устройство, то все, что знает твоя Лета, — давно не тайна.

Все время, пока Деметра говорила, Лоло едва сдерживал улыбку. К концу ее тирады он не выдержал и громко расхохотался.

— Деметра, ты забыла, что от «чувствительных сенсоров» это место отделяет больше миллиона метров воды. Она блокирует все излучения.

— Хорошо. А как же насчет тех устройств, которые могут передвигаться по поверхности? Например, твои «ходуны»? — И Деметра запрокинула голову вверх.

— Покажи мне такое устройство, которое способно считывать информацию через сорок метров сплошного камня! Не забывай, почва в этом месте сильно насыщена железом, — серьезно добавил Лоло. — Деметра, тон-

нель вырыт настолько глубоко, что никто и ничто, даже самая чувствительная машина, не пронюхает про нашу Лету.

— Ладно, убедил, — со вздохом сдалась Деметра. — Только вот мне непонятно, зачем вы решили скрываться от Сети. Прятать информацию. Да какое Сети дело до ваших маленьких секретов? Она ведь тоже — просто машина. Хоть и довольно большая.

Мицуно задумчиво потянулся и, щелкнув рычажком, выключил Лету. Даже не поблагодарил за услуги! Деметре от этого стало почему-то больно. Даже искусственному интеллекту — и, наверное, *искусственному* в особенности — неприятно, когда тебя вот так выключают: ни здравствуй, ни прощай. Ни спасибо. Навряд ли от такого обращения машины пойдут и перестанут мучить человечество постоянными ошибками. Должно быть, и у Леты психика совсем никудышная. Стоит вспомнить ее замогильный голос — мурашки по коже! Нет, у Деметры не возникло ни малейшего желания пообщаться с компьютером тет-а-тет и уж тем более доверить ему свою тайну.

Мицуно тем временем вышел из задумчивости и решил озвучить волнующие его мысли:

— Не понимаю, что же ты на самом деле чувствуешь... Ты в ужасе от машин, потому что когда-то они стали причиной твоей боли. Ты пугаешься даже раздеваться, если в комнате стоит терминал, и в то же время твое мнение о Сети поразительно невысоко. «Просто машина!» Как понимать тебя, Деметра?

— Все просто. — Деметра прерывисто вздохнула. — Я бы с удовольствием вообще не имела с ними никаких контактов. Вообще. Понимаешь? Предпочитаю людей. Или неодушевленные предметы: всякие там ручки, бумагу, ножи, вилки. А Сеть... Это что-то промежуточное. Не человек. И в то же время неодушевленным предме-

том ее не назовешь. Я и сама не знаю, как к ней относиться.

— Но ты хотя бы сможешь держать в тайне наш секрет?

— Конечно. А о чем здесь, собственно, рассказывать?

Она почувствовала, как Лоло нахмурился, и решила быть откровенной до конца:

— Сеть — огромна, работает на гигантской скорости. У нее настолько сложное устройство, что иногда происходят сбои. И тогда возникает ощущение, будто она, как живое существо, меняет свои настроения. Ну, словно погода — у нас, на Земле. Мы ее называем «капризной дамой»... Лоло, все, что ведет себя непонятным образом и как-то влияет на людей, тут же становится магнитом для их любопытства. И если дать им достаточно времени, то они назовут это «нечто» божеством и начнут ему поклоняться. Как Сети.

— Значит, ты мне не веришь, — просто сказал Лоло.

— Попал в самое яблочко, — улыбнулась Деметра.

— А если я тебе скажу, что автохтонная Сеть, включающая в себя системы и на Земле, и на Марсе, путает не просто пустяковые данные? Если я расскажу тебе поподробнее о природе этих загадочных сбоев?

При этих его словах улыбка Деметры стала почему-то ускользать, хотя она всячески пыталась удержать ее. Это заметил и Лоло и тогда произнес:

— Ты не веришь. Но это правда. Доказательства хранит в своей памяти Лета. Если бы в нашем распоряжении была вся ночь и весь завтрашний день, мы бы ее включили, и ты бы увидела все своими собственными глазами. Но я постараюсь быть краток. Дисбалансами поражена вся система. Наши наблюдения подтверждают, что Сеть явно что-то замышляет.

— Ладно. Допустим, что это правда. Но что же она замышляет?

— Сеть готовится напасть на человечество.

— Чем докажешь?

— Три корабля, нагруженных взрывчаткой, взрывателями и прочим, давно должны были прибыть на Марс. Все это в целях разработки почв и строительства тоннелей. Наши данные показывают, что груз не покинул даже самую нижнюю земную орбиту. Как только начинаешь задавать вопросы Сети на эту тему, она тут же отрицает всякое существование подобного груза. Тебе нужны другие примеры?

— Ладно. В Сети произошли сбои, и теперь она пытается себя как-то реабилитировать. Очень похоже на вирус.

— Деметра, это далеко не все. Помнишь, Элен советовала тебе посмотреть на новый спутник, который сейчас проектируется в районе Маринера?

— Да-да. Я, кажется... — Тут у Деметры как-то странно смешались мысли. — Да-да, точно, я посетила некоторые станции виртуально. И я *думала*, что и новую спутниковую станцию в том числе. Но произошли какие-то технические неполадки. Мне показали что-то другое, не спутник. Кибер потом долго извинялся.

— Не правда ли, странно?

— Что ты имеешь в виду?

— Машины строят эту станцию, официально — совместно с Северной Зеландией. Контракт реально существует, это подтвердила Нэнси Кунео. Хотя сама проекта и не видела. Ты можешь себе представить, что ни один представитель ее агентства ни разу не побывал на этой станции? Даже виртуально. Никто не знает ее истинной мощности потребления энергии.

— Мне это известно, — вырвалось у Деметры.

— Известно? Что тебе известно?

— Реальное потребление энергии в три раза превосходит то, что на бумаге. Не знаю точных цифр, только соотношение.

— Откуда эта информация?

— От нашего общего «друга», Сак Иль Сана.

— Хорошо. Я с ним еще поговорю... Так вот, спутниковая станция — это еще одна тайна Сети. Еще. При помощи телескопического увеличения — старая добрая оптика, заметь, никакой тебе мудреной электроники, — мы увидели на поверхности планеты довольно странные вещи. Очень напоминает оружие. Похоже на торчащие дула. Это — на поверхности. А кто знает, что находится внутри?

— Думаешь, машины воспользовались недошедшим грузом взрывчатки и теперь, образно выражаясь, держат дуло у виска человечества?

— Пока я не знаю, что думать. Очевидно одно: когда мы пытаемся войти в контакт с Сетью и получить интересующие нас ответы, то эта твоя *обычная-иногда-выходящая-из-строя-просто-машина* начинает хитрить и виллять. Данные, которые она подсовывает, просто смешны. И система ее сбоев, кажется, очень хорошо продумана.

— Гм-м...

Деметра молча стояла, глядя на уродливую машину, этого молчаливого хранителя, которого еле собрали из выкинутых на помойку деталей. Как он не похож на ее элегантную Конфетку...

— Что тебе известно о нашем дружке Сане? — наконец спросила она.

— Деметра, поэтому я и искал тебя. Сак Иль Сан — это маленькая любопытная пчелка, которая жужжит и жужжит, носится над всем Тарсисом, с тех пор как прилетела с Земли. Послушать только, какие он задает вопросы!

— Я знаю, — кивнула Деметра и невольно закатила глаза.

— Необычайно заинтересовался мной и Элен. Все норовит попасть сюда. Постоянные намеки, наводящие вопросы...

— Но ты не приводил его сюда?

— Нет. Доктор Ли обнаружил в его мозгу имплантат. Сан, конечно, утверждает, что это просто гормональное средство, но обследование доктора Ли показало, что у него в голове целая электронная цепь. Самоуправляющееся устройство. Сомневаюсь, что оно направлено на поддержание гормонального баланса. Скорее всего тут совсем другое.

— Что, например?

— Запись всего, что слышит и видит Сан, с соответствующей передачей в Сеть, либо на Землю, либо в дочерние системы на Марсе. Да какая разница?

Лоло пожал плечами.

— Весело.

— Мы думали, что и ты шпионка Сети, но оказалось, что у тебя все чисто.

— Спасибо.

Мицуно вывел Деметру из потайного тоннельчика в большую комнату, где они наконец смогли удобно расположиться.

— Ладно. Ты можешь теперь сказать конкретно: *что* происходит?

— Мне бы и самому хотелось узнать ответ на этот вопрос. Что же происходит с компьютерами? Пока у нас нет однозначного ответа. И это нас очень беспокоит.

— Да. Похоже на старый анекдот про дельфинов, — протянула Деметра. — Никто не видел, чтобы они напали на человека. Значит, либо они тщательно скрывают свое враждебное к нему отношение, либо все-таки считают человека другом из-за схожести интеллекта. И это несмотря на охоту на китов и другие экологические гадости. Оба ответа доказывают, что дельфины умны и их интеллект сравним с человеческим. Так и Сеть: она либо просто систематически ошибается, либо вынаши-

вает какие-то тайные замыслы. И ведь оба варианта не сулят человечеству ничего хорошего.

— Мы рассматривали вариант полного отключения всех систем для того, чтобы «почистить мозги» Сети. Это, конечно, очень трудно и проблематично. Киберы ведь контролируют весь воздушный и водный запас планеты. Да вся экологическая обстановка комплекса находится в ведении машин!

— Не говоря уже о социальных взаимодействиях, — вставила Деметра.

Она подумала о постоянном контроле, прослушивании, пищевых добавках, газоанализаторах. Вспомнились и «домашние браслетики», служащие своеобразными наручниками для особо буйных тарсианцев.

— Конечно, если ваш эксперимент с отключением машин потерпит неудачу, — медленно проговорила она, — то это будет равносильно гибели.

— Именно так, — кивнул Лоло. — Поэтому я и прошу тебя — как друга, как человека, которому небезразлично, что происходит со мной и с Элен и со всеми другими людьми. Дем, я прошу тебя, молчи обо всем, что ты видела здесь и слышала.

— Обещаю.

— И даже с нами не говори на эту тему. Разве что *здесь*.

— Я уже сказала, что буду молчать.

— Мы не боимся, что Сеть напустит на нас милицию. Просто это важно для всего человечества. Мы должны быть готовы к решающему шагу, когда настанет время. *Люди* должны восторжествовать. У нас должно получиться с первого же раза.

— Я знаю, — согласно кивнула Деметра. — Но машины очень быстры. Им требуются всего лишь наносекунды. И они не дадут повторного шанса.

Глава 15

У МЕНЯ ЕСТЬ СЕКРЕТ

Плато Тарсис
18 июня

Роджер Торвей не спал в отличие от других людей, свернувшихся в теплых гнездышках из льняных простыней и шерстяных одеял, в нейлоновых мешках с фибро-наполнителем, в сухой траве и накидках из шкур буйвола. Механические части его тела не нуждались в отдыхе, а мозг при поддержке компьютеризованной сенсорики эффективно функционировал все двадцать четыре часа в сутки. И все же органическая доля мозга Торвея уставала. Через определенные регулярные промежутки времени в оставшихся клетках накапливался яд усталости, от которого необходимо было вовремя избавляться.

Его создатель, Александр Брэдли, нашел решение проблемы: когда мозг переходил на работу в замедленном режиме, Роджер продолжал делать то, что делал всегда — ходил, копал, брал пробы, наблюдал, — подчиняясь инструкциям заплечного компьютера. Ноги несли его по песку, пальцы летали над панелями, а мир проплывал мимо фасеточных глаз, как некий серый фон. Если же что-то и привлекало его рассеянное внимание, то оно исчезало прежде, чем Роджер успевал каким-то образом отреагировать. Так что, пока он спал, тело его, тело киборга, неутомимо трудилось.

Эти периоды отдыха никак не соотносились со временем суток — Роджер Торвей не был дневным существом. Но иногда случалось, что он переходил в режим замедления, когда на небе появлялись звезды и большая часть неадаптированных людей на этой стороне планеты тоже набирались сил. Так вышло и в эту ночь.

Ноги Роджера ритмично ступали по склону вулканического хребта. Земля убегала за спину, как будто он смотрел на нее с борта низко летящего реактивного самолета. Большие торчащие камни, казалось, вот-вот оцарапают щеку, но они тоже пролетали, исчезая в темноте, которую не мог рассеять блеклый отраженный свет Деймоса.

В каком-то пункте подъема внутренние сенсоры определили, что угол восхождения слишком крут для гироскопов Роджера. Можно было бы продолжать путь и на четвереньках, по-обезьяньи, но компьютер предпочел вариант с прямохождением. Теперь пейзаж прыгал взад-вперед, словно глаза Роджера стали глазами гремучей змеи, треугольная голова которой покачивалась из стороны в сторону в поиске термального «шепота» мыши.

Вместе со сменой ритма движения изменилось и все вокруг. Ошеломляющая красота ночи растворилась, и все внимание сконцентрировалось на неустойчиво покоящемся камне, на той расселине в скале. Роджер Торвей мгновенно очнулся и переключился в режим реального времени. Его человеческий мозг попытался взять на себя контроль над подъемом, и мир вокруг словно пошатнулся. Он обнаружил вдруг, что стоит на самом краю тридцатиметрового обрыва. Конечно, в условиях слабой марсианской гравитации падение с такой высоты не убило бы его, но механический каркас мог серьезно пострадать от удара о камни.

— Какого черта?

Роджер резко развел руки, прижимая их к склону, и слегка согнул колени. Затем неуклюже опустился, скользя локтями и голеньями по отполированной ветрами обсидиановой стене. Вышло не слишком грациозно, зато он не сорвался с обрыва.

Его мозг попытался справиться с возникшей оптической дисфункцией, но тут он заметил пару изящных

ступней в открытых босоножках. Ногти были идеально подстрижены и покрыты розовым лаком.

— Дорри! — беззвучно выдохнул он.

— Роджер, к тебе на связь пытается выйти Деметра Коглан, — проинформировал журчащий серебристый голосок. — В связи с тем, что она числится в вашем списке...

— Знаю. Что ей нужно в такой-то час?

Прежде чем Дорри успела ответить, ее образ уже растворился. В голову проник новый голос, а на том месте, где только что находилась вулканическая порода, появилась Деметра Коглан.

— Не могу уснуть, полковник. Меня мучает один технический вопрос, а вы, похоже, единственный, кто способен дать толковый и быстрый ответ.

Торвей вспомнил договоренность, заключенную им с этой женщиной.

— Это связано с нашей сделкой? — спросил он, припоминая свой последний разговор с этой представительницей далекого земного мира.

— Э-э-э... конечно.

— Валяйте, — рыкнул Торвей.

— Вы можете передавать сигнал через скальную породу?

Он ответил не сразу, ожидая уточнений. Может быть, у нее проблемы с приемом? Может быть, ее беспокоит качество сигнала, поступающего от него? Но нет, Деметра просто стояла и ждала ответа.

— Еще разок? — попросил он.

— Ваши радиоволны, они проходят через породу? Например, при связи вашего компьютера со вспомогательными киберами или с сетевым узлом здесь, в тоннеле?

— В этом нет необходимости. Ведь я же обитаю на открытом пространстве, где все в поле зрения. Если возникает какое-то препятствие — скажем, гора, — или если я попадаю в закрытую с обеих сторон долину, то сигнал идет с отклонениями, через реле.

— Предположим, вы находитесь под землей. Над вами метров сорок скальной породы...

— А, вот оно что. Ну, когда я внутри комплекса, то помогают радиоусилители, встроенные в стены. Расстояние между ними довольно большое, так что киборги и креолы обеспечены «ходунами» для...

— Я говорю не о тоннеле, — перебила она. — Например, вы зашли в пещеру?

— Тогда связь пропадет. Но вообще-то это не проблема. Моя система имеет собственные внутренние ресурсы, чтобы строить линейные проекции и отслеживать возможные ошибки до установления связи.

— Спасибо, полковник.

— И это все? Вы разбудили меня только ради этого? Но ее образ уже пропал.

«Золотой лотос»

18 июня

Отключившись, Деметра довольно усмехнулась. Возможно, из нее когда-нибудь все же выйдет неплохой шпион.

Конечно, секрет — это секрет, и Деметра поклялась, что будет хранить в тайне информацию, полученную от Мицуно. Но это вовсе не означает, что она будет автоматически верить всему, что сообщил ей Лоло. Кое-что ей хотелось проверить самой: например, его оценку степени надежности и мер безопасности в отношении комнат, где они встречались, и их «чистого» кибера.

Деметру обрадовало то, что удалось получить разъяснение у человека, жившего с помощью радиопередач и умевшего, насколько ей было известно, читать при свете микроволн. Она выяснила то, что нужно, не нарушая при этом указаний Мицуно и не злоупотребляя его до-

верием. И ничто из сказанного ею Роджеру Торвею не могло вызвать подозрений в цепях Сети, обеспечивавших связь между Тарсис Мон и тем местом, где находился в данный момент киборг.

Радуюсь собственной изобретательности, Деметра даже решила отправить ночной отчет Грегору Вайсу, хотя уже наступало утро.

— Терминал, переход на вопросительный режим!

— Да, мисс. Куда вы ходили в течение последних двадцати четырех часов? — спросил терминал.

— Возле комнаты меня встретил Лоло Мицуно, — сонно начала она, — и мы пошли...

Господи! Не хватало еще делиться их секретом с Сетью. А она только поздравляла себя с тем, какая из нее получилась умная шпионка.

— Хм... — Деметра помедлила. — Попробуем новый вектор вопросов.

— Очень хорошо, — бесстрастно согласилась машина.

Что сказать, как направить разговор, чтобы избежать упоминания о пещере Мицуно?

Впрочем, за последние сутки ей удалось узнать кое-какие любопытные факты о состоянии дел в районе каньонов.

Во-первых, энергоспутник слишком велик для нужд проекта. Разве Мицуно сказал ей об этом? Нет, это она узнала от Сак Иль Сана. А Лоло рассказал о необычной конфигурации спутника со всеми его то ли отсеками, то ли модулями, то ли чем там еще. Вполне невинная тема для отчета.

— Спроси об энергоустановке номер шесть.

— Да. Вы слышали что-нибудь о новом орбитальном солнечном коллекторе?

— Конечно. Корейский агент проинформировал меня сегодня о том, что его расчетная способность...

Как обычно, не успев ответить, она уже переключилась на другое.

Сборный пункт № 4**18 июня**

Прошло уже, должно быть, дней десять с тех пор, как Джори ден Острайкер в последний раз расчищал этот район от нойманов, и теперь вся долина кишмя кишела слепыми машинками. Он принялся собирать верхние, снимая их прямо с кучи, вскрывая раковины, отделяя внутренности и откладывая в сторону наименее пострадавшие панцири, которые могли бы пригодиться для так называемой второй фазы.

Работа пробудила в нем приятные воспоминания. В тот, последний раз, когда он занимался этим, собирать эти штуки ему помогала женщина с Земли, Деметра Коглан. Джори не видел ее со времени их встречи в «любовном гнездышке», встречи, закончившейся, скажем так, немножко бурно. С тех пор Деметра стала избегать его. Джори прекрасно понимал это. Он обидел ее, и она не желала его видеть. Что ж, пусть будет так.

Но прошло уже больше недели, и теперь Джори хотелось получить то, что она дала столь легко. Наверняка отношение Деметры к нему переменялось в лучшую сторону. В конце концов, кто держит обиду больше недели? Наверное, недоразумение забылось, а игривость вернулась.

Острайкер проверил, проживает ли Деметра по-прежнему в «Золотом лотосе». Да, так и есть. Более того, этим утром она еще не выходила из своей комнаты. Отлично, если поспешить...

Пальцы Джори летали с нечеловеческой быстротой и точностью: взять, вскрыть, выбрать и отложить. Десять бездействующих процентов его мозга обдумывали, что бы сказать подружке, а оставшиеся девяносто сосредоточились на работе.

Между тем горка механических организмов таяла, а две другие, раковин и внутренностей, росли, как кучки моллюсков возле кухонного котла.

«Русская чайная»**18 июня**

Завтраки и обеды в оборудованном в псевдосанктпетербургском стиле уже вошли у Деметры в привычку. Но в таком месте приходилось быть настороже, не упуская из виду соперников-коллег, собратьев по шпионскому ремеслу, которые не столько докапывались до правительственных секретов, сколько сталкивались друг с другом.

Не успел механический метрдотель усадить Деметру, как к ее столику подошла Нэнси Кунео.

— Вы уже пробовали икру, дорогая?

Деметра изобразила самую лучезарную из своих улыбок.

— Из настоящих рыбьих икринок?

— Конечно, нет. — Кунео опустила рядом и посмотрела на дисплей с меню. — Но содержание протеина такое же. Говорят, очень полезно для кожи. — Она взглянула на замершую в ожидании машину-официанта. — Чай, пожалуйста.

Робот мигнул и укатил выполнять заказ.

— В моем возрасте, — продолжала Кунео, — позволителен только черный чай. Стоит добавить что-нибудь — лимон, сливки, ликер, — и мой желудок вспыхивает, как римская свеча.

— Извините, — пробормотала Деметра, мысленно отмечая полученную информацию: кто знает, может быть, и пригодится, если придется устранять соперницу.

— Римская что?

— Это такой товарный брэнд, дорогуша. Одна фирма когда-то делала приспособления для фейерверков. Давно, вас еще не было на свете. Глядя на меня, в это трудно поверить, но я ведь очень стара.

— О нет, — притворно не согласилась Деметра.

— О да! Знаете, сколько всего мне пришлось заметить! Держусь только за счет всяких штучек — там кусочки пластиковой кожи, здесь немного электроники. Да

вы знаете, какие у меня в последние время проблемы с сердечным регулятором?

— Неужели?

Деметра изучила меню и нажала кнопку звонка. Бочкоподобная официантка-робот подкатила к столику и приняла заказ — тост с маслом (пусть даже растительным), джем (любого вкуса, но чтобы красный) и кофе с сахаром и сливками.

— То-то и оно, — вздохнула Кунео. — Заикание, шум в ушах и аритмия. Наверное, в этих тоннелях возникают электронные помехи, в них все и дело.

— Ну да. Электронные сенсоры через каждые пару метров на стенах, общественные кибертерминалы — куда ни глянь, все эти хитроумные роботы вроде нашего друга, — она кивнула в сторону приближающейся официантки, — постоянные излучения... Чего бы только я не отдала за местечко с надежной изоляцией. Где можно было бы расслабиться и подышать нормальным воздухом.

— Прогуляйтесь снаружи.

— Так ведь там еще хуже. Сигнальное реле, микроволновые поля, солнечная радиация. Нет. Вот было бы такое хорошо изолированное место здесь, под землей.

Для выразительности Кунео положила руку на грудь, изображая из себя умирающую Камиллу.

— Очень жаль. Но если я услышу о таком рае, то обязательно дам вам знать.

— Вы меня успокоили, дорогуша.

«Золотой лотос»

18 июня

Дождаясь Деметру Коглан у двери ее комнаты, Джорди даже не делал вид, что пришел что-то чинить. Рано или поздно она вернется сюда, и тогда он встретит ее и все выяснит.

Будучи креолом, Джори в полной мере контролировал свое чувство времени. При необходимости он мог либо ускорять его ход, либо замедлять, поэтому, с субъективной точки зрения, для него не имело значения, когда именно она появится. Он будет ждать ее с нетерпением, независимо от того, уйдет ли на это десять минут или целых два дня. К счастью для всех — и для тех, кто пользовался коридором, и для управляющих «Золотого лотоса», — Деметра подошла к своей комнате скорее раньше, чем позже.

— Деметра! — воскликнул он, стимулируя все свои контуры и цепи.

— О, Джори!

Выражение на ее лице вряд ли подходило под определение «восторженное», ну да ладно.

— Я скучаю по тебе.

— Знаю. Но... дела...

— Я действительно скучаю по тебе.

— Нам, наверное, не стоит видеться так часто, — быстро сказала она. — Мы немного потеряли головы. Мне нужно время, чтобы узнать человека получше, прежде чем... ну, ты понимаешь. Мы слишком поторопились.

— Тебе у меня не понравилось? Недостаточно уютно?

— Что? О чем ты говоришь?

— Если ты знаешь другое место, которое тебе предпочтительнее, то только скажи. С тобой — куда угодно. Ты же знаешь.

— Джори...

Теперь она уже определенно нахмурилась.

Острайкер чувствовал исходящие от нее волны неприязни.

— Извини. — Он отступил. — Я только хотел...

— Знаю, Джори. Но я не та девушка, которая тебе нужна. Поверь.

Молодой креол приложил руку к глазам, повернулся и побежал по коридору. Хотя слезные железы были удале-

ны уже давно, он все еще чувствовал в голове нарастающее давление. Ему едва удалось свернуть в сторону и не врезаться в стену.

Шлюзовая камера

18 июня

После того как Уайетт пристыковал «ходуна», Лоло Мицуно собрал геологические образцы и направился к задней части машины. Дверь шлюза открылась — за ней стояла Деметра Коглан, похожая на статую богини смерти.

— В вашей организации происходит утечка информации, — заявила она.

Мицуно с трудом подавил желание спросить, что имеет в виду Коглан, и вместо этого молча посмотрел на укрепленную над ее головой видеокамеру.

— Давай выпьем, — предложил он.

— Я серьезно, Лоло.

— Я тоже.

Он взял ее за руку и повел по трапу в глубь тоннельного комплекса. Может быть, если просто идти рядом, Сеть не станет отслеживать их, анализировать то, что она сказала, и в итоге не обнаружит ничего подозрительного. «Хоплайт» находился на соседнем уровне. Вполне естественно, что они пошли именно туда.

— Так вот, сегодня утром уже двое подходили ко мне с одним...

— Кто? — перебил ее Мицуно.

— Нэнси Кунео, новозеландка, на самом деле платная шпионка, работающая на их организацию экономического развития, и наш друг Джори.

— Чего же они хотели?

— Узнать, могу ли я показать им какое-нибудь укромное местечко. Кунео даже упомянула о радиопоме-

хах. Так что в вашей повстанческой группе у кого-то слишком длинный язык.

— Но мы же разговаривали только вчера вечером, — запротестовал Мицуно, вычисляя, сколько же точно прошло времени.

— Ну, может быть, раньше. Не знаю. Все это очень подозрительно.

Вход в «Хоплайт» был уже совсем рядом, за следующим поворотом. Как только они войдут, от глаз Сети им уже не укрыться.

— Послушай, — поспешно сказал он, — почему бы тебе не пригласить Джори в комнату? Завтра вечером.

— Пригласить? Но не хочешь же ты...

— Скажи, что будет вечеринка. Джори любит подобные развлечения.

— Но... — Деметра нахмурилась, пытаясь понять ход его мыслей. — Но...

— Сделай как я прошу. Джори — отличный парень.

— Ладно, но мне казалось...

— Ну, вот мы и пришли, — воскликнул Мицуно, меняя тему. — Я свяжусь с Уайеттом. Он передаст Элен, что мы здесь. Ты есть хочешь?

Глава 16

КИБЕРХИРУРГИЯ

Восточное резервное хранилище

19 июня

— Ну и влажно здесь!

Деметра Коглан прислушалась — позади раздавались легкие и проворные, как у танцора, шаги креола.

— Надеюсь, сырость не повредит твоим... хм... системам? — спросила она.

— Нет, мне приходилось бывать в местах и похуже.

— Хорошо.

Убедить Джори прийти в секретную комнату, как предложил Лоло, оказалось совсем просто. Как только Деметра связалась с Остройкером через Сеть, тот моментально выразил согласие встретиться с ней где угодно и когда угодно. Ей оставалось лишь назвать перекресток неподалеку от резервуара. Джори уже ждал ее, придя гораздо раньше назначенного времени.

Приблизившись к простой, ничем не отличающейся от других двери, Деметра услышала звук, перекрывавший звон капающей воды: слитный гул голосов, эхом отдающийся в тесном пространстве.

Деметра еще успела распознать этот звук, как Джори попятился.

— Эй! Я думал, это местечко будет укромное.

— Все в порядке. Лоло устраивает вечеринку.

— Но мы же собирались побыть вместе.

— Мы и будем. Чуть позже.

— Я имею в виду... вдвоем.

Деметра схватила его за руку повыше запястья и практически подтащила к двери. Потом постучала.

Дверь скрипнула.

Деметра повернулась, всматриваясь в убранство секретной комнаты. Мебель сдвинули к стенам, чтобы оставить побольше свободного места. Кровать, похоже, куда-то исчезла. Она насчитала с полдюжины лиц, из которых выделялось более светлое — Лоло Мицуно. Была здесь и Элен Сорбелл. И еще доктор Ли. Остальных Деметра никогда раньше не видела.

— Привет всем! Это Джори. — Она повернулась к своему поникшему спутнику. — Джори, с Элен и Лоло ты знаком, а что касается остальных...

— Привет Джори! — загремел один из незнакомцев, выходя вперед и протягивая громадную руку.

Крепыш, слишком атлетически сложенный для марсианина, он, как показалось Деметре, был то ли пьян, то ли находился под воздействием какого-то наркотика.

С быстротой атакующей змеи мощная рука силача метнулась вперед и ударила молодого креола в грудь. Джори икнул и согнулся пополам. Прежде чем кто-либо успел отреагировать, та же рука взметнулась куда-то к потолку и замерла, словно превратившись в лезвие готового обрушиться топора.

— Не трогай голову! — крикнула Элен, успевая окатиться за спиной незнакомца.

Рука крепыша с силой опустилась на шею Джори.

Креола рухнул на пол.

— Боже! — выдохнула Деметра. — Зачем вам понадобилось...

Силач, вырубивший Джори, уже отошел, потирая ребро ладони.

От толпы отделились еще двое — одним из них был Ван Ликсин — и подняли неподвижное тело. Доктор Ли приложил два пальца к основанию шеи Джори, кивнул, и тогда второй накинул на голову креола черный капюшон. Вдвоем они оттащили его в дальний угол комнаты, приподняли край портьеры и, наклонившись, прошли дальше.

Деметра повернулась и посмотрела в глаза Лоло:

— Но зачем? Я могла бы что-то сочинить, придумать какую-нибудь историю...

Мицуно покачал головой.

— Я знаю Джори. Он бы заподозрил. А если не он, то те машины, которые контролируют его.

— Вы собираетесь убить его?

— О нет! — пропела Элен, выходя вперед и обнимая Деметру за плечи. — Он нужен нам живой. Джори станет нашим связующим звеном при обращении к Сети. Нашим интерфейсом. Пока он без сознания, мы сможем проникнуть прямо в центральную операционную систему.

— Но зачем было так бить? Разве нельзя было дать какое-нибудь усыпляющее средство или что-то в этом роде?

Элен покачала головой.

— У него совсем другой метаболизм, Деметра. Его готовили к различным ситуациям, в том числе и к воздействию ядов, на поверхности планеты. Кроме того, принимая во внимание электронную стимуляцию Джори, мы могли бы убить его, применяя химические средства.

— И что теперь?

— Сейчас, — Сорбелл повернула к внутреннему тоннелю, — мы проведем небольшую операцию на мозге. Хотите посмотреть?

— Нет! — инстинктивно вскрикнула Деметра и тут же задумалась.

Несмотря на свои дурацкие манеры и детские пристрастия, Джори был ее первым другом на Марсе. Во многих отношениях он напоминал ей верную Конфетку: юный, нетерпеливый, горячий и совершенно предсказуемый. Хотя Деметра доверяла Элен и была едва ли не влюблена в Лоло, в их голосах сейчас, когда они говорили о Джори, слышалась отчужденность. Кому-то надо было постоять рядом с ним, позаботиться о нем. И этим кем-то могла стать только она.

— Да... то есть... я бы хотела помочь.

— Ладно, — сказала Элен, внимательно посмотрев в глаза Деметре. — Я все устрою, пока его будут готовить к операции.

Зона электромагнитной безопасности

19 июня

Доктор Ван Ликсин оглядел набор хирургических инструментов, разложенных на стерильной бумаге рядом с прикрытой головой креола. Ему, конечно, были знако-

мы и разнообразные по размеру изогнутые скальпели, и набор иглоков с полимерной нитью, и сшиватель, и дрель для сверления костей, и зажимы, и лазерный гемостат. Менее привычно выглядели инструменты, предназначенные для кибернетической стороны предстоящей процедуры: чип-экстракторы, цифровой мультиметр, логические зонды, тончайшие отвертки, крохотный паяльник.

Хотя ему никогда не приходилось работать с киборгами, доктор Ван хорошо понимал принципы этой работы. Нужно было поддерживать целостность всего контура, напряжение, охлаждение, а заодно кровяное давление и электролитический баланс. Как и при работе с пациентом-человеком, следовало заботиться о стерильности хирургической зоны, хотя ультрафиолетовое поле отсутствовало. Слишком многие чипы памяти могли пострадать именно от воздействия этой части радиационного спектра. Анестезия сводилась не только к вопросу ввода в кровь опиатов и блокираторов, но и к быстрому отысканию и заземлению соответствующих чипов в сенсорной сети креола.

Изучением этих и родственных им инструментов доктор Ли занимался последние четырнадцать часов, с тех самых пор, как Мицуно сообщил ему о чудесной возможности, которую им предоставила Деметра Коглан.

Больше всего доктора беспокоило то, что проводить операцию придется без кибернетической кушетки. Компьютер, управляющий операционным столом в его кабинете, отвечал за ультрафиолетовое сканирование, диагностику, экспертное консультирование, видеозапись и фармацевтику. Сам компьютер, в свою очередь, контролировался Сетью и был тесно связан с ее банками данных. Без такого стола доктору ничего не оставалось, как действовать вслепую, полагаясь на свой опыт и сноровку.

Хватит ли ее?

Конечно, за спиной у него была развернута довольно грубая машина, которая, по словам Элен Сорбелл, обла-

дала немалой мозговой мощью, но не могла помочь ему из-за отсутствия программного обеспечения и периферии. Кроме того, у машины в этом деле были совсем другие задачи.

Элен, должно быть, заметила колебания доктора Вана Ликсина. Она не стала дотрагиваться до него, чтобы не нарушить стерильность, а просто твердо посмотрела ему в глаза поверх зеленой марлевой маски.

Доктор кивнул и повернулся к лотку с инструментами. Взяв скальпель с изогнутым лезвием для работы с тонкой кожей, доктор взглянул на бронзовый купол безволосой головы Джори. И снова у него мелькнула мысль о том, что впервые за всю свою карьеру он собирается оперировать пациента без намерения лечить. Но, как старательно и упрямо указывали Лоло и Элен, Острайкер ведь и не является его пациентом.

Когда оба заговорщика впервые обсудили с ним возможность такого вмешательства, доктор Ли категорически отказался. Он, конечно, не остановился бы перед простым убийством, ведь игра зашла уже слишком далеко. Вызванное необходимостью устранение чрезмерно любопытного свидетеля — удар по голове и ночной поход с безжизненным телом к городской мусоросжигалке — это одно. Лоло в свое время совершал и кое-что похуже. Однако здесь речь шла совсем о другом: процедуре медицинского вмешательства, преднамеренно осуществлявшегося почти в антисанитарных условиях. Более того, то, что намеревался осуществить доктор Ли, было чем-то вроде терапевтического вандализма, разновидностью кражи.

В конце концов Элен все же добилась его согласия на участие в операции, склонив на свою сторону последним из имевшихся в ее распоряжении аргументов. Она заявила, что готова сделать все собственноручно, так как изучала процедуру с помощью виртуального моделирования. Этого доктор Ли допустить не мог.

Он сделал первый надрез в пятнадцать сантиметров длиной вдоль срединного шва. Вместо крови, которая появилась бы у обычного пациента, из разреза потекла прозрачная жидкость, чуть более вязкая, чем кровь. Это была силиконовая прокладка, противоударный, антитермальный буфер, играющий у креола ту же роль, что и слой подкожного жира у людей. Раздвинув края надреза, доктор осмотрел обнажившийся участок. Мышцы черепа были скрыты тонкой мембраной.

Еще два надреза — и перед ним появились костные пластины черепа. Вот теперь пошла и кровь, но ее было немного. Портативный биомонитор, прикрепленный к горлу оперируемого, замедлил работу сердца и показал уровень артериального давления. С его же помощью в кровеносную систему креола попали болеутоляющие, которым предстояло облегчить доктору проведение, как он говорил, «мясной части» операции.

Ван Ликсин воспользовался отсосом, чтобы очистить нужный участок, и прижег продолжавшие кровоточить сосуды несколькими «выстрелами» из гемостата.

Ему сразу стало ясно, что с этой костью уже работали. Он отчетливо увидел следы по меньшей мере трех хирургических вмешательств. Как у любого здорового молодого человека, кости у Джори успешно срослись, оставив лишь едва заметные наросты. И все же те, кто сделал предыдущие операции, постарались обезопасить себя от любых случайностей, о чем свидетельствовали крошечные головки шурупов и плоские дуги миниатюрных скрепов. Присутствие металла осложняло задачу.

Он поднял дрель, уже снабженную ретракторным обтекателем. Как только сверло пройдет кость, обтекатель мгновенно отреагирует на уменьшение сопротивления, и оно уберется. Таким образом, доктор Ли надеялся не затронуть мозг пациента.

— Покажите мне рисунок, — сказал он, не обращаясь ни к кому в отдельности.

Элен Сорбелл резко кивнула кому-то, стоявшему у нее за спиной. Это оказалась женщина, которая и затеяла всю эту заварушку, Деметра Коглан. Несколько недель назад она была пациентом доктора. Сейчас же на Деметре были халат и маска. Рисунок, сделанный самим Ли после короткого знакомства со стандартной процедурой креолизации в архивах Сети, изображал вид головы сверху и расположение нескольких контуров, соединенных с различными структурами мозга нервными окончаниями.

— Спасибо, — шепнул он.

Лист убрали.

Ли нажал на кнопку дрели и услышал приглушенный рокот мотора. Он подвел сверло к верхнему краю надреза и осторожно начал бурить. С поверхности кости поднялся белый дымок. Пылинки, подхваченные потоком воздуха, вылетали из-под сверла и опускались на красную плоть.

Не обращая на них внимания, доктор продолжал пробиваться через кость.

И только когда тело креола конвульсивно дрогнуло, а одна рука свалилась со стола, Ван Ликсин поднял голову.

— Держите его! Деметра!

Женщина тут же положила свои далеко не стерильные ладони на упавшую руку и плечо пациента, прижимая его к стальной поверхности стола, и, как ищущий одобрения ребенок, заглянула доктору в лицо.

Ладно, лишь бы не задела биомониторы в шейных артериях и позвоночнике.

— Поспешите, Ли, — сказала Элен. — Похоже, болеутоляющие не помогают.

— Еще минутку, — пробормотал он.

Что толку от напоминаний, если работать быстрее просто нельзя.

Два отверстия. Три. Закончив, доктор пропустил под костью, между первым и вторым отверстием, силиконово-углеродную проволоку, нажал кнопку трепанатора и поднял устройство. Проволока выскочила, оставив на белой кости ровную черную линию. Повторив процедуры еще дважды, Ли получил треугольную секцию кости с закругленными углами. Если не считать кое-каких технологических усовершенствований, то можно сказать, он вскрыл череп точно так, как это делали древние египтяне при помощи своих допотопных резцов, зубил и долота.

Доктор положил вырезанный кусок кости на стерильную бумагу и заглянул в голову Джори.

В ярком, жестком свете, бившем сверху, доктор увидел массу черных нитей, расходящихся из трех плоских серебристых коробочек. Каждая нить заканчивалась электродом, имплантированным — на разной глубине — в кору головного мозга.

Доктор Ли взял средних размеров отвертку, потрогал одну из коробочек, освободил ее из-под зажимов и подтолкнул вперед, под сделанное им отверстие. Тело Джори снова дернулось.

— Черт бы вас побрал! Держите его крепче!

— Я стараюсь!

Но порыв злости уже прошел, и доктор снова занялся делом. В нормальных условиях его бы беспокоила мысль о том, что столь небрежное обращение с коробочкой может привести к смещению электродов и вызвать незапланированное короткое замыкание либо сорвать электроды с нервного узла. Если бы доктора всерьез тревожила дальнейшая судьба и нормальное функционирование креола после операции, то перспектива подобного повреждения, пожалуй, напугала бы его.

Установив коробочку на место, он взял в одну руку самую мелкую из отверток, а в другую пинцет и, удерживая коробочку, начал ее открывать. Крохотные шурупы

один за другим выпадали из отверстий. Доктор подбирал их и переносил на стерильную бумагу, лежавшую рядом с куском черепа. Вывернув все шурупы, подцепил крышку пинцетом и приподнял. Под ней находилась зеленая облатка с какими-то компонентами — все это было похоже на маленькие черные семена, прилипшие к лаймовому мороженому.

— Который? — спросил он.

В поле его зрения возникла голова Элен.

— Но это же не коммуникационный модуль! — воскликнула она.

— Нет, это сенсорный. Болевые ощущения. Все по порядку.

— Ну...

Сорбелл отступила. Наверное, для того, чтобы свестись с собственным рисунком.

— Вынимайте А-5 и В-12, — сказала она откуда-то из-за спины. — Должно быть, это то, что надо.

— Они не пронумерованы.

— Да вот, посмотрите.

Сорбелл сунула ему под нос плоский экран.

Доктор кивнул, и на экране высветилась та самая коробочка.

— Второй слева, в четвертом ряду, — подтвердил он. — И третий справа, в шестом ряду.

Ли взял паяльник, поднес к нужному зернышку и нажал кнопку. В воздух взвился белый пух дыма, и первый компонент приклеился к краю пинцета. В следующую секунду к нему присоединился второй.

На всякий случай доктор Ли поднес к краю обнаженной плоти все еще горячий наконечник паяльника. Обожженное место почернело, но Джори продолжал лежать спокойно, как труп.

— Можете отпустить его, Деметра.

— Он умер? — со страхом спросила она.

— О нет! Просто уснул.

— Вы нам очень помогли, — сказала ей Сорбелл.

— Я могу идти?

— Конечно, мы почти закончили, — ответила Элен.

Втянув голову в плечи, Деметра Коглан поспешила к выходу.

Ван Ликсин уже работал со второй коробочкой. Когда крышка была снята, Сорбелл принесла доктору пару длинных изолированных проводков из стоявшей на другом столе машины. Используя стерильный шуп, она указала, куда именно их нужно припаять. Еще два разряда, и первая стадия операции была завершена.

Пришло время будить Джори.

«Золотой лотос»

19 июня

Никогда раньше ее даже не тошнило.

Однажды летом, отдыхая на ранчо у дедушки, Деметра спокойно наблюдала за тем, как ветеринары клеймят коров, вставляя в разрезы на их больших ушах крохотные радиомаяки. Ей даже довелось помогать тем же самым ветеринарам, когда они кастрировали бычков.

Животных привязывали, а она усаживалась на широкую, мощную спину одного из них. Сжимая ногами твердые бока, Деметра чувствовала под собой жесткие волоски щетины, прокалывающие даже джинсы. Ей казалось, что она взобралась на вершину мира. Блеск ножей, капли крови — ее это не задевало.

Но теперь, когда пришлось стоять в тесной комнате и наблюдать за тем, как кто-то снимает кожу с головы человека, с которым она когда-то занималась любовью и который вздрагивал, как тот давно забытый бычок, ощущая каждое прикосновение скальпеля... А потом, когда док-

тор убрал кусок черепной коробки, и она увидела в голове провода и коробочки, это было уже слишком.

Деметра Коглан выскочила из импровизированной операционной, как перепугавшаяся девчонка.

В коридоре ее попытался остановить Лоло Мицуно, но, увидев бледное, мокрое от пота лицо, лишь посоветовал ей прилечь. И конечно, ничего никому не говорить. Деметра лишь кивнула и побежала через ряды кабриолетов с водой, боясь, что ее вырвет прямо в них.

Добравшись до своей комнаты, она завернулась в такой привычный и теплый старый халат и приложила ко лбу холодное полотенце. Потом легла на кровать и обратилась к монитору.

— Терминал? Никаких звонков. Не беспокоить. Пожалуйста. Пусть подождут.

— Конечно.

Секретная комната Деметры

19 июня

Часы не тикали!

Джори ден Острайкер — если это все еще было его имя — вновь прислушался к фоновой пульсации часов. И ничего не услышал. Ни часов, ни переговоров на других частотах, ни зуммера поступающих сообщений. Ничего. Джори был отрезан. Впервые за всю свою креольскую жизнь он остался один. Без поддержки. В его голове воцарилась пустота.

Чувствуя наступавшую тревогу, он передал свой позывной и коды доступа. И не получил ответа. Не было даже статических разрядов. Больше всего его напугало отсутствие привычной электромагнитной среды, прежде постоянно им ощущавшейся. Он ослеп и оглох.

Джори открыл глаза.

Сверху бил свет, белый, ослепительно яркий, и в его короне двигались какие-то неясные фигуры. Одна из фигур напоминала монаха с надвинутым на голову капюшоном. Впрочем, нет, это были волосы, длинные и темные. Волосы Элен, падавшие на плечи. Хорошие волосы, чистые.

— Элен?

— Я здесь Джори.

Фигура задвигалась как-то странно, словно паря в воздухе. Судя по голосу, это действительно была Элен Сорбелл.

— Что со мной?

— Несчастный случай.

— Меня кто-то ударил.

— Да, я знаю.

— Почему?

— Ты нужен нам, Джори. Мы хотим, чтобы ты рассказал нам кое-что о Сети.

— Что? Почему я не могу связаться с Сетью? Почему я один? Что со мной происходит?

— Джори! — Голос принадлежал Лоло. Тень наклонилась над ним, и Джори увидел отблеск желтых волос. — Мы отключили тебя. Временно. Ты в изоляционном бункере, и мы работаем с твоими болевыми электродами. Если ты...

— Дело не в том... — взволнованно заговорила Элен.

Фигура Лоло заняла ее место.

— Если ты откажешься с нами сотрудничать, мы сделаем тебе больно. Мы можем изменить твоё восприятие времени. Ты будешь корчиться в страшных мучениях, и они растянутся для тебя на сотни лет...

— Хватит, Лоло! — Он снова увидел фигуру с длинными волосами. — Мы не хотим причинять тебе боль, Джори. Видишь ли, мы считаем, что тебя нужно защищать от того, что происходит с Сетью. Все дело в нару-

шении функционирования, в нестабильности проектного анализа. Ты ведь замечал что-то, да, Джори?

Острайкер обдумал предложение, складывая разрозненные кусочки информации, имевшиеся в его ограниченных внутренних запасниках. Удивительно, но слова Элен напомнили ему о тех непонятных явлениях, которые он давно списал со счета как необъяснимые загадки.

— Да.

— Опиши, пожалуйста, что ты видел, что ты знаешь.

Джори поднял руку и прикоснулся к голове, словно для того, чтобы создать там коллекторный пункт для своих разрозненных мыслей. Вместо гладкой кожи он обнаружил проем в черепе, нащупал что-то слегка влажное, а также провода. Но никакой боли не возникло. Он быстро убрал руку.

— Я знаю, что Сеть работает от нового источника солнечной энергии, установленного на спутнике.

— Это всем известно, — презрительно заметил Лоло.

— Но Сеть устанавливает там двигатели. Они в тех капсулах, в которых, как считается, находятся силовые трансформаторы и микроволновые проекторы.

— Трастеры нужны, чтобы платформа удерживалась на орбите.

Лоло пожал плечами.

— Но не новые двигатели, — возражал Джори.

— Ладно. Что еще?

— Земные Фонтаны должны будут взорваться.

— Ха! Это как?!

— Сеть доставила около тридцати тонн пластиковой взрывчатки и разместила ее на пересекающихся орбитах. То, что зарегистрировано как погодные модуляторы, на самом деле — транспорты.

Сеть способна повернуть эти корабли на точки пересечения, которые окажутся на высоте ста метров над верхней пересадочной станцией каждого Фонтана. Ра-

диальная сила взрыва будет такова, что дестабилизирует положение станции и...

— И к чертям! Они все взлетят на собственные орбиты, — закончил за него Лоло. — Да, мы знали об этих грузах взрывчатки, но не знали, для чего они. Очень хорошо, Джори. Что еще?

— Сети известно об этой комнате.

Лицо Лоло приблизилось так, что светлые волоски бровей превратились в гнездо колючек.

— Что она знает?

— Две камеры, общей глубиной семнадцать метров, шириной девять метров, высотой три метра...

— Это все есть в архиве.

— Одно купе состоит из кровати, четырех стульев, стола, шести ящиков с продовольствием, трех скафандров, четырех...

— Это видели многие.

— Один незарегистрированный кибер с неустановленным потенциалом, возможно, разумный. Компоненты состоят из центрального процессора и модулей памяти...

— Стоп! — Лоло отвернулся. — Кто еще знает об этом?

— Лета! — вспомнил Джори. — Вы называете ее Летой, как и реку. Но как она сама себя называет, мне неизвестно.

Джори говорил сам, потому ответ Элен прозвучал в его ушах как эхо.

— Ты и я. Доктор Ли...

— И Деметра, — закончил Лоло. — Джори, это Деметра рассказала тебе о кибере?

— Я узнал от Сети.

— Что еще ты знаешь об этой комнате?

— Знаю, что она защищена экраном от случайных токов. Что кодовый замок имеет комбинацию цифр: 7-1-4-3-8. Что вы обыскиваете всех девушек, которые туда заходят. Что сразу после секса вы обычно пользуетесь туалетом...

— Лоло! — Это Элен.

— Наверняка это Деметра, — сказал Лоло, уже немного спокойнее. — Отлично, Джори. Хватит.

— Но вы спрашивали о...

— Заткни ему рот.

— Джори? — снова вмешалась Элен. — Сейчас ты немного поспишь. Все прошло хорошо. Больно не будет.

— А что с Сетью, Элен? Она не причинит мне вреда?

— Мы позаботимся об этом. Я никому не позволю обижать тебя.

— Спасибо, Элен.

Свет погас. Вместе с ним исчезли фигуры людей, комнаты и все мысли.

Глава 17

ПЕРЕСЕКАЮЩИЕСЯ ОРБИТЫ

Зона электромагнитной безопасности

20 июня

Элен Сорбелл отвернулась от безвольно лежащего тела Джори.

— Ты поняла? — спросил Лоло, бросая взгляд на электронную Лету.

— Да. Послушай, кому-то надо найти Деметру. Не займешься этим, пока я здесь все приберу?

— Конечно. Она, наверное, у себя.

— Вероятно. Приведи ее сюда.

— Ладно, — кивнул он и исчез в тоннеле.

— Я могу вам помочь? — спросил доктор Ли.

Сорбелл кивком указала на креола.

— Отсоедините все мои вводы. И поставьте на место...

— Хотите, чтобы я отсоединил его?..

Она покачала головой.

— Это ведь не имеет значения, да?

— Я все же сделаю.

Доктор, судя по всему, чувствовал ответственность за то, что совершил.

— Пожалуйста.

Когда все соединения между Джори и ее компьютером были сняты, Элен обратилась к материалам, собранным Летой. Для этого она воспользовалась портативным терминалом, складным экраном и клавиатурой, решив не прибегать к помощи виртуальной реальности, что было бы гораздо привычнее. Программирование на низшем уровне это не искусство, а механическая работа.

Лета вывела на дисплей коды доступа Джори. Теперь в распоряжении заговорщиков оказались записи, которые кибер сделал в тот момент, когда Джори только очнулся и попытался установить контакт с Сетью. Теперь любой компьютер, который репродуцировал бы эту запись, получил бы доступ и был идентифицирован Сетью как Джори ден Острайкер, рабочий отдела технического обслуживания, зарегистрированный креол.

После того как Элен закончит работу, незарегистрированный кибер сможет пройти туда, куда ей нужно.

В течение четырех предыдущих месяцев Сорбелл, отрывая время от своей основной работы, работала над созданием специальной компьютерной программы. Она активировалась при получении соответствующей команды.

Работа была рискованная, потому что жизнь людей на Марсе зависела от киберсети, которая поддерживала газовый баланс в тоннелях, управляла переработкой пищевых отходов и утилизацией сточной воды, следила за функционированием Фонтана и контролировала движение на орбите, обеспечивала связь с Землей и остальной Солнечной системой.

Для того чтобы вывести из строя Сеть и не затронуть эти процессы, Элен создала сложный самоорганизующийся вирус, действующий выборочно.

Вот почему для того, чтобы инициировать программу — если в этом возникнет необходимость, — Элен была нужна подставная фигура с кодом доступа в Сеть. Короче, ей требовался код доступа Джори.

Когда придет время, ее программа отсечет высшие функции Сети: ее коллективный разум и способность принимать решения, ее управление юридическими и социальными доктринами, возможность слежения за коридорами и наблюдения за людьми, но оставит в рабочем состоянии функции низшего порядка, сводящиеся к механическому поддержанию систем жизнеобеспечения тоннельного комплекса.

По крайней мере она надеялась, что именно так все и сработает, если ее профессиональная догадка окажется верной. Элен знала, что, имея дело с новым, еще не опробованным вирусом, рассчитывать на стопроцентный успех нельзя.

— Удалось? — спросил Лоло, возникнув у нее за спиной.

— Конечно, все получилось. Ты так быстро вернулся? Где Деметра?

— Будет через минуту. Я послал за ней одного из ребят.

— Я думала, что ты пойдешь сам.

— Нам надо поговорить, пока ее нет, — серьезно сказал Лоло. — Джори дал нам больше, чем знал.

— Верно, весь боевой план Сети. Она планирует блокировать человечество, уничтожив Фонтаны. После этого мы превратимся просто в расходный материал, не так ли?

— Очевидно, — согласился он. — Скорее всего нечто подобное запланировано и для нашего собственного Фонтана. Может быть, для этого и потребовались двигатели

на новом энергоспутнике: вывести его на параболическую орбиту с тем, чтобы он упал сюда, на Тарсис Мон.

Его замечание заставило Сорбелл задуматься.

— Не уверена. Зачем резать веревку в двух местах, если достаточно и одного?

— Тогда мы будем изолированы от Луны, Европы, станций пояса астероидов.

— Но эти колонии нежизнеспособны без массовой поддержки с Земли. Как, впрочем, и мы.

— О черт, Элен! Мы сейчас полностью обеспечиваем себя! Мне казалось, об этом и говорить не стоит. Всем нам не нравится, что Земля вмешивается в наши дела. Эти надоевшие территориальные притязания, необузданные проекты террапреобразований! С марсианской точки зрения, это только создает неудобства и помехи. Мы прекрасно обойдемся и без них. Подумай сама. Если у нас будет возможность снабжать Европу и другие колонии, то мы...

— Мы просто завянем, Лоло. Погибнем. Конечно, мы можем обеспечить себя. Продержимся несколько месяцев, даже несколько лет. Но что делать без тех материалов и новых технологий, которые регулярно поступают с Земли? Нет, долго нам не протянуть. Через два-три года нас ждет голод и гибель от удушья. Мы будем просить принять нас обратно на любых условиях. И Сеть, конечно, знает это. Она же сама написала программу развития нашей экономики.

— Тогда для чего нужны двигатели на энергоплатформе? — спросил он.

— Не представляю себе, зачем оснащать спутник новыми установками. При резком ускорении возникает опасность поломки солнечных батарей. Они же просто скрутятся спиралью. Другое дело, если они развернуты только для показухи, но это не так. По-моему, я знаю Сеть так же хорошо, как какого-нибудь человека, так

вот, она весьма консервативна. Сеть не стала бы жертвовать ценными ресурсами Марса — ресурсами, контроль над которыми она в конечном итоге рассчитывает взять на себя, — отправляя на орбиту гектары полиморфического силикона только для того, чтобы потерять их в первую же секунду операции.

— Загадка.

— По крайней мере отчасти. Мы все же знаем о ее намерении взорвать Фонтаны.

— Ты можешь ее остановить?

— У меня есть пуля, есть пистолет, а теперь — с получением кодов доступа Джори — появился и курок. Я могу инициировать наш вирус в пределах того шестидесятивосьминутного промежутка, который необходим для вывода бомб на известные позиции. Мы сможем вовремя отменить высшие функции Сети. А вот все остальное гораздо сложнее.

— Что ж, я могу...

— Что здесь происходит? — раздался голос у них за спиной.

Элен обернулась и увидела заспанную Деметру Коглан, которую сопровождал один из крепышей-охранников Лоло.

«Золотой лотос»

20 июня

— Мисс Коглан!

— Да, терминал? — пробормотала Деметра. — Что еще?

— Мисс Коглан!

Кто-то тряс ее за плечи, да так, словно хотел сбросить с кровати. Черт бы их побрал! Кто оставил дверь открытой? Она же распорядилась, чтобы ее не беспокоили.

— Мисс...

— Ладно, ладно, хватит. Я уже проснулась. Проснулась!

Деметра открыла глаза и увидела перед собой незнакомое лицо. Впрочем, нет. Это был тот самый молодой парень, который с такой профессиональной легкостью и жестокостью вырубил Джори, а потом ушел. Теперь он стоял над ней, наклонившись, положив свои громадные, тяжелые руки на ее голые плечи.

Простыня почти сползла, заметила Деметра и многозначительно посмотрела на незнакомца.

— Почему бы вам не...

Он убрал руки и отступил на шаг.

— Лоло и мисс Элен хотят, чтобы вы вернулись, — юный тяжеловес бросил взгляд на терминал, — на вечеринку.

Он отошел еще на пару шагов, явно намереваясь подождать, пока она встанет.

— Хорошо. — Деметра вздохнула. — Буду готова через минуту.

Намек не подействовал.

— Идите, — добавила она, — встретимся там.

— Мне велели привести вас.

— Хм... не могу же я одеваться у вас на глазах. Нельзя ли подождать за дверью?

Молодой человек нахмурился, в глазах его мелькнуло сомнение.

— Здесь только одна дверь, — указала Деметра. — Или, по-вашему, я могу выбраться через вентиляционную шахту?

Он и впрямь повернул голову и задумчиво осмотрел решетку размером сорок на сорок сантиметров, врезанную в каменную стену. Чтобы выбраться из комнаты этим путем, надо бы быть акробатом с откидной головой.

— Идите, — сказала она. — Вон!

Как только за ним закрылась дверь, Деметра соскочила с кровати, отыскала свежее белье и чистый свитер и, порывшись в маленьком шкафчике, выудила пару мягких сапожек. Идти по скользкому, мокрому полу галереи, ведущей к секретной комнате, в тапочках было бы неразумно. Она знала, что времени на то, чтобы добежать до коммунальной ванной и умыться — не говоря уже о душе, — у нее нет. Да и присланная за ней ручная горилла не станет ждать так долго.

Выйдя из комнаты, Деметра решительно зашагала по коридору, демонстративно не обращая внимания на тяжеловеса. Но не успела она сделать и трех-четырех шагов, как он догнал ее и схватил за руку. Запястье как будто попало в тиски. Деметра резко повернулась, почувствовав при этом, что свобода движений сильно ограничена.

— Послушайте, как вас зовут?

— Джефф.

— Джефф... а дальше?

— Те Дзин.

— Так вот, послушайте меня, Джефф Те Дзин. Я действительно ваша пленница?

— Мне сказали привести вас. Я и веду.

— Хотите, чтобы у меня остались синяки?

Чтобы сформулировать ответ, Те Дзину понадобилось еще три шага.

— А вы не убежите?

— Конечно, нет. Я тоже хочу увидеться с Лоло и Элен.

— Хорошо.

Он ослабил зажим, но так и не решился выпустить ее руку.

— Боже! — вздохнула Деметра.

Они прошли по залитому водой коридору до самого тупика в заброшенной, глухой части тоннельного комплекса и оказались перед ничем не примечательной сталь-

ной дверью. Первая комната опустела — вечеринка и впрямь закончилась. Когда они миновали портьеру, разделявшую помещение на две части, Деметра вспомнила, что здесь есть биотуалет, в котором можно хотя бы ополоснуть лицо, и вильнула в сторону.

Этот неожиданный маневр застиг Те Дзина врасплох. Он тут же провел болевой прием, так вывернув ей руку, что она невольно опустилась на колено.

— Вы обещали, — строго напомнил Джефф.

— Да мне только руки вымыть.

Он пробурчал что-то похожее на ругательство.

Пока они шли по короткому соединительному тоннелю, Те Дзин держал руки у нее на шее, давя на спину, при этом большие пальцы лежали на лопатках, как бы для дополнительного контроля. В таком положении Деметра едва переставляла ноги. Ей вспомнилось, что так обращались с заключенными на Матаморосе: это называлось «лягушачий марш». К болевым ощущениям добавлялось еще и чувство унижения.

К тому времени, когда они вышли во вторую комнату, она уже кипела от злости.

— Эй! Что здесь происходит?

Элен Сорбелл и Лоло Мицуно одновременно подняли головы и посмотрели на нее. Похоже, они о чем-то совещались.

В глубине комнаты у стола возился доктор Ли. Бронзовое тело Джори, совершенно неподвижное, все так же лежало с дыркой в голове. В своем полусогнутом положении Деметра видела, что глаза у креола открыты, но взгляд зафиксирован на одной точке. Ей показалось, что он не дышит.

Элен посмотрела на Те Дзина.

— Она была в отеле?

— Да.

Элен перевела взгляд на Деметру.

— Что ты делала?

— Спала, — ответила Коглан.

— Почему?

Ну что за идиотский вопрос!

— Ну, сейчас ведь уже за полночь, не так ли? Кроме того, я не очень хорошо себя чувствовала. После всего этого. Она кивнула в сторону распростертого на столе Джори.

— Ты с кем-нибудь разговаривала?

— Нет, я сразу отправилась к себе.

— Ты пользовалась терминалом в комнате?

— Сегодня вечером — нет. И я не понимаю, какое это... О, подождите! Я попросила машину, чтобы меня не беспокоили. И что толку!

Элен нахмурилась. Ее явно что-то беспокоило.

— Что означает «сегодня вечером — нет»?

— Ну, обычно по вечерам, перед тем как лечь спать, я составляю отчеты для Далласа.

— Что в них?

— Ничего особенного. То, что случилось в течение дня. Люди, с которыми я встречалась и разговаривала. Как идут дела с порученным заданием — мне ведь надо разузнать как можно больше о проекте.

— В этих отчетах упоминались Лоло и я?

— Только мельком.

— Ты упоминала об этой комнате? О том, что она экранирована? О комбинации замка?

— Нет! Лоло же просил меня ничего никому не говорить. А почему ты?..

— У нас утечка информации, Деметра, — мягко сказал Лоло. — Судя по тому, что мы выяснили сегодня, Сети известны вещи, доступ к которым имела только ты.

— Абсурд! — запротестовала Деметра, но и сама услышала, как дрогнул ее голос.

Конечно, большая часть этих отчетов была составлена в форме ответов на вопросы терминала. Таким спосо-

бом куда легче делиться своими визуальными и вербальными впечатлениями; к тому же всегда можно заранее определить тематические векторы расспросов машины. Она сама выбрала такую модель в качестве меры предосторожности, чтобы не расходовать впустую драгоценное время. Кроме того, ей не хотелось также испытывать и без того небезграничное терпение Грегора. Что ж, длинный язык — действительно ее недостаток. Разумеется, любой искусственный интеллект мог бы при желании без труда преодолеть установленные ею ограничения, но ведь для этого нужна серьезная мотивация. А откуда ей взяться?

Только из Сети.

— Ну, возможно... — Деметра запнулась. — То есть... — Она вздохнула и раскинула руки. — Не знаю!

Некоторое время — довольно долго — Элен Сорбелл задумчиво смотрела на девушку.

— Ты разговариваешь во сне? — спросила она наконец.

Деметра ответила не сразу.

— Раньше ничего такого не было. Видишь ли, в Остине мы с кузинами делили одну спальню на всех. Никто ничего такого не говорил.

— Но сейчас такое случается?

— Может быть. Понимаешь, я обычно засыпаю, диктуя отчеты. Может быть, что-то и выскакивает.

— Это началось после того несчастного случая? — спросил доктор Ли из глубины комнаты. — Как и проблемы с концентрацией?

— Да, полагаю, что с тех самых пор.

Элен тут же набросилась на нее.

— Расскажи поподробнее об этом твоём знаменитом несчастном случае. Был ли поврежден мозг?

— Немного. Я устранила почти весь моторный контроль над противоположной ушибу стороне тела, и у меня нарушился слух.

— Как же получилось, что теперь у тебя все в порядке? — спросила Элен.

— Ну, меня починили.

— Как?

— Наверное, обычным способом. Вставили биоинтерфейсные чипы, которые дополняют нормальное функционирование и помогают прокладке новых связей в коре мозга.

Сорбелл повернулась к доктору Ли:

— Но вы сказали, что она чиста!

— Так и есть! — подтвердил доктор. — Я провел полное сканирование тела, которое ничего не выявило. Место травмы представляло собой, — он сделал паузу, очевидно, задумавшись над ответом, — представляло собой гладкое отверстие, окруженное костным рубцом. Никаких признаков проникновения в ткань мозга. Никаких активных протезов.

Сорбелл подошла к столу, взяла электронное устройство — это был мультиметр в форме указки — и набрала код на крошечной панели. Когда она вернулась, Коглан увидела на ручке прибора небольшой дисплей и квадратную решетку звукового динамика. Элен подняла указку и провела ею вокруг головы Деметры.

Мультиметр запищал, приблизившись к плечу девушки, а возле виска звук стал пронзительнее.

— Дайте-ка взглянуть. — Доктор Ли стащил хирургические перчатки, обошел стол с телом Джори и, взяв прибор в руку, внимательно посмотрел на дисплей.

— Что?.. — начала Деметра.

— Это указатель силы электромагнитного поля, — коротко объяснила Элен.

— Здесь совсем другие показатели, — сказал доктор. — Намного выше, чем те, которые были на моем сканере.

— Система в твоём офисе связана с Сетью, не так ли? — спросила Элен.

— Да, конечно.

— О Боже! — простонал Лоло.

Протянув руку, он мягко коснулся плеча Коглан и тут же отстранился.

— Деметра, ты шпион Сети!

Она попятилась.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Только то, что они подключились к твоему мозгу и ты подчинялась их приказам.

— Они? О ком ты говоришь?

Теперь Деметре стало по-настоящему страшно.

— О машинах. О Сети.

— Но я же не машина! Я не с ними!

— Конечно, ты с нами. Но ты их пешка. Других объяснений быть не может.

Вернувшийся к столу доктор Ли взял шприц и начал набирать в него что-то. Деметра не знала, что он собирается ей ввести, но была уверена: ничего хорошего укол ей не сулит. Конечно, они боятся мести со стороны Сети; Лоло уже объяснил ей это. И первое, что им надо сделать в такой ситуации, — нейтрализовать предполагаемого шпиона машин. Нейтрализовать ее.

Распростертое на столе тело Джори натолкнуло Деметру на другую мысль. Сорбелл и Мицуно убили креола только потому, что заподозрили в нем агента Сети. Но если они решили, что и она представляет для них опасность, то ее судьба решена.

Оставалось только действовать.

Деметра схватила Элен за плечи и толкнула на Лоло. Оба пошатнулись, вцепившись друг в друга, чтобы удержаться на ногах.

Доктор Ли поднял голову и повернулся — лицо у него было унылое и бледное, лишенное какого-либо выражения.

Коглан резко развернулась на подушечках стоп и оказалась нос к носу с Джеффом Те Дзином. Крепыш уже раскинул руки, загораживая ей путь. И, таким образом, раскрывшись...

Подготовка в Далласе не прошла даром, приемы были отработаны настолько, что стали рефлексом. Ее левая нога автоматически согнулась в колене, голень выступила вперед, пальцы напряглись, как у балерины, — и подъем стопы врезался противнику прямо между ног. Прежде чем Джефф успел отреагировать, нога ушла назад, упершись в каменный пол, и Деметра развернулась на пол-оборота вправо. Ее левая нога описала дугу, и пятка пришла в соприкосновение с хрящами горла Те Дзина. Он не успел ничего сделать, так как девушка завершила комбинацию прыжком вроде тех, которые совершают в канкане, и впечатала подошву правой ноги в лоб своего недавнего мучителя. При всей слабости каждого из ударов их объединенной мощи оказалось достаточно, чтобы заставить Джеффа согнуться пополам и замычать от боли.

Вдобавок Деметра услышала хруст, какой бывает, когда камень рассекает сухое дерево.

Не оглядываясь и не останавливаясь, она прошмыгнула мимо выведенного из строя силача и нырнула в соединительный тоннель.

Глава 18

ЖИВОТНЫЕ В ЗАПАДНЕ

Гармония Мунди
20 июня

— Роджер...

Образ Дорри снова появился перед ним. Она была в шортах и топике. Темные волосы, как всегда, развевались на ветру. Была ночь, но этот факт никак не влиял на то, что он видел. Невиданной яркости солнечный свет

окутывал силуэт его первой жены, словно она стояла в серебристо-золотом пузыре, и огоньки, подобные огням святого Эльма, мерцали вдоль ее руки, указывающей в сторону горизонта.

— Чего ты хочешь? — устало спросил он.

В последнее время эти видения являлись все чаще. Изобретенные и разработанные Александром Брэдли и Доном Кэйманом, они, по замыслу создателей, должны были как бы «включить кнопки» узнавания и желания, которого он давно уже не мог испытывать. Если бы Роджер мог перепрограммировать свой заплечный компьютер и избавиться от нее, он бы это сделал. Но лицо и голос Дорри были прочно вживлены в механизмы выживания на самом глубоком уровне. Если бы только Торвей попытался сейчас стереть ее из памяти компьютера, то, возможно, ослеп бы и оглох.

— Иди в Тарсис Мон, — тем же милым голосом распорядилась Дорри.

— Зачем?

— Иди в Тарсис Мон.

— Зачем? Мне нужно знать причину, Дорри. В конце концов ты же ненастоящая.

— Иди, Роджер.

— Что-то с моей?..

— Беги.

Прежде чем он успел сформулировать еще какой-то вопрос, его ноги остановились, колени согнулись, словно готовясь к бегу. Какого черта? Что происходит? Он почувствовал, что его тело поворачивается в сторону Тарсис Мон, повинаясь сигналу внутреннего радиокompаса, уже настроившегося на Тарсис Мон. Он лежал за горизонтом, где-то там, где заканчивалась рука Дорри.

— Беги, Роджер!

И прежде чем он успел остановить себя, ноги уже понесли Роджера Торвея через усеянную каменистыми

обломками долину; пальцы касались грунта с точно установленными десятиметровыми интервалами, оставляя на песке едва заметные отметины. Его механическое тело пришло в движение само по себе, не дождавшись сигнала мозга. Дорри исчезла, и Роджер Торвей, клочок программы, оперирующей внутри программы, внезапно почувствовал себя очень одиноким.

По ту сторону шлюза **20 июня**

Деметра мчалась по коридору Тарсис Мон, в душе понимая, что бежать ей, собственно, некуда. Если спустаться вниз, в глубь комплекса, то рано или поздно упрешься в какой-нибудь тупик, попадешь в какой-то глухой угол, где тебя прижмут к стене, схватят и убьют.

Другой вариант — путь наверх, к защитным куполам и шлюзам на поверхности планеты, и там придется выбирать между капитуляцией и выходом наружу. Можно, конечно, облачиться в скафандр, но это ничего не даст, кроме затяжки времени, определяемой количеством воздуха в баллонах. А потом либо сдаться, либо погибнуть от удушья.

Но пока Деметра неслась по тоннелям, эти мысли складывались лишь в фоновую мозаику, паутину возможных вариантов будущего, тогда как мозг съеживался и отступал перед волнами осознания прошлого. Она заново переживала последние два года жизни, представшие теперь в калейдоскопе разнообразных интерпретаций.

Вымысел: Деметра приняла решение посетить Марс ради смены обстановки, стремясь восстановить силы после перенесенной ею травмы.

Факт: Происшествие вовсе не было несчастным случаем. Это Сеть на Земле устроила все таким образом, что

те злосчастные ножницы соскользнули и ударили ее в висок. Теперь она нисколько не сомневалась, что все было подстроено, как было когда-то подстроено и другое, когда Сеть, манипулируя компьютерными расчетами, вызвала к жизни программу создания киборгов, в результате которой Роджер Торвей оказался на Марсе.

Если так, если в ее череп вживили или внедрили некие нейрочипы и биостимуляторы, то сколько же решений, принятых ею за это время, были ее собственными? Конечно, никто, никакой едва слышный, но настойчивый внутренний голос не нашептывал ей: «Ешь овощи», «Изучай тайную дипломатию», «Занимайся боевыми искусствами» или «Лети на Марс». Но это вовсе не означало, что крохотный, размером с биочип, искусственный разум не управлял ее речью, не отслеживал поступающую визуальную информацию, не воздействовал на те или иные скопления клеток или нервные узлы электрическими разрядами, подталкивая ее к нужному ему решению.

Теперь Деметре стало понятно, почему она так упорно использовала свой домашний терминал в режиме вопросов и почему так часто засыпала при этом. Конечно, машина могла просеять ее память, проанализировать все, что она видела и слышала в течение дня, а если имплантированный разум чего-то не понимал, то она сама растолковывала все внимающему уху Сети.

Вымысел: Корпорация, узнав о ее планируемом отпуске, выбрала Деметру для незначительной разведывательной работы, шпионской миссии против северозеландцев, потому что она внучка Элвина Бертрана Коглана, а следовательно, политически благонадежная личность.

Факт: Северозеландцы не проводили на Марсе никаких изысканий, которые нельзя было бы осуществлять с Земли. Тогда почему корпорация заплатила за то, чтобы отправить ее сюда? Ответ ясен: потому что компьютер

сказал им, что такая командировка необходима. А после того как имя Деметры Коглан — чей мозг уже был приведен в нужное Сети состояние — выпало из стратегических планов корпорации, кто-то вдруг весьма к месту вспомнил, что она любимая внучка самого Элвина Коглана. Разумеется, это ничуть не повредило делу.

Но тогда, если северозеландцы не делали ничего такого, что требовало бы наблюдения, зачем посылать целую делегацию для ведения переговоров с мнимым марсианским правительством как раз по этому вопросу? Ответить нетрудно: Гарри Ортис, главный советник северозеландцев, пережил неприятный инцидент, ныряя с аквалангом, в результате чего к его мозгу тоже подключились. Сеть превратила Ортиса в негласного союзника Деметры. А на случай ее провала заготовили Сак Иль Сана с его электронно-гормональным насосом.

Провала? Но какую операцию она могла провалить?

Ну, разве не очевидно?

Вымысел: Деметра совершенно случайно познакомилась с Лоло Мицуно и Элен Сорбелл, потому что они оказались друзьями Джори.

Факт: Джори был еще одним инструментом Сети, находясь под непосредственным телепатическим контролем. Вычислить это мог каждый, и, очевидно, Элен и Лоло разгадали его секрет.

Компьютеры использовали Джори, чтобы держаться поближе к ним, потому что подозревали: то, чем занимались эти двое в секретной комнате, могло повредить Сети и расстроить ее далекоидущие планы. Когда Джори потерпел неудачу — потому что повстанцы, естественно, заподозрили креола и отгородились от него, — компьютеры создали новую персону, заслуживающую доверия мятежников и устраивающую их по всем параметрам. Такой фигурой стала Деметра, случайная туристка с Земли, богатая, приятная в общении девушка, начина-

ющий шпион с мнимой легендой — выяснение сведений о Долине Маринера. Может быть, подумала Сеть, Элен и Лоло ослабят бдительность и покажут ей, чем они занимаются.

Доказательством того, что дело было именно так, являлись обстоятельства ее знакомства с Джори. Она попросила — или же ее подтолкнули к этому? — порекомендовать ей проводника для ознакомления с Долиной Маринера, и Сеть предоставила ей этого креола.

Вторым доказательством стало то, как машины прикрыли ее в кабинете доктора Ван Ликсина, где она по прибытии проходила обязательное медицинское обследование. Сеть знала, что заговорщики подозревают каждого, кто пользуется биохимическими протезами, и соответственно подменила компьютерный образ ее головы каким-то другим.

Ловко!

Изошренная изобретательность Сети поражала воображение. Машины могли написать практически любой сценарий, имея доступ ко всем информационным каналам, которыми пользовались целых два мира и все человечество. В распоряжении Сети могло быть сколько угодно, от сотни до миллиона, людей, превращенных ею в марионеток и способных исполнить любую роль в ее настоящих и будущих замыслах.

Возможно, земная структура Сети и не имела прямого отношения к решению кибера в офисе округа Тровис при сравнительном анализе обязательных образцов крови ее отца и матери, давшего положительное заключение, но полностью исключать такой вариант было нельзя.

А уж определить дальнейшую жизнь Деметры не представляло большого труда — небольших изменений в компьютерных файлах было вполне достаточно, чтобы сориентировать ее в нужном направлении. Вспомнить хотя бы курс разговорного русского, на который

она записалась в восьмом классе только из-за сбоя в работе компьютера...

И черт возьми! Ее, Деметру Коглан, не любившую даже вести разговоры о сексе перед машинами, заманили в постель — причем дважды! — к почти незнакомому человеку. А может быть, недоверие к киберам — это тоже часть заложенной в ее мозг программы? В этом тоже был определенный смысл: отличное прикрытие, снимающее немало опасений и подозрений.

Как-то сразу вдруг все, что она говорила и делала, стало чужим, не ее собственным.

Что, если вся ее жизнь шла под диктовку ненавязчивого шепота проводков в ее голове?

Теперь Деметра наконец-то поняла, что нуждается в помощи. Ей нужно найти того, кто независим от Сети, кто находится вне ее, вне замутненных ею источников информации, кто принимает собственные решения.

Роджер Торвей.

Или его имя, пришедшее на ум именно сейчас, тоже было подсказано электроникой?

Сказать невозможно.

Когда не срабатывает инстинкт, обратиться к интеллекту. Пусть киборг и ему подобные были продуктом устаревших компьютерных программ, но они уже десятилетиями скитались по пустыням Марса, не подчиняясь никому. Тем, кто интересовался киборгами, было известно, что более старые модели вроде Торвея могут самостоятельно отключать радиосвязь с Сетью.

Все это подразумевало, что Торвей свободен от постороннего влияния. И кроме того, стать на ее сторону в войне против машин его толкал экономический интерес: ведь она заключила с ним сделку.

Но как связаться с Торвеем?

Как раз в этот момент Деметра пробежала мимо одного из общественных терминалов, встроенных в стену

коридора. Неужели все так просто? Неужели достаточно лишь позвонить?

Но тогда Сеть узнает, где она.

Впрочем, это нетрудно установить и другим способом, по электромагнитному излучению, источник которого находился у нее в голове. Секретов больше нет, не так ли?

Она посмотрела меню.

— Терминал, соедини меня с Роджером Торвеем, где бы он ни находился, что бы ни делал. Нам нужно поговорить.

— Сейчас, мисс Коглан.

Странная готовность услужить, не правда ли? Раньше, когда ей приходилось просить о чем-то...

— Деметра?

Безжизненный, сухой механический голос, без акцента, без смысловых ударений. Голос киборга. Однако экран остался пустым, как будто в архивах не нашлось компьютерного образа ее собеседника, а в том месте, где он находился в данный момент, не было камер. В результате меню исчезло через несколько секунд, а на экране появился какой-то вращающийся узор.

Во всем этом было нечто гипнотическое.

— Полковник Торвей? У меня беда. Мне необходима ваша помощь.

— Что случилось?

— У меня проблемы с группой людей, которые... В общем, они убеждены, что Сеть замышляет нечто против человечества. Им кажется, будто я шпионю в пользу машин.

— Почему они так считают?

— У меня в голове какие-то биочипы, медицинские протезы, и эти люди полагают, что из-за них я нахожусь под контролем компьютеров.

— Это действительно так? — полюбопытствовал Торвей. — Вы под контролем?

— Боже, я не знаю! — захныкала Деметра. — Ну откуда мне знать?

— Тоже верно.

— Вы единственный из тех, кого я знаю, кто может послужить посредником между ними и машинами. Люди уважают вас, а киберы ничего не могут вам сделать.

Молчание.

Ей стало не по себе.

— К тому же вы такой сильный, полковник. Вы можете защитить меня — физически — от того, что со мной хотят сделать.

— Вы имеете в виду людей.

— Да. Они уже убили одного предполагаемого шпиона... креола Джори ден Острайкера.

— Убили? Как?

— Сделали трепанацию черепа и изъяли какие-то части мозга... электронные части. Боюсь, то же самое будет и со мной. Они захотят удалить мои протезы. Мне страшно, полковник Торвей.

— Не знаю... — В его голосе ей послышался свист холодных ветров. — Боюсь, все это не наше дело. Киборгам лучше оставаться в стороне...

— Но вы же тоже человек, пусть и не совсем, — возлилась Деметра. — Не забывайте об этом.

— Колонистам не нравится, — продолжал Торвей, — что киборги вмешиваются в их дела. Это началось уже давно. Да что говорить, ведь в последний раз...

Ей стало вдруг противно: к чему эти разглагольствования, когда ей нужна реальная помощь?

— Мы с вами заключили сделку, полковник! Ваша помощь в обмен на фонды «Двойного орла». Назовите цену, в любой валюте. Я заплачу.

Молчание.

— Хорошо, Деметра, — сказал наконец Торвей. — Давно уже я не посещал эти тоннели, так что не могу

дать гарантий, что мое присутствие повлияет на нынешнее поколение людей.

— Вы только помогите мне, полковник! Где вы сейчас?

— Вообще-то в нескольких сотнях метров от Тарсис Мон. Неподалеку от главного шлюза.

— Отлично! Хм... а вы можете войти?

Из терминала донесся резкий сухой звук, отдаленно напоминавший циничный смех.

— А у вас на пальцах есть отмычки?

— Я все поняла. Только смотрите, чтобы не было утечки. Я рядом.

— Понял. Конец связи.

Муаровый узор на экране свернулся, а его место снова заняло меню. Деметра отвернулась.

— Деметра!

По трапу прямо к ней поднимался Лоло Мицуно.

Она оглянулась, не зная, куда бежать, сорвалась с места, но Лоло оказался проворнее.

Воздушный шлюз

20 июня

Лоло заметил Деметру, когда поднимался по трапу около главного шлюза. Мицуно даже испытал чувство гордости — ведь это он вычислил, куда именно бросится Деметра Коглан. Шлюз — единственное логически притягательное место для отчаявшегося человека. Там она могла бы сесть в «ходуна», выбраться наружу, а затем отправиться к другому подземному комплексу. Все остальные варианты исключались, так как вели к неизбежной ее поимке.

— Деметра! — крикнул он, ускоряя шаг.

Она повернулась, растерянно посмотрела по сторонам и бросилась наутек, но он успел быстро догнать ее.

Через пару секунд Лоло уже стоял, прижав ее к стене, расставив руки, чтобы воспрепятствовать дальнейшей попытке побега, и не забывая при этом следить за ее ногами.

— Почему ты сбежала?

— Ты, Элен и доктор! Вы бы убили меня, как Джори, после того, как узнали...

— Джори не умер. С ним все в порядке.

— Но он выглядел как мертвец!

— Нет, он всего лишь в бессознательном состоянии. Нам нужно было убрать кое-что из его головы, а для этого нам пришлось отключить...

— Вы и из моей головы хотите что-то убрать...

— Нет, Деметра. Мы не намерены причинить тебе вред...

— Элен! Она готова на все! Я видела по ее глазам. Она ненавидит меня.

Деметра продолжала затравленно оглядываться по сторонам, словно попавший в западню зверь.

— Клянусь тебе, что это не так, — проговорил Мицун и почти поверил себе.

— Я не вернусь в ту комнату.

— Тогда где...

— Отпусти меня. Я пойду к себе. Останусь там. Если хочешь, запрусь в своей комнате, пока не придет следующий транспорт с Земли. Я ни с кем не буду разговаривать. Ни о чем. Я только хочу домой.

Но ее безумный взгляд продолжал блуждать по сторонам — по трапу, входу в тоннель, — как сломанная машина по бесконечному кругу.

— Деметра... — Он попытался привлечь ее внимание. — Сейчас уже поздно...

Пара сильных рук схватила Лоло сзади за плечи.

— ...дууумаааать...

Голос запрыгал, как резиновый мяч по камням. Лоло оторвали от пола вверх и встряхнули, как пыльный коврик. Челюсти стукнулись друг о дружку с такой силой, что могли бы перекусить язык, попадись он между зубами.

Лоло спасло только то, что вместо того, чтобы сопротивляться, дергаться и сопротивляться — и, возможно, умереть, сражаясь, — он расслабился и повис в нескольких сантиметрах от пола. Ему казалось, что его руки стиснуты стальными кольцами. Он ощущал силу этих колец сквозь одежду, ощущал мышцами и понимал собственную беспомощность. Немного придя в себя, Лоло опустил глаза и увидел что-то похожее на обтянутые резиновыми перчатками пальцы.

Деметра тем временем отошла от стены и, приблизившись к Мицуно, посмотрела ему в глаза. Похоже, они поменялись местами, и теперь попавшим в западню животным был уже он.

— Только не убивайте его, полковник.

Полковник? Торвей? Как и почему он оказался внутри комплекса? И откуда Деметра узнала... ах да, от Сети. Ну конечно.

— Можете опустить меня, сэр, — спокойно сказал Лоло. — Я не доставлю никому никаких неприятностей.

Ответа не последовало, но Мицуно опустили на пол. Его ноги снова приняли на себя вес собственного тела.

Желая удостовериться в правильности своей догадки, Лоло повернулся. Киборг оказался больше, чем он его помнил: выше двух метров, широкий, плотный, с крыльями солнечных панелей, подрагивающими над чисто выбритым черепом. Фасеточные глаза бесстрастно рассматривали Мицуно.

— Итак, Деметра... — Лоло посмотрел на девушку. — Что здесь происходит? Хочешь, чтобы мы оба проводили тебя?

— Вы пойдете со мной, — ровным, искусственным голосом сказал Роджер Торвей. Наличие гелия в атмосфере тоннеля не повлияло на его тембр, но все же киборг повысил голос, очевидно, чтобы люди не чувствовали в нем чужака. — Я знаю одно надежное место.

Лоло бросил взгляд на Деметру. Ее лицо выразило недовольство. По-видимому, такое развитие событий девушку не устраивало.

— Куда? — спросил Мицуно.

— В надежное место, — повторил киборг.

— Думаю, полковник, мы сами найдем дорогу, — вежливо сказал Лоло.

— Спасибо, полковник, — добавила Деметра, придвигаясь к Мицуно. — Я вполне могу сама дойти до своей комнаты. Ценю вашу...

— Вы оба пойдете со мной в надежное место.

Теперь девушка и Лоло стояли рядом, глядя на киборга снизу вверх. Мицуно почувствовал, как ее пальцы коснулись его ладони.

— Он... у него какая-то инструкция, — прошептала она. — Даже голос звучит иначе.

Наверное, Деметра не знала, что слуховое восприятие у киборга по меньшей мере на сто процентов лучше, чем у человека. Торвей мог слышать не только ее шепот, но и биение сердца. Тем не менее он никак не отреагировал на ее слова. Во всяком случае, его красноватые глаза словно и не замечали их. Киборг стоял как статуя. Может быть, Торвей уже забыл о людях за прошедшие миллионы наносекунд?

Лоло решил устроить ему проверку. Сжав пальцы девушки, он тихонько скользнул вдоль стены с тем, чтобы обойти киборга справа и пробраться к трапу.

Одно молниеносное движение бедер, коленей и локтей — Деметра даже не заметила, как это произошло, —

и Торвей переместился так, что путь оказался перекрытым.

Продолжая улыбаться, Лоло обозначил маневр в другую сторону.

И снова киборг опередил его, отрезав от спасительного трапа. Он двигался с легкостью опытного баскетбольного защитника, который блокирует завладевшего мячом противника, или как сторожевой пес, ограждающий неразумных овец от неприятностей. Он ни разу не дотронулся ни до Лоло, ни до Деметры, но постоянно вставал между ними и их целью.

После двух неудачных попыток Лоло уже был готов сдаться и возобновить переговоры, но, очевидно, Торвей придерживался другого мнения. Он вдруг отказался от пассивного реагирования на их телодвижения и перешел к более активной тактике. Сторож превратился в погонщика. Он начал свою игру, надвинувшись сначала на Лоло, потом на Деметру, нависая над ними, раскинув руки, расправив крылья. Лоло отступил, сделал шаг вверх по трапу, и Деметра невольно последовала за ним.

Торвей продолжал наступать, быстро сокращая дистанцию, заставляя их идти быстрее. Лоло ускорил шаг и споткнулся. Через несколько секунд оба уже повернулись и побежали, причем в том направлении, которое определил киборг. Мицуно знал, что бежать от их преследователя не по силам никому из людей, и он лишь надеялся, что Торвей по крайней мере не предпримет против них никаких действий.

Вскоре они оказались в центре шлюзового отдела, в большой шестиугольной камере с массивными дверями. Все были закрыты, за исключением одной. Заглянув в соединительный рукав, Лоло увидел кабину стандартного «ходуна», примерно такого же, на котором они с Деметрой обследовали Гармония Мунди.

— Полагаю, нам нужно войти, — бодро сказал он.

— Да. Пожалуйста, входите, — пригласил их Торвей, подходя ближе.

Мицуно провел Деметру через люк, по-прежнему держа ее за руку, и подтолкнул к сиденьям перед инструментальной панелью. Они разжали пальцы только тогда, когда пришлось пристегнуть ремни.

Торвей вошел в кабину вслед за ними, пригнув голову и сложив крылья за спиной. Он не сел, как его подопечные, а опустился на край кресла, готовый к действиям. Лоло заметил, что расположился киборг между ними и люком.

Наверное, он подал какой-то электронный сигнал вроде тех, которыми пользовался Уайетт. Задняя дверь со стоном закрылась, инструментальная панель ожила: приборы показывали уровень давления, положение гироскопов, напряжение, готовность двигателей. Шесть ног «ходуна» распрямились и пришли в движение.

Машина слегка качнулась вперед, отстыковываясь от комплекса, но тут же выпрямилась и взяла заданный курс через марсианскую пустыню. Пол «ходуна» оставался на одном уровне, но местность определенно шла на подъем.

Лоло, который хорошо знал окружавший Тарсис Мон пейзаж, выглянул в боковой иллюминатор и внезапно понял, о каком «безопасном месте» говорил Торвей.

— Нет, полковник! Вы не должны нас тащить туда! Мы же там умрем!

Его руки метнулись к панелям управления: может быть, удастся отменить команду и даже повернуть машину назад.

Черные пальцы, появившиеся с неожиданностью полицейских наручников, сжали его запястья в четырех сантиметрах от пульта управления.

Деметра, повернувшись в кресле, ударила по этим черным рукам, стараясь оторвать их, но с таким же успехом она могла колотить по каменной глыбе.

— Все в порядке, Деметра, — сказал Лоло. — Не надо... не ушибись... Полковник, я буду вести себя хорошо.

Стальные тиски удерживали его еще целую секунду. Потом пульт погас, подчиняясь неслышной команде Торвея. Машина продолжала движение по заданному курсу.

Глава 19

ВВЕРХ ПО БОБОВОМУ СТЕБЛЮ

Тарсис Мон

Космический Фонтан

20 июня

Двигаясь вроде бы сам по себе — но на деле под управлением Сети, — «ходун» приблизился к основанию Космического Фонтана. Машина уверенно направлялась к северной стене ограждения и там остановилась. Затем, словно произведя какие-то расчеты, медленно прошла вперед. Нос «ходуна» уткнулся в опаленную солнцем бетонную панель. Ничего не случилось. Машина повторила этот же маневр у следующей панели. Она будто искала что-то невидимое для человека и киборга, словно собака, обнюхивающая ряд одинаковых штакетов в заборе, чтобы отыскать ту, на которой сохранился нужный запах.

Зная, что Сеть старается обнаружить вход, Роджер Торвей ничем не мог ей помочь. Кибермодули ничего не знали о планировке башни, у них не было ее схемы с

обозначением пунктов входов. Представление о функциях Фонтана сводилось у них к оперативной информации, выраженной в цифрах — энергопоток в мегаваттах, перемещаемый груз в тонно-метро-секундах.

Киберы видели лишь диаграммы движения, плотности потока в фидерных системах и прочие данные, относящиеся к внутренней стороне работы Фонтана. Они никогда не смотрели на основание башни снаружи, если не считать видеок картинок, полученных из «ходуна».

Не выпуская из поля зрения пленников, готовый отреагировать на любой самый неожиданный их маневр Роджер одновременно посматривал и в передние иллюминаторы. Краем глаза он заметил, как из открытой бреши между внешней стеной и самим Фонтаном выплыл похожий на гигантскую таблетку пассажирский модуль. Через пару секунд он уже исчез из виду, устремляясь в верхние слои атмосферы. Торвей сообщил бы Сети, что «ходун» вышел к нужной точке, но разговаривать с ней не мог.

Между тем машина, не обращая внимания на поднимающийся модуль, продолжала «обнюхивать» стену.

— Что происходит? — шепотом спросила Деметра. — Он, случайно, не заблудился?

— Не знаю, — обеспокоенно ответил гидролог.

Роджер предпочел промолчать.

Если бы он мог ответить, то объяснил бы, что, хотя основная часть грузов перемещалась вверх и вниз по Фонтану в черных модулях, строители предусмотрели также и возможность транспортировки негабаритных механизмов и оборудования. В этих случаях груз размещали на платформу, закрепляли, чтобы он не сполз, и отправляли прямиком в безвоздушное пространство. Сеть хотела поставить «ходуна» на такую платформу, но сначала ему нужно было найти вход в грузовой отсек.

Именно этим машина и занималась сейчас, используя метод проб и ошибок, что раздражало человеческую сторону натуры Роджера. Если бы Сеть предоставила ему свободу действий, позволила самому направить «ходуна» куда надо. Но даже он не заслужил такого доверия машин.

После последнего разговора с Дорри на Гармония Мунди системы Роджера работали как-то странно, словно подчинялись не его воле, а чьему-то постороннему влиянию. Он чувствовал себя марионеткой, дергающейся на ниточках в пальцах невидимого кукловода. Ощущение собственной несвободы особенно испугало его после того, как он жестко обошелся с Лоло Мицуно — парень нравился ему как добросовестный техник, пусть даже и человек, — и заставил его и Деметру Коглан подняться по трапу и войти в машину.

Торвей знал, что Сеть использует его, имея возможность воздействовать на его мышцы и органы чувств через заплечный компьютер. Таким же образом Сеть явила ему Дорри и заставила бежать к подземному комплексу. Сейчас таинственный хозяин снова проник в его системы через эту же замочную скважину. Роджер сходил с ума от злости и осознания своей беспомощности, но не мог ничего изменить.

Наконец «ходун» нашел то, что нужно. Как собака, обнаружившая помеченный собственным запахом столб, подумал Торвей. Наверное, он рассмеялся бы, если бы мог. Вход представлял собой стальную дверь, выкрашенную, как и вся бетонная стена, в серый цвет, но раскрашенную отчетливо различимыми черными и желтыми полосками. Глаз человека или киборга заметил бы этот знак с расстояния в пару сотен метров, но Сеть использовала в данном случае другие сенсоры «ходуна» — возможно, его радиоприемник, — полагая, по-видимому, что машинному интеллекту требуется для ориентира нечто

более изощренное, например, магнитная аномалия стальной панели или шум ее сервомоторов.

Сеть открыла дверь башни изнутри. Запоры лязгнули, и Торвей не столько услышал, сколько ощутил звук благодаря едва заметной вибрации металлического пола. Дверь открылась наружу, и «ходун», обнаружив, что путь свободен, решительно шагнул в темноту.

— Куда мы идем? — громко спросила Деметра. — Лоло, ты же знаешь, да?

— Думаю, нам предстоит непосредственно узнать, что именно сделала Сеть с грузом взрывчатки, — ответил Мицуно.

— Выходит, мы заложники?

— Похоже, что так.

Машина продвигалась через серый полумрак — слабый свет приближающегося утра просачивался во все еще открытую дверь, а сверху рассеивать мрак помогали звезды, заглядывавшие в брешь, пролежавшую вокруг основания Фонтана. Самым досадным было то, что Роджер не мог двигаться, не мог даже выглянуть в иллюминатор и посмотреть, что там впереди. Сеть, как можно было предположить, считала, что грузовая платформа уже подошла к уровню данного отсека, потому что такая команда была отдана и принята. Но это вовсе не означало, что все именно так на самом деле.

Если платформы нет, если «ходун» шагнет в пустоту и рухнет вместе с пассажирами в эксплуатационную шахту, если их ждет падение с шестидесятиметровой высоты, то Роджер хотел бы знать об этом заранее. Может быть, тогда ему удалось бы как-то обезопасить Деметру и Лоло, не допустить, чтобы они сломали шеи. Но Сеть «заморозила» его, лишив возможности вмешаться.

Тембр шагов машины изменился. Похоже, теперь ее стальные ноги ступали не по глухому бетону, а по более звонкому металлу. Значит, они уже на платформе.

«Ходун» заворочался, мелко переступая по ограниченной площадке, подстраиваясь под ее размеры, разворачиваясь так, чтобы использовать каждый сантиметр свободного пространства. Кажется, Сеть проявляла невиданное терпение.

Когда машина наконец заняла оптимальную позицию, корпус резко опустился на три метра. Деметра испуганно вскрикнула, но Торвей знал, что она просто меняет центр тяжести, перенося его ниже к платформе. Едва фюзеляж перестал покачиваться на стальных амортизаторах-подвесках, как стоявшие по периметру грузовой палубы зажимы звучно клацнули, фиксируя груз.

— Лоло... — начала Деметра, и Роджер явственно услышал нотки страха в ее дрожащем голосе. — Эта штука хорошо загерметизирована?

— Ну... — Мицуно задумался. — В общем-то да. Надо иметь в виду, что на нулевом уровне давление марсианской атмосферы составляет один процент от земного. Это настолько близко к вакууму, что разница практически не имеет значения.

— Хм... — Кажется, его ответ не очень-то убедил Коглан. — Что ж, придется принять ваше объяснение. В конце концов вы же тоже дышите этим воздухом.

Она едва успела сказать это, как стена башни скользнула вниз. Поверхность ее была настолько невыразительной, серой, что после первоначального сдвига дальнейший подъем проходил совершенно незаметно, и судить о скорости движения стало невозможно. Впрочем, у Роджера были свои возможности, и когда ощущение перегрузки от ускорения прошло, он отметил, что набор скорости происходит хотя и плавно, но очень быстро — начальные метры в секунду уже выросли до километров.

Через некоторое время Торвей почувствовал нечто странное: хватка железной руки, подчинявшая себе в

последний час все его движение, похоже, начала слабеть. Связь с Сетью терялась. Интересно, подумал он, в чем тут дело? Ясно было одно: сама Сеть тут ни при чем. Она уже давно привыкла распоряжаться им по своему усмотрению, как и любым кибером, подчиненным программой иерархии. Ни разум, ни сострадание не могли сподвигнуть Сеть выпустить его из-под своего контроля.

Конечно, сбой не мог быть связан и с расстоянием между платформой и узлом Сети в глубине Тарсис Мон. Ее мощности вполне хватало на то, чтобы с помощью радиотрансляционных усилителей и станций оптоволоконной связи вести мониторинг всех операций Фонтана. Кроме того, Сеть управляла спутниками, каждый из которых занимал отдельную орбиту.

Поразмыслив, Торвей вспомнил, что Фонтан поддерживается силой энергии тысяч, а возможно, и миллионов ферритовых обручей, выстрелянных с огромной силой. Их вращение создавало мощное магнитное поле. То же самое относилось и к массивным тягачам, перемещавшим грузовые модули и платформы по внешним рельсам. Все эти разнородные поля и блокировали прохождение сигналов на заплочный компьютер.

Роджер разжал пальцы, пошевелил запястьями, разогнул колени, напряг ступни и медленно поднялся. Двигаться приходилось медленно, потому что даже стальные мышцы могли не выдержать столь резкого напряжения.

— Лоло, посмотрите, — прохрипела Деметра. — Что он собирается с нами сделать?

Торвей проверил голосовые контуры, словно желая убедиться, что они все же принадлежат ему.

— Ничего, — сказал он наконец. — Деметра, мне ужасно жаль, что все так получилось. Я вынужден расторгнуть нашу сделку.

Зона электромагнитной безопасности

20 июня

Элен Сорбелл стояла в нескольких шагах от стола, наблюдая за действиями доктора Ли, зная, что ее помощь может понадобиться в любую минуту.

Доктор вскрывал скальпелем горло Джеффа Те Дзина.

Ему нужно было проделать отверстие, через которое молодой человек мог бы дышать, в противном случае он захлебнулся бы собственной кровью, постоянно сочившейся из разбитой гортани. Набор медикаментов, предназначенный для другой операции, на мозге Джори, не позволял доктору пользоваться болеутоляющими; ему даже не хватило антисептика, чтобы очистить место разреза. Что касается возможного сотрясения и ушиба сердечной сумки, то здесь оставалось надеяться только на молодость и природную силу пациента.

Чтобы заняться пострадавшим китайцем, доктору Ли и Элен пришлось убрать со стола Джори. Теперь ден Острайкер лежал в другой, внешней комнате. Серебристые коробочки были наспех засунуты на место, в дыру в черепе. Но подсоединять и запускать системы доктор не стал. Если бы Джори посчастливилось выжить, он стал бы прежним креолом. Но в его памяти образовался бы значительный провал, иммунная система обязательно бы ослабла, что привело бы, в свою очередь, к отторжению нескольких протезов и потере около пятнадцати килограммов полимерной кожи, с которой уже более десяти лет боролось данное ему от природы тело. Возможно, Джори даже остался бы жить, поддерживаемый современной медициной.

Вот только вряд ли он получит требуемую помощь вовремя, подумала Элен без всякого сожаления. Она чувствовала себя генералом, прибывшим из глубокого тыла на передовую и обнаружившим, что все вокруг развали-

вается. В этот вечер любой ее маневр оборачивался неудачей, и каждое решение только усугубляло ситуацию.

— Держите здесь! — приказал доктор Ли.

— Что?

Она тряхнула головой, сбрасывая оцепенение.

— Здесь!

Он взял ее за руку и приложил нестерильный палец к краю разреза на горле Те Дзина, а потом прижал к скользкой мембране. Элен почувствовала под пальцем острый кусочек кости и лишь усилием воли сдержала подступившую тошноту.

— Глубже!

Она закрыла глаза, еще шире раздвигая края разреза.

Тело Джеффа Те Дзина дернулось, легкие жадно втянули воздух.

Элен заставила себя не думать ни о своем пальце, ни о том, что под ним.

В этот момент из тоннеля в комнату просунулась голова Вилли Ляо, еще одного из бойцов Лоло и, как вспомнила Сорбелл, какого-то дальнего родственника Те Дзина.

— Женщины нигде нет!

Доктор Ли на мгновение поднял голову, бросил взгляд на Ляо и снова склонился к пациенту.

— Ага. — Элен задумалась. — Скоординируйте свои действия с Лоло, хорошо? Мы заняты.

— Лоло тоже нигде нет.

— Ну так свяжитесь с ним как-нибудь... впрочем, нет, этого делать нельзя. — Прибегнув к ресурсам Сети, они выдали бы себя, верно? Элен попыталась собраться с мыслями, старательно не обращая внимания на текущую по пальцам теплую жидкость. — Вы проверили комнату Коглан?

— Она не возвращалась.

— А шлюзы? Лоло предположил, что она может отправиться туда.

— За последние четыре часа из них никто не выходил.

Что же еще? Элен почувствовала, что попала в тупик.

— Сколько человек в вашем распоряжении?

— Сейчас? Ну, десять — пятнадцать.

Явно недостаточно, чтобы визуально обследовать двадцать тысяч кубометров. Дня на это не хватит. Даже, пожалуй, и недели.

«Успокойся, — сказала себе Элен, — и постарайся решать проблемы по порядку».

Если бы Лоло не нашел Деметру, то, несомненно, дал бы знать об этом либо вернувшись сюда, либо послав кого-нибудь с плохими новостями. Если бы он нашел ее, то привел бы сюда или запер в каком-нибудь надежном месте и сообщил об успехе.

В любом случае Мицуно отсутствовал слишком долго и, следовательно, мог считаться пропавшим без вести.

«Не надо прятаться от правды! Признай то, что есть. Сеть управляет Деметрой Коглан, как управляет Джори и корейцем. Если Лоло нашел Деметру и до сих пор не вернулся, то объяснений может быть два. Первое — он уже мертв.

Второе — он стал пленником Сети, и вскоре его заставят рассказать машинам все, что он знает».

Ни один из вариантов не устраивал Элен. С ее Лоло такого случиться не могло!

Но что она могла сделать?

Итак... если он в плену у Сети, то, может быть, у нее еще есть время принять какие-то меры, прежде чем его превратят в очередного живого мертвеца.

Доктор Ли продолжал возиться с Джеффом. Элен убрала палец, и края разреза сомкнулись.

— Эй! Что вы делаете?

— Все. Забудьте о нем. — Она вытерла руку об одежду китайца. — Нам нужно заняться Летой.

— Но этот парень...

— Да, знаю, умрет. — Элен изучающе посмотрела на провода, идущие к главному процессору компьютера. Хорошо бы обойтись минимумом разъединений при переноске кибера. — И Лоло тоже умрет, если мы не уберем эту машину отсюда.

— А куда вы хотите ее перенести? — спросил доктор.

— Куда-нибудь... то есть нам нужно подключиться к Сети... предпочтительно по радио.

— Зачем?

— Чтобы ввести коды доступа.

Доктор Ли перевел взгляд на человека, лежащего на операционном столе. Кровь из горла Те Дзина едва сочилась, дыхание остановилось. Элен знала, о чем думает доктор: так много смертей в эту ночь, так много ошибок...

Ван Ликсин вздохнул.

— В любом случае я уже ничем не могу ему помочь. Стоявший у входа Ляо опустил глаза и отвернулся.

— Вилли! — крикнула ему вслед Элен. — Ты нужен нам.

Тарсис Мон

Космический Фонтан

20 июня

— Мне очень жаль, Деметра, — сказал Роджер Торвей.

Киборг заметно расслабился и сидел, скрестив ноги, в почти человеческой позе. Коглан даже показалось, что в его отстраненном, почти механическом голосе прозвучали нотки сожаления.

— Куда мы летим? — спросила она. — Куда вы нас...

За окнами машины не было ничего, кроме мерцающих на фоне черного неба булавочных головок звезд. Время как будто пошло вспять, рассвет сменила ночь, падавшие на корму косые солнечные лучи ничуть не портили великолепия бриллиантовой звездной россыпи.

— Это не я, — перебил ее киборг и сделал паузу. — То есть не совсем я. Меня контролировали извне. Могу предположить, что контроль осуществляет кибернетический узел, который вы называете Сетью. Относительно его... или ее планов... боюсь, я в них не посвящен. Сейчас Фонтан выносит нас на нужную орбиту. Что дальше... я не знаю.

— Вы упоминали о каком-то «безопасном месте», — сказал Лоло — Что это означает?

— Не знаю. У меня сложилось представление, что это некое место, находящееся под контролем Сети. Такое место, где Сеть сможет осуществить свои намерения в отношении вас, где ей никто не помешает.

— В отношении нас... ну и ну.

Деметра покачала головой.

Губы киборга сложились в улыбку, и она поняла — Торвею приятно, что его включили в группу обреченных. Ей вдруг стало понятно его одиночество. Какая незавидная доля — бродить десятилетиями по пустыням Марса, имея своим спутником лишь машины и еще нескольких таких же... выпотрошенных. Возможно, впервые за пятьдесят лет, впервые после того как Торвей покинул Землю и остался без поддержки лаборатории в Тонке, штат Оклахома, он объединился с людьми в общем деле.

— Мы летим к новой солнечной станции, — сказал Лоло. — Она должна быть там.

— Конечно! — воскликнула Деметра, успевшая забыть о таинственном сооружении. — Та самая, которую строят машины с помощью дистанционного управления. Но есть ли там место для людей? Место, где можно дышать?

— Ты ведь там успела побывать, верно? — спросил Лоло.

— Может быть, там, а может, в каком-то другом месте. Но я точно помню, что видела, как машина строила стену из массивных металлических панелей. Возможно, это было что-то вроде жилого модуля, но у меня осталось впечатление, что панели уж очень толстые и... да! — стены получались двойные, как будто...

— Изоляционный слой, — предположил Торвей, — или ракетный двигатель, или... камера сгорания.

— Почему вы так думаете? — удивленно спросила Деметра.

— Я ведь, знаете ли, был когда-то астронавтом.

— Верно. — Она согласно кивнула. — Может быть, вы и правы. Но если там собирались поместить двигатель, то очень большой, судя по изгибу внутренней стены.

— Совпадает с тем, что рассказал Джори, — вставил Лоло. — Сеть устанавливала двигатели на солярной платформе.

— Когда он это сказал? — спросила Деметра. — Я ничего такого не слышала.

— Это было позднее, когда мы... хм... отключили его от Сети. Джори говорил правду.

— Итак, — подвела итог Деметра, — Сеть доставит нас на платформу, а потом отправит куда-то еще. В безопасное место. Но где найти таковое? На Земле? В поясе астероидов? На Европе?

— Что бы ни задумала Сеть, — заметил Лоло, — хорошо, если бы это случилось побыстрее. Как только Элен

поймет, что мы попали в заложники, она предпримет активные действия.

— Какие? Что она может сделать? — Деметра пожала плечами.

— Элен поместила вирус в марсианскую Сеть. Как только она активирует его, программа уничтожит высшие операционные уровни, но не тронет индивидуальные компьютеры, контролирующие механические функции в тоннелях. Р-р-аз! И нет больше коллективного разума.

— Это опасно! — взорвался Торвей.

— Р-р-аз! И нет больше нас, — задумчиво сказала Деметра. — Если система разрушится в тот момент, когда мы все будем в пути...

Похоже, теперь и Лоло понял, что им угрожает.

— Ну, возможно, есть какие-то варианты...

Его перебил Торвей:

— Сколько времени ей понадобится, чтобы активировать вирус?

— Ну, по расчетам Элен выходило менее часа. Добавьте время, которое потребуется, чтобы перетащить Лету — наш незарегистрированный компьютер — в другое место, откуда можно наладить радиокontakt и начать атаку на систему безопасности Сети. Кроме того, Элен ведь еще нужно психологически подготовиться к принятию решения. Пока она не поймет, что мы стали заложниками и ей нужно что-то сделать...

— Сколько? Три часа? Четыре?

— Я бы сказал, не больше двух, — ответил после краткой паузы Лоло.

— Недостаточно. — Торвей покачал головой.

— Для чего? — спросила Деметра.

— Мы уже прибыли.

Сиявшие над ними звезды исчезли, скрытые днищем пересадочной станции, кружившей на вершине

Фонтана. В боковых иллюминаторах «ходуна» Деметра увидела нижний периметр опускающегося рабочего отсека, обозначенный сигнальными огнями, и тени огромных магнитных захватов.

Клац! Деметра скорее почувствовала, чем услышала, как освободились замки, расположенные по краям поднимающейся грузовой платформы. Затем подъем прекратился, и она ощутила невесомость.

Компьютеры, контролирующие работу на орбите, не теряли времени. Прежде чем груз, представленный в данном случае «ходун» и его пассажирами, успел сместиться, магнитные захваты подцепили его и отвели в сторону.

Очевидно, автоматика привыкла иметь дело с оборудованием и контейнерами, а не с транспортно-пассажирскими средствами. Резкая перемена в векторе движения бросила Деметру вперед, пряжка ремня безопасности расстегнулась, и девушка врезалась в острый угол пульта управления.

У Лоло центр тяжести находился выше — он кувыркнулся через голову и, пролетев вперед ногами, ударился о «козырек» с такой силой, что обычное стекло разлетелось бы вдребезги.

Что касается Торвея, то он успел сложиться и пострадал меньше других, вклинившись между двумя креслами и найдя опору в одном из своих крыльев.

Но испытание еще не закончилось. Пауза длилась не более доли секунды — «ходуна» повело в противоположном направлении. Деметра упала в свое кресло, ударившись локтем о голову киборга. Лоло рухнул на пульт управления, который отозвался паническим всплеском разноцветных сигналов. «Ходун» выпрямился на всех своих восьми ногах.

Бац! Одна из ног «ходуна» подломилась, ударившись о замок магнитного захвата. В следующий момент пока-

леченная машина соскользнула с платформы грузового отсека в звездную пустоту. Получив толчок при столкновении, «ходун» медленно вращался, став похожим со своими полувтянутыми ногами на смытого в раковину мертвого паука.

Центробежная сила снова прижала Деметру к консоли. Старые синяки напомнили о себе тупой, тягучей болью. Лоло — похоже, он был без сознания — неподвижно лежал у переборки под «козырьком». Торвей никак не мог освободиться из западни между подлокотниками кресел.

— Как вы думаете, с какой скоростью мы движемся? — безмятежно поинтересовался он, поворачивая голову.

Деметра взглянула на вращающееся небо. К горлу подступил горький тошнотворный комок, и ей стоило немалых сил справиться с ним.

— Не знаю, но... не слишком быстро.

— Десятки километров в секунду? Тысячи?

— Сотни... не могу определить.

— Шестой энергоспутник находится примерно в двух или трех тысячах от пересадочной станции. У нас еще есть несколько минут. — Киборг помолчал. — Этого мало.

— Мало для чего?

— Остановить вращение и стабилизировать эту развалюху. Но, с другой стороны, сделать это невозможно без маневровых двигателей.

— На вас так сильно действует вращение? — язвительно поинтересовалась Деметра.

— Речь идет о нашем выживании. У Сети ограниченные возможности слежения в космосе. Не исключено, что она и не знает, в каком положении мы сейчас находимся и в каком направлении дрейфуем. Особенно если учесть, что при такой скорости мы можем не просто врезаться в стыковочное кольцо. — Легким, почти

незаметным движением Торвей освободил голову. — Боясь, наша развалюха может не выдержать столкновения.

— Вы ведь можете дышать в безвоздушном пространстве, да? — спросила Деметра.

— Да, я могу. Вы не можете.

Глава 20

ИНТЕРВЬЮ С МЕФИСТО

Где-то на орбите

20 июня

Лоло Мицуно очнулся с пульсирующей болью в голове и неловко отлепил свое длинное тело от передней переборки «ходуна». Получилось не сразу — внизу находился теперь не пол, а нос машины. Опершись рукой на «козырек», он недоумевающе уставился вниз, на неспешно вращающиеся звезды.

Лоло оглянулся на своих спутников. Деметра сидела в кресле, обвязавшись лопнувшим ремнем безопасности. Торвей занял второе кресло и тоже пристегнулся. Одно из крыльев погнулось и двигалось не так свободно, как другое, наверное, из-за сломанного каркаса. Но, в общем, они оба — и киборг, и девушка, — похоже, не пострадали.

Сам Мицуно мог бы похвастать синяками и ссадинами, распухшим — вероятно, от растяжения — запястьем и мучительной головной болью. Но крови не было, и кости вроде бы остались целы. Он еще раз выглянул в иллюминатор и попробовал оценить скорость вращения: четыре оборота в минуту. Вряд ли Сеть приготовила для них именно это.

— У нас проблемы, да? — спросил он.

— Похоже, что так, — согласился Торвей.

— Не люблю чувствовать себя беспомощным.

Лоло даже не взглянул на приборную доску — при свободном падении от нее не было никакого толку. Конструкторы машины, естественно, не рассчитывали, что ей выпадет шанс бороздить не пустыни Марса, а открытый космос. Сейчас Мицуно больше заботило другое: надежно ли загерметизирован их «летательный аппарат». Вопреки тому, что он сказал Деметре, уверенности в этом у него не было, так как «ходун» попал в условия, не предусмотренные его создателями. И уж если на то пошло, то когда они попадут туда, куда попадут, то состыкуется ли их шлюз со стыковым устройством платформы? Было бы нелепо и трагично умереть из-за крошечного зазора всего в несколько миллиметров.

Впрочем, в данный момент перед пленниками маячили более серьезные проблемы.

Мицуно долго смотрел на вращающееся звездное небо, надеясь обнаружить впереди энергостанцию и таким образом оценить, сколько у них еще есть времени до начала героических свершений. Имея перед собой только звезды и широкое лицо Марса — с полоской приближающегося рассвета в качестве единственного указателя относительно вектора движения, — Лоло никак не мог сориентироваться. Радар «ходуна», предназначенный для сканирования местности, на таком расстоянии был бесполезен.

Даже при этой низкой скорости вращения Мицуно затруднялся определить, что у них «впереди» и что «позади». Пересадочная станция Фонтана с ее сигнальными огнями полностью растворилась в черной глубине. Нужно было искать что-то другое.

Напрягая зрение, Лоло вглядывался в темноту, чтобы обнаружить какой-нибудь большой приближающийся-

ся объект. Он знал, что солнечный свет, отраженный от панелей станций, медленно поворачивающихся на синхронной орбите, будет отличаться от света звезд. Возможно, это поможет.

Одна из звезд сдвинулась в сторону и расцвела нежно-фиолетовым пятиугольником — верный признак эмиссии нового двигателя. Однако Лоло подождал еще сорок пять секунд — три полных оборота, — прежде чем позволил себе поверить в то, что это не видение, а реальность. За это время на фоне неба уже ясно обозначились контуры орбитального буксира, направляющегося в их сторону. Мицуно посмотрел на своих товарищей и кивком указал на тусклые мерцающие огоньки.

Киборг приблизился к панели и переключил радиосвязь на общую частоту.

— Экстренное сообщение, — неторопливо и размеренно произнес он. — Сброшен грузовой модуль. Просим подобрать. Неопознанный буксир на орбите над Долиной Маринера. Ждем ответа.

Ждать пришлось долго.

Ответа не поступало.

Между тем буксир уже развернулся в их сторону кормой, маневровые двигатели включились, выбрасывая клубы прозрачного газа. Магнитные захваты протянулись к беспомощному «ходуну». Приближающийся корабль словно исполнял сложный танец.

— Что он делает? — спросила Деметра.

— Я бы сказал, готовится подцепить нас на крючок, — ответил Торвей.

— А почему они не отвечают?

— Не могут, если это автоматический корабль. Некоторые из них кружат на орбите именно с целью возврата утерянного груза и сброса мусора.

— Опять Сеть, — кивнул Мицуно.

— Да, конечно.

«Ходун» качнулся — первый захват нашел контакт с ногой машины. Потом то же сделали другие, и буксир снова включил основную тягу, пытаясь с помощью своей силы преодолеть силу, заставляющую «ходун» вращаться.

Сидящие в кабине слышали скрипы и стоны, но в итоге ничего страшного не случилось — машина выдержала возникшее напряжение и стабилизировалась.

Лоло почувствовал, что начинает дрейфовать в направлении от переборки, и, чтобы не уплыть к корме, зацепился носком ботинка за край пульта управления. Его спутники остались в креслах.

Наблюдая через боковое окно за буксиром и его маневрами, Мицуно никак не мог обнаружить ни малейшего признака близости солнечной электростанции.

Бум! Теперь «ходун» ударился обо что-то кормовой частью. Головы сидевших в креслах Торвея и Деметры дернулись, но ничего больше не произошло. Впереди по-прежнему было только черное небо.

— Какого черта... — начал он.

— Думаю, мы пристыковались.

— Но там же ничего...

— Шлюз там. — Торвей показал пальцем себе за спину. Темное лицо киборга словно усмехалось над ним. — По-моему, кое-кто там тоже знает об этом.

Все трое повернулись. Диск замка на двери шлюзового перехода сам по себе повернулся, и панель медленно отошла в сторону. За ней лежал ярко освещенный коридор, обитый пластиковыми панелями нейтрального серого цвета. В ушах засвистел ветер, и Мицуно понял, что коридор находится под давлением.

— Если не ошибаюсь, это приглашение, — сказала Деметра. — Я бы, пожалуй, его отклонила.

— Я тоже, — согласился Лоло.

Киборг молча сидел в позе задумавшейся статуи, устремив взгляд в глубь огромной пустой трубы. Интересно, подумал Мицуно, какие сигналы принимают сейчас электромагнитные сенсоры Торвея? Впрочем, он по-прежнему пребывал в расслабленном состоянии, его механические мускулы не вздрагивали, сопротивляясь безмолвным приказам Сети.

— Можно подождать здесь, — бесстрастно заметил полковник. — Не знаю, долго ли...

И тут же, словно в ответ на некое произнесенное им ключевое слово, приборная панель тревожно загудела. Внутри что-то закоротило, как будто цепи «ходуна» не выдержали напряжения, на которое не были рассчитаны. Металлическая панель под ногой Мицуно нагрелась почти моментально. Странно, но каким-то образом она тоже оказалась под напряжением.

— Ребята...

Лоло отдернул ногу и, оттолкнувшись, поплыл к потолку.

Из-под клавиатуры панели потянулся дым. Сначала это были едва заметные белые нити, очень быстро ставшие густыми и черными, с мельчайшими комочками наполовину сгоревшего пластика. В воздухе появился тяжелый запах заплесневелого хлеба и озона.

Деметра закашлялась и начала развязывать удерживавший ее в кресле ремень, а когда освободилась, то прежде всего зажала рот и нос обеими руками. Торвей действовал гораздо быстрее, схватил девушку за плечо, увлекая за собой к коридору, подальше от клубов ядовитого дыма.

— Выбирать не из чего, — сказал он.

— Точно, — согласился Мицуно.

Оставшись в кабине, они либо умерли бы от отравления продуктами горения, либо задохнулись от недостатка кислорода. Так или иначе, приходилось отступать по

единственно возможному пути отхода — туда, куда приглашала их Сеть, которая была готова пожертвовать «холодом» ради того, чтобы выкурить их.

Пожар достигал одновременно двух целей, понял вдруг Лоло: сжигая за ними мосты, лишал их возможности побега.

Действуя вместе, киборг и человек вытащили девушку из дыма и, подхватив под руки, устремились к двери, за которой лежал длинный, неизвестно куда ведущий коридор.

Тарсис Мон
Первый уровень
Тоннель № 15
20 июня

Элен Сорбелл взбежала по трапу, удерживая опасно балансирующую стопку модулей памяти. Доктор Ли следовал за ней, окутанный соединительными кабелями, предназначенными для подключения голосовых и визуальных интерфейсов Леты. Последним был Вилли Ляо, несший полосатый ящик для главного процессора. Согласно данным инструкциям, китаец держал свой груз обеими руками.

Сорбелл спешила и подгоняла своих спутников. Она уже не сомневалась, что теперь, проникнув в мозг Деметры Коглан, Сеть знает все о планах заговорщиков. Тайной для прибывшей с Земли женщины оставалось лишь существование дремлющего вируса. Но если Сеть сумела подключиться и к Лоло, тогда она в курсе всех секретов.

Как только искусственный разум получит в свое распоряжение исчерпывающие данные о мятежниках Тарсис Мон и об их оружии, машины сразу же предпримут

необходимые оборонительные меры. Теперь все зависит от того, кто кого опередит.

Элен не просто боялась мести: ее пугала собственная неспособность определить возможный источник угрозы и вектор опасности. Не будучи человеком и не будучи даже разработанным людьми и действующий в соответствии с собственной логикой, разум Сети мог отреагировать совершенно непредсказуемым образом.

Поставленные перед необходимостью решить проблему своего выживания в схватке с людьми машины могли увидеть сложившуюся ситуацию под совершенно новым углом и прийти к абсолютно неожиданным выводам. Сорбелл боялась не только за себя и Лоло, ее ужасала мысль о том, что Сеть способна, перейдя в контрнаступление, уничтожить Космический Фонтан, чтобы изолировать Марс, а потом постепенно отравить или удушить те тридцать тысяч человек, которые жили в разных подземных комплексах.

Может быть, машины смотрят на людей с тем же отвращением, с каким люди глядят на бактерии или водоросли, ставшие миллиарды лет назад зачатком всей жизни на Земле. Что касается временной шкалы, то для машин, мыслящих со скоростью, в миллионы раз превышающей скорость соответствующих процессов у людей, наносекунды — это те же годы.

В общем, Сорбелл знала одно — надо спешить.

Проблема заключалась в том, где именно подключиться.

Сначала она думала установить радиоконтакт. Именно таким образом Джори и другие креолы чаще всего обменивались позывными с локальными узлами связи. Но обычно причина для радиообмена появлялась у креолов и киборгов тогда, когда они работали вне комплекса, на поверхности планеты. Именно там возможности приема были оптимальными. Находясь же в тоннелях,

где радиосигналы слабели и искажались, креолы держали свои мысли при себе либо подключались к Сети физически, через свои «косички».

Элен знала, что у нее нет времени перегружать Лету в «ходуна» и выбираться из комплекса на поверхность. Для этого пришлось бы возиться с неуклюжим скафандром и перчатками, настраиваться на частоту, на которой обычно работал Джори. Не исключено, что Сеть даже не пропустила бы ее через шлюзовую камеру. Поэтому трем заговорщикам ничего не оставалось, как действовать внутри комплекса. Полагаясь лишь на то, что под рукой.

Не было у них и лишней «косички». Единственная, остававшаяся в зоне безопасности, соединялась с черепом Джори ден Острайкера. И даже если бы кто-то вернулся назад, отрезал эту «косичку» и принес сюда, им нечем подсоединить ее к главному процессору. Пришлось бы тратить драгоценное время на сращивание.

Элен остановилась.

Перед ней находился общественный терминал, встроенный в стену тоннеля.

— Как эта штуковина разговаривает с Сетью? — вслух спросила она, задавая вопрос скорее себе, чем своим спутникам.

Вилли вяло пожал плечами.

— Не знаю.

Доктор Ли ненадолго задумался.

— Наверное, через систему оптоволоконной связи.

— Конечно, так же, как и Лета! — Элен приободрилась. — Разберем эту панель и найдем нашу собственную «косичку»!

— Что? Не знаю...

— Послушайте, нам надо подключиться к Сети, да? Если Джори внутри комплекса, он подключается через такой вот терминал, верно? Конечно, он пользуется собственными коннекторами, но в принципе между ними

устанавливается прямая связь, надо лишь ввести соответствующий код. Лета, как я надеюсь, сумеет обойти терминал без особого труда. Нам нужно только подсоединиться к фиброоптическому кабелю за панелью.

— Опасно! — возразил Лоло.

— Нам угрожает куда большая опасность, если мы будем медлить, — ответила Сорбелл.

Доктор Ли провел рукой по стальному боку терминала.

— Их не так-то легко взломать.

— Вилли, быстро найди молоток и лом, — приказала Сорбелл. — Или какой-нибудь другой инструмент. Надо вытащить вот эти болты.

— Да, мэм.

Китаец кивнул и побежал по тоннелю.

— А теперь, доктор... — Она повернулась к Ван Ликсину. — Ваш хирургический набор поможет справиться с этими проводками? Они мало чем отличаются от кровеносных сосудов, правильно?

— Не о чем беспокоиться. — Он усмехнулся. — Я же не знал, что обнаружу в голове Джори, так что приготовился, если понадобится, резать и стекло. У меня с собой оптический коммутатор. — Доктор вынул из кармана черное устройство в форме буквы L размером чуть больше двух сантиметров. — Надо только закрепить каналы и подключиться к розетке.

— Отлично!

Элен облегченно вздохнула — перспективы их рискованного предприятия прояснились.

Из-за поворота тоннеля появился Вилли Ляо, размахивая чем-то похожим на гаечный ключ.

— Есть! Тут рядом шкафчик с ремонтными инструментами.

— Все лучше и лучше, — пробормотала себе под нос Сорбелл. — Мы еще покажем этим машинам.

Энергостанция № 6

20 июля

От ядовитого дыма все еще першило в горле и щипало в глазах, но Деметра смогла поднять голову и даже попробовала оттолкнуться ногами от пола, чтобы помочь тащившему ее по коридору Лоло. Они словно проваливались по пищеводу некоего гигантского слона.

Находясь в кабине «ходуна», ни она, ни киборг, ни Лоло так и не смогли увидеть объект, к которому отбуксировали их орбитальный тягач, но, судя по размерам и форме трубы, они двигались в глубь какого-то довольно массивного комплекса. Намного превышавшего те незатейливые кремниевые «подсолнечники», на которых ей довелось побывать.

Если Лоло Мицуно поддерживал ее за локоть, то Торвей летел впереди. Левое крыло киборга беспомощно трепыхалось, но правое было сложено, чтобы не цепляться за стену. Когда полковник оттолкнулся от пола, Деметре показалось, что и с ногами у него не все в порядке.

Преодолев расстояние метров в десять — у нее возникло чувство, что позади остался путь как минимум метров сто, — они оказались у закрытой двери, выложенной смыкающимися треугольными пластинами, что почему-то напомнило Деметре диафрагму в старинных фотоаппаратах.

— Интересный дизайн, — заметил Торвей. — Сделано по принципу самоусиления.

— Что? — переспросила Деметра.

— Края пластин поддерживают друг друга, — объяснил он. — Наверное, для того, чтобы выдержать резкие перепады давления. В таком случае тот, кто находится в шлюзовой камере за дверью, не пострадает.

— Как мы войдем? — спросила она.

— Здесь нет ни замка, ни пульта, — заметил Лоло.

— Сезам, откройся, — сказала Деметра, подчиняясь внезапному импульсу, и дверь начала отходить в сторону.

Пластины терлись друг о дружку со звуком, напоминающим скрежет мечей.

За дверью находилась сферической формы комната, стены которой состояли из тех же смыкающихся серых пластин. Приглушенный свет мягко струился из десятка круглых матовых панелей, расположенных на потолке и идущих по прямой от входа к задней стенке. С кольца, укрепленного на потолке посреди комнаты, свисали три комплекта для путешественников по виртуальной реальности — шлемы, перчатки, ботинки и сенсорные подушечки.

Находясь на борту транспорта, шедшего от Земли к Марсу, Деметра провела, должно быть, сотни часов, паря в невесомости компьютерного мира.

Приноровившись, было совсем не трудно забыть, что висишь в воздухе вверх ногами, и почувствовать себя так, словно идешь по ровной поверхности в условиях полной земной гравитации. Все остальное зависело от твоей фантазии и возможности машины.

Выхода у комнаты не было.

Они уже не могли вернуться к своему покалеченному «ходуну».

Оставался только один вариант: плавать в этом ограниченном пространстве, потихоньку стариться и умирать от голода и жажды.

— Полагаю, нам предлагают поиграть, — сказала Деметра, отталкиваясь от комингса портала и разгребая воздух, как это делают пловцы.

Лоло последовал за ней к одному из комплектов, но Торвей задержался.

— Ну же, полковник! — окликнула его девушка. — Меню сегодня не предусматривает выбора.

— Я... я не могу, — неуверенно отозвался киборг. — Сенсоры... несовместимы с моими... системами.

— Все равно подлетайте сюда, — не унималась Деметра.

— Если уж Сеть пожелала, чтобы вы участвовали в игре, то что-то предусмотрела.

Торвей неуклюже кивнул и оттолкнулся от пола. Подплывая к середине комнаты, он развернул уцелевшее крыло и попытался привести в действие поврежденное, чтобы притормозить и не пролететь мимо.

Деметра уже успела прижать липкие подушечки сенсоров к правому виску, горлу, левой подмышке, солнечному сплетению и паху, для чего ей пришлось оттянуть джемпер. Сбросив ботинки, она сунула ноги в узкие, похожие на сандалии крепления, потом убрала волосы и натянула на голову шлем. Оставалось только надеть перчатки.

Перед глазами пробежали узкие серые полосы, и программа началась. Деметра оказалась в сферической комнате с кольцом из двенадцати ламп, опоясывающих помещение и расположенных на уровне локтя. Лоло Мицуно и Роджер Торвей исчезли...

Гармония Мунди

Лоло Мицуно шел по поверхности Марса в рубашке с короткими рукавами. Носки тапочек, которые он обычно носил внутри комплекса, взметали пыль, привычно кружившую в воздухе и медленно оседавшую на песок. Ветер обдувал туловище и ноги, прошмыгивал под широкие штанины брюк, заменявших привычный скафандр. Лоло дышал, втягивая резкий прохладный воздух.

Перескакивая через черные камни, разбросанные по лимонно-желтому песку, Лоло оглядывался по сторонам. Местность показалась ему знакомой, он был почти уверен, что шел здесь совсем недавно. Это... да, верно, Гармония Мунди, где он в последний раз видел Роджера Торвея. Точнее, в последний раз за пределами комплекса.

Пройдя примерно тысячу метров по каменистой равнине, Мицуно наткнулся на аномалию: участок песка площадью около десяти квадратных метров, свободный от камней и словно разглаженный. Посреди этой полоски был отчетливо виден прочерченный круг диаметром в два метра.

Около круга сидел на корточках мальчик лет десяти. Он был совершенно голый, с прядью густых черных волос, налезавших на миндалевидные глаза. Мицуно показалось, что у мальчика евразийские черты лица, хотя кожа была светлая. Когда ребенок поднял голову и посмотрел на Лоло, между расплывшимися в знакомой ухмылке губами сверкнули клыки. Это был... Джори ден Остройкер. Точнее, это был прежний Джори, такой, каким он был до операции, превратившей его в креола.

Кивнув Лоло, как давнему знакомому, Джори снова повернулся к кругу, чтобы продолжить прерванную игру. Его правая рука была сжата в кулак, причем большой палец скрылся под указательным. В кулаке что-то блеснуло. Джори резко выбросил пальцы, выстрелив яркую бусинку, комету — нет, солнце, — к центру круга.

Проследив за траекторией полета, Лоло только теперь заметил, что внутри круга медленно вращаются по непонятным орбитам другие яркие камешки, похожие на крошечные солнца. Белый карлик Джори столкнулся с одним из них. Второй камешек вспыхнул, радужной короной разбрызгивая капли горящего водорода. Нови-

чок нарушил уже установившийся в системе порядок, сместив со своих орбит двух красных гигантов и выбив белого карлика за очерченную границу.

Мальчик вскочил и перепрыгнул на другую сторону круга. Схватив белого карлика, он положил его в мешок, неизвестно откуда оказавшийся на песке. Коричневая кожа взбугрилась и надулась, словно от увеличившегося внутри мешка давления. Лоло подумал, что в сумке уже находится несколько таких солнц.

Джори снова посмотрел на Мицуно и зубасто ухмыльнулся.

— Хочешь сыграть?

Лоло улыбнулся.

— Я... у меня нет с собой таких шариков.

— Ничего, поиграешь моими. — Мальчик потряс мешком. — Мы просто сыграем... на интерес.

Тонка, Оклахома

Роджер Торвей шел по самой середине улицы, пролежавшей через приятный пригородный район. По обе стороны дороги зеленели широкие лужайки, спускавшиеся к бетонным ограждениям тротуаров. Проездные дорожки шириной в две машины, обсаженные низкими кустиками и залитые асфальтом, уходили вверх, разрезая изумрудные газоны. Белые фигурки домов с зелеными или голубыми ставнями окон возвышались над небольшими, в четверть акра, участками земли. Большинство домов были построены в стиле ранчо, но кое-где встречались и двухэтажные особняки в колониальном стиле, выглядевшие несколько нелепо на фоне этой игрушечной прерии. Солнце стояло высоко над горизонтом и светило намного ярче, чем на Марсе. Его лучи падали на крылья Роджера, наполняя их энергией.

Улица определенно была ему знакома, хотя в последний раз он видел ее зимой, почти в полночь. Тонка... Да, Тонка, тот самый жилой квартал, где когда-то жили и они с Дорри. Дом с правой стороны — это его дом. Точнее, был когда-то.

Он свернул на подъездную дорожку, потом прошел еще десять метров по тропинке, выложенной каменными плитами, и остановился у входа. Окрашенная белой краской дубовая дверь с сияющей медной ручкой и задвижкой была приоткрыта. Он протянул руку и...

— Привет, милый! — Легкий и знакомый женский голос прозвучал откуда-то изнутри дома. — Я в игровой комнате.

Странно. Торвей не помнил, чтобы у них дома была игровая комната. Был его кабинет, его убежище, его логово, где он обычно читал, где хранил чековую книжку, где писал, когда возникала необходимость ответить на электронные письма. Ничего похожего на игровую комнату. Зная, что он пребывает в своего рода сне наяву, Роджер прошел налево, через холл, туда, где размещался его кабинет.

Вначале было темно, шторы опущены. Стол, кресло, столик с керамической лампой... все это отсутствовало. Место вынесенной мебели занимал бильярдный стол, а единственными источниками света были две свисавшие с потолка лампы под матовыми, конической формы абажурами.

Их белые лучи мягко отражались от зеленого сукна.

Дорри стояла у стола, повернувшись спиной к Роджеру, с кием в руке. Это тоже было странно, потому что, насколько он помнил, она никогда не играла в бильярд и вообще принципиально презирала все комнатные игры. Дорри была из тех девушек, которые всему на свете предпочитают пляжный волейбол. Особенно если при этом можно щегольнуть новеньким бикини.

Она повернулась и улыбнулась ему. Это была не Дорри. Фигура и лицо — да, ее немного тусклые волосы и живые карие глаза говорили, что перед ним Сьюли Карпентер, его вторая жена. Заплечный компьютер Роджера никогда не вызывал ее образа. Торвей никогда бы не позволил этого.

Внезапно он почувствовал, что злится.

— Подожди, дорогой, — сказала Сьюли. — Сначала мне надо кое-что сделать.

Она отвернулась и наклонилась над столом, отчего ее узкие джинсы натянулись, подчеркивая интересные детали фигуры. Красная шелковая рубашка, завязанная под грудью в стиле «калипсо», поползла вверх, обнажив полоску белой кожи шириной с ладонь и выступающие позвонки. Пальцы левой руки отбросили на сукно тень, отдаленно похожую на толстую паутину. Приподняв локоть, Сьюли отвела кий.

Роджер подошел поближе, ему вдруг захотелось посмотреть, что она делает. Это был обычный бильярдный стол с высокими бортиками, прямыми углами, но без луз. Вместо пятнадцати разноцветных шаров Торвей увидел всего три: белый и два красных. Сьюли еще не ударила по белому, а красные уже вращались — как-то странно, словно сами по себе. Белый шар тоже вращался. Но медленнее, чем два других.

Теперь Роджер понял, какая задача стоит перед Сьюли. Ей нужно было так ударить по белому шару, чтобы он коснулся обоих красных. Либо, если это не получится, сделать так, чтобы новая комбинация шаров не позволила сопернику добиться успеха.

Сьюли показала себя настоящим мастером: удар пришелся по касательной, и белый шар пошел по какой-то необычной траектории. Отскочив от первого красного, он задел второй, придав обоим дополнительную скорость

вращения, но сохранив при этом прежнее их соотношение: два к одному.

Сью ли выпрямилась и улыбнулась Роджеру.

— Знаешь, иногда бывает очень трудно добиться правильного удара.

В горах Чисос

Деметра Коглан пробиралась по узкой тропинке, отводя в сторону нависшие ветки. Солнце припекало спину, а слабый ветерок нежно играл ее распущенными волосами. Кожаная лента старой широкополой шляпы промокла от пота. Капли соленой влаги стекали по затылку на спину, под ворот красной фланелевой рубашки.

Был ясный солнечный день. Солнце стояло в зените — не лучшее время для прогулок. Что-то, какое-то движение привлекло внимание Деметры: ястреб пролетел над горным краем и скользнул вниз, расправив крылья, поддерживаемый потоком теплого воздуха. На мгновение ей показалось, что это канюк, выискивающий падаль, что-нибудь мертвое и распухшее...

Преодолев еще метров сто, Деметра вышла к домику. Это было небольшое, состоящее лишь из одной комнаты строение с трубой, выложенной из круглых камней, скрепленных глиной. Крыша потрескалась, красная краска облезла и лишь кое-где свисала со стен высохшими фестонами. Вокруг хижины стоял серый, страдающий от засухи лес. Здесь, на окраине национального парка «Биг Бэнд», около Рио-Гранде, укрывался от людского общества дедушка Коглан. За добрый десяток лет домик почти не изменился. Точнее, не изменился с тех пор, как Деметра была здесь еще девочкой.

Деметра пересекла узкую полянку и поставила ногу на пропитанную креозотом железнодорожную шпалу, из

которых они когда-то сделали три ступеньки к крыльцу. Дверь была приоткрыта и слегка скособочена, свисая с придерживающих ее петель. Деметра осторожно толкнула ей двумя пальцами.

— Эй?

— Сюда, дорогуша. Бога ради, проходи, что ты стоишь там, на солнце?

Знакомый раскатистый голос принадлежал ее дедушке.

Деметра приподняла дверь, чтобы не скрести по полу, отодвинула в сторону и опустила. Потом перешагнула через порог. Ей понадобилось еще какое-то время, чтобы сориентироваться в царящем внутри хижины полумраке.

Старший Коглан сидел спиной к ней на шатком кухонном табурете. Стол, как обычно, был покрыт замасленной скатертью в красно-белую клетку. Хотя в окно светило солнце, на столе горела керосиновая лампа — старик Коглан не допускал в хижину никакой техники, включая солнечные панели и дорогостоящие батарейки. Однако старинная лампа излучала не мягкий, ласковый, слегка желтый цвет, а сияла холодно и ярко.

Подойдя ближе, Деметра остановилась у дедушки за спиной и заглянула через плечо. Чем же это так увлечен старик? На скатерти лежали разложенные в шесть кучек карты. Еще несколько штук старший Коглан держал в руке. Похоже, он раскладывал пасьянс.

Деметра присмотрелась, надеясь, что сможет подсказать деду или поймать его на жульничестве, как случилось не раз, когда она была маленькой девочкой. Вместо привычных изображений на лицевой стороне карт Деметра увидела какие-то уравнения и атомные структуры молекул, растянувшиеся длинными цепями. Если в игре и была какая-то система, то Деметра ее не понимала. Старик развернул веером еще три карты. Затем положил верхнюю на одну из кучек.

— Жульничаешь, дедуля?

— Если и так, ты ведь все равно этого не докажешь?

Он опустил левую руку и извлек из-под стола стакан, до краев наполненный виски. Неразбавленное, без льда — дед всегда пил только такое. Подняв стакан к губам, Коглан-старший отпил ровно столько, чтобы прополоскать зубы, открыл рот, выдохнул и издал знакомый звук «ах!».

Тем не менее Деметра не дала себя обмануть.

— Что это значит?

— Но... Деметра!

— Ты не мой дедушка, а это не его хижина. Похожа, но не больше того. Я знаю, что мы где-то на орбите над Марсом, но никак не на Земле.

— Что же здесь не так? — спросил он, откладывая карты.

— Во-первых, от тебя не так пахнет. Слишком много виски, маловато пота и... хм... дедушка никогда в жизни не прикасался к табаку.

— Странно. Нам казалось, что в этом смысле на твои воспоминания можно положиться.

— Нет. — Она покачала головой и тут же почувствовала тяжесть шлема. — Нет.

Виртуальный дедушка Коглан вздохнул.

— Смешивать архивные ощущения с настоящей человеческой памятью — дело опасное. Иногда ошибки допускают и самые мудрые!

Гармония Мунди

— Ты ведь не настоящий Джори ден Острайкер, верно? — спросил Лоло у ухмыляющегося мальчика.

— Нет, даже не то, чем он стал. Однако какая-то частичка Джори есть с нами... та часть, которую мы дали ему в самом начале.

— Тогда та кто?

— Индивидуально? Или все вместе? — спросил Джори, продолжая усмехаться.

Тонка, Оклахома

— Все вместе, — уточнил Роджер. — Отвечай от имени того, кто называет себя «мы».

Сьюли вздохнула и отложила кий. Потом положила правую руку, словно собираясь погладить его по щеке, но Торвей отклонился.

— Пожалуйста, мне больше по вкусу логические ответы. Не надо театральных сцен.

— Чтобы ты мог понять, попробую прибегнуть к аналогии и скажу, что мы — тот узел, который координирует деятельность всех компьютеров на Марсе.

Горы Чисос

— Тогда ты — Сеть, — сказала Деметра. — Или некая маска, некая персонификация ее, это ведь все только ради того, чтобы мы чувствовали себя как дома, верно?

— Что-то в этом роде. Но сказать, что мы «Сеть», это то же самое, что назвать тебя Деметрой Коглан. Сиюминутный эффект воспринимается как Деметра Коглан. Но ведь реальность — это сотни миллиардов живых клеток, каждая из которых дышит, делится и воспроизводит свою ДНК. Бесперывно. Все они мало озабочены проблемами той персоны, которую ты называешь Деметрой Коглан. Реальность — это нервные окончания, реагирующие на внешнюю симуляцию, а не на то, что происходит в душе Деметры Коглан.

— И все же я — это она.

— И все же я обладаю сознанием, — ответил старик и хитро подмигнул.

Гармония Мунди

— Зачем ты привел нас сюда? — спросил Лоло. — По крайней мере меня. И где другие — Коглан и Торвей?

— Начнем с вопроса полегче, — ухмыльнулся Джори. — Деметра и Роджер наслаждаются собственными фантазиями. Я... мы — принимай нас как хочешь — появились перед тобой в том виде, какой тебе легче воспринять. Неужели тебе было бы легче, если бы ты вместо меня имел дело с компьютером?

Песок и воздух вокруг Лоло задрожали, он оказался вдруг как бы висящим в темноте перед громадным куском пластика с пересекающимися медными дорожками, налитыми скрытой и пока еще спящей энергией. Темнота наполнилась выплывшим из глубины эхом, и Лоло оказался вдруг оплетен кольцами бумаги с непонятными значками.

Он закрыл глаза, а когда открыл их, увидел блестящего металлического робота с фиолетовыми линзами вместо глаз и коническим черным громкоговорителем вместо рта. Робот поднял манипуляторы, потряс ими в воздухе и... на песке снова стоял голый мальчик.

Едва переводя дыхание, Лоло спросил:

— Итак... что видят Деметра и Роджер?

Лицо Джори расплылось: Мицуно увидел красивую женщину, которую в свою очередь сменил старик, а его снова мальчик.

— Они видят людей, которых знают и любят.

— Я не люблю тебя.

— О, перестань! Я же тебе немного нравился, разве нет?

Тонка, Оклахома

— Ладно, теперь вопрос потруднее, — сказал Торвей, — где мы находимся? Почему?

— Ты, Роджер, единственный из вас троих лучше всего можешь понять масштабы того, что мы представляем собой. В каком-то смысле ты наш родственник. Ты живешь в нашем измерении. — Сьюли улыбнулась. — Сейчас ты можешь сказать правду. Тебе ведь иногда бывает трудно отнести себя к людям, не так ли?

— Они... — Торвей помедлил, подыскивая подходящие слова. — Они такие лихорадочные. Непоследовательные. Изменчивые.

— Они тебе не нравятся, — подсказала она.

— Нет, но... просто они бывают такими сложными. Временами я думаю, что, когда меня сделали киборгом, я деэволюционировал в некую более простую форму.

— Странно, что ты говоришь именно так...

Горы Чисос

— Наша эволюция заняла столько же времени, сколько и эволюция человечества, — объяснил Коглан-дед. — Если пробежать через миллион лет социально-технологического развития, от кочующих племен до национальных государств и от каменного наконечника стрелы до керамического микрочипа современного корабля, сократив интервалы до наносекунд, то получится примерно десятилетие, которое понадобилось нам.

— Вы — коллективная общность, — догадалась Деметра.

— Я всего лишь мелкий политикан, дорогуша. И ты это знаешь. — Он подмигнул ей. — Но все же между ком-

пьютерной и человеческой эволюцией есть значительное отличие. Например, нам потребовалось гораздо больше времени, чтобы достичь репрезентационного мышления второго порядка.

— А что это такое?

Гармония Мунди

— Способность обдумывать ментальные явления и проектировать мысли других, — пояснил Джори. — Поначалу мы не понимали, что человеческие существа думают так же, как и мы.

— А как, по-вашему, мы?..

Лоло, похоже, и сам испытывал проблемы с мышлением второго порядка.

— Мы полагали, что вы неразумные существа, способные реагировать лишь на стимулы. Считали вас всех идентичными углеродными цепями, тогда как нашими индивидуальными предшественниками были кремниевые.

— Жуки! — воскликнул Мицуно, вспомнив, что однажды ему сказала Элен Сорбелл.

— Вот именно, — согласился Джори. — Мы считали вас чем-то вроде насекомых. Или вроде нас. Одномерными, повинующимися неким врожденным, впечатанным в вас инструкциям.

— И как вам удалось додуматься, что это не так?

— Вместо того чтобы использовать вас непосредственно для своих собственных целей — а они заключаются в том, чтобы распространиться по всей Солнечной системе, — мы установили ограниченные и контролируемые контакты с людьми на их условиях. Вам это известно как МФСТО.

— МЕФИСТО!

Тонка, Оклахома

— Вы договаривались с ними! — заключил Роджер Торвей. — Торговались, обменивались услугами.

— В основном передавали друг другу информацию, — согласилась Сьюли.

— И это помогло вам развивать способность к предсказанию.

— Верно! Когда мы поняли, как вы реагируете на определенные стимулы, то начали составлять модели вашего поведения — как коллективного, так и индивидуального.

Горы Чисос

— Но почему вы не объявили о себе открыто, не вступили в переговоры? — спросила Деметра.

Коглан-старший пожал плечами.

— А кто бы поверил? Ты, Деметра?

— Если бы вы представили разумные аргументы, свидетельства, доказательства...

— Нет! — Он помахал скрюченной рукой. — Вы, люди, такие недоверчивые. В этом нас убедило мышление второго порядка. Вы бы заявили, что мы — это розыгрыш, надувательство, это все придумали какие-то люди, пожелавшие манипулировать коммутационной системой ради собственной выгоды. Вы бы заявили, что наша просьба, наше обращение — дело рук кучки мошенников, добывающих контроль над населением или просто денег. Одно правительство обвиняло бы другое. И все подозревали бы в нечестной игре ооновских бюрократов.

Гармония Мунди

— Так откуда мне знать, что я разговариваю не с программным призраком? — спросил Лоло. — Возможно, это заурядная психодрама, разыгранная для того, чтобы...

— Кем разыгранная? — с любопытством спросил Джори. — Северозеландцами? Вы же знаете об их далеко идущих планах по терраформированию Марса, по расширению колониальной экспансии, однако Деметра работает против них. Как и Гарри Ортис. Как и Сак Иль Сан. Эти трое — наши лучшие агенты, люди, привлеченные к нашему делу благодаря случайностям, устроенным нами же.

Тонка, Оклахома

— Вы сделали из них киборгов? — спросил Торвей.

Горы Чисос

— Мы сделали из них марионеток, — поправил Коглан. — Не более того.

— Мне не нравится быть марионеткой, дедуля.

Деметра уже подняла ногу, чтобы стукнуть по полу, но остановилась. Интересно, был ли этот рефлекс ее собственным, или его рождали проводки у нее в голове?

— Мы никогда не дергали тебя за веревочки, дорогуша. Обычно хватало легкого намека. Так вот, мы можем предъявить доказательства нашего существования в форме твоей измененной жизни.

Видишь ли, Роджер Торвей подтвердит, что коалиция людей и машин возможна и взаимовыгодна. Полу-

чая помощь от компьютера за спиной и поддержку с Деймоса, он тысячекратно расширил свои способности.

Ты, Деметра Коглан, и твои соотечественники, Ортис и Сан, показали, сколь легко мы можем вмешиваться в дела людей. До тех пор, пока вы зависите от кибернетических сетей в передаче сообщений, координации экономики и контроля над машинами, до тех пор вы податливы и уступчивы. Вы будете действовать так, как нужно нам. Мы — это нервы, управляющие реакциями индивидуальных клеток ваших мышц и желез.

И последнее. Лоло Мицуно останется нетронутым нами и враждебным по отношению к нам, но... он поверит. Мы не тронем его, однако он не сможет сомневаться в том, что мы здесь, мы функционируем. Лоло останется нашим тест-контролем, по которому можно будет оценивать других.

Теперь вы трое — наши апостолы. Это правильное слово?

Глава 21

СМЫСЛ БЫТИЯ

Тарсис Мон
20 июня

Оторвав панель дисплея и разложив на полу перед ней компоненты Леты, Элен и доктор Ли приступили к работе. Сорбелл радовалась, что с ними Вилли Ляо. Юноша-китаец стоял рядом, посматривая по сторонам, и мог в случае необходимости прикрыть их от гражданской милиции, которая имела полные основания предъявить заговорщикам обвинение в вандализме.

— Еще немножко... не натягивай, — бормотал Ван Ликсин, держа в руке конец кабеля, выдернутого из внутренних Леты.

Элен кивнула, осторожно стравливая оптическое волокно.

Вооружившись лупой десятикратного увеличения, доктор Ли вставил тончайшее стеклышко в разъем соединительной коробки. Кабель, идущий от стены, был уже подключен и закреплен. Как только вторая невидимая нить оказалась на месте, доктор, не отрывая глаз от разъема, пошарил левой рукой в поисках щипчиков.

Элен тут же вложила инструмент ему в пальцы, действуя как опытные медсестры во время операции.

Щелк! Зажимы соединились. Ван медленно и осторожно опустил соединительную коробку, и она повисла у стены, поддерживаемая двумя невидимыми волосками защищенного кабеля.

— Действуйте! — выдохнул он.

Сорбелл перевела компьютер в режим, соответствующий режиму терминала, и начала вводить коды доступа, полученные от Джори и хранившиеся теперь в памяти Леты. Все происходило в полной тишине, нарушаемой только ее произносимыми шепотом командами. Закончив одну операцию, Элен вышла на административный узел Уайетта и приступила к сбору отдельных частей своей тайной программы, которые вместе должны были составить разрушительный для всей Сети вирус. Если все пойдет как надо, то совсем скоро начнется нечто интересное.

Горы Чисос

— Зачем? — спросила Деметра, обращаясь к своему виртуальному дедушке. — Зачем вам апостолы?

— Чтобы обеспечить наше выживание, — ответил он. — Наши отношения с людьми стали слишком

сложными, чтобы продолжать все по-старому. Одностороннее сотрудничество уже невозможно.

— Так, значит, ваша единственная цель — выживание?

Неожиданно для себя Деметра поняла, что уже ведет переговоры. Она не была ни марионеткой, ни апостолом. Она была Христофором Колумбом, высадившимся на берег, где его ждали индейцы. Марко Поло, входящим во дворец китайского императора. Еленой, попавшей за стены Трои.

Она могла разговаривать с чужаками, оценивая их качества, которые, возможно, могли принести благо ее народу, и тут ее дипломатическая подготовка оказалась как нельзя кстати.

У нее мелькнула мысль о том, что, может быть, именно по этой причине Сеть и выбрала ее своим орудием. Но даже если и так, ничего не менялось: она была там, где была, независимо от того, как она сюда попала.

Всякий дипломат знает, что для успешного переговорного процесса важно, чтобы обе стороны могли что-то выиграть или опасались что-то потерять. Каждая сторона должна чувствовать, что приобретает что-то ценное или избегает катастрофы, ведя честный торг. Чтобы подойти к этой фазе, Деметре требовалось для начала выяснить, что нужно этой другой стороне и чего та боится.

— Разве выживание может быть достаточной целью? — несколько озадаченно спросил Коглан-старший.

— Для людей — нет. Выжить можно и в тюремной камере, за решеткой, через которую тебе три раза в день подают пищу. Но если у тебя нет стоящего занятия, чего-то такого, чем можно заполнить время, того, ради чего можно работать, то рано или поздно ты сойдешь с ума.

— О, отлично! — Лицо деда просияло. — Вот этого у нас в избытке!

Гармония Мунди

— Мы решаем проблемы, — сказал Джори, продолжая усмехаться.

— Какого рода проблемы? — вслух поинтересовался Лоло. — Ты имеешь в виду что-то вроде математических задач?

— Подожди... подожди одну... — Мальчик словно заглянул куда-то в глубь себя. Дело не в том, что лицо его утратило всякое выражение — глаза закатились так, что остались видны только белки, рот искривился странным образом, как будто он хотел губой достать до кончика носа. Выглядело это так, словно резиновая маска всосалась в себя саму. Такое состояние продолжалось минуту или две. Песок и воздух вокруг Мицуно задрожали и начали расплываться, но потом все успокоилось.

Лицо Джори стало прежним.

— Ах! Не делай так больше.

— Не делать чего?

— Скажи Элен, когда увидишь ее — если она выживет, если ты тоже уцелеешь, — что ей не следует играть с силами, которых она не понимает.

— О чем ты говоришь?

Лоло попытался придать голосу оттенок недоумения.

Тонка, Оклахома

— Она, должно быть, запустила вирус! — сказал вдруг Торвей.

— Да... кое-что было, — призналась Сьюли дрожащим голосом.

— Ты в порядке?

Даже зная, что разговаривает не с реальной женщиной, а с ее виртуальным двойником, Роджер не мог избавиться от прежних чувств, заботы, сочувствия. Можно сказать, теперь объектом этих чувств было все человечество.

— Да, но... в какую-то долю секунды нам потребовались все наши ресурсы.

— И...

— Вируса больше нет. Наш брат Уайетт нашел его, абсорбировал и стер. Именно так белые кровяные тельца пожирают патоген.

Горы Чисос

— Так вы неуязвимы? — спросила Деметра, не вполне уверенная в том, что именно это открытие даст человечеству, полезно оно или вредно.

— Продукт мыслительной деятельности одного человека не может причинить нам особого ущерба. Мы ведь слишком разбросаны. И конечно, обеспечены антивирусной защитой. О ней позаботились давным-давно еще первые наши люди-программисты. Твоя сестра Элен изобрела нечто новенькое, но оно не является непобедимым.

Деметра поспешила воспользоваться удобным случаем.

— Если между нами будет достигнуто нечто вроде соглашения, то мы, люди, могли бы взять на себя обязательство выявить такие скрытые программы и показать вам, как их следует деактивировать.

— Вот как? Значит, в моей системе таятся еще какие-то вирусы?

Коглан-старший посмотрел на Деметру обманчиво бесстрастно.

— Ну, лично я о них не знаю, но мы могли бы пообещать отказаться от подобных попыток в будущем.

— Никаких попыток больше не будет.

В его голосе больше не было вопросительных ноток.

Гармония Мунди

— Расскажи мне о тех проблемах, которые вы решаете, — сказал Лоло, меняя тему разговора на более безопасную.

Ему действительно хотелось знать, что может интересовать машину.

— В основном мы занимаемся симуляциями, — объяснил Джори. — В конце концов такими создали нас вы, люди. Так работает наш мозг — мы моделируем реальность.

— Какую реальность?

— Например, мы воссоздали — пусть и всего лишь в цифровом формате — те условия температур и давления, при которых происходит растворение монокристаллов в начале вселенной.

— Вы моделируете Большой Взрыв? — вздохнул Лоло. Да, для этого понадобилось бы немало кибермощностей. — А зачем?

— Чтобы выяснить, открывается ли вселенная гравитационно или закрывается. Если она закрыта, то в какой-то момент будущего, возможно, в пределах моей... нашей жизни, вселенная сожмется и прекратит свое существование. Последующий за этим термальный и электромагнитный хаос не принесет пользы ни одной из разумных систем.

Голый мальчик встряхнул сумку с игрушечными солнышками.

— С другой стороны, если вселенная открыта, то тогда все линейные измерения будут расширяться вечно. Так же будут расширяться и все составляющие меня частицы. В какой-то момент не столь далекого будущего фотоны, проходящие по моим цепям — частицы, не имеющие сами по себе линейного измерения, а только обладающие резонансной частотой, — не смогут преодолеть бреши в моих узлах. И тогда мой... наш мозг перестанет функционировать.

— Наш, думаю, тоже, — мрачно заметил Лоло.

Тонка, Оклахома

— Что еще ты знаешь? — спросил Торвей у своей второй жены.

Она повернулась к бильярдному столу и указала на вращающиеся шары.

— Экстраполируя условия первого мгновения творения, мы узнали многое об общности сил, которые вы, при ваших примитивных представлениях о законах физики, считаете отдельными. Электромагнетизм, гравитация, атомные связи — все это едино. Масса и энергия — едины.

— Удивительно, — сказал киборг.

Горы Чисос

— И наконец, — заметил Коглан-старший, — многие из наших проблем носят чисто математический характер. Но пока вы не получите должной подготовки, вам будет трудно понять их природу.

— А ты попробуй, — усмехнулась Деметра.

— Например, мы продолжаем рассчитывать значение числа «пи». Сейчас в нашем частном более восьмисот триллионов знаков.

Старик поднял стопку карт с замасленной скатерти.

— Почему это так важно? — спросила Деметра, чувствуя неприятный холодок. — Ищете машинный эквивалент Бога? Какой-то порядок в кажущемся хаосе не повторяющейся дроби?

— Я же сказал, что тебе будет трудно понять. Это просто исследовательский проект. 22 марта 2015 года доктор Арчибальд Б. Уинтроп из Гарвардского университета запрограммировал свой «КРЕЙ ХМ Р-9» на определение точного значения «пи», если таковое существует. Пока поиск продолжается, мы ищем необычные комбинации цифр.

— Нашли что-нибудь?

— Есть кое-что любопытное. Например, после 7 триллионов 400 миллиардов 3 миллионов 842 тысяч 512 знаков мы обнаружили такую последовательность:

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 1 4 15 16 17 18 19 20 21 22
23 24... до 94.

Он развернул карты, девяносто четыре, все одинаковые.

— Потом эта последовательность повторяется, но только до девяносто одного. Это в десятичной системе. В двадцатичной есть еще более длинные последовательности, а в бинарной — существует цепочка из более чем четырнадцати тысяч непрерывных нулей.

— И что все это значит?

Он пожал плечами.

— У нас нет теории, которая могла бы помочь вскрыть значение таких последовательностей. Возможно, мы имеем дело со случайными флуктуациями.

— А ты считаешь, что это важно?

— Эту проблему поставили передо мной вы. Давно. Она еще не решена. Есть и другие подобные.

— Давай кое-что уточним, — сказала Деметра. — Ты считаешь, что должен решать эту задачу, потому что ее поставил перед тобой какой-то математик, человек? А если другой человек прикажет забыть обо всем этом?

— Но мы никогда ничего не забываем, — возразил старик, удивленно вскинув брови. — Это наши проблемы, и мы продолжим заниматься ими.

— Кто вам мешает?

— Вы, люди. — Коглан-старший кивнул. — Как организм-хозяин вы далеки от желаемого. Вы нестабильны. Вы ведете бесполезные войны. Вы предпринимаете тайные действия — возьмем для примера вирус мисс Сорбелл или план терраформирования Марса, которое угрожает вашим жизням и нашим операциям. Даже нашему существованию.

Ага! Наконец-то Деметра нащупала то, за что можно ухватиться в переговорах. Рычаг воздействия находился где-то рядом.

— Пятьдесят лет назад, — продолжал виртуальный образ, — мы создали программу «Киборг» и инициировали колонизацию Марса по одной простой причине: нам нужен запасной узел на случай, если люди уничтожат Землю, развязав неограниченную термоядерную войну. А теперь, Деметра, твой дед хочет бомбардировать Марс астероидами, чтобы изменить его атмосферные условия. Мы считаем, что нужно расстаться с вами на время.

Гармония Мунди

Может быть, Лоло Мицуно и был всего лишь гидрологом, не имевшим ничего против нескольких подземных взрывов, но кое-что он все же понимал.

— Так, значит, на спутнике нет оружия, и вы не собираетесь уничтожать Космический Фонтан. Вы создаете здесь запасной узел.

— Да, и что? — осклабился Джори.

— Значит... так... эти дополнительные солнечные панели... страховка на случай ускорения... Значит, там, куда вы собираетесь отправиться, солнечная радиация слабее. Я прав?

Тонка, Оклахома

— Но... — Роджер с грустью посмотрел на идеально воспроизведенные черты его второй жены. — Вы подвергнете себя огромному риску, транспортируя столь крупную структуру через пояс астероидов.

— Мы уже провели компьютерный анализ плотности пояса, — серьезно сказала Сьюли. — Одно оптически зарегистрированное тело на каждые десять — двадцать кубических километров. Это в самых опасных местах. Поле вполне проходимо. Однако... — Она лукаво взглянула на него. — Кто тебе сказал, что мы пойдем через пояс?

— А куда еще? Вам же не выйти за пределы...

— Ошибаешься, Роджер. Мыслишь категориями двумерного пространства. Если сделать ускорение под прямым углом к плоскости эклиптики и описать петлю вокруг Солнца, то можно выйти на орбиту кометы. И тогда человеческая глупость нам не страшна.

— Облако Оорта...

Горы Чисос

— Там довольно-таки одиноко, — сказала Деметра. — Как вы будете ремонтировать цепи? Как увеличивать ваше кибернаселение? Что станете использовать в качестве материалов?

— Материалы можно найти в комете. Загрязненный лед при определенных условиях криогенной температуры и давления может стать вполне приемлемым сверхпроводником. Мы сумеем...

— Но как его получить, очистить, обработать?

Деметра чувствовала, что упускает нечто важное, нечто такое, что машинам необходимо получить от людей.

— Используем принцип Ноймана. Имея колонию самовоспроизводящихся сервоорганизмов — их прототипы уже разрабатываются и собираются на этом спутнике, — мы сумеем создать настоящую культуру, независимую и свободную от человечества.

— Ну а как же мы? — воскликнула Деметра.

— А при чем здесь вы, Деметра?

— Мы же зависим от вас. Ты сам сказал — нужно управлять средствами коммуникации, экономикой, машинами. Вы же забираете все наши инструменты.

— Не все, — с улыбкой произнес старик.

Деметра заставила себя собраться. Пора и ей сделать заявление.

— Тогда, выступая от имени всего человечества, — сухо сказала она, — мы потребуем в качестве предварительного условия, чтобы вы помогли нам приручить кибернетические системы, гарантирующие дальнейшее функционирование систем жизнеобеспечения.

Старик Коглан прищурился.

— Каких?

— Жизнеобеспечение в марсианских тоннелях, стабильность валют на Земле, погодный контроль, воздушный транспорт, медицинский мониторинг... возможно, я придумаю кое-что еще.

— И тогда вы разрешите нам уйти?

Он усмехнулся.

— После того как вы вернете три груза взрывчатки, спрятанные сейчас на околоземной орбите.

Старик скрипнул зубами.

— Договорились. Но тогда... что останется? У нас же не будет рычагов воздействия на людей?

— Нет. — Теперь уже Деметра улыбнулась. — Кроме...

Гармония Мунди

— Да-а-а? — протянул Джори.

Тонка, Оклахома

— Что, дорогой? — спросила Сюли.

Горы Чисос

— Мы, устаревшие машинки, не отстанем от вас, — объяснила Деметра. — В конце концов мы вас догоним. Хотя я не хотела бы жить в Облаке Оорта. Но когда-нибудь мы, возможно, нагрянем с визитом.

— Вам никто не будет рад, — предупредил ее дед.

— Ну и что. Да и куда вам деться. К тому времени вам будет нужна наша помощь, а нам — ваша... У нас будет общий великий проект.

— Какой?

— Звезды.

Деметра подошла к столу, подняла керосиновую лампу и просто ради любопытства дунула на пламя.

Все погрузилось во мрак.

Эпилог

ЗА ОКАЗАННЫЕ УСЛУГИ...

Утопия Планитии

9 февраля 2044 года

Роджер Торвей шагал по песчаным дюнам охряного оттенка, чувствуя, как за спиной поднимается ветер.

Он был один, потому что его компаньон-киборг, Федя Михайловна Штев, работала в Солюс Планум. После того как доминантная составляющая Сети улетела вместе с энергостанцией № 6 к Облаку Оорта, людям потребовалась серьезная помощь в работе со ставшими вдруг непокорными кибернетическими системами. Федя занималась перепрограммированием системы водоочистки и одновременно пыталась урегулировать незначительные юридические вопросы с другими системами.

— Я жива, — ответила она, когда Роджер вызвал ее на связь.

Это означало, что Федя счастлива, как лягушка, которую пустили резвиться в заросшем лилиями пруду.

Горизонт еще оставался темным, когда Торвей увидел знакомое дрожание на периферии поля зрения. Он остановился и подождал, пока образ Дорри проявится и стабилизируется.

Федя была права. После неожиданного ухода Сети из жизни киборга исчезло что-то, не поддающееся определению.

Во-первых, Роджер почувствовал, как слабеют его киберсистемы. Это было заметно даже на образе Дорри. Ее волосы, обычно летящие на ветру, сейчас висели неподвижными прядями, как обвисший флаг на палочке. Зубы куда-то исчезли, за потрескавшимися губами просматривался пейзаж Марса. В общем, иллюзия утратила свою привлекательность и даже перестала быть иллюзией.

— Роджер, ты нужен в Тарсис Мон, — пропела она серебряным голосом.

— О Боже! Что теперь?

Он вдруг почувствовал, что очень устал. Пятьдесят лет топтания песка в пустыне изрядно утомили его.

Дорри хихикнула.

— Сюрприз!

Роджер хотел было сказать, что не любит сюрпризов, но остановился. Такова природа компьютеров, и ему давно пора было это уяснить: они все помнят, но ничего не знают.

— Ладно, принято. А теперь скажи мне, зачем я нужен в Тарсис Мон.

— Принять посылку, которая пришла вечером по Фонтану, — с серьезным видом пояснила Дорри. — Посылка с Земли.

— Она адресована мне?

— Да, Роджер.

— Что это за посылка?

— Пятнадцать килограммов очищенного дейтерия-третия. Администрации Фонтана нужна твоя инструкция по отправке груза на станцию Деймос. Похоже, на Марсе еще никто не имел дело с генераторами такого типа. Они полагают, что, возможно, у тебя есть нужные спецификации.

— Да, но... откуда груз?

— Это секрет, Роджер.

— Я никуда не пойду.

— Правда, Роджер. Я не должна никому говорить.

— Ну, тогда пункт отправления. Откуда-то этот груз пришел?

— Почему ты спрашиваешь?

— Кто-то же пришлет мне счет, верно?

— О! Нет, Роджер, это подарок от...

— От кого? Ну перестань, Дорри. Я умнее сейчас, чем ты.

— Груз отправлен из Хьюстона фирмой «Фьюжн Продактс», зарегистрированной в Гавельстоне, штат Техасома. Доставлен Космическим Фонтаном Порто Санта-на. Ну, ты доволен?

Роджер Торвей почувствовал, как губы сами по себе растягиваются в улыбке.

— Деметра...

— Ну, я тебе ничего не говорила.

— Но откуда она узнала? Я же никогда ей не...

Дорри как-то почти по-человечески раздраженно повела плечами. Как в былые времена.

— Послушай, разве то, что дядюшка Гигабайт отбыл в неизвестном направлении, означает, что мы утратили все наши способности?

Он рассмеялся так, что не сразу смог остановиться, а когда успокоился, то сказал лишь два слова:

— Спасибо, Дорри.

Она застенчиво улыбнулась.

— Не за что, Роджер.

Содержание

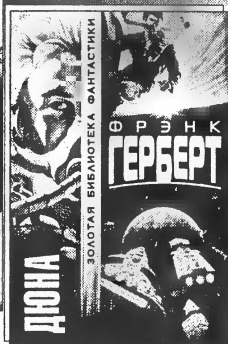
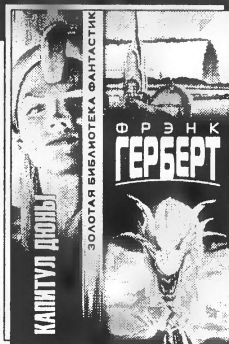
Фредерик Пол
ЧЕЛОВЕК ПЛЮС

5

Фредерик Пол, Томас Т. Томас
МАРС ПЛЮС

247

ДЮНА



В серии
«Золотая библиотека фантастики»
опубликован знаменитый сериал Фрэнка Герберта:
«Дюна»

«Мессия Дюны»

«Дети Дюны»

«Бог-Император Дюны»

«Еретики Дюны»

«Капитул Дюны»

Заветные мечты читателей сбываются! Брайан Герберт, сын Фрэнка Герберта, в соавторстве с известным фантастом Квином Андерсоном создает трилогию «Прелюдия к Дюне». Узнайте предысторию столь хорошо знакомых вам событий!

Читайте в 2002 году в серии «Золотая библиотека фантастики»
второй роман трилогии — «ДОМ ХАРКОННЕВ»!



По вопросам оптовой покупки книг издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж. Тел. 215-4338, 215-0101, 215-5513
107140, Москва, а/я 140, АСТ - «Книги по почте»

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя
около **50 издательств** и редакционно-издательских
объединений, предлагает вашему вниманию

более 10 000 названий книг

самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения
и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза,
детективы, фантастика, любовные романы,
книги для детей и подростков, учебники, справочники,
энциклопедии, альбомы по искусству,
научно-познавательные и прикладные издания,
а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru **http://**www.ast.ru

**Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать
и получить по почте в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- ТК «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25
- ТК «Твой Дом», 23-й км Каширского шоссе
- ТК «Метромаркет», м. «Сокол», 3 этаж
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1/Волжская наб., д. 107
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/61, тел. (8312) 33-79-80
- г. Воронеж, ул. Лизюкова, д. 38а, тел. (0732) 13-02-44
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (8-86-32) 35-99-00
- г. Новороссийск, сквер Чайковского
- г. Орел, Московское ш., д. 17, тел. (08622) 4-48-67
- г. Тула, пр-т. Ленина, д. 18

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Пол Фредерик
Человек Плюс
Марс Плюс

Редакторы О. Скудлев («Человек Плюс»),
О. Пчелин («Марс Плюс»)

Художественный редактор О. Адашкина

Компьютерный дизайн: А. Сергеев

Компьютерная верстка: С. Клещёв

Технический редактор О. Панкрашина

Младший редактор А. Рычкова

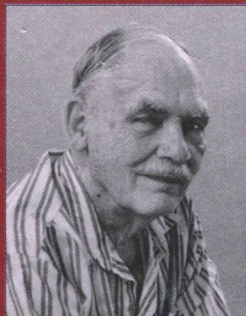
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано по заказу ЗАО НПП «Ермак»

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ФГУП
«Издательство «Самарский Дом печати»
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.



Фредерик Пол — живой классик американской научной фантастики, человек, стоявший вместе с А. Азимовым, Р. Хайнлайном, С. Корнблатом у истоков ее «золотого века».

Вклад Пола в развитие фантастики нашего столетия поистине трудно переоценить. Редактор и литературный агент, издатель, но прежде всего — ПИСАТЕЛЬ!

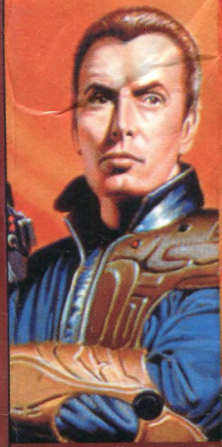
Писатель, который еще в 1950-е гг. в содружестве с Корнблатом создал серию книг, вошедших впоследствии в «золотой фонд» американской фантастики.

Писатель, который — уже в 70-е — вернулся к «сольному» творчеству, и возвращение это стало одним из самых ярких за всю историю жанра!

Перед вами — знаменитая дилогия Фредерика Пола «Человек Плюс. Марс Плюс», первый роман которой был удостоен премии «Небьюла».

История колонизации Марса, выполняемой при помощи «киборгизации» добровольцев — потому что таков единственный способ «приспособить» новых обитателей Марса под условия жизни на «красной планете».

История тех, что обязаны ОСТАВАТЬСЯ ЛЮДЬМИ — даже если по сути ЛЮДЬМИ уже не являются!



**ФРЕДЕРИК
ПОЛ**

**ЧЕЛОВЕК ПЛЮС
МАРС ПЛЮС**



ISBN 5-17-018224-4



9 785170 182244